ШОЛОХ

ДОЛИНА КОЛОКОЛЬЧИКОВ

АНТОНИНА КРЕЙН

СЛЕДУЙ ЗА САПФИРОВОЙ ЗВЕЗДОЙ

ШОЛОХ
ДОЛИНА КОЛОКОЛЬЧИКОВ
АНТОНИНА КРЕЙН
СЛЕДУЙ ЗА САПФИРОВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Annotation

О вознице Силграсе Авалати, что бесстрашно ведет свой кэб по горам даже в самые дождливые ночи, известно две вещи.

Во-первых, он нечеловечески красив.

Во-вторых, никогда не говорит о своём прошлом.

Именно к Силграсу в кэб садятся детективы-путешественники: обаятельная Тинави из Шолоха и энергичный Берти из Академии Бури. Они не знакомы друг с другом, но одинаково умны и помешаны на загадках…

Они думают, их ждет просто умеренно скучная дорога. Они заблуждаются.

Призраки в зеркалах, травы, что шепчут о потерянном доме, сотканные из лунного света признания и звон разбитой любви – увидев Долину Колокольчиков, никто уже не уйдет просто так.

- Антонина Крейн
  -
  - 1. Через чертоги древних гор
  - 2. Вперёд, во тьму горных дорог
  - 3. Под алмазным прилавком неба
  - 4. Призрачная деревня
  - 5. Первый, кто был ему рад
  - 6. Счастливые годы в Избе-У-Колодца
  - 7. Недочеловек и заурядность
  - 8. Тем временем Морган
  - 9. Лианы, что сковали мои запястья
  - 10. Сто колоколен Покинутого Асулена
  - 11. Фиалки и лёд
  - 12. Тем временем Силграс
  - 13. Озарённый пламенем свечей
  - 14. Нив
  - 15. Когда зажжётся первая звезда
  - 16. Пощади!
  - 17. Придётся исцелять

    - 18. Слепок заклятия
    - 19. Время раскрывать карты
    - 20. Тем временем Силграс
    - 21. Что случилось с горой Цоревой
    - 22. Непростой выбор
    - 23. Князь Нежити
    - 24. Фальшивый педант
    - 25. Так себе команда
    - 26. У кровати больного
    - 27. Тем временем Силграс
    - 28. Эти странные лесные взгляды
    - 29. Вечеринка
    - 30. Даже сломанные часы дважды в сутки…
    - 31. Ледяная леди
    - 32. Искушённые
    - 33. Тем временем Силграс
    - 34. Сонное Облако
    - 35. Тем временем Голат
    - 36. Цепь, уходящая в небо
    - 37. Город бликов
    - 38. Я сам ему врежу, не беспокойтесь
    - 39. Тем временем Силграс
    - 40. Опасные психи
    - 41. Тем временем другие двое
    - 42. Звёзды одна за другой
    - 43. Право на свет
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

Антонина Крейн
Шолох. Долина Колокольчиков

Всем, кто когда-либо терял и боялся, что света больше не будет

© А. Крейн, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

1. Через чертоги древних гор

Через чертоги древних гор,
Под светом ясных звёзд,
Я отведу тебя в свой дом,
Построенный из грёз…

Старинная дэльская песня

Берти Голден-Халла

Взгляд Моргана Гарвуса полнился неодобрением.

– Тебя наверняка пришибёт камнепадом, Берти. Ты правда этого хочешь? – поинтересовался он таким тоном, что всякому стало бы ясно: Гарвус всерьёз сомневается в интеллектуальных способностях своего друга.

В ответ на это упомянутый Берти лишь лукаво прищурился. Физиономия у него была почти до неприличия довольная, а медно-красные волосы, собранные в низкий хвост, полыхали алым в лучах утреннего солнца.

– Морган, скажи сразу: сколько ещё ты придумаешь причин для того, чтобы я не уезжал? Ты уверен, что твоя идея поселиться одному тут, в центре Глобального Ничего, была такой уж хорошей, а, братишка?

Будучи красивейшим золотовласым блондином с крайне высокомерной внешностью, Морган меньше всего на свете ассоциировался с определением «братишка». Скорее, при взгляде на него вспоминались слова из серии «мой бог», «господин» и почему-то «спасите». Но Берти придерживался своего мнения на этот счёт.

– Ну и проваливай, – помолчав, махнул рукой Гарвус.

Жест получился настолько драматичным, что хоть сейчас повторяй его на большой сцене. Лицо у Моргана при этом было такое,

будто Берти только что сожрал его родную матушку, а потом сказал: «Невкусно».

При виде этой истинной трагедии, явленной в образе друга, Бертрам Голден-Халла не выдержал и рассмеялся. Морган закатил зелёные глаза.

– Нет, серьёзно, будь осторожен, – с нажимом повторил он. – Я читал погодную сводку: с начала месяца в горах над Вратами Солнца бушуют грозы. А знаешь, к чему приводит регулярное попадание молний в скалы?

– К камнепадам. Ты повторяешься.

– Просто мне не хотелось бы через пару дней получить письмо с просьбой забрать твой расплющенный труп из морга.

– Не переживай, не получишь. До твоей глуши письмо будет идти минимум две недели.

– Очень смешно, – проворчал Гарвус, глядя на то, как Берти допивает чай и решительно встаёт из-за стола. – Как тебя земля вообще носит, шутника такого.

Голден-Халла лишь простодушно развёл руками и подмигнул в ответ. Потом подхватил саквояж, ждущий своего часа у камина.

Гостиная в шале Моргана Гарвуса была воплощением высокогорного шика: везде дерево, камень, сливочные и карамельные тона. Лестница, ведущая на второй этаж, так и манила подняться и изучить пару спален, кабинет хозяина и библиотеку. Под лестницей пряталась дверь в так называемую «горячую» часть дома: в ванную комнату, сауну и бассейн, построенный над термальным источником.

Берти вздохнул, окидывая шале прощальным взглядом.

Уезжать не хотелось. Морган был его лучшим другом, хоть и мизантропом. Да и дом был классный. А в заколдованных горах прекрасно отдыхалось: свежий воздух, древние тайны – что ещё нужно для счастья?

– Я буду осторожен! – кивнул Берти. – А ты здесь не скучай. И обещай мне хотя бы *попробовать* поговорить с той симпатичной булочницей, Патти Вареши… Она всегда так на тебя смотрит!

– Как? – с бесстрастным лицом уточнил Гарвус.

– Эм. Ну. Позитивно.

– Я не заинтересован в отношениях.

– Да ладно тебе! Немного флирта ещё никого не убило. Иногда стоит пробовать что-то новое – это полезно для мозга и всё такое.

– Так, Голден-Халла. – Морган сурово сдвинул брови. – С каждой секундой я всё больше поражаюсь тому, что вытерпел с тобой три недели под одной крышей.

– Ага, то есть теперь тебе не жалко меня выпроваживать?.. Прекрасно! Тогда, считай, моя цель разговора о булочнице достигнута.

Они оба уже стояли у порога, а всё никак не могли наконец заткнуться и попрощаться. Вечная проблема друзей, живущих на разных концах света: сколько ни общайся при встречах, всегда будет казаться, что мало.

Наконец Берти понял, что ему действительно следует поторопиться, если он хочет затемно добраться до постоялого двора.

– Возьми, – внезапно сказал Гарвус и протянул что-то Голден-Халле, когда тот уже открыл дверь.

– Что это?

На ладони Моргана лежал красный стеклянный шарик, в глубине которого двигалось золотое свечение.

– Артефакт. Если поймёшь, что горная тропа начала водить тебя по кругу или воздух внезапно наполнился запахом мха и фиалок, активируй его, и он выведет тебя к ближайшему жилому дому. И если что – возвращайся сюда, Берти, пожалуйста. Ты можешь быть сколь угодным сильным магом и опытным детективом, но… Седые горы опасны для тех, кто путешествует в одиночестве.

– Но когда я ехал сюда, всё было хорошо, Морган.

– Вот именно – *сюда*. К ним, как новая игрушка для их недоброй магии. А сейчас ты хочешь уйти, и не факт, что горы так просто тебя отпустят.

Берти задумчиво покачал головой, перекатывая загадочный шарик между пальцами. *Коварные горы? Звучит как вызов, прах побери.*

– Если что – я вернусь, – пообещал он и крепко обнял друга на прощанье.

Тот – руки по швам – процедил что-то про «мерзейшую слащавость», но вырываться не стал и вообще, кажется, был доволен таким проявлением чувств.

Берти запрыгнул на арендованную лошадь и поехал прочь, вниз с холма, на котором стоял дом Гарвуса. Морган ещё пару минут

наблюдал за ним с порога, скрестив руки на груди и опёршись плечом о дверной косяк, а когда кобылка с обернувшимся и машущим ему сыщиком скрылась в сосновом лесу, колдун элегантно поправил волосы и вернулся в дом.

– Так, – вздохнул он, взглянув на своего ворона Кори, всё утро дремавшего на жёрдочке. – Ну что, теперь точно придётся писать диссертацию.

* * *

К ночи субботы Берти прибыл во Врата Солнца – крохотный городок, свернувшийся в ложбинке между горами, из-за чего над ним, вопреки названию, постоянно скапливались облака и тучи. (Возможно, название как раз таки было отчаянной попыткой приманить желаемое.) По плану Берти должен был переночевать здесь, а на следующее утро сесть в дилижанс, который повезёт его прочь из Норшвайна, домой.

Врата Солнца встретили сыщика отнюдь не летним холодом и ливнем.

Газеты, на которые ссылался Морган, не врали: в округе который день не прекращались грозы. Дороги развезло, возницы из-за сырости и холода заболевали один за другим, транспортный коллапс был очевиден безо всяких камнепадов.

Из-за этого в единственном на весь городок трактире, на чьей вывеске из-за дождя едва читалось название – «Кардамон и перец», – Берти обнаружил прорву гостей, несоразмерную габаритам помещения. Все столы были заняты, подавальщицы сбивались с ног, от громких разговоров гудело в ушах.

– Большинство дилижансов отменилось из-за плохой погоды, – объяснил хозяин, Шофри, не перестававший разливать напитки: заказы поступали безостановочно. – Тем, у кого были на них билеты, приходится теперь искать места в следующих. А ведь там всё давно уже расписано: середина лета, много путешественников. Вот люди и набиваются во Врата Солнца, как сельди в бочку, уехать не могут. Для кошелька хорошо, но для нервов – так себе…

– Боюсь спросить, как у вас обстоят дела со свободными номерами, – цокнул языком Голден-Халла.

– И правильно боитесь. Нет их. Хотя приди вы на пять минут раньше, я бы нашёл один… Тут у нас двое постояльцев, сблизившись на почве обстоятельств, неожиданно съехались. Кажется, теперь они уже никуда не торопятся. – Шофри хмыкнул. – Но освободившийся номер мгновенно сняла вот та госпожа, – и трактирщик кивнул за спину Берти.

Голден-Халла обернулся, но успел увидеть только краешек лилового плаща и ногу в изящном мягком полусапожке: обскакавшая его девушка свернула за угол, к лестнице. На сапожке на тоненькой цепочке висел колокольчик, весело звякнувший в тот момент, когда незнакомка скрылась за поворотом – казалось, так он отметил победу над конкурентом в битве за комнату.

– Спи спокойно, – вроде как мило, а всё же немного зловеще пожелал Берти ей вслед.

– Давайте я провожу вас на сеновал, – Шофри сочувственно покачал головой. – Заодно хоть свежего воздуха глотну. Хей, Чифо! Смени меня на баре!..

* * *

К утру Голден-Халла познал все муки сна на стогу сена. Солома немилосердно кололась, а также набивалась ему за пазуху, в рукава и в носки. Даже в рот, стоило сыщику зевнуть или вздохнуть.

– Ничего-ничего, – мужественно скрежетал зубами Берти, пытаясь устроиться и так и эдак. – Зато атмосферно.

И действительно: на сеновале очень приятно пахло, медово и пряно, по-настоящему волшебно. Нескончаемый дождь уютно барабанил по крыше, грохотала гроза. Солевой камень, принесённый хозяином трактира и источающий тепло, тихо светился убаюкивающим оранжевым цветом. Такие заколдованные глыбы соли называли *хоттами* – «горячими».

Но всё равно, когда во Вратах Солнца рассвело и Берти проснулся, он испытал огромное облегчение: пытка сеновалом закончилась.

«М-да, – подумал он философски, глядя на потолочные балки. – Теперь я буду искренне сочувствовать героям книг, которые по тем или

иным причинам ночуют в таких местах».

Кое-как отряхнувшись, Голден-Халла вернулся в трактир и заказал завтрак. Зал «Кардамона и перца» постепенно заполнялся гостями-жаворонками – пугающе энергичными поутру. Они возбуждённо переговаривались, щедро посыпали традиционные норшвайнские вафли сахарной пудрой. Берти присмотрелся к обуви всех присутствующих, но ни у кого не было сапог с колокольчиками. Наверное, вчерашняя путешественница всё ещё сладко спит в своей свежей, белой, мягкой, идеальной кровати с хрустящими простынями… Её можно понять.

Не успел сыщик приступить к своему кофе, как на улице послышался цокот копыт, встревоженные голоса и крики.

Дверь в трактир с грохотом отворилась. На пороге стоял молодой гонец в непромокаемом красном плаще, с которого на дощатый пол тотчас натекла лужа. Он сбросил капюшон, вытащил из-за пазухи свиток и рывком развернул его, чуть не порвав.

– Новости! – гаркнул он так свирепо, что все аж подпрыгнули вместе со стульями, а трактирщик Шофри чуть не уронил поднос.

– Сегодня ночью! – заорал юноша совсем уж неистово. – В горах!

Где-то вдалеке раздались такие же вопли: другой гонец радовал вестями остальных жителей городка.

– Случился! Камнепад!

– Ох! – с готовностью отозвались гости.

«Ну, Морган, зараза ты ясновидящая», – подумал Берти.

– Оба тракта, ведущие из нашего города, завалены! – гонец, сверкая глазами, драматично пошёл по залу, то и дело останавливаясь возле завтракающих путешественников и буравя их тёмным взглядом. – Согласно прогнозам, на их восстановление уйдет дюжина дней. В связи с этим все рейсы вплоть до субботнего отменяются!

На сей раз вместо дружного «ох» постояльцы выдали кое-что другое. Витиеватые словесные конструкции на самых разных наречиях взмыли под потолок и заставили гонца немножечко покраснеть, а молоко в чашках свернуться.

– Это всё. Приятного отдыха во Вратах Солнца! – мрачно подытожил юноша и поскорее сбежал из трактира, настроение в котором теперь едва ли можно было назвать радужным.

Пока гости крыли судьбу на чём свет стоит, Берти спокойно допил кофе и пошёл обратно на улицу.

Может, тракты и завалены, но ведь наверняка существуют какие-нибудь извилистые горные тропки, облюбованные местными. Тайные ходы в скалах. На крайний случай – древние великаньи лестницы, о которых он прочитал в путеводителе…

В общем, как и в девяноста девяти процентах жизненных перипетий, выход точно есть, и не один – надо просто как следует поискать.

И Берти занялся поисками. Ибо перспектива провести дюжину ночей на сеновале воистину устрашала.

2. Вперёд, во тьму горных дорог

Важно: заложить в бюджет премию для Старшего Ловчего Полыни из Дома Внемлющих. Причина: сотрудника ждёт работа под прикрытием в форте Чернолесья. Подробности у мастера Авена Карлинана.

Из записок счетовода Иноземного ведомства

Тина́ви из Дома Страждущих

– Ох! – сказала я, неожиданно наткнувшись на забор.

Дождь не то чтобы лил – прошивал шипящими струями всё вокруг, не позволяя толком ориентироваться. Я отошла от трактира «Кардамон и перец» всего на пятьдесят шагов, а его уже не было видно. Вытяни руку – и твои пальцы исчезнут, поглощённые низвергающейся водой. Ни неба, ни домов, ни собственных стоп, утонувших в реке, которой тут вообще-то не предполагалось.

В таких условиях для меня, чужестранки, исследование Врат Солнца превратилось в квест, изобилующий унижениями. Я поскользнулась, провалилась в чавкающую грязью яму и наконец чуть не врезалась в ездового лося, чья морда, внезапно вынырнувшая из дождя, напоминала лик зверского водяного демона. Увидев меня, лось громко всхрапнул, а я чуть было не отдала концы.

Когда моё сердце вновь забилось, я крикнула куда-то туда, где предполагался всадник:

– Вы не подскажете, где находится двор перевозчиков? Я, кажется, заблудилась!

– Немудрено, госпожа! – отозвался невидимый мне человек. – Ливень невероятный! Вам надо продолжать идти прямо, он будет по правой стороне. Но знайте: дороги завалены, дилижансы отменены!

– Спасибо большое! Да, я слышала о последствиях камнепада!

Новость об этом разнеслась сегодня на рассвете, пока я сладко дрыхла в чудом доставшемся мне номере. К тому моменту, как я спустилась завтракать – тогда ещё довольная, улыбчиво-разморённо-отдохнувшая, – всё население трактира уже успешно погрузилось в депрессию. Я не стала присоединяться к этой панихиде над кофейными чашками. Пострадать я всегда успею; я в этом плане мастер мирового уровня; а вот сейчас лучше взять ноги в руки и поискать решение проблемы!

К тому моменту, как я добралась до конюшен, мой лиловый плащ подло отрёкся от звания непромокаемого, а колокольчики на сапогах уже не звенели, лишь жалостливо ныли, требуя немедленно вернуть их в нормальную обстановку.

Зато в стойлах оказалось тепло и сухо, а лампы с живым огнём согрели меня одним своим видом. Вот только жаль, что никто из возниц, в это время ухаживающих за лошадьми, не пользовался никакими тайными тропами. Как быстро выяснилось, они все ездили только по трактам и теперь дружно готовились к продолжительному безделью. Целых двадцать два человека – и сорок четыре лошади – смотрели на меня невинными глазами, явно мечтая, чтобы я поскорее убралась и оставила их наедине с внезапным отпуском.

– Ой, да они просто лентяи! – прыснула девушка, подметавшая пол в том же темпе и направлении, в котором я опрашивала перевозчиков, и поэтому прекрасно слышавшая, что мне нужно. – Вы лучше обратитесь к мастеру Си́лграсу Авала́ти, что живёт у старого дуба. У него свой кэб, и он всегда пользуется высокогорными дорогами. А ещё он спокойно ездит даже в самую страшную погоду, никакие грозы ему не страшны! – И девушка, обняв метлу, мечтательно закружилась с ней в танце.

Кажется, лихой мастер Силграс был ей по сердцу.

– Спасибо за совет! – Я вновь приободрилась. – А у какого именно дуба из всех старых дубов вашего города живёт мастер Авалати?

– У того, что возле церкви!

Ага.

Вообще это был каштан, но я не стала поправлять свою спасительницу.

Господина Силграса не оказалось дома. Приткнувшись под козырьком крыльца, я долго шарила по карманам в поисках сухой

бумажки и карандаша. Церковный колокол у меня за спиной заунывно отбивал полдень, а дождь всё лил и лил, нескончаемый, разнося запахи мокрого камня и старых сосен. Наконец, накорябав записку, я воткнула её в щель между дверью и косяком.

Всё! Будем считать, для человека, не успевшего выпить священный утренний кофе, я сделала достаточно. Теперь мяч моего будущего на стороне судьбы. Пойду поем.

* * *

Хозяин «Кардамона и перца» выжидательно смотрел на меня с другой стороны барной стойки. То же самое делала голова оленя, висящая на стене. Больше в обеденном зале никого не было: все разошлись унывать по своим комнатам, а кто-то гулял и плакался дождю. Прятал в нём слёзы отчаяния и незаметно пытался утопиться.

– Ну как? – спросил Шофри, когда я, решившись, всё-таки попробовала пахнущую плесенью и пылью чёрную кашу, поданную мне в деревянной пиале. – Нравится?

Я в ответ захрипела и заскребла ногтями по столешнице.

– Это… – из моего горла донёсся странный свист, – впечатляет.

– Вот именно, госпожа Страждущая! Такого блюда в вашем Лесном королевстве не найдёшь! Держите-ка водички, а то вы что-то побледнели.

Я залпом выпила стакан и содрогнулась, поняв, что чёрной каши передо мной ещё целая тарелка, а вот мужество уже покинуло меня. Бешеные норшвайнцы делали это жуткое национальное блюдо из горных ящериц, и, небо голубое, я не хочу видеть его больше никогда в жизни, не то что пробовать! Всякой жажде новых впечатлений есть пределы.

– Может, возьмёте с собой в Шолох костяной порошок? Если развести его, получится дешёвая версия такой каши.

– Боюсь, он по пути испортится, я ещё не скоро поеду домой.

– Но он долго хранится.

– Но я ужасно безответственная. Наверняка потеряю; обидно будет.

Шофри всё понял. Усмехнулся в русую бороду и утешительно похлопал меня по руке.

– Ещё воды, милая?

– Да, пожалуйста, – просипела я.

Надеюсь, за оставшиеся четыре недели отпуска мой голос вернётся в норму. Будучи Ловчей – детективом по делам чужестранцев и магических рас, – я не хочу знаками показывать преступникам, что они арестованы. А то они в ответ покажут мне что похлеще.

Четыре недели, небо голубое! А ведь две, помимо них, уже прошло! Мне до сих пор не верится, что меня сослали… в смысле, отпустили на такой долгий срок.

Как это было: однажды утром шеф, мастер Улиус, внезапно вызвал нас с Полынью к себе в кабинет.

– Тинави! – рявкнул он, едва мы с напарником переступили порог. – Нельзя так много работать и так мало отдыхать! Ты себя угробишь, Страждущая, а меня, в свою очередь, за это угробит трудовая комиссия! Она как раз сегодня на рассвете заглядывала, как всегда, без предупреждения, причём ко мне домой – чтобы я не сбежал!

Я опешила от такой избирательной претензии.

– Но ведь Полынь тоже давно не был в отпуске!

– Ябеда, – проворчал тот и звякнул браслетами.

– С ним я тоже разберусь, не переживай! – рокотал Улиус. – Но ты, как хорошая девочка, должна подать ему пример! Поэтому так: Тинавушка, чтобы ноги твоей не было в ведомстве с двадцатого июня по первое августа! Это приказ!

Он пододвинул ко мне бумаги и всучил перо.

– И будь добра, отдохни как следует, дабы это лохматое чудовище, наслушавшись потом твоих рассказов, взвыло от зависти и само куда-нибудь попросилось! Нагло, уверенно и с полноценной аргументацией попросилось, как у него и принято!

Зевавший Полынь вздрогнул.

– Мастер Улиус! – В его голосе звенел укор пополам с ужасом. – А можно говорить обо мне не в среднем роде?! А то я расстроюсь, оброню где-нибудь свою самооценку и буду долго восстанавливать её своим любимым способом, который вам так не нравится!

– Это которым? – призадумался Улиус.

– Совершая трудовые подвиги! – Внемлющий возмутился. – А что, вас что-то ещё не устраивает?

– Конечно. Твои побрякушки, твои безумные методы ведения расследований, твои татуировки…

Глаза напарника, и без того немаленькие, становились всё больше от слова к слову.

– Так, всё! – воскликнула я, расписываясь в документах настолько быстро, насколько это было возможно – пока тут кто-нибудь кого-нибудь не убил. – Бумаги оформлены. Отпуск ждёт.

– Молодец, Тинавушка! – одобрил шеф.

А Полынь, когда мы вышли, запрыгнул на лестничные перила и по ним медленно, рядом со мной, поехал на первый этаж.

– Про методы было обидно, конечно. Но шефу не нравятся мои татуировки! – Хитрая улыбка расцвела на его лице. – Ну наконец-то он признался. Я чуял, чуял, что они его бесят! И вот мы выбили из него правду!.. Хей, малёк, а ты чего такая задумчивая?

– Да меня тут в изгнание отправили, если ты не заметил. – Я помахала свитком. – Месяц с лишним отпуска, Полынь! Это ужасно ответственная задача, так-то. Вот я и прикидываю, куда послать своё бренное тело в поисках приключений.

– Езжай куда-нибудь, где происходит побольше всякой дичи. Тебе же потом нужно заставить меня завидовать, не так ли? Вот и постарайся, душа моя. – Он подмигнул, и я, не удержавшись, ткнула его под рёбра.

Полынь взвыл и расхохотался.

– Шучу, – сказал он чуть позже. – Лучше хорошенько отдохни. И, конечно, выбирай безопасное место.

– А всё, а поздно, я запомнила первый совет.

В общем-то, после некоторых размышлений я решила отправиться в графство Норшвайн, где уже три года живут мои родители.

Всю неделю, что я провела у них, папа хвастался своей новой лабораторией, а мама неистово кормила меня вишнёвыми пирогами. Эти пироги – отдельная песня! Иногда мне кажется, что родители переехали на север не потому, что папе предложили почётную должность графского алхимика, а как раз из-за маминой выпечки. Слишком уж она всегда была хороша. Должно быть, булочники всея лесной столицы объединились, пожаловались королю на недосягаемый

идеал вишнёвого пирога, и его величество нежно попросил госпожу Драссен придумать что-нибудь, не терзать чужую гордость. И когда встал выбор: печь или не печь? – мама решила печь. Просто где-нибудь в другом месте: надо же, в конце концов, осчастливить вкусовые рецепторы и остальных народов.

Мама переезжала с огромным энтузиазмом. Папа – тем более. Мой непоседливый характер – от них.

Ну а после отдыха в обществе своих ближайших и дражайших я отправилась дальше. По плану я собиралась ме-е-е-едленно двигаться обратно к Шолоху, по дороге заезжая во все симпатичные городки без исключения. В этом отпуске я буду слушать своё сердце и левую пятку, а не разум – так я решила.

А вот Врата Солнца в свою очередь решили привязать меня к себе посредством камнепада… Но тут мы ещё посмотрим, кто кого.

*** * ***

Размышляя обо всём этом, я подъедала взбитые сливки с горячего шоколада, которым пыталась восстановить своё душевное равновесие после каши. Едва я сунула в рот последнюю ложечку, как кто-то похлопал меня по плечу.

Поперхнувшись от неожиданности, я оглянулась.

Передо мной стоял хрупкий и до крайности подозрительный юноша лет двадцати трёх на вид. Его волосы цвета лепестков белой лилии доходили почти до плеч и надо лбом были собраны резинкой (в Шолохе мы называем такую причёску «фонтанчик»). Глаза – огромные и ярко-голубые, черты лица – очень нежные, как у какой-нибудь принцессы: даже её величество Аутурни, не к ночи будет помянута, рядом с ним не показалась бы настолько эфемерной, как обычно.

А вот взгляд у пришедшего по мою душу норшвайнца был дерзкий. Донельзя насупившись, он придирчиво оглядел меня с головы до ног. Я не отставала, внимательно изучая его обтягивающий чёрный костюм в стиле горного охотника и такого же цвета короткую накидку с широким капюшоном и серебристой вышивкой.

– Мастер Силграс Авалати, я полагаю? – выплюнув ложку, спросила я с максимально возможным достоинством.

– Да. А ты – Тинави из Дома Страждущих? Я нашёл твою записку.

Признаться, я удивилась. С одной стороны, Силграс с ходу обратился ко мне с дружеским «ты». А с другой – гордо вскинул подбородок и почему-то продолжил смотреть на меня с откровенным вызовом. Исходя из моего опыта, после таких взглядов помещение наполняется брошенными перчатками, пощёчинами и криками: «Ах ты сволочь!»

Прах, неужели я умудрилась написать что-то невежливое?.. Другая страна, другой язык и менталитет – будучи опытной Ловчей, я уверена в своих знаниях чужих культур, но оплошности всё же случаются. Особенно велик их процент, когда корябаешь записку, в три погибели скрючившись под дождём.

Впрочем, в следующее мгновение у меня отлегло от сердца.

– Мне понравилось твоё письмо. Оно было весьма убедительно, поэтому я готов сопроводить тебя, хотя обычно не беру клиентов в такую погоду, – слегка запальчиво сообщил Авалати.

– О-о-о! Прекрасно! В глубине души я всегда подозревала, что эпистолярный жанр – это моё. Тогда какой план?

– Мы отправляемся сегодня в полночь, после того, как взойдёт Игольчатая звезда. Я буду ждать у ворот трактира. Если тебя укачивает – возьми какие-нибудь леденцы. Мой кэб маленький и его будет трясти на перевалах. И да – с нами поедет ещё один путешественник.

– Такой же убедительный, как я? – с улыбкой прищурилась я.

– Нет, – Силграс с шумом выдохнул. – Ещё хуже. В смысле лучше. В смысле… Ты поняла.

Мы ещё немного поболтали. В ходе разговора мастер Силграс оставался всё таким же насупленным: судя по всему, у него просто был такой характер – типаж «бука» во всём своём великолепии. Наконец, рассмеявшись – настроение у меня было превосходным, – я по столешнице придвинула ему монеты, запрошенные для предоплаты.

– Не опаздывай и наберись сил, – сказал Силграс перед тем, как уйти. – Путь будет долгим.

* * *

Минутная стрелка старинных часов в моей комнате показывала без четверти полночь, когда я перекинула через плечо сумку (люблю путешествовать налегке; всё необходимое покупаю по ходу дела) и вышла из номера.

Припозднившиеся гости ужинали, перекидываясь шутками и игральными картами, Шофри протирал глиняные бутылочки с травяными ликёрами.

– Уже уезжаете? Жаль. Да поцелует вас владыка горных дорог, госпожа Страждущая! – пожелал он мне на прощанье.

Именно так звучит общепринятое в Норшвайне напутствие. Помимо него, тут популярны такие фразы, как: «Да не приглянешься ты ледяной леди!», «Да услышишь ты шёпот ручьёв и трав!», «Да обнимет тебя господин ночных туманов!» и, конечно, ёмкое: «Упаси тебя от Лешего».

Все эти и многие другие благословения связаны с так называемыми *альвами*. Альвы – это около дюжины могущественных сущностей, испокон веков живущих в землях Норшвайна. Кто-то считает их духами, кто-то чудовищами, кто-то колдунами – полагаю, что истина, как всегда, где-то посередине. Так или иначе альвы активно участвуют в жизни графства: один требует называть в честь него детей, родившихся на рассвете, другая регулярно превращает живых людей в своих призрачных слуг. И так далее. Что ни говори, а у каждой страны есть свои причудливые обитатели, наследившие в её истории так, что мама не горюй.

Это радует: мир такой интересный! Но и пугает: ведь ты никогда не знаешь, от какой ещё загадочной сущности огребёшь.

Дождь наконец-то кончился. Небо расчистилось, и даже туманная дымка застенчиво ускользнула в ущелья. Дотоле скрытый пейзаж явил себя во всей красе.

Я застыла на крыльце трактира, любуясь.

Осколок луны и созвездия на своей бархатно-чёрной подушке казались невыносимо близкими. Город спал, убаюканный их драгоценной песней, а горы вокруг высились острыми ножами, будто пытались сберечь какое-то сокровище. Среди них, бесконечно-тёмных в ночи, выделялся ярко-белый пик Осколрог – ледник-альбинос, наверное, чувствующий себя ужасно одиноким.

От поэтического созерцания природы меня отвлекла внезапно распахнувшаяся дверь сеновала, пристроенного к гостинице.

Дикий скрип, удар, чьё-то бормотание – и дохнувшее изнутри карамельное тепло.

На улицу шагнул высокий стройный мужчина в голубом плаще. В руке он сжимал саквояж, щедро украшенный разноцветными лоскутками ткани.

– Ох! Аллилуйя! – воскликнул чужак в никуда. – Сеновал, ничего личного, но я рад, что мы с тобой расстаёмся.

Ага. Вот, кажется, и мой попутчик.

Мужчина закрыл сарай, утешительно бормоча ему что-то вроде: «Ты, главное, помни, что в целом ты очень хороший, дело не в тебе, а во мне» – и наконец повернулся в мою сторону. Из-под опущенного капюшона было видно только нижнюю часть лица – весьма привлекательную.

Обнаружив, что у его воркования с сеновалом были свидетели, путешественник на мгновение застыл. А потом отмер и застыл заново, на сей раз прицельно глядя куда-то в район моих сапог. Очень медленно его губы расплылись в некоей понимающей улыбке. Он сбросил капюшон и поднял голову.

Я даже назад отступила.

Никак не ожидала такого всплеска яркости в темноте! Огненно-красные волосы, рассыпавшиеся по плечам, горящие синие глаза, румянец энтузиазма на красивом лице.

Неужели он тоже из Шолоха? Чем-то ужасно родным и лесным веет от этой жизнерадостной красочности!

Между тем незнакомец сдул упавшую на лицо прядь волос и целеустремлённо направился ко мне.

– Берти Голден-Халла! – непререкаемо представился он, протягивая руку.

Нет, судя по акценту, всё же не шолоховец.

– Тинави из Дома Страждущих! – бодро отозвалась я.

– Я так понимаю, сейчас мы вместе будем совершать побег. – Улыбка господина Берти не умещалась на лице. – Мастер Силграс сказал вам про леденцы от укачивания? Я стащил горсть из гостиницы. Могу поделиться.

– О, прах! Я тоже стащила. Причём последние.

– Ну вот, Шофри нас возненавидит, – цокнул языком Берти.

– Хорошо, что мы уезжаем, получается, – я развела руками, и мы рассмеялись.

Этот смех был полон облегчения. Думаю, в каждом из нас живёт древний липкий страх – наткнуться на ужасного попутчика, от которого просто некуда будет деться. Мучительные часы пыток! Сейчас страх не оправдался, так что я мысленно возносила хвалу своей удаче. Господин Голден-Халла явно занимался тем же.

Как раз в этот момент у трактира притормозил кэб, запряжённый одной лошадкой.

Карета была необычайно маленькая: в Шолохе её бы сразу цинично обсмеяли перевозчики-кентавры, причём максимально обидными словами (чем-нибудь типа «свистулька»), но здесь, среди гор, такой размер казался вполне рабочим. Самое то лавировать на узких, почти отвесных дорогах.

С ко́зел спрыгнул мастер Силграс Авалати, всё в той же чёрной мантии с серебряными узорами. Как и днём, он выглядел замкнутым и слегка насупленным.

– Привет, – возница открыл дверцу кэба и указал на предназначенный для багажа люк. – Вещи можно убрать сюда.

Но отсек оказался таким маленьким, что туда влезла только моя сумка. А вот саквояж Берти – нет. После этого мы потратили некоторое время на то, чтобы придумать, как нам сложиться в наиболее удачный пазл в этом крохотном кэбе, рассчитанном скорее на одного полного человека, чем на двух худых плюс багаж.

Мастер Силграс стоял у открытой дверцы и жевал какую-то булочку, выжидательно наблюдая за нашей вознёй.

В итоге мы с Берти кое-как устроились на противоположных сиденьях, сняли обувь и перекинули ноги через проход. Саквояж уместился на полу. Уже сев, мы поняли, что не сняли плащи, в которых по пути наверняка будет жарко. Разоблачаясь, мы то и дело стукались коленками и локтями, а один раз я так приложилась затылком, что искры заплясали у меня в глазах.

Мастер Силграс продолжал сосредоточенно жевать.

Когда кэб, обретя равновесие, наконец перестал шататься, он изрёк:

– Я забыл сказать, что в ящиках под сиденьями есть подушки и пледы. С ними спать будет удобнее. Достанем?

Да ты издеваешься!..

– Я думаю, обойдёмся, – увидев непростую гамму эмоций на моём лице, протянул Голден-Халла.

Силграс без лишних комментариев захлопнул дверцу и вскарабкался на своё место. Послышался его резкий посвист, щелчок кнута – и вот карета уже покатила вниз по улице.

Отодвинув шторку, я смотрела на то, как мелькают за окном ночные огоньки Врат Солнца. Голден-Халла делал то же самое, и в стекле я видела его отражение.

– Тинави, – поймав мой взгляд, он улыбнулся, – обычно я не делаю таких предложений в первые полчаса знакомства, но… Давай перейдём на «ты»? Как по мне, это самоотверженное, плечом к плечу, сражение с кэбом сблизило нас быстрее, чем смогли бы светские разговоры. Как-то глупо «выкать» человеку, которого только что бил коленкой в живот.

Я энергично закивала:

– Я только за! И прости за тот удар. Не то чтобы у меня есть привычка дубасить симпатичных малознакомых людей. На самом деле я мирная.

– Ну-ну. Тот единственный шолоховец, которого я хорошо знаю, тоже так говорит, однако по факту он столь суров и беспощаден, что меня аж дрожь пробирает.

– Как ты догадался, что я из Шолоха?!

Голден-Халла лукаво наклонил голову.

– Акцент.

– Ну вот! А я не могу распознать твой.

– Это потому что я из города и района, где даже у каждой чайки своё произношение – спасибо самой активной в мире морской торговле.

– Неужели Саусборн?

– Бинго!

– Обожаю его!

Берти обрадовался:

– Ты бывала там?

– Ага, один раз, и мне очень понравилось. – Я схватилась за дверцу кэба, когда он подпрыгнул на какой-то кочке. – А ещё мой близкий друг оттуда родом. Признаться, сам он не в восторге от Саусборна, но мои тёплые чувства к городу лишь окрепли после нашего знакомства… Раз ваша южная столица породила такую замечательную бестолочь, дорогую моему сердцу, то я не могу не быть ей благодарной!

– Мне нравится такой подход! А в каком районе жил твой друг?

Я хотела ответить, но вместо этого широко, протяжно зевнула. Берти тотчас повторил за мной, ещё упоительнее.

– Если не ошибаюсь, он жил… – начала я, мучительно борясь с внезапно нахлынувшей сонливостью, – …где-то возле резиденции архиепископа… – Язык еле ворочался.

Так. Вообще, это ненормально. Меня не может вот так взять и выключить – я же выспалась, и…

Я услышала слабый удар, когда лоб Берти стукнулся о стекло, а мгновение спустя сама сползла вниз по сиденью кэба.

Подушки бы всё-таки пригодились.

3. Под алмазным прилавком неба

Седые горы полны тайн. Искажения магии, погодные разломы, потерянные во времени деревни – если бы эта территория не таила столько опасностей, она была бы воплощённой мечтой для любознательных путешественников.

Пошэто Санатри, картограф

Берти Голден-Халла

Берти проснулся из-за давящей тишины, вдруг навалившейся на уши, развернувшейся в нестерпимый отдалённый звон.

Голден-Халла открыл глаза и насторожённо замер. Ноги, согнутые в коленях, затекли, в крохотном салоне было темно и ужасно холодно. Кэб стоял на месте. Снаружи не доносилось ни звука.

Берти отодвинул шторку и ахнул, увидев, что случилось с окном… Затем перевёл взгляд на свою спутницу, сидящую напротив, так же крепко спящую, как он сам ещё минуту назад.

Всё это очень подозрительно.

В голове кружил хоровод вопросов, каждый из которых жаждал прозвучать первым, и Берти аккуратно отделял их один от другого, одновременно с тем глядя на то, как у Тинави во сне подрагивают пальцы и ресницы.

Страждущая тихонько вздохнула. Её длинные ярко-каштановые волосы разметались по подголовнику сиденья, кожа, обласканная трепетным лесным солнцем, была холёной и свежей, на скулах и носу играл лёгкий румянец. Одежда не скрывала фигуру, и Берти подумалось, что он мог бы обхватить её талию двумя ладонями. Лицо той классической красоты, которую ценят в любых культурах, сейчас было спокойным и безмятежным, хотя по его чертам Голден-Халла видел: обычно Тинави много улыбалась и смеялась. Однако наравне с этой живостью и открытостью, свидетельствующей о компанейской

дурашливости, во внешности Страждущей таилась неуловимая загадка – миражная, неземная. И, может, страдание? Странное сочетание. Странное, манящее и… ужасно знакомое.

У Берти сжалось сердце от внезапно пришедшего ощущения близости. Какое-то время он любовался Тинави, потом встрепенулся, отвесил себе мысленную пощёчину *(«Это ещё что? Неуместнее не придумаешь!»)* и постучал в стенку у себя за спиной, надеясь, что Силграс отзовётся. Но в ответ была лишь тишина, становившаяся всё гуще от минуты к минуте. Она обволакивала кэб и двух сидящих в нём людей, заставляя двигаться медленнее, чувствовать, как тяжелеют веки, а предметы по краям будто текут, как вода.

Берти шёпотом окликнул:

– Госпожа Тинави!

Страждущая сонно шевельнулась.

Сыщик повторил:

– Госпожа Тинави! – и легонько побарабанил пальцами по её коленке.

*** * ***

Тинави из Дома Страждущих

Мне снилось, что я мёрзну в бесконечной темноте космоса.

Я парила без возможности двинуться куда-то, а планеты и звёзды равнодушно наблюдали за мной со стороны. Казалось, впереди ждёт что-то нехорошее; страх иглами покалывал сердце. От пронизывающего холода сводило зубы, меня засасывала головокружительная глубина галактики, и мне чудилось, будто кто-то – нехороший, невозможный, непостижимый – ищет меня, чтобы убить. И вот-вот найдёт.

– Тинави!

Лёгкие пальцы коснулись моего колена, и я мгновенно проснулась.

Сначала я почувствовала облегчение оттого, что невнятный кошмар закончился. А потом – замешательство, потому что холод

никуда не делся. Стал только отчётливее наяву: меня колотило так, что зуб на зуб не попадал.

Надо мной склонился Берти – его лицо было бледным и насторожённым в лучах лунного света.

– Что случилось? – почему-то шёпотом спросила я.

Впрочем, ясно почему: нас окружала мёртвая тишина. Она мгновенно съела мои слова, не успели они отзвучать. Нечто вязкое и неопределимое разливалось в ледяном воздухе. Кэб не двигался.

А окна были полностью покрыты… морозными узорами.

– Зима?! – тотчас воскликнула я с таким неподдельным возмущением, какого сама от себя не ожидала в данной ситуации.

– Вот и я обомлел! – рассмеялся Берти, возвращаясь на своё место. От звука его тёплого голоса мрачная атмосфера хрустнула и рассыпалась, обернувшись просто привлекательно-колдовской.

– Мы с тобой определённо столкнулись с некоей дорожной загадкой. – Голден-Халла открыл свой саквояж. – Я проснулся минуты две назад. Силграс не отзывается, за окном ничего не видно и не слышно, а выходить на улицу без тебя я не стал. На, держи, – он протянул мне комок воздушной синей ткани.

Это была шуфа – популярный тип зимнего одеяния, по сути являющийся подвидом мантий. Сделанные из тончайшей волшебной шерсти, шуфы буквально источают тепло – и очень удобно складываются, занимая совсем мало места в сумке.

– Укутывайся, госпожа Страждущая. У меня ещё есть, – и Берти потянул за торчащий зелёный лоскуток, виднеющийся на самом дне саквояжа. Раздался треск, но в итоге и второй наряд оказался на свету целый и невредимый.

Два зимних одеяния у одного человека посередине лета – это нестандартная ситуация.

Напрашивался вывод:

– Ты путешествовал по Седым горам?

– Ага, – кивнул Голден-Халла. – Поэтому у меня столько вещей: на каждую из погодных зон, которую в них можно встретить. И, знаешь, что-то мне подсказывает, что сейчас мы снова там. В смысле здесь. В Седых горах. Если, конечно, не выяснится, что мы проспали полгода и зима пришла естественным образом.

– Бр-р-р, надеюсь на первое!..

Седые горы – это древняя и таинственная часть Норшвайна. Огромные полупустые территории, где пару тысяч лет назад случился катаклизм, из-за которого теперь в них прах знает что творится с магией и погодой. Седые горы гораздо более пологие, чем соседние с ними Лилаковые, местами они скорее напоминают холмы. Этот регион начинается сразу за цепью острых скал, с запада подпирающих Врата Солнца – и да, вполне возможно, что Силграс завернул туда, когда вёз нас прочь из города, но…

Что произошло дальше? И почему мы так резко уснули?

Обмотавшись шуфами, мы с Берти одновременно распахнули дверцы экипажа.

Ночной холод ударил меня в грудь, выбивая воздух из лёгких. Но почти сразу же организм адаптировался: сердце забилось быстрее, разгоняя кровь, и по телу разлилась приятная бодрость пополам с азартом.

Ибо ситуация была воистину странной.

Наш возница, мастер Силграс Авалати, отсутствовал на козлах. И мохноногая лошадка тоже исчезла. Пустые оглобли лежали на заснеженной дороге. Ну как минимум не было видно никаких трупов – а это уже хорошо.

Вслед за Берти я закрутила головой, изучая местность, в которой мы оказались. Это была узкая дорога, опоясывающая заснеженный горный пик. Слева поднималась отвесная скала, справа притаился обрыв, в котором лежала безмолвная долина, увенчанная острой короной гор. Небо, похожее на перевёрнутый прилавок с алмазами, темнело наверху; под луной сверкали искорки снежинок.

– А вот и пик Осколрог, – Берти указал на ледник, чей знаменитый профиль в виде равностороннего треугольника украшал немало норшвайнских открыток. – Значит, это действительно Седые горы.

Я присела на корточки, а потом и вовсе шлёпнулась на колени и шустро поползла вокруг кэба, надеясь найти какие-то следы, хотя надежды на отпечатки сапог и копыт было немного: безе хрусткой колдовской дороги едва угадывалось под стремительной позёмкой.

К моему удивлению, Берти без промедления опустился рядом, да ещё и нахально пополз вперёд. Потолкавшись плечами в районе гипотетической лошади и не найдя ровным счётом ничего, мы с сомнением уставились друг на друга.

– Я сыщик, – объяснил Голден-Халла. – Частный детектив и колдун.

– Ух ты! А я – Ловчая на службе лесного короля.

– Так мы коллеги! – Он неподдельно обрадовался. – Теперь всё ясно. А то я думаю: и почему это у меня с ходу появилось какое-то странное чувство, что тебе можно доверять… Даже несмотря на то, что это ты увела у меня последний свободный номер в трактире, из-за чего мне пришлось спать на пепловом сеновале!

Моя улыбка, появившаяся в начале его монолога (да-да, доверять мне – замечательная идея!), в конце сменилась гримасой неловкости.

– Ты серьёзно? Я?..

Берти яростно закивал.

– Прах!.. А я всё стеснялась спросить, что это у тебя за привычки такие, что ты предпочёл ночевать в сарае, хотя явно не испытывал по этому поводу восторга… «Ммм, – подумала я, – так вот они какие – аскеты!»

– Ну, это не худшая возможная мысль, – хмыкнул Берти. – Так, ладно! Возвращаясь к нашей очаровательной ситуации. Я правильно понимаю, госпожа Ловчая, что просить тебя вернуться в кэб до выяснения обстоятельств – бессмысленно?

– Я бы сказала – абсурдно!

Всё это время мы продолжали стоять на карачках, но ни у меня, ни у Голден-Халлы это не вызывало ни малейшего дискомфорта. Рабочий процесс, подумаешь.

И вдруг саусбериец расширил глаза, бросаясь, как мне сначала почудилось, обниматься:

– Ты посмотри-ка!..

Я оглянулась.

В паре метров от нас над обрывом парила феечка. Треугольное лицо, острые уши, голубые крылья с синими прожилками и белоснежные волосы. Рост – не больше пяти дюймов.

Мне немедленно захотелось издать эдакий сюсюкающий звук, который свидетельствовал бы о крайней степени моего умиления. Но я сдержалась, потому что мне не хотелось показаться чокнутой в глазах Голден-Халлы, а умиление, скажем прямо, считалось не самой адекватной реакцией на пакостника *снуи.*

Снуи – это пусть и очаровательные, но всё же в первую очередь подлые феи, населяющие снежные горы (в путеводителях их также нередко называют ду́хами). Встретив путников, они старательно привлекают их внимание и затем манят, манят за собой… Частенько – в самое сердце неприятностей, из-за чего во всех путеводителях огромными буквами пишут: «Не идите за снуи! Не надо!»

Однако большинству путешественников сложно послушаться этого совета по той простой причине, что духи снега испускают определённый феромон-приманку, вызывающий нестерпимое желание следовать за ними. И не важно, что брести приходится по жутким сугробам, блестя сердечками в глазах и мыча нечто невразумительно-восторженное.

В то же время, если человек когда-либо серьёзно учился колдовству, то на занятиях его вполне могли подвергать действию такого феромона – в качестве прививки на будущее. И тогда встреченная в реальной жизни приманка не сработает. С такими умниками феям снуи приходится возиться дополнительно – петь им, плясать, упрашивать, – в общем, завораживать по полной программе в стиле ярмарочного гипнотизёра, дабы всё-таки сделать своё недоброе дело.

Я в своё время подверглась влиянию феромона, спасибо обучению у магистра Орлина. (Мы с Дахху и Кадией тогда блаженно пускали слюни чуть ли не два дня подряд, одновременно с этим пытаясь протаранить лбами стену, на которую наставник повесил акварельку с изображением духа.) Голден-Халла, видимо, тоже когда-то испытал подобные фантастические ощущения, вследствие чего сейчас его взгляд оставался ясным, а губы сложились в коварную ухмылку.

Но снуи, кажется, не понял, что нарвался на Людей С Грандиозным Опытом.

Увидев, что привлёк наше внимание, дух сразу же с тонким писком взмыл выше, вылетел на дорогу и помчал по ней прочь.

– Ну даёт, – сказала я. – Хоть бы обернулся, проверил, как там «жертвы».

– Да уж, я ещё не встречал таких безалаберных злодеев… Наверное, это совсем юный дух. Представляю его разочарование, когда он поймёт, что ловушка не сработала, – посочувствовал Берти.

Я задумалась:

– Слушай, а может, пойдём за ним?

– Тебе его *настолько* жалко? – изумился сыщик.

– Да нет, просто… Что, если это он увлёк Силграса вместе с конём?

– Хм, – Берти прищурился. – Только если наш возница имеет медаль по скоростному распряганию лошадей: малыш-снуи явно не обладает такой добродетелью, как терпение. Однако, – сыщик пружинисто вскочил на ноги и подал мне руку. – Это пока наша единственная и лучшая гипотеза. В любом случае сидеть здесь нет никакого смысла. Так что да! Сыграем в поддавки и порадуем крылатого пакостника!

Берти вытащил из кэба мою сумку и свой саквояж, и мы решительно бросились вслед за феей.

И никаких феромонов не надо!

*** * ***

Да, наш снуи действительно мог похвастаться крайней самоуверенностью.

Он летел то выше, то ниже, делал кульбиты, очевидно красуясь, но и не думал подстроить свою скорость под возможности предполагаемых жертв.

И не оглядывался.

Вообще.

Хвала небесам, снежный дух хотя бы летел над дорогой. Сигани он в обрыв, думаю, мы с Голден-Халлой умерили бы свой любознательный пыл. И, возможно, замялись бы перед тем, как посмотреть вниз, боясь увидеть там лепёшку, бывшую некогда Силграсом Авалати и его конём.

А так:

– Да погоди ты, дурында, эй! – отчаянно кричали мы.

Однако ветер уносил наши голоса в другую сторону, снуи не слышал, и поэтому, ругаясь и хватаясь друг за друга, как две сиротки, мы продолжали гонку в далеко не оптимальном, зато согревающем темпе. Радовало только, что дорога до сих пор была довольно утоптанной, несмотря на сыплющийся с неба снег.

Вдруг снуи замер. Он в кои-то веки оглянулся и очень критично посмотрел на то, как я на ходу, фырча и умирая от жары, расстёгиваю шуфу, а Берти вслух прикидывает, насколько ему ценен его саквояж – или прах с ним, пора бы его уже бросить, оставить трофеем для гор.

– Боги, неужели он остановился… – застонала я, готовая упасть от облегчения.

Дома я люблю бегать, но марафон по ночным горам в скользких сапогах и зимнем облачении с чужого плеча оказался чем-то, что определённо никогда не входило в мой план тренировок. «Думал, что вёрткий мастак, но на деле – козлина-простак!» – наверняка высказался бы мастер Улиус, будь он тут.

– Снуи! – из последних сил заорал Берти. – Наконец-то! Погоди! Да-да, мы твои пленники – хей, Тинави, изобрази восторг и слабоумие, пожалуйста, – но всё же нам, твоим верным рабам, нужно двигаться чуть медленнее, понимаешь?! Подожди минуту! Дай отдышаться!

В ответ снуи скривился, разочарованно пискнул и… с дикой скоростью штопором ввинтился в ночное небо, где исчез за считаные мгновения, смешавшись с искрящимся полем звёзд.

– Не-е-е-ет! – взвыла я и всё-таки позволила себе горестно рухнуть на дорогу. – Ты же должен был привести нас к неприятностям! Какого пепла мы проделали этот путь!

– Неужели я такой плохой переговорщик? – ужаснулся Голден-Халла.

Я меж тем всерьёз размышляла о том, стоит ли мне поесть снега, чтобы утолить жажду, или мой нежный организм окончательно откинется от таких приколов. Берти сел рядом. Снег вокруг безнадёжно таял, настолько мы были разгорячёнными этой гонкой. И это пугало меня куда больше чудовищ, потенциально способных выползти из темноты, ведь я – лучшая подруга одного из величайших ипохондриков Лесного королевства.

«Переохлаждение. Воспаление лёгких. Смерть», – услужливо бормотал у меня в голове гнусавый голос Дахху.

– Что будем делать, господин Голден-Халла? – выдавила я, пытаясь его заглушить.

Берти к этому моменту кое-как снова встал и, пошатываясь, отошёл к обрыву. Надеюсь, он не собирается сброситься.

– Хм. Как насчёт того, чтобы пойти и рассказать всем о том, как мы недовольны некачественными услугами местных фей? – после паузы протянул он.

– С удовольствием, но кому – всем?

– Тем, кто зажёг огни! – в голосе сыщика вновь послышалось ликование.

Он подскочил ко мне и поднял чуть ли не за шкирку, заставляя встать. Из этого, уже забытого было положения, я вдруг разглядела сияющие очертания деревни, проступившие сквозь дымку вьюги внизу, под склоном, оказавшимся здесь куда более пологим, чем прежде.

– Хвала небесам и странному снуи-альтруисту! – возопила я, мгновенно приободрившись и уже предчувствуя живительную дозу тепла.

– Забавно будет, если не альтруисту, а просто работающему на деревню, – подмигнул Берти.

– Агрессивные стратегии внутреннего туризма? – фыркнула я.

– Страшный заговор сувенирных лавок.

– Значит, они тем более готовы принимать гостей хлебом-солью. Всё же – хвала!

Голден-Халла кивнул, подхватил вещи, и мы с новыми силами воодушевлённой парочкой мотыльков полетели на свет, под гору.

4. Призрачная деревня

Волкодлаков всё больше. Мы не справляемся. Колдун из соседней деревни говорит, что они созданы из тени, лезут из ущелья, в котором когда-то погибли горные ведьмы. Если это не прекратится, нам конец.

Из чьего-то старого дневника

Поселение было окружено внушительным деревянным забором: казалось, жители деревни в любой момент готовы сдерживать осаду.

Голден-Халла постучался. Долго не было никакого ответа, а затем по ту сторону раздался монотонный голос:

– Кто вы и зачем явились в Долину Колокольчиков?

Берти многозначительно подвигал бровями, одними губами произнёс: «Женский голос лучше – вызывает доверие», и я, откашлявшись, дружелюбно заявила:

– Доброй ночи! Мы мирные путники. Наш возница пропал, мы его ищем. К вам никто не приходил в последнюю пару часов?

После продолжительной паузы, наполненной завыванием ветра в щелях забора, сторож так же безэмоционально поинтересовался:

– Вы хотите пройти в деревню? – мой вопрос он проигнорировал с невозмутимостью сытого медведя.

– Да, – сказала я.

Послышался скрип отодвигаемого засова. Ворота распахнулись, и мы с Голден-Халлой с любопытством уставились на бородатого селянина.

За спиной у него открывался вид на старинную деревушку. Узкие улочки, деревянные домики с острыми крышами. В паре окон, несмотря на экстремально поздний час, танцевало пламя свечей – за занавесками были видны тени местных жителей. Горбоносая старушка вязала, сидя в кресле-качалке. Мужчина и женщина целовались, не думая о случайных свидетелях.

А между домами были протянуты тонкие гирлянды, увешанные стеклянными колокольчиками. Они мелодично позвякивали, медленно

раскачиваясь на ветру.

– Добро пожаловать в нашу деревню, путники, – размеренно сказал мужичок и указующе махнул рукой. – В конце улицы вас ждёт трактир.

Берти вежливо поблагодарил, а затем сощурился:

– Хей, так до нас сегодня кто-то приходил?

– В конце улицы вас ждёт трактир, – весомо повторил местный житель.

– Спасибо, что пустили! – улыбнулась я, но ответной улыбки не дождалась.

Сторож молча закрыл ворота и замер, лицом к ним.

Мы с Голден-Халлой переглянулись, а потом пошли по указанному адресу. Хорошо. Будем считать, сторож из той породы людей, что упорно не хотят выходить за границы обозначенных трудовых обязанностей.

*** * ***

В трактире было тепло и приятно пахло корицей, орехами и ванилью.

Этого хватило для того, чтобы, несмотря на сомнительность всего происходящего, я прониклась к заведению самыми нежными чувствами. Прах с ними, с потенциальными опасностями! Ради неба, пусть приходят, если мы договоримся чинить друг другу препятствия возле жарко растопленного камина.

Стоило нам с Берти переступить порог, как пухленькая барменша в кружевном чепце воскликнула из-за стойки:

– Добрый вечер, путники! Присядьте на лавку да выпейте грогу!

Голден-Халла помог мне снять промокшую шуфу, затем сбросил свою, оставшись в тонкой белой кофте с верёвочками на груди и в узких зеленых брюках. Магические браслеты – изумрудный и голубой – болтались на запястьях сыщика, длинные пальцы украшало несколько колечек. Глядя на них, я мгновенно вспомнила Полынь – главного любителя обвешать себя всевозможными побрякушками, а потом безмерно смущать шолоховскую преступность тем фактом, что

охотящийся за ней господин Ловчий выглядит ещё более неформальным, чем эта самая преступность даже в свои лучшие дни.

– Присядьте на лавку да выпейте грогу! – вновь крикнула трактирщица, уже погромче.

Я изумлённо обернулась на неё. Надо же, какая настойчивость.

Голден-Халла тоже вскинул брови, затем послушно опустился на скамью. Едва я села напротив, как трактирщица вышла из-за стойки и поднесла нам две дымящиеся кружки.

– Я угощаю. Сколько за них? – спросил Берти, вытаскивая кошелёк, но трактирщица лишь молча развернулась и удалилась.

– Это странно, да? – я задумчиво проводила её взглядом.

– Очень, – согласился Голден-Халла. – Наша гипотеза о туризме разваливается на ходу: кошелёк был приманкой. Нужны новые теории. Но я не в состоянии нормально думать, когда так замёрз. Придётся сначала отогреться.

– Что ж, «присел на лавку – выпей грогу», – со смешком посоветовала я, с наслаждением обхватывая горячую кружку руками.

Берти склонился над напитком, понюхал и с опаской глотнул:

– Грог как грог, – вынес вердикт он.

– Пей-пей. А я подожду полчаса, вдруг отрава?

– Неужели ты такая жестокая? – заинтересовался Берти.

– Скорее, прагматичная. Чтобы спасти тебя, мне нужно быть в трезвом уме.

Голден-Халла вытащил из саквояжа три крохотных пузырька и гордо водрузил их в центр стола.

– Противоядия от самых популярных ядов, – пояснил он. – Разделим их пополам, если что.

– Ух ты! – Я бессовестно сунула нос к склянкам. – С ума сойти, какой ты запасливый. И вторая шуфа, и зелья…

– Стиль жизнь у меня такой, – рассмеялся сыщик. – Никогда не знаешь, куда занесёт.

– Кстати, а зачем ты приезжал в Седые горы? Отпуск, работа или что-то ещё?

– Всё вместе, – Берти вытянул ноги в сторону камина. – Я ездил в гости к другу. Для этого мне пришлось взять отпуск – с учётом того, что я работаю на себя, это, конечно, было очень ответственное мероприятие. Я торжественно написал самому себе разрешение и даже

шлёпнул на него первую попавшуюся печать. И оставил всё это добро у себя на столе в кабинете, чтобы совесть моя была чиста, а по возвращении появился лишний повод пустить скупую слезу умиления оттого, какой же я всё-таки молодец… Но по дороге в Норшвайн мне попалась работа: я случайно наткнулся на жертв горных бандитов. Пришлось найти негодяев и отправить их к местным органам правосудия, а потом, в деревне неподалёку от хижины Моргана – это мой друг, – я успел поучаствовать в разгадке *великой тайны*…

Пауза.

Я заинтригованно застыла с кружкой, не донесённой до рта.

– Она называлась «Кто стащил лопату из коровника», – драматично и совершенно серьёзно провозгласил Берти. – Ты не представляешь, какие страсти кипели, когда выяснилось, что никто! Она просто упала за шкаф.

Мой хохот разнёсся по всем углам трактира.

– А твой друг такой же весельчак, как ты, Голден-Халла?

Он аж грогом поперхнулся.

– О нет, госпожа попутчица, нет-нет-нет. Мой друг… как бы тебе сказать. – Берти возвёл глаза к потолку. – Он скорее из тех, кто верит, что негодующая физиономия украшает его в разы лучше улыбки. И что нет ничего привлекательнее гордо вздёрнутого подбородка. И что всё хорошее должно начинаться со всего плохого: к любви нужен аперитив в виде ненависти, к дружбе – в виде мордобоя (ага, да, это мы с ним проходили). Короче, в душе он романтик, а на вид – редкая сволочь. Но вообще он шикарный! Думаю, он бы тебе понравился. – Берти весело подмигнул. – Тинави, а ты зачем приезжала в Норшвайн?

Я обрисовала ему причудливую конфигурацию своей жизни.

– У меня тоже отпуск. Экстремально длинный. И по некотором размышлении я решила посвятить его самостоятельному путешествию! А то так получилось, что в этом июле мои близкие либо разъехались кто куда, либо до смерти заняты. В частности, моему напарнику выдали серьёзную работу под прикрытием – видимо, чтобы добить его, трудоголика. Моя лучшая подруга отправилась на учения чрезвычайников на юге королевства…

– Чьи учения?..

– Чрезвычайников. То есть сотрудников Чрезвычайного департамента, который в Шолохе является чем-то вроде корпуса

стражи, выходящего в авангарде в по-настоящему поганые дни для королевства. Мой второй лучший друг заперся дома, обложившись книгами – он пишет энциклопедию, и так уж вышло, что сейчас у него – самые продуктивные месяцы. А третий друг…

– Тоже лучший? – подколол меня Голден-Халла.

Я показала ему язык.

– Просто третий. На постаменте лучших есть место только для двоих.

– Боги-хранители, какая ты строгая!

– Да нет, не во мне дело, просто эти двое всех других отпинывают. Они, знаешь ли, дико ревнивые, хотя так и не скажешь. И кровожадные. Короче, мой третий друг – тот самый, кстати, саусбериец – сейчас отчаянно вгрызается в гранит науки, ибо его ждёт аттестация после тестового периода работы. Учитывая его бедовый темперамент, чем меньше будет вокруг отвлекающих факторов – тем для него лучше. Ну а ещё один мой друг…

– Я не понимаю, у тебя весь Шолох – друзья, что ли?! – возмутился Берти.

– Ну… Нет?

– Давай про врагов, Страждущая! Так интереснее!

– Э, ну… У меня был всего один. Но он теперь тоже друг. Наставник, точнее.

Голден-Халла закрыл лицо ладонью и издал череду каких-то странных звуков, которые по некотором размышлении я идентифицировала как смешки, граничащие с всхлипами.

– А мне ещё говорили, что у меня лёгкий характер, – пожаловался сыщик. – Вот только я почему-то случайной попутчице рассказал лишь о Моргане, а у тебя личности, обязательные к упоминанию, уже выстроились в длиннющую очередь, и, прах, я же слышу – все важны!..

– Возможно, я просто доверчивое трепло, не умеющее вовремя затыкаться, – утешила я. – Ну или твой Морган стоит всех моих, вместе взятых. Хотя это вряд ли. Нет. Что я только что сморозила, боги. Забудь последнюю фразу!

– Посмотрел бы я на их противостояние, – прыснул Берти. – Вытаскиваем, значит, всех на ринг в каком-нибудь полуподвальном баре, и вот ты кричишь своей толпе: «Давайте! Правый фланг, боевая

готовность! Левый фланг – устрашаем песней!» И я с другой стороны размахиваю флажками: «Мор-ган! Мор-ган!» – а он смотрит на меня как на идиота и говорит, что ему пора писать диссертацию.

– Ага, вот только ничего у него не выходит, потому что мои ребята мгновенно утягивают его с собой в какое-нибудь подозрительное местечко, мотивируя это тем, что пора спасать город, чью-нибудь репутацию или просто вечер.

– И мы с тобой остаёмся на ринге вдвоём со всеми своими флажками и ставками.

– Аминь!

Тем самым придя к полному взаимопониманию, мы торжественно приподняли чашки.

Разговаривая, мы то и дело косились на трактирщицу. Всё это время она стояла с широкой улыбкой – всё больше походившей на оскал – и смотрела мимо нас. То ли в стену, то ли в светлое будущее.

Признаться, это выглядело жутковато.

Зато, когда кружка Берти опустела, трактирщица мгновенно подошла и поменяла её на полную.

– Добрый грог для плохой погоды! – отрапортовала она, сразу отворачиваясь, не оставляя ни шанса на беседу.

А в разговоре с ней мы с Берти до пепла нуждались. Потому что, как бы приятно ни было вот так сидеть у камина и разглагольствовать о всякой восхитительной чуши, у нас вообще-то имелся список вопросов, требующих немедленных ответов. Как минимум пропавшие возница и конь камнем лежали на наших душах (и если учесть их суммарный вес, то получалась очень тяжёлая ноша).

– Не убегайте от нас, пожалуйста, – решив, что хорошенького понемножку, взмолилась я и потянулась к локтю трактирщицы.

Но ничего не вышло.

Мои пальцы провалились сквозь руку почтенной леди, и, не успела я ойкнуть от неожиданности, как вся трактирщица пару раз мигнула, будто испорченная маг-сфера, а потом и вовсе исчезла…

А что до кружки – что ж, вполне материальная кружка продолжила плыть к стойке как ни в чём не бывало. Будто её так и держали в руках.

– Класс! – выдохнул Голден-Халла, выпрыгивая из-за стола.

* * *

Я тоже подскочила и вслед за Берти приблизила нос к керамическому боку посудины, которая возмутительно спокойно попирала законы вероятности и гравитации заодно.

Так мы и добрались до барной стойки: двое согбенных придурков, идущих приставным шагом, и плывущая между ними кружка.

– Ну и ну! – воскликнул Голден-Халла. – Теперь мне ужасно хочется пощупать того сторожа у ворот, не пойми меня превратно. Ещё когда он радостно встал лицом в калитку, мне подумалось, что с ним что-то глубоко не так, но я не стал зацикливаться ещё и на этой странности – был слишком замёрзшим и уставшим, если честно. Но сейчас… Что, если сторож – тоже иллюзия?

– Вполне вероятно, – согласилась я. – А ещё может статься, что это не одноразовая иллюзия… Эта дамочка слишком упорно повторяла одни и те же слова и действия, не находишь?

Я не успела договорить, а Берти уже вовсю закивал и, схватив меня за руку, потащил к выходу из трактира. Не тратя время на одевание, мы, как были, выскочили на улицу – бр-р-р, ну и холодрыга! – и старательно закрыли за собой дверь.

Прижались к ней спинами бок о бок.

– Три, – сказал Берти.

– Два, – отозвалась я.

– Один!

Сыщик распахнул дверь. Приветливо звякнул колокольчик. Прямоугольник тёплого оранжевого света упал на снег…

ТА-ДАМ!

Исчезнувшая было леди, целая и невредимая, снова стояла за стойкой и светилась, как ягодка *ошши*[1], воплощённое гостеприимство.

– Сядьте на лавку да выпейте грогу! – звонко начала она свою привычную песню.

Игнорируя её, мы захлопнули дверь и возбуждённо загалдели.

– Зацикленная иллюзия! – Я победно вскинула руки.

– Сценарий, который отыгрывается заново при нарушении алгоритма! – подхватил Голден-Халла. – Давай ещё раз попробуем?

Теперь уже я открыла дверь.

– Сядьте на лавку… – тотчас послушно донеслось оттуда.

Голден-Халла влетел в таверну, подбежал к барменше, хлопнул её по плечу – она исчезла. Берти выбежал. Закрыл дверь. Снова открыл.

– Сядьте на лавку…

– Класс! – Голден-Халла утвердился в своей первоначальной оценке.

Едва мы оделись и окончательно покинули трактир, чтобы отправиться на разведку, как где-то неподалёку раздался скрип калитки, а затем из тихого проулка сбоку вынырнули три паренька. Когда они поравнялись с нами, Берти внезапно и подло толкнул меня на одного из них.

Взвизгнув от неожиданности, я провалилась в сугроб сквозь мгновенно рассыпавшийся морок. Другие двое не обратили никакого внимания на скорбную гибель товарища. Но при этом они остановились: флегматично посмотрели на лежащую меня, стоящего Берти и наконец певуче сказали:

– Приветствуем вас, путники, в Долине Колокольчиков!

А потом вразвалочку пошли дальше.

Их равнодушие к почившему другу покоробило тонкие струны моей души. Решив отомстить за призрака, я привстала на локте, слепила два снежка и метко запустила их в юношей. Они лопнули.

– Так вам и надо, предателям! – Я гордо задрала нос, поднимаясь. А Голден-Халла притворно вздохнул:

– Эх ты! Со спины нападать – ну не подлость ли?

– Будто ты меня не в спину толкнул!

– Я думал, тебе понравится. И вообще: это было во имя науки!

Тем временем уже знакомые нам селяне решили повторно попытать счастья с улицей: вдруг на этот раз у них получится перейти её невредимыми? Прах там был: теперь я пихнула в их сторону Берти. Сыщик, взмахнувший руками, как крыльями, с одного падения снёс всех троих.

Наши эксперименты по проверке загадочной иллюзии уже готовы были превратиться в снежное побоище, сопровождаемое демоническим хохотом и взаимными подколками, но тут…

Из безмолвия снегопада нам навстречу неожиданно выступила хрупкая фигура в чёрном.

Улыбка растерянно съехала с моего лица.

Это был мастер Силграс Авалати. И по тому, как он выглядел, стало ясно: всё серьёзно. Призрачная деревня, до сих пор демонстрировавшая лишь шутливое лёгкое волшебство, теперь собиралась показать свою тёмную сторону.

5. Первый, кто был ему рад

Я никогда не был так счастлив, как в те годы, и, видит небо, уже никогда не буду.

Из дневника очень грустного норшвайнца

Непосредственно внешность Силграса не изменилась. Всё те же белые волосы, выразительные голубые глаза и короткая чёрная мантия с серебряными узорами.

Но теперь от него исходило слабое дрожащее сияние, на фоне которого Долина Колокольчиков будто погрузилась во мрак. Вдруг стало заметно, какие всюду глубокие, длинные, будто кинжалы, тени, и как кружащийся в воздухе снег напоминает прах.

А главная перемена заключалась в том, что в ночном небе над Силграсом висела огромная лазоревая звезда. Удлинённая, многоконечная и объёмная, она казалась выточенной из сапфира. Вот только в мире нет драгоценных камней такого размера – звезда была с самого Авалати. Её испещряли трещины – тонкие, как паутинки, но столь многочисленные, что на душе становилось муторно: вдруг разобьётся?..

С ума сойти.

Я знала, что это такое. И Берти, судя по его удивлённому вздоху, тоже знал.

Звезда альва.

А значит…

Я перевела взгляд на возницу. В ответ Силграс посмотрел на меня так же угрюмо, как и прежде во Вратах Солнца.

– Да, я альв, – безрадостно буркнул он. – Рад, что вы знаете, что это такое.

Звезда, беззвучно схлопнувшись, исчезла. Сияние угасло, но разоблачённый им мрак Долины Колокольчиков не пропал бесследно, а до времени лишь затаился в пустых переулках. Увидишь однажды – уже не сможешь забыть.

– Какой именно из альвов? – дружелюбно спросил Берти, одновременно с тем упрямо пытаясь завести меня себе за спину. Я так

же упрямо этому сопротивлялась.

Авалати достал из кармана мантии бумажный кулёк и яростно откусил от завёрнутого в него сэндвича.

– Я Силль. Владыка горных дорог.

О, боги. Так вот чьих поцелуев тут всем желают!..

– Как вы уже поняли, – продолжал Авалати, – местные жители – не люди, а лишь отражения реальных людей. И это моя вина.

Он замолчал, глядя в никуда и мрачно жуя сэндвич.

– Вам надо объяснять особенности моего бытия или вы в курсе деталей?.. – скучающе поинтересовался он.

У меня сложилось впечатление, будто Силграс старается вести себя намеренно заносчиво. Обычно люди делают так, когда им очень больно – но они стыдятся этой боли.

– Смотря о каких деталях ты говоришь, – я насторожённо прищурилась. – Едва ли стоит ожидать от чужестранцев дотошного знания ваших сказок – прости, вашей реальности, – но что-то я знаю.

– Я тоже, – кивнул Голден-Халла.

Надо сказать, что Берти при виде до пепла опасного существа не растерял свою солнечную приветливость. Он продолжал излучать стопроцентное доверие к миру вообще и Силграсу в частности. Вот только наша безмолвная борьба на тему моего запихивания ему за спину продолжалась, заставляя меня тихо и негодующе сопеть, а жующего Авалати – всё выше вскидывать брови.

Впрочем, оказалось, брови он вскидывал, чтобы намекнуть:

– Расскажите о том, что знаете.

– А, так это экзамен? – хмыкнула я и всё же вырвалась из хватки Берти.

Не зря, получается, для прощального ужина с родителями я выбрала ресторан «В объятиях Силля», где официанты при каждом подходе к столику так и норовили рассказать нам диковинную смесь из исторических фактов и анекдотов об этом альве. Всё в моей жизни, как обычно, складывается в изящный узор из подсказок, намёков и знаков – но оценить его получается, лишь оглядываясь назад.

– Ты – древняя сущность, Авалати. Как и у всех альвов, у тебя есть «своя» гора – в твоём случае это знаменитый пик Осколрог. Твоя особенность заключается в том, что раз в энное количество лет ты засыпаешь, а просыпаешься уже новой личностью – с другим

характером и без памяти о своих прошлых воплощениях. Лишь две вещи остаются неизменными – твоя магия, сосредоточенная в лазоревой звезде, и твой артефакт – магические колокольчики… В них ты можешь прятать воспоминания и предметы, и как раз на основе этих сюжетов будет строиться твой следующий сон.

– Судя по всему, в колокольчики можно спрятать кое-что ещё. – Берти задумчиво качнулся с носков на пятки и обратно. – Например, живых людей.

Авалати насупился ещё сильнее.

– Ага. – Он отряхнул руки от крошек и быстро развернулся к трактиру. – Пойдёмте в тепло, я расскажу всё там. Заодно поужинаем.

Мы переглянулись.

– А он на удивление любит поесть, да? – хмыкнул Берти. – Впрочем, меня это радует: благодаря этому у нас будет хотя бы одна приятная тема для разговоров. Потому что, чую, ничего хорошего он с таким горьким лицом не поведает. Но при этом… Тинави, ты сочтёшь меня психом, если я скажу, что я всё ещё крайне воодушевлён всем происходящим?

– Не сочту! – Я облегчённо выдохнула. Ура, значит, с Берти можно не прятать свой аморально-азартный блеск глаз. – С самого момента исчезновения трактирщицы часть меня беззвучно орёт от восторга.

– А, так вот что это за писк!.. Прекрасно. Мы признались друг другу, что мы маньяки загадок. Что ж, пойдём, преломим с одной из них хлеб.

– Только ты на всякий случай держи свои противоядия поближе.

– Договорились, госпожа Ловчая.

* * *

Для разговора Силграс выбрал не общий зал таверны, где нам снова громогласно предложили грог и лавку, а обшитую деревом гостиную на втором этаже. Здесь к тёплому запаху орехов добавились острые нотки перца и специй для мяса – незнакомая подавальщица накрыла для нас ужин.

Мы молчали, альв сосредоточенно трапезничал. Я искренне недоумевала, как всё это влезает в его тщедушное тельце.

– Я ем не просто так! – возмутился Силграс, когда количество брошенных мной в его сторону взглядов перешло границы всех приличий. – Еда нужна мне, чтобы сохранить оболочку. Я ношу это тело уже давно, если не буду питать его как следует, оно просто растворится, а мою душу тотчас вышвырнет обратно под гору. Если это случится, вы так и останетесь здесь, не узнав, зачем я привёл вас сюда и что произошло с Долиной Колокольчиков.

Я мгновенно пододвинула ему ещё тарелку:

– Очень вкусно, рекомендую.

– И вот это попробуй, дружище, – улыбнулся Берти.

Силграс посоветовал нам не тупить и тоже поесть – он что, зря нас угощает? – а потом, не поднимая глаз, всё-таки рассказал свою историю.

ИСТОРИЯ СИЛГРАСА АВАЛАТИ

Это случилось три столетия назад. Пик Осколрог, под которым спал Силграс, содрогнулся из-за прилива магии, и альв проснулся.

Странное чувство. Его сны были слишком похожи на смерть, чтобы он быстро смог прийти в себя.

Руки. Ноги. Глаза. Столько нового – ведь когда Силграс спал, у него отсутствовало тело, а прежде, в предыдущее пробуждение, оно было другим. Авалати не помнил, каким именно. Сны под горой надёжно стирали воспоминания о прошлом, и в этом плане, поймай Силграса какой-нибудь охочий до истории мира учёный, он разочаровался бы в разговоре с альвом.

Всё, что он знал сейчас о себе, умещалось в одну строку:

Силграс Силль Авалати, владыка горных дорог, носитель лазоревой звезды.

Если звание не несло никакой практической пользы, то звезду он мог зажигать, определённым образом прикасаясь пальцами к левой половине лица. Она была источником его магии и появлялась сама, когда он творил по-настоящему сильные заклинания.

Ещё у Силграса в ушах висели крохотные серёжки-колокольчики, и целая гора таких же была распихана по карманам чёрной мантии и даже по сапогам.

– Камень окаянный! – по-норшвайнски сердился Силграс, вытряхивал эти стекляшки из обуви.

Более или менее разобравшись со своим телом и вспомнив, что собой представляет подлунный мир, Силграс вышел из горы и побрёл прочь. Ему нравился снег, в любое время года укрывавший ледник Осколрог, поэтому Авалати решил остаться в ближайшей холодной зоне Седых гор.

Он шёл по пустынным долинам. Белые волосы развевались на ветру, босые ступни оставляли вереницу изящных следов, колокольчики тихо звенели. Они были гарантом того, что, когда он снова уснёт, хотя бы часть ожидающей его темноты раскрасится яркими сновидениями.

В эти колокольчики Авалати мог прятать отпечатки мира. Если ему что-то понравится, будь то событие, место, человек или книга, Силграс создаст призрак этой вещи и запечатает его в колокольчике. Когда гора призовёт его и потяжелевшие веки опустятся – на долгие столетия, *опять, чтоб их*, – тихий звон будет пронизывать его дрёму.

Один за другим набранные им драгоценные мгновения жизни вплетутся в гобелен его сновидений, и Силграс сможет заново насладиться ими. Когда колокольчики опустеют, с ним останется только тьма. Так что в его интересах наполнить все – и выбирать как следует.

Но это могло подождать. У него ещё полно времени.

Удаляясь от Осколрога (местоположение пика он всегда ощущал, как невидимый духовный маяк, тянущую точку на карте мира, которую невозможно игнорировать, даже если захочешь), Силграс понял, что личность, которая досталась ему на этот раз, весьма импульсивна. И пока что – юна. Как обычно, ему предстоит какое-то время взрослеть, после чего он останется молодым на долгие годы, вплоть до своего нового сна.

Сейчас Силграсу беспричинно, но остро захотелось сделать кое-что.

Остановившись на вершине какой-то скалы, Авалати сказал вслух:

– Я – человек.

Горы промолчали.

– Я – человек! – сказал он громче.

Тишина.

– Я! – закричал Силль во всю мощь, очень яростно. – Человек!

Его голос пронёсся над ущельями, спугнул птиц из ельника, заставил тысячелетние снега обеспокоенно заворочаться.

В душе Силграса после этих криков разлилось что-то вроде гордости.

– А раз так, – то ли пообещал, то ли погрозил он небу, заносчиво вскинув подбородок, – то я отправляюсь *жить*.

И, сердито топая, пошёл дальше.

На закате следующего дня Силль наткнулся на деревню. Высокие деревянные ворота открылись далеко не сразу.

– Проходи, мальчик, скорее проходи! – торопливо замахал ему сторож. – В это время года в горах неспокойно, зачем же ты путешествуешь в одиночку? Да ещё и… – Сторож опустил взгляд и неверяще воскликнул: – Босиком?!

Силграс кое-как выкрутился, сочинил удовлетворительную легенду, мимоходом выяснив, что его новая личность не только эмоциональна, но и весьма прелестна. Девушки, встретившиеся ему по пути в трактир, рекомендованный сторожем, смотрели на него с большим интересом и, хихикая, перешёптывались. Когда он останавливал взгляд на ком-нибудь из них, вся стайка мгновенно смущалась.

У Силграса не было денег, но был мешочек драгоценных камней – подарок его горы на прощанье. Перед тем как выйти, он раздробил часть из них на крохотные осколки. Камни было жалко, конечно, но шокировать жителей подлунного мира огромными изумрудами тоже не особенно хотелось. А так блестящее крошево, хоть и казалось немного эксцентричным, всё-таки заменяло крупные монеты.

На вид Силграсу тогда было лет четырнадцать. В трактире он повторно рассказал сочинённую у ворот сказку о том, что он умный сын богатых родителей, который досрочно окончил школу и решил несколько лет поскитаться по миру перед тем, как идти учиться в университет. Однако вскоре его ограбили, и именно поэтому он босиком и без вещей.

– Значит, не такой уж ты и умный! – прыснул из угла зала какой-то темноволосый парнишка, но сделал это весьма добродушно, поэтому Силграс не оскорбился, а лишь продолжил:

– Но несколько камней я спрятал под майку, и их не нашли.

Трактирщица посочувствовала ему, отказалась брать деньги и сказала, что всё могло сложиться гораздо хуже – ведь в этой местности в последние годы бесчинствуют волкодлаки. И тогда как людям нужны лишь деньги, волкодлаки – страшные монстры – предпочитают лакомиться человеческой плотью.

Силграс не стал говорить, что вчера он встретил парочку, после чего они, скуля и поджав хвосты, сбежали.

Для местных жителей волкодлаки являлись большой проблемой: высоченный забор вокруг деревни был построен как защита от них, а между домами протянули тонкие гирлянды с колокольчиками, похожими на Силграсовы. В случае нападения волкодлаков дозорные дёргали за сигнальный шнур, и всю деревню наполнял тревожный звон: «Беда, беда! Кто сильный – помогайте держать оборону, кто слабый – прячьтесь скорее в подвалы!»

– Очень интересно, – сказал Силграс в ответ на рассказ трактирщицы.

– Очень страшно! – не согласилась она, вновь наполняя его чашку горячим молоком. – Не дай тебе небо услышать этот звон.

Но небо как раз таки дало.

Оно всегда было щедрым. Увы.

* * *

Той же ночью, незадолго до рассвета, Силграса Авалати разбудил отчаянный перезвон.

Сначала он вообще не понял, что это такое. Сквозь дрёму ему показалось, что это звенят его колокольчики – *тут колокольчики, там колокольчики, да что за дурдом!*.. Поняв, что в деревне бьют тревогу, Силль собрал волю в кулак и стал экстренно выныривать из густого варева сновидений. Получалось непозволительно медленно. Просыпаться ему было куда тяжелее, чем людям, Силграс буквально восставал из мёртвых каждое утро, и первые два часа был скорее похож на унылый труп, чем на того симпатягу, который ещё вчера вечером красовался перед зеркалом.

В общем, к тому моменту, как Авалати сбежал по лестнице на первый этаж, колокольчики уже затихли, а с улицы доносились взволнованные крики и низкое рычание волкодлаков.

Волкодлаки смогли пробить забор: для этого они долго неистово ударяли по нему мощными лапами, и вот одна из деревянных секций упала, не выдержав. Теперь три огромных чудовища, сотканных из всех оттенков тьмы и крови и по размеру имевших больше общего с медведями, нежели с волками, пытались прорваться внутрь.

Однако им мешал магический щит, перекрывший дыру.

Этот щит держали двое: рослый мужчина в распахнутом тулупе и тот самый мальчишка из трактира. Они были похожи. У парня из носа непрерывно текла кровь – признак магического истощения, но отец – наверняка это был отец – не говорил ему отойти.

Щит искрил, рискуя вот-вот рассыпаться, пальцы колдующих дрожали от напряжения.

Две дюжины селян с вилами наперевес стояли по бокам от них и тоже дрожали – от страха. Огромные волкодлаки с вздыбленной шерстью бешено кидались на пружинистую колдовскую стену. Кто-то из деревенских стариков тихонько завыл от ужаса.

– Держимся! – рявкнул мужчина, не оборачиваясь. У него был зычный голос настоящего лидера. – Если мы упадём – вилы вперёд! ДЕРЖИМСЯ!

– Есть держаться! – первым отозвался мальчишка, на удивление бойко, хотя кровь так и капала на снег. – Не сдаваться, не бояться, не сомневаться!

– Давай, мастер Годри! Давай, Хе́гола, молодчинка!!! – в ответ подзадоривали их селяне. – Есть держаться! Вилы вперё-ё-ё-ёд!

Пусть боевой дух жителей деревни и был силён, лично у Силграса, бегущего к ним от трактира, не было никаких сомнений в том, что мастер Годри и Хегола сейчас рухнут в обморок.

Хм… Значит ли это, что его новая личность ещё и скептическая? Или просто не выдаёт желаемое за действительное?

Пальцы старшего колдуна тряслись всё заметнее. Взмокшие тёмные волосы мальчишки облепили лицо, упрямо закушенная губа кровоточила, а кожа побледнела до цвета пшеничной муки. Но, как бы оба они ни упрямились, твари снаружи были сильнее. Мастер Годри

зарычал, вкачивая в щит ещё больше энергии, Хегола мгновенно повторил за ним, как вдруг…

Позади них прозвучало заклинание, произнесённое звонким голосом. Мимо колдунов пролетело белоснежное магическое плетение. Оно пробило барьер – селяне испуганно вскрикнули, – а потом, не замедляясь, набросилось на волкодлаков. Чудовища, ещё секунду назад истекающие слюной при мысли о человеческом мясе, вдруг заскулили, развернулись и бросились прочь.

Над деревней повисла недоумённая тишина…

Люди один за другим стали оборачиваться. Каково же было их удивление, когда их взорам предстал тоненький паренёк, такой лёгкий, что мог стоять на поверхности снежного наста.

Силграс Авалати, поймав на себе столько взглядов, выпрямил спину и загадочно потупил глаза с длинными ресницами. Потом тщательно отряхнул ладони, раскалившиеся после колдовства, и, спохватившись, поправил свою непотребно сползшую с плеча ночную сорочку.

Когда до крестьян дошло, что их спас этот хорошенький хлюпик с треугольным личиком, они сначала пороняли челюсти, а потом, побросав вилы, стали медленно и опасливо приближаться к нему – откуда такое диво?!

Но их всех обогнал мастер Годри.

Утерев пот со лба и одобрительно погладив по голове своего сына, он быстрым и решительным шагом пошёл к Силграсу. Его зелёные глаза горели огнём победы, ещё издали он протянул руку для рукопожатия. Не успел Авалати чинно сделать ответный жест, как из-за спины колдуна выскочил Хегола и тотчас с размаху бросился Силграсу на шею.

– Добро пожаловать в Долину Колокольчиков! – заорал он прямо на ухо Авалати и, повторяя за отцом, радостно взхломатил ему волосы.

Чувствуя, как шерсть с плеча чужого тулупа набивается ему в рот, Силграс только удивлённо распахнул глаза.

6. Счастливые годы в Избе-У-Колодца

Я не могу понять, кто нравится мне больше: мастер Хегола или мастер Авалати! Первый такой добрый и статный, я думаю, он будет хорошим мужем. Но второй вызывает у меня бурю эмоций, не всегда приятных, но таких будоражащих! А кто нравится тебе, Лайша?

Из разговора двух молоденьких селянок

Традиционно в деревнях Седых гор было две главные избираемые должности: староста и колдун, которые вместе обеспечивали поселению безопасность. Но в Долине Колокольчиков и ту и другую роль играл мастер Годри Тофф.

Кроме него, никто из взрослых жителей Долины не умел колдовать. И в то же время никто не был настолько обаятелен, упрям и энергичен, чтобы стать старостой.

Его единственный сын, Хегола, унаследовал отцовский дар к магии. А также внешность, надёжный открытый характер и привычку никогда, никогда не сдаваться. Матери у Хеголы не было: она погибла при первом нападении волкодлаков, объявившихся в Седых горах около восьми лет назад.

После триумфальной победы над тремя чудовищами никто не захотел отпускать Силграса Авалати. Он согласился погостить пару недель.

– Где ты научился такой магии?! – восхищался Хегола, который уверенно взял шефство над Силграсом, знакомя его с деревней и её жителями.

– Покажи, пожалуйста, что ещё ты умеешь, – оценивал его дар мастер Годри и одобрительно кивал, глядя на колдовство альва.

Силграс понемногу подпускал ментальные чары в рассказы о своём фальшивом прошлом, заглушал ими любопытство селян так, чтобы никто не заподозрил в нём владыку горных дорог. Но вскоре чары перестали быть нужны: Силграса признали за своего, и расспросы прекратились.

Да и сам он как-то незаметно забыл о том, что он чужак и собирался куда-то уйти. Магия была здесь ни при чём: просто Авалати *понравилось* жить в Долине Колокольчиков.

Пара недель обратилась тремя, затем месяцем, ещё одним и ещё…

Вместе с Хеголой он ходил на охоту и рыбалку, а в тёплых лесах, расположенных за погодным разломом, собирал целебные травы для зелий мастера Годри. Учился в крохотной деревенской школе, где пользовался дикой популярностью, несмотря на свой колючий характер (а может, и благодаря ему). Помогал приютившему его старцу Луке с плотницкой работой. Вместе со всеми ездил в соседние поселения – на ярмарки и фестивали. Мастер Годри учил его и Хеголу магии. Эти занятия были полезны: Авалати тренировался колдовать по-человечески, не зажигая звезду, чтобы не выдать свою настоящую сущность.

– У тебя просто невероятный талант, – поражался мастер Годри, относившийся к альву как ко второму сыну. – Ты сможешь стать великим колдуном, Силграс. А ты, Хегола, замечательно контролируешь свою силу. Я горжусь твоим уровнем дисциплины.

Хегола действительно много времени уделял занятиям. Помимо магии, он каждое утро занимался стрельбой из лука и разнообразными физическими тренировками. Не говоря уже о дополнительных уроках по истории Седых гор и счетоводству.

Силграс же предпочитал не вылезать из кровати до тех пор, пока старец Лука насильно не вытолкает его из дома в сторону школы.

– Зачем ты так напрягаешься?! – сонно негодовал Авалати, когда Хегола однажды в субботу попытался разбудить его на рассвете, чтобы вместе попрактиковаться в колдовстве.

– Потому что мне нравится это. И потому что я хочу стать сильнее.

– Да отцепись от меня, я не покину эту кровать раньше полудня, Тофф!.. Почему Лука вообще пустил тебя в избу?! Лично я не хочу становиться сильнее! Дай мне умереть счастливым ничтожеством!

– С твоим талантом ничтожность тебе не светит, увы и ах. Но вот деградировать ты можешь. Посмотрю я на твоё лицо, когда с помощью труда обойду тебя в магии!

– Оно будет таким же, как сейчас, Хегола: сонным и злым… Уйди уже… Только… Это… Вернись за мной, если поедешь к реке купаться.

– Ну какой же ты лентяй!.. Хорошо. Вернусь.

Это были замечательные годы.

Вот только волкодлаков в окрестностях постепенно становилось всё больше. Они начали нападать гораздо чаще, чем прежде.

Дошло до того, что троим колдунам пришлось дежурить по ночам. Мастер Годри – вместе с Хеголой, которому было уже почти семнадцать и который сравнялся с отцом в колдовстве, а Силграс – в одиночку. Талант всё ещё обыгрывал дисциплину. Теперь, заслышав волкодлаков, маги выходили за пределы деревни и встречали их там, пока остальная Долина пробуждалась. Так было безопаснее для селян.

Авалати не боялся этих ночей. Ему всё удавалось с лёгкостью.

Но однажды Хегола заявился к нему спозаранку, опёрся обеими руками о стол, за которым Силграс скучающе завтракал, и с горящими глазами сказал:

– Я хочу сторожить деревню вместе с тобой. Да, ты справляешься и сам. Но знаешь, что лучше борьбы в одиночку?

– Что? – Авалати задумчиво накручивал на ложечку цветочный мёд для оладий.

– Командная работа, конечно! Настоящая радость – знать, что вы победили *вместе*. С этим ничто не сравнится. Скажешь – нет?

– Не… не знаю. – Силграс слегка растерялся, с сомнением поднял взгляд на Тоффа: – А что в этом такого хорошего?

Тофф фыркнул, покачал головой в стиле: «Ну ты даёшь! Молодо-зелено!» Потом заговорщицки положил руку на плечо друга.

– Я покажу тебе, Силграс Авалати.

И с этих пор Хегола дежурил каждую ночь – то с отцом, то с альвом, отсыпаясь по вечерам. И когда волкодлаки напали в следующий раз, Силграс и Хегола вместе дали им отпор. Это было так странно: колдовать вдвоём, перекидывая напарнику нити плетения, слышать за спиной звон тревожных колокольчиков, топот выбегающих из домов селян…

– Понял? – улыбнулся после нападения Хегола и шлёпнул своей ладонью о подставленную ладонь Авалати.

– Понял, – облизнул губы тот.

Однако ситуация продолжала ухудшаться.

С волкодлаками было что-то не то… Казалось, избавляешься от одного – и вместо него появляются двое. Заснеженный лес кишел

монстрами. Уже и днём нельзя было без опаски покидать деревню.

У других поселений, за погодными разломами, были свои беды, но все сходились на том, что Долине по-настоящему не повезло. Она стала невольным изгоем: не жила, а выживала, будто непрерывно держа осаду.

– Так больше не может продолжаться, – сказал мастер Годри на общем собрании после того, как волкодлаки ясным утром загрызли кружевницу Люффи, отправившуюся к реке. – Надо разобраться с первопричиной – с костями тех ведьм в Гибловом ущелье, с которых всё началось.

– Но мастер Годри! – заголосили селяне. – Ведь оттуда волкодлаки и лезут!.. Там их десятки, если не сотни!.. Это же порождения тьмы, мы никогда с ними не справимся!.. Видят боги, однажды кто-нибудь обязательно с ними покончит, а нам нужно просто потерпеть!..

Со своего места неожиданно поднялся Хегола.

– Боги видят лишь то, что делают люди! – звонко воскликнул он, и кое-кто закивал, соглашаясь. – Этим «кем-нибудь» должны стать мы с вами. Да, страшно. Да, опасно. Но больше некому, очнитесь! Другие деревни отказались присылать колдунов, ждать нечего, петля лишь затягивается!

И снова много-много споров.

– Они правы. Неохота, конечно, но давайте я пойду в ущелье, – со своей привычной скукой в голосе неожиданно предложил Силграс, дотоле молчавший.

Хегола, приятно удивлённый инициативой друга, вскинул брови и улыбнулся. Авалати незаметно показал ему кончик языка.

– Нет, – подумав, возразил мастер Годри. – В ущелье пойдём мы с Хеголой.

– Но ведь Силграс сильнее! – воскликнул Хегола.

– Я *гораздо* сильнее! – негодующе подскочил Авалати.

Все заохали – это прозвучало едва ли не оскорбительно, – но с усталого лица Годри не исчезло спокойное выражение. Мастер Тофф подошёл и положил тёплую руку на худенькое плечо колдуна.

– Вот именно, Силграс, – тихо и серьёзно сказал он. – Как раз поэтому я и доверяю тебе самое ценное – нашу деревню. Мы с Хеголой справимся, не переживай.

Мастер Годри взял с собой тех, кто вызвался добровольно.

В следующую пятницу отряд из двух дюжин селян во главе с ним и Хеголой отправился в сторону Гиблова ущелья.

Пока они отсутствовали, монстры три ночи подряд нападали на Долину, в большем количестве и яростнее, чем обычно, и измотанный Силграс понадеялся, что, возможно, на долю ушедших остаётся не так уж много врагов.

Однако в среду на закате из всего отряда вернулись лишь пятеро. Хегола был среди них. А вот мастер Годри – нет.

*** * ***

Всю ночь плакали по всей Долине Колокольчиков. Младший – а точнее, теперь единственный – Тофф закрылся в своей комнате и не выходил.

Не зная, что делать, Силграс молча бродил по дому друга и долго сидел, прижавшись спиной к закрытой двери спальни. За ней звенела надорванная тишина.

– Хегола, ты там? – спросил он наконец.

– Да.

– Ты в порядке?

Бесконечная пауза. А потом глухой, надломленный голос:

– Если бы ты, а не я, пошёл с ними, отец был бы жив. Твой талант мог бы спасти его – и всех остальных. А я не справился. Никого не смог защитить. Они доверились мне, и теперь они мертвы. Так что нет, Силграс, *я совсем не в порядке*.

Авалати не знал что ответить. Перед рассветом он беззвучно ушёл, не оставив в доме никаких следов своего пребывания.

Через неделю Хеголу Тоффа выбрали новым старостой, несмотря на юный возраст. Он попросил Силграса стать деревенским колдуном.

Сначала казалось, что горе навсегда поселилось в Долине Колокольчиков. Авалати почему-то было стыдно дышать в первые дни. Стыдно причёсываться, есть, чувствовать себя нормально.

Но мало-помалу боль утихла, на улицах снова стал слышен смех, а Хегола упрямо вернулся к своим ежедневным тренировкам по колдовству, бегу и стрельбе из лука…

«Я стану сильнее. Я больше никого не подведу».

Согласно обычаю Седых гор, колдун и староста жили и работали в главном деревенском доме, разделённом на две половины – в Долине его называли Избой-У-Колодца. Когда Силграс варил магические зелья и создавал охранные амулеты на своей половине, он слышал, как за стеной Хегола принимает селян с их жалобами и помогает находить решения. По субботам к дому с утра пораньше выстраивалась целая очередь, и Силграс, рыча и сопя, накрывал голову подушкой, потому что они топтались прямо у него под окнами, мешая спать.

Волкодлаков больше не было, но в Седых горах и без этого хватало чудовищ.

Следующим летом странная нежить стала угрожать деревне, находившейся за ближайшим погодным разломом. Соседи попросили у Долины Колокольчиков помощи. Сами они в своё время наотрез отказались помогать с волкодлаками, но…

– Мы поддержим их, – твёрдо сказал Хегола.

– И этих поддержим, – когда из другого поселения поступила похожая просьба.

Благодаря его решениям постепенно возобновилось давно потерянное сотрудничество между разными поселениями. Они стали сплочённее, чем когда-либо прежде. Расцвела торговля, вернулись праздники. И – нововведение – трижды в год между восемью деревнями решили проводить соревнования по разным ремёслам и играм. Это было так необычно – и так прекрасно!..

В остальные месяцы к турнирам активно готовились: всем всерьёз хотелось надрать задницы соседям.

И вскоре в Долине Колокольчиков сам процесс подготовки решили тоже сделать в виде соревнований – уже между селянами. На центральной площади, неподалёку от того самого колодца, возле которого находилась главная изба, поставили огромный щит, на котором писали названия дисциплин, имена участников и их результаты. Получалась огромная таблица, возле которой целыми днями толпились зеваки.

И всё было бы замечательно, но по этой таблице вдруг стало видно, что Хегола Тофф катастрофически уступает Силграсу Авалати. Во всём. Даже в беге, хотя, казалось бы…

– Хм! – Хегола, стоя у щита, скрестил руки на груди под любопытными взглядами нескольких селян и самого Авалати. –

Между деревнями в этом не соревнуются, но… Давай добавим шахматы, Силграс.

– Давай.

Проигрыш Хеголы.

– Прыжки в высоту.

– Хорошо. Я как раз хотел как-нибудь попробовать.

Проигрыш Хеголы.

– Бой на вилах.

– …Э-э, мастер Тофф, но это звучит немного опасно…

– Отлично.

Проигрыш Хеголы.

Напряжение незаметно разливалось по деревне, ещё неясное, непонятное большинству, но некоторые уже озабоченно переглядывались: неужели они зря затеяли эту штуку?.. Но как теперь остановить соревнования: это же будет выглядеть так, будто все они Хеголу жалеют, унизительно выйдет, кошмарно?

Силграс Авалати не чувствовал подвоха. Ну, подумаешь, у Тоффа плохое настроение изо дня в день. Тоже мне, трагедия. Он всегда легко взрывается, но потом быстро отходит. Надо просто рассказать ему, как красотка Лойя Доренни беззастенчиво нахваливала его и всё пыталась выведать, есть ли у него подружка, пока Силграс смешивал ей микстуру от кашля. Лойя даже набралась храбрости, чтобы посоветоваться, как лучше предложить Тоффу пойти на свидание. Хегола от таких новостей живо придёт в себя. Он всегда стеснялся девушек – в отличие от Силграса, который заигрывал с ними почти профессионально (с каким-то своим, эгоистичным обаянием). Силграс знал, что Хегола в свои двадцать лет ещё ни с кем не встречался. До смерти мастера Годри он был погружён в их мальчишеский досуг и свои занятия. А теперь большую часть времени занимала работа старосты и опять же тренировки…

Хотя, ей-небо, половина селянок мечтала, чтобы заботливый, ответственный, красивый Тофф сорвал с их уст поцелуй.

– Пойдём в тёплый лес на охоту на куропаток? – предложил Силграс, привычно заходя на принадлежавшую Хеголе половину дома.

«Светлую половину», как он шутил, свою называя «тёмной», хотя как раз Силграс был беленьким, как гусиное пёрышко, а волосы Хеголы цветом напоминали о чёрном соколином крыле. Но в комнатах

Тоффа всегда был порядок, а у Силграса царил такой безнадёжный круглосуточный бардак, что и впрямь было темновато: загромождение предметов плодило тени.

– Не хочу. У меня много дел.

Тофф копался в свитках с отчётами селян о ярмарочных продажах.

– Ну Хе-е-е-е-егола. – Силграс капризной звездой разлёгся на полу, чуть ли не стал барабанить по нему ногами, как ребёнок.

– Отстань, Авалати. Иди работать.

– А может, всё-таки постреляем куропаток…

– Я сказал: отвали. Что тут неясного?

В глазах обернувшегося от стола Тоффа полыхнул гнев. Силграс мигом перестал канючить, резко сел и прищурился.

– Что-то не так?

– Я занят. А ты этого явно не понимаешь.

– Да ладно тебе, ведь всё это ждёт до завтра. Не слишком-то важные это бумаги – подумаешь, циферки…

– Не слишком важные?! – рявкнул Тофф, вставая из-за стола. – Силграс, я понимаю, что ты весь такой из себя молодой колдун и с ума сойти какая творческая личность, но на мне держится эта окаянная деревня. Да, твоя магия – потрясающая, твои таланты – бесценны, и твои победы – что ж, блестящие, – Хегола сглотнул, – но… На мне – наши земли, наш скот, торговля, строительство и ещё пепел знает сколько всего. То, что ты ничего не смыслишь в моих «циферках», не делает их неважными! Скорее, это кое-что говорит о *тебе*. Кое-что, что тебе *не понравится*.

Силграсу стало неуютно под взглядом старосты. Он молча поднялся с ковра и пошёл к выходу. Уже дотронувшись до дверной ручки, оглянулся. Тофф стоял, сложив руки на груди.

– Я пойду на охоту один, – глядя исподлобья, предупредил Авалати, будто рассчитывая, что друг передумает.

– Иди, – раздражённо бросил Тофф.

*** * ***

Последним в списке турниров было соревнование по стрельбе из лука. В первом туре было десять человек, во втором пять, ну и в

третьем, конечно же, остались лишь Силграс и Хегола.

Они шли вровень, но с последней стрелой Тофф промазал. А вот Авалати – попал.

– Есть! – рассмеялся он и вскинул руку, чтобы привычно дать напарнику «пять».

Но Тофф в гробовом молчании повесил лук на стену и быстро ушёл. Никто не попробовал его остановить. Все стояли, не зная куда девать глаза, и вот тут-то наконец проняло даже Силграса. Пришибло запоздалым осознанием: для Тоффа эта игра давно перестала быть приятной.

– Ну… кхм… – сказал старец Лука, выходя перед зрителями и почёсывая бородавчатый нос. – Вот соревнования и закончены. Всем спасибо, до свидания… Увидимся… Э-э-э… В трактире за ужином…

– Думаете, Тофф придёт?..

– Да кто ж теперь его, Тоффа, знает-то…

Авалати моргнул. Внимательным взглядом обвёл расстроенных селян. Нет, они его не винили. И Хеголу не винили. Им всем просто было довольно паршиво, увы.

Силграс чуть не взвыл от досады. Потом впихнул лук в руки молочнику, сбросил колчан и бегом, не реагируя на крики «Ты куда, милый?!», помчался вслед за ушедшим Тоффом.

*** * ***

Тот, видимо, тоже бежал. Отпечатки сапог сначала вились по деревне, потом ускользали за ворота, продолжались в поле, на опушке, в лесу… Силграс перевёл зрение в «режим альва», позволяющий видеть дальше и глубже, чем люди, иначе бы он давно уже потерял след Хеголы.

Вечерело. Закатное солнце накололось на пик Осколрог и растеклось желтком неопределённого багряного цвета. Жгучий холод затопил овраги, птицы притихли в своих гнёздах, послышался жадный волчий вой и тихие скрипы старых деревьев, как будто мимо них проходило что-то большое, страшное…

С-с-сажа.

В соседних деревнях в последнее время только и говорили, что в лесу стало пахнуть прахом и кровью – а это вполне могло значить, что в окрестностях кое-кто появился…

С-с-с-сажа!..

Силграс побежал ещё быстрее.

– Хегола! – заорал он, прижав руки ко рту. – Не глупи! Возвращайся, Тофф!

В ответ лишь веточки хрустели под его ногами.

– Хегола! Козёл!

Вот с искусством убеждения у Авалати было так себе.

Силграс перепрыгнул было через поваленное бревно, но неожиданно зацепился за него штаниной и плашмя растянулся на земле.

– Чтоб тебя обуглило, – процедил он, сплёвывая ошмётки коры.

Заскрипел снег под чьими-то решительными шагами, и в поле зрения альва показались два знакомых сапога. К ним прилагался Хегола Тофф: совершенно разбитый и злой, с воспалённо-красными глазами (плакал, что ли?), с застёгнутой как попало курткой и с искажённым от ярости лицом.

– Ну и что ты здесь бегаешь и орёшь? – рявкнул староста. – Неужели не ясно, что я хочу побыть один?!

– Из-за чего это, интересно?! – вспылил, в свою очередь, Авалати, взбешённый своим идиотским распластанным положением. – Из-за того, что проиграл? Ты что, девчонка, что ли, устраивать истерики из-за таких…

Он не договорил: Тофф поднял его за шкирку и, поставив на землю, тотчас грубо оттолкнул. Подвернувшееся под ноги бревно опять чуть не стало причиной падения, но на этот раз Силграс всё-таки устоял.

– Ты серьёзно не понимаешь?! – Глядя исподлобья, староста наступал на друга. – Вспомни, сколько времени тренировкам уделяю я. Сколько – ты. И каков результат, что в магии, что в чём угодно ещё? К чему это привело три года назад?! А к чему ещё приведёт?!. Аррр! Убирайся, Авалати! – чуть ли не взвыл он. – Вали обратно в деревню и хоть ненадолго оставь меня в покое, самовлюблённый ты глухарь!

– Что-о-о?! Как ты меня назвал?! Да иди ты в задницу, Тофф!

Хегола хотел ответить, но ему не дали.

Вдалеке раздался протяжный скрип старой ели, потом – шорох ветвей и тяжёлый звук удара о землю. Затем – ещё один. Деревья падали одно за другим. *Что-то*, идущее по лесу, скашивало их, как серпом.

– *Кто по лесу-леску идёт, ягоду волчью срывает; кто всю ночь от кошмаров кричит, хвою с ветвей обрывает…* – раздался призрачный многоголосый шёпот.

Тофф побледнел. Кровь отхлынула от его лица, кадык дёрнулся и, выругавшись, он схватил колдуна за локоть.

– Это Леший!.. Силграс, бежим отсюда!

– Поздно, – сказал тот, поднимая взгляд наверх.

Из-за деревьев вышло *оно*. Седая, косматая тьма, в которой проглядывали раздробленные кости, сложенные в огромную сущность, череп вместо лица, оленьи рога, украшенные отрезанными человеческими пальцами и ягодами рябины… Горящие красным впадины глаз. А на шее – мёртвые крысы на нитках, что и пели эту дикую песнь.

Леший утробно зарычал, глядя на две фигурки впереди, и тьма стала расползаться от него во все стороны.

– Бежим! – ещё раз рявкнул Тофф и попробовал, обхватив друга за плечи, просто утянуть его за собой, но тут Силграс…

…Преобразился.

Он коснулся пальцами своего лица – и тотчас взметнулись белым пламенем волосы, вспыхнули голубым глаза, и мягкое сияние окутало Авалати.

А главное – в небе над Силграсом загорелась огромная, созданная будто из драгоценного камня звезда. Такая же, как над Лешим. Но у Лешего она была яшмовая, цвета подгнившей брусники, а у Силграса – сапфировая, ясная и чистая.

Хегола Тофф застыл на месте.

Два альва. Боги-хранители, что происходит? Два альва…

Староста, как в тумане, наблюдал за боем. Сознание отвергало происходящее. Прошло пятнадцать минут – а может, и два часа, – и страшно раненный Леший, разбрызгивая чёрную кровь, сипя и держась за сломанный рог, сбежал, сопровождаемый визгом своих крыс. А Силграс – тяжело и хрипло дышащий, с безумным взглядом и оскаленными клыками – повернулся к нему.

Тофф с отвращением понял, что его буквально колотит от страха. Колени подгибались, хотелось лечь в сугроб и закрыть глаза. Но – не сдаваться, не бояться, не сомневаться!

– Нам, – сурово проговорил Хегола, стараясь не выдать свою панику, – надо поговорить.

– Да, – облизнулся Силграс и поправил волосы.

7. Недочеловек и заурядность

Вы даже не представляете, как глубоко могут ранить слова, сказанные в пылу ссоры. Вы забудете о них, но другой будет помнить и чувствовать, как они подтачивают его сердце и вашу дружбу. Будьте осторожны с теми, кто вам дорог.

Мариша Ленковала, Мастер Лёгких Мыслей

Хегола сохранил тайну Силграса Авалати.

Новость о том, кем на самом деле является его напарник, перекрыла для старосты горечь всех недавних поражений. Она была слишком будоражащей, волнующей, грандиозной. Этот секрет сильно сблизил их: в дружбу добавилось новое манящее измерение *истинной магии*, чего-то более глубокого и трепетного, стоящего над радостями и бедами повседневности.

Вселенная. Ткань времени. Бытие.

И – дорогой человек рядом, с которым можно всё это разделить, которому доверяешь, как себе. Возможно, даже больше, чем себе.

– Расскажи о своих предыдущих жизнях, – просил Тофф, когда они сидели на крыше Избы-У-Колодца с добрыми пинтами браги в руках.

– Да я ни пепла не помню, – отмахивался Авалати. – Когда я просыпаюсь, у меня в голове само по себе появляется знание о том, как устроен мир, магия, общество, я сам и другие альвы. Но о моих предыдущих воплощениях – ничего.

– А то, кем ты родишься, зависит от того, как ты вёл себя в прошлый раз, да?

– Конечно, – важно кивал Силграс. Тофф, как ребёнок, восторженно расширял глаза («Я знал, знал!»), но альв продолжал без паузы: – Я такой невероятный красавчик именно потому, что у меня ещё и сердце золотое. Кругом хорош. Ты что, не замечал?

– Ой, да иди ты, – разочарованно отмахивался Хегола.

– Нет, ты серьёзно веришь, – Авалати фыркал, – что поведение может влиять на твою следующую жизнь?!

– Вот переродишься слизнем за свой отвратный характер, тогда и поговорим.

Тоффу заметно полегчало. «Мы завидуем только тем, на чьи успехи сами можем претендовать, – думал он, с прежним энтузиазмом вернувшись к своему самосовершенствованию. – Ави же – принципиально иное существо… Логично, что я не мог догнать его все эти годы. Но ничего. Ещё обязательно догоню!»

Силграс тоже выдохнул: он и не подозревал, что собственная тайна прежде тяготила его.

Конфликты они теперь переводили в разряд шуток. Если Силграс вёл себя эгоистично или слишком заносчиво, Хегола разводил руками: «Ну чего ещё ждать от идиотского альва!» Если Тофф ошибался или переживал из-за чего-то непонятного, Авалати закатывал глаза: «Сразу видно – слабый человечишка».

Вот только Хегола и Силграс не заметили, как эти ироничные упрёки стали такими привычными, что проросли в них уже безо всякого юмора, невольно вписались в их картину мира.

Надо думать, что повторяешь. Даже в шутку.

Потом было ещё многое. Ещё радости. Ещё беды – даже такие, что превосходили горе событий у Гиблова ущелья, однако не разбили дружбу старосты и колдуна…

Но когда им исполнилось по двадцать четыре года (Хеголе – по-настоящему, Силграсу – самопровозглашённо), Тофф влюбился.

Её звали Эльза, она не так давно переехала в Долину Колокольчиков и восхитительно играла на лютне. Хеголе никак не хватало духу что-то сделать со своими чувствами – признаться или что-то вроде того, но он постоянно трещал об Эльзе, и Силграс глубоко призадумался на этот счёт.

Авалати всегда обожали девушки, он неизменно был в центре внимания, но ни с кем всерьёз не сближался. Теперь же ему захотелось выяснить, какая такая великая любовь мучает его напарника, заставляя его попеременно бледнеть и краснеть перед лицом новенькой селянки.

Силграс с головой нырнул в романтическую жизнь, что при его своеобразном подходе стало катастрофой для Долины Колокольчиков.

Количество по уши влюбившихся и брошенных селянок росло как снежный ком.

– Твою ж мать, ты совсем сдурел, Авалати?! – не выдержав, влетел к нему с утра пораньше негодующий Хегола. – У тебя вообще сердце есть?!

– А что такого?

– Даже самый тупой человек понимает, что тут такого!

– Ну, я-то альв. – Силграс продолжал беспечно полировать ногти, пока Хегола не взял его за шкирку и хорошенько не тряхнул.

– Не вздумай. Больше. Так. Делать. Иначе я выгоню тебя к пепловой бабушке из своей деревни.

У Силграса внутри всё окаменело.

«Выгоню». Это был его самый сильный страх с того дня, когда они столкнулись с Лешим и Хегола увидел его истинную сущность.

Но со стороны тайное смятение Авалати не получилось бы заметить: на его лице не дёрнулся ни один мускул.

– Своей? Вот как мы заговорили? – Даже понимая, что староста *чересчур* зол, Силграс не мог перестать язвить. – А я думал, мы побратались на крови и всё такое. Что, мне теперь жить в ужасе перед твоими решениями?..

– Я не шучу. Посмотри на меня, Силграс. В глаза. И поклянись, что ты прекратишь *немедленно*. Раз так приспичило, выбери одну и женись, идиотина!

Тофф был серьёзен.

Очень серьёзен, и Авалати с тревогой понял, что он правда не совсем понимает, что так взбесило друга. Это же *глупо*, боги. Как можно из-за этого переживать?.. Неужели старосте приличия и девицы важнее их дружбы? Как Тофф может так огорчаться из-за мнения каких-то людишек?

Стоп.

Авалати моргнул, сам себя поймав на этом презрительном слове: «людишки».

Пепел. Нет. Он так не считает. Жители Долины Колокольчиков важны для него. Они – его *дом*. Он их ценит, он уважает их всех, не только Тоффа, просто иногда они и впрямь ведут себя так наивно или переживают из-за таких малозначимых вещей… Такие глупые, ох… Сердце альва заколотилось.

Может, с ним действительно что-то не так, раз он так думает? Но разве это плохо – быть другим? Разве это значит, что ему здесь не место или его надо изгонять? Что ему надо сделать, чтобы Тофф так больше не говорил, ни в шутку, ни в ссорах?

– Поклянись, – повторно потребовал староста.

– Клянусь, – задумчиво кивнул колдун.

И сдержал слово.

Но слегка своеобразно…

Однажды вечером Хегола, по привычке с ноги распахнув дверь, ворвался на «тёмную половину» Избы-У-Колодца с какими-то срочными делами. Но Силграс внутри не бездельничал, как обычно, или не варил какие-то новые зелья, а…

Целовался.

С Эльзой Донохи. С той самой, в которую Хегола вообще-то был влюблён и кольцо для которой носил в кармане уже пару месяцев. И о чём Силграс знал, как никто другой. Помогал выбирать у городского ювелира…

Сцена получилась до ужаса некрасивая.

После этого, по давно заведённому им порядку, Тофф и Авалати умчались выяснять отношения в лес. Тофф убегал, Авалати догонял. Хоть что-то в этом мире оставалось неизменным.

Староста и колдун орали друг на друга посреди заснеженной поляны, и с каждой новой репликой их слова становились всё жёстче и злее.

– Не вздумай ко мне приближаться, Силграс Авалати, иначе я за себя не отвечаю. – На Хеголу было страшно смотреть. – Ты клялся. Глядя мне в глаза, ты поклялся, что не разобьёшь сердце больше ни одной селянке. И я, идиот, тебе поверил, чтобы теперь ты крутил шашни с девушкой, которую я люблю?!

– Да Хегола! Да я просто…

– Просто?! – взревел староста. – Конечно, у тебя всё просто, бессмертный ты выродок!

– Я планировал её так отвадить! – зашипел, брызжа слюной и чуть не плача, Авалати. – Быстренько дать ей то, что она хочет, чтобы она разочаровалась, больше никогда не думала обо мне и пошла к тебе! Понимаешь?!

Хегола побледнел как полотно.

– То есть ты считаешь себя лучше меня, – каким-то чужим, глухим голосом сказал он. – А Эльзу считаешь шлюхой.

Силграс запнулся. Логика Тоффа от него ускользала.

– Как я мог, – Хегола поднял лицо к небу. – Как я мог всю жизнь видеть в тебе своего друга, почти брата, если очевидно, что всё человеческое, нормальное, *адекватное* тебе чуждо?

Голос старосты становился громче, он говорил быстрее, злее, напористее.

– Ты только притворяешься одним из нас, а на деле был и остаёшься самодовольным равнодушным чудовищем, Силграс. С тех пор, как я узнал, что ты альв, я делал на это скидку всякий раз, когда ты проявлял свои эгоизм, лень, бесчувственность, откровенную глупость и легкомыслие… – Тофф нарочито-театрально загибал пальцы. Когда таким образом сжался кулак, он без промедления врезал Силграсу Авалати. – Но я не прощу то, что ты полез к моей девушке, долбаный недочеловек!

У Авалати аж в глазах потемнело – то ли от ярости, то ли от боли, то ли от обиды на всё-всё-всё.

Сплюнув кровь, Силграс вскинул подбородок и тонко, по-змеиному улыбнулся.

– *Недочеловек?* – проворковал он. – Вот кем, значит, ты меня считаешь? Вечно укоряешь меня в высокомерии, а сам – посмотрите-ка! – всё не можешь принять того факта, что кто-то в этом мире в чём-то может быть лучше тебя! Всё сравниваешь, всё беспокоишься, обижаешься на любой, даже крохотный, проигрыш! Жаждешь свою Эльзу схватить за юбку и трясти, трясти, пока она тебе не скажет, что это ты, конечно же, тут герой, а если кто-то тебя и сильнее, то это просто потому, что ему повезло, да?! А на самом деле всего и всегда достоин был только ты, самый лучший мальчик?! – Авалати нарочито и зло засюсюкал. – Такие сказки тебе нужны, Хегола?! Вырасти уже наконец и признай, что вся твоя злость происходит из того, что ты гордец и завистник!

Лицо Хеголы окаменело. Желваки заходили под скулами.

– Я давно уже тебе не завидую, – прорычал он.

Силграс, отвлёкшийся, чтобы проверить пальцем зуб – не шатается ли? – замер. В голосе Тоффа было что-то… железное. Не

такое, как во время прежних скандалов. Дыхание у альва перехватило от смутного и страшного предчувствия.

– Внутри у тебя лишь холод и пустота. – Тофф пожал плечами. – Ты думаешь о своих зубах больше, чем о нашей дружбе. Чему тут завидовать?

Это серое безразличие причинило Силграсу гораздо больше боли, чем могла бы даже самая грязная ругань.

– Ты пожалеешь о своих словах, Хегола, и… – начал он, глядя на напарника исподлобья, но тот, как не слыша, продолжал:

– Ты не меняешься. Вообще. Не растёшь и не развиваешься. Ты – данность, у которой нет ни настоящих чувств, ни привязанностей. Да и впрямь: что тебе наша деревня перед лицом бессмертия? Ты даже ничего не запомнишь, уснув. Естественно, тебе плевать на всех, кто рядом. Так что единственное, о чём я пожалею, Силграс, так это о том, что считал тебя своей родной душой.

Авалати зарычал. Бесстрастное лицо вечно эмоционального Хеголы сводило его с ума.

– Ты врёшь! – заорал альв. – Я меняюсь! Ещё как расту и меняюсь!

Вообще-то он хотел сказать: «У меня есть чувства и привязанности. Я был и буду твоим лучшим другом, идиот, даже если мир развалится на куски». Но Силграс не смог: ему было стыдно так говорить.

А Тофф лишь прикрыл глаза, на основе прозвучавшего ответа сделав свои – неправильные – выводы из того, что альву было важнее всего из услышанного.

«Почему, почему ты ответил именно так? Неужели я попадаю в точку, говоря все это?..» – с болью думал Хегола.

Вслух он лишь разочарованно и устало бросил:

– Неправда. Твои силы, характер и навыки ничуть не изменились за все эти годы.

Силграсу из-за этой чуждой интонации казалось, что его вновь и вновь обливают кипящей водой, варя заживо. Ему хотелось схватить Тоффа и трясти до тех пор, пока тот снова не станет орать, как прежде, как он делал всегда, после чего они обязательно мирились.

– А вот мои навыки, раз ты хочешь говорить именно об *этом*, – бесстрастно продолжал Хегола, – становятся глубже. Да, мне до сих

пор далеко до тебя, но… Я нагоню тебя, Силграс. – Тофф вскинул подбородок. – Не пройдёт и нескольких лет, как я всё-таки превзойду тебя – и в боях, и в колдовстве. Потому что мне *есть* ради чего и ради кого становиться лучше. Моя деревня. Мой дом. Эльза. Ради них я горы сверну.

«А ради меня? – тупо подумал Силграс. – Я что – не семья? Какая-то левая баба, приехавшая год назад, дороже меня? И разве Долина – не мой дом тоже? Разве я ради неё не готов на всё? Ну и что, что я не человек?! Ну и что, Хегола?!»

Внутри у Силграса всё кричало и плакало, хотело объяснений, признаний (давай всем скажем, что я альв!), извинений (ну да, я зря её целовал, но я же хотел как лучше, прости, прости!)…

Но вместо всего этого мастер Авалати натянул самое стервозное выражение на лицо и, улыбнувшись, сказал:

– Говоришь, ты превзойдёшь меня за несколько лет? Ну давай проверим.

И вдруг, выбросив руку в сторону Долины, он призвал оттуда свои магические колокольчики, что уже много лет пылились, спрятанные под половицей в спальне. И, зажгя в небе лазоревую звезду, Силграс наполнил их. Вот только не отпечатками – а настоящими селянами. И зачаровал Долину так, что ничто в деревне теперь не было подвластно неумолимому ходу времени, а оставшиеся от людей призрачные копии лишь слабо реагировали на реальность.

– Расколдовывай, Хегола. Доказывай, что ты там хотел доказать, а я пока пойду по своим нечеловеческим, столь омерзительным тебе делам, – почти выплюнул Авалати, чувствуя, как его сердце отчаянно колотится, готовое разорваться то ли от боли, то ли от ужаса при мысли о только что содеянном. – Передумаешь или поймёшь, что я хотел как лучше – Эльза *сама* на мне повисла, идиот, я *всегда* держу свои обещания, – тогда разбей вот это. И я вернусь.

И альв швырнул в лицо побелевшему старосте последний оставшийся колокольчик, который все эти годы носил как серьгу.

Развернулся. Ушёл.

* * *

Тинави из Дома Страждущих

На этом месте Силграс надолго замолчал.

В натопленной комнате разлилась тишина, янтарная и густая, как медовуха.

– Что случилось потом? – наконец прервала молчание я.

Силграс не спешил отвечать, зато отозвался Берти:

– Я так понимаю, – сыщик пристально посмотрел на альва, – что ничего хорошего. Раз уж по улицам до сих пор бродят призраки, а не люди.

Авалати кивнул:

– В первые несколько дней Тофф не стал звать меня. Я ошивался здесь неподалёку, всё ждал, пока он разобьёт тот колокольчик. Но он всегда был слишком упрямым. При этом я знал, что он никак не сможет расколдовать Долину: заклинание альва может снять только сам альв. Без вариантов. Меня мучила совесть. Иногда я хотел вернуться, но… – Авалати поморщился. – Но всё же мне казалось, что правильнее будет, если он позовёт, ведь это он тогда на меня накричал первым.

Я аж поперхнулась.

О да. А ты запихнул всех ваших близких в волшебные колокольчики, это ничего?

– Сейчас-то я понимаю, что был не прав, – процедил Силграс, заметив мой красноречиво-убийственный взгляд. – Ну а потом…

Авалати опустил голову и потёр нос костяшками пальцев.

– Леший нашёл меня вместе со своими чудовищными прихвостнями. И отомстил за ту нашу старую драку в лесу. Я тогда сломал ему рог – а это страшное оскорбление… Он мстил и прежде, я сейчас не стал рассказывать об этом, чтобы не удлинять и без того долгую историю, но в этот раз… Впервые я не смог дать отпор. Он очень сильно ранил меня, а я всё ещё был слаб после зачарования деревни. Я нашёл в себе силы доползти до Долины Ручьёв и Трав, где властвует зелёная госпожа, и уснул там. Не своим настоящим сном, а просто – исцеляющим. Проснулся я, – Силграс облизнул губы, – прошлым летом. То есть двести девяносто лет спустя.

От такой чудовищной цифры у меня закружилась голова. *Двести. Девяносто. Лет.*

– Боги-хранители… – только и прошептал Голден-Халла, не менее ошеломлённый, чем я.

– Да. – Авалати стал яростно расчёсывать своё запястье. – Было понятно, что Хегола уже мёртв. Он погиб, так и не сумев расколдовать Долину. Как я выяснил, он пробыл здесь достаточно долгое время после моего ухода, безуспешно пытаясь снять заклинание, а затем отправился вместе с колокольчиками в мёртвый город Асулен. Возможно, вы слышали об этом магическом месте?

Мы с Берти кивнули.

Покинутый Асулен – он же город ста безмолвных колоколен, утонувшая в веках родина давным-давно исчезнувших великанов. Там царит вечная осень, и сухая листва, кружась, шепчет голосами растворившихся в небытии жителей.

В комнату вошла призрачная трактирщица и подлила нам ещё грога.

– Спасибо, Гедвига, – сказал ей Силграс, и она нежно улыбнулась. Затем Авалати выдавил:

– Вероятно, Тофф надеялся, что найдёт в Асулене способ расколдовать деревню. Но вместо этого он нашёл свою смерть… Снежные духи снуи передали, что там под Рассветной башней лежит его скелет. Если бы Хеголу убили одинокие тени, главный бич Асулена, то костей бы не осталось. Если бы убил человек – забрал бы драгоценный сундук, в который Тофф сложил колокольчики. Я заманил вас сюда, чтобы попросить привезти мне его. И чтобы вы узнали, – Силграс сглотнул, – как умер мой друг.

Я молчала. Безжалостное, неостановимое время всегда казалось мне самой страшной вещью во вселенной – настоящим и единственным врагом всего живого, – и от истории Силграса и Хеголы у меня горько сжималось сердце.

Берти между тем был воплощением рациональности:

– А почему ты сам не заберёшь свой сундук, Силграс? Прости, но ты не похож на парня, которого испугала бы поездка в Покинутый Асулен. Во всяком случае, настолько, чтобы он попробовал подрядить на это каких-то случайных чужеземцев.

– Я бы с удовольствием сделал всё сам, но не могу переступить границы Асулена, – Силграс поджал губы. – Так устроена моя жизнь: чем дольше я хожу с данным мне телом, тем неизбывнее меня

притягивает моя гора. С каждым годом мне всё сложнее находиться вдалеке от пика Осколрог. Асулен уже недоступен мне, как и многие другие города севера. Именно поэтому мне пришлось придумать план с привлечением колдунов из Врат Солнца.

Как оказалось, мы с Берти были не первыми путешественниками, на которых Силграс положил глаз как на потенциальных помощников.

Сложность заключалась в том, что чужакам в заколдованную Долину Колокольчиков можно было попасть только добровольно и в полном сознании, но при этом, если искать её специально – не найдёшь. Поэтому возница разработал план с «исчезновением» и «коварным сныи».

Раз за разом ничего не удавалось: путники, заманенные в кэб и брошенные посреди горы, дружно слали приключения к праховой бабушке и пешком возвращались в город. В этом случае Силграс догонял их, стирал им память и уже вёз по назначенному адресу нормально (репутацию надо беречь). Лишь изредка кто-то оставался на дороге достаточно долго для того, чтобы ему являлся сныи, но… Все путешественники из данной категории умудрялись попасть под чары снежного духа, что тоже не подходило.

В общем, вознице нужны были два безбашенно-любопытных человека с иммунитетом к гипнозу, которые в ночи бы попёрлись навстречу проблемам, а не тёплому очагу. И в этом плане ему повезло – в кои-то веки! – с нами.

– Помогите мне, – буркнул Силграс в конце концов. И с видимым трудом добавил: – Пожалуйста. Я хочу исправить то, что ещё можно исправить…

Глядя на бледного Авалати, эту загадку природы, однажды споткнувшуюся о собственный страх показаться слабым, я тихо сказала:

– Я готова.

Берти, до того задумчиво водивший по столу пальцем, поднял голову:

– Я тоже.

Силграс рвано выдохнул, кивнул и отвернулся.

8. Тем временем Морган

Скальники – народ, ныне живущий под стенами Покинутого Асулена. Во многих поселениях Седых гор на роль деревенского колдуна стараются пригласить шамана из числа скальников: они мастерски изгоняют тёмные силы, что неудивительно, учитывая их место проживания.

Справочник «О нравах и традициях Норшвайна»

Морган Гарвус

Морган проснулся, Морган поел, Морган пострадал.

Долбаная диссертация, как же неохота её писать!..

В шале было тихо. Ворон Кори мирно чистил пёрышки в своём углу, в гостиной на первом этаже тикали часы, а на улице светило яркое полуденное солнце, во всей красе показывающее чистые голубые и белые цвета пейзажа. Тишь да гладь. Дом Гарвуса, как цукат, единственный торчал на сахарном кексе холма. Да-да, Морган купил шале в одной из непопулярных заснеженных зон Седых гор, ведь он обожал зиму.

Жители ближайшей деревеньки считали его загадочным богачом-интеллектуалом с причудами. По сути, они были правы. Однако им казалось, что будни Моргана должны быть очень возвышенными и романтичными, но в реальности – вот он, сидит, натурально бьётся головой об стол, кляня себя за то, что с какой-то радости выбрал научную стезю.

«Бум». – Удар. – «Бум».

И ведь не то чтобы кто-то заставлял Гарвуса быть учёным. Миру на самом-то деле глубоко наплевать, кто чем занят. Ты смертный? Поздравляем, твоя план-программа минимальна: рождаешься,

суетишься, умираешь. Стиль суеты можешь выбрать сам, на свой вкус, так и быть.

Так. Ладно.

Надо собраться.

Потерев покрасневший лоб, Гарвус гневно фыркнул и поставил чашку поверх стопки черновиков, смутно надеясь, что она сейчас перевернётся и чай из неё зальёт к праховой бабушке все его бездарные писульки. Тогда можно будет с чистой совестью сообщить в Башню магов, что срок сдачи исследования необходимо увеличить ввиду непреодолимых внешних обстоятельств…

– Кар-р-р! – ехидно прокомментировал Корвин.

Кажется, мудрая птица догадывалась о том, какие мысли бродят в голове её хозяина.

– Да, я прокрастинирую, – надменно признал Морган.

А потом с тяжким вздохом откинулся на спинку стула и накрыл лицо случайной книгой со стола. Какое-то время он провёл в этой позе, неудобной, но эффектной. Потом сдался и снова сел нормально.

– Может, мне сделать перерыв и поизучать Седые горы? – прищурился он, глядя в окно. Вид из кабинета был потрясающий, манил и обещал приключения.

– Кар, кар, кар! – Кори завозмущался и захлопал крыльями.

Гарвус обернулся на ворона.

– Полагаешь, это не лучшая идея для одинокого учёного? – Он всегда очень быстро интерпретировал «высказывания» своего питомца. Не факт, правда, что правильно. – Ну да, так говорят. Но ведь Голден-Халле это не помешало свалить отсюда. А я уж точно дам сто очков вперёд этой рыжей бестолочи. Где он не пропадёт, там я тем более буду в безопасности…

Кори как-то странно шевельнул крылом, будто пытаясь покрутить перьями у виска.

– А, – нахмурился Морган. – Ты о том, что если он попадёт в беду, то наверняка попробует связаться со мной? Ну да, в этом случае действительно будет как-то нехорошо, если посланная им почтовая белка окажется перед запертыми дверьми. С другой стороны, я могу нанять кого-нибудь для ежедневных проверок… – продолжил рассуждать доктор, поглаживая подбородок.

Впрочем, это было притворством. И сам Морган, и Кори знали: никуда они не уедут из коттеджа, пока кое-кто невыносимый не пришлёт весточку, мол, я выбрался из Норшвайна живой и невредимый, йоу.

Но рассуждения о вещах, которые явно не будут сделаны, тоже были элементом знаменитой морганoвской прокрастинации.

Обычно она длилась дней десять. За это время Гарвус успевал тысячу раз в сердцах назвать себя «ничтожеством» и придумать с полсотни изощрённых способов самоубийства, ибо как этой несчастной земле в дальнейшем носить такого дурня, как он, не совсем понятно. Лучше помочь ей от себя избавиться. Милосерднее будет.

А затем Моргана перещёлкивало.

Он переставал мучиться и вдруг с холодной ясностью понимал, что, кроме него, никто его работу не сделает. И вспоминал, что вообще-то он *обожает* свою науку. И что надо просто начать, и продолжать, и не сдаваться, и желательно не грызть себя – по привычке – за любые оплошности, а вместо этого нахваливать своё отражение за малейшие успехи. Последнее было сложнее всего. Морган виртуозно обращался с кнутом, но до сих пор не научился угощать себя пряниками.

Сейчас была примерно середина «упаднического» периода. Ещё несколько суток Гарвусу предстояло помариноваться в сомнениях.

Так что пока, крутя в изящных пальцах писчее перо, доктор бессмысленно пялился на свои бумаги и скучал по Берти.

Три недели в компании сыщика, приехавшего погостить, были на удивление бодрящими. Теперь дом опустел – не слышалось ни возмущённых воплей из подвала («Какого праха вода в душе опять ледяная, боги-хранители?!»), ни хохота сквозь набитую в рот еду из-за невозможности удержаться от шуток даже во время обеда (жуткое зрелище), ни пространных философских монологов на веранде (по вечерам Берти выползал туда вместе с Кори и упоённо разглагольствовал, пока Морган писал – и, кстати, тогда писалось неплохо).

Иногда, глядя на Берти, Гарвус вспоминал своё детство и тот факт, что он был единственным ребёнком в семье. Наверняка, если бы у него был брат, он был бы похож на Голден-Халлу. И это определённо был бы младший брат. Непутёвый, беззаботно уверенный, что ему и море

по колено, но давно отправившийся бы на тот свет, если бы не всегда вовремя спасающий его Морган.

Эх.

Вообще Гарвус искренне любил одиночество, но контраст между недавним дурдомом и нынешней тишиной был настолько резким, что становилось неуютно. Нужно было как-то плавнее всё это организовать. Начать выгонять Голден-Халлу из дома на два часа, потом на пять, девять, двенадцать, а затем уже спровадить окончательно.

Впрочем… Можно попробовать избавиться от дискомфорта с помощью дозы других шумных людей.

Берти рекомендовал ему пообщаться с булочницей Патти? Что ж, Берти бы удивился, узнай он, что Морган решил прислушаться к совету.

Гарвус собрал бумаги в охапку и спрятал в нижний ящик стола. Потом покрутил головой, разминая шею, надел тонкий золотой ободок, который казался ему достойным серьезного, но стильного учёного аксессуаром. Прошёл из кабинета в свою комнату и под одобрительное карканье ворона вытянул из шкафа тонкую шуфу благородного винного оттенка.

– Ну, – пожевал губами доктор, – пойдём кадрить булочницу.

– Кар! – поддержал Кори.

Правда, чу-у-у-точку неуверенно.

«Кадрить» и «Морган»? Попахивает провалом.

*** * ***

Деревушка под названием Соловьиная Песня находилась в часе ходьбы от шале Гарвуса, за погодным разломом. В ней всегда царила весна – цвели персиковые деревья и сладкий миндаль, распускались между камнями алые маки.

Единственная в деревне пекарня встретила Моргана запахами горячего шоколада и яблочного пирога. На витрине была разложена выпечка – румяные круассаны, крендели с солью, улитки с изюмом и корицей… Вдоль большого окна шла барная стойка, за которой сидели с миниатюрными глиняными чашечками двое пожилых селян.

Они умудрялись растягивать содержимое этих чашечек на несколько часов. Суть была не в получении ударной дозы кофеина, а в неспешной и тягучей беседе, которая, как патокой, заливала круг привычных новостей. У господина Чуври ожеребилась лошадь, двойняшки из дома у озера вылили туда двадцать бутылок креплёного вина, которыми торгует их отец, и теперь все переживают из-за слегка опьяневших уток, а в колодце поселился боггарт крайне мерзкого вида и нрава.

Морган, краем уха слушая эти беседы, сделал заказ.

Булочница Патти Вареши – хорошенькая и румяная, в синем платье и с копной пшеничных кудрей, улыбалась ему уже с того момента, как звякнул входной колокольчик, и Гарвус переступил порог.

– Господин доктор! – неловко, но воодушевлённо поприветствовала его она. – Вы спустились к нам с вашей снежной горы.

– Мм, да. Мне облепиховый чай и гречишный блин, пожалуйста, – сказал Морган.

– Как обычно, с собой?

Губы у Моргана дёрнулись.

– Здесь, – с некоторым усилием проронил он.

Снял с плеча сумку и повесил её на крючок в виде ветви абрикосового дерева. Поправил ободок в волосах. Неприкаянно помялся у стойки.

– Я принесу ваш заказ, садитесь, – душевно улыбнулась Патти.

Она действительно была милой. Очень милой. Как штрудель с шариком ванильного мороженого. Но Морган не любил сахар, в этом-то вся проблема.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, – сказал он, когда булочница поставила посуду на его столик – единственный в пекарне, не считая стойки.

– О, спасибо! А вы выглядите прекрасно всегда.

Перещеголяла. Вот д'гарр.

– Как продвигаются ваши исследования? – Госпожа Вареши села напротив. Прямо над головой у неё висела светленькая картина, изображающая семью на пикнике. Лица у них были не слишком-то интеллигентные. Альтернативно одарённая семейка, не иначе.

Только сейчас Морган заметил, что Патти принесла две чашки.

– Я уже определил некоторые опорные точки, – обтекаемо сказал он, но всё же почувствовал некий прилив вдохновения.

Работа – это хорошо, это Моргану всегда интересно.

– А в какой сфере вы учёный? – Патти попробовала налить ему чай, но Морган мягко отобрал у неё чайник.

Ухаживать он всё-таки умеет, и виртуозно. Просто обычно не хочет.

– Я занимаюсь наукой, которая называется Тайны Магического Мира и заключается в подтверждении или опровержении легенд, – объяснил Морган.

– О, так вы поэтому у нас поселились? – Патти расширила глаза. – Кажется, нигде в мире нет стольких тайн, сколько в наших горах!

«Патриотка, – подумал Морган. – Глубоко заблуждающаяся».

А вслух сказал:

– Я переехал сюда, потому что люблю зиму, горы и покой и решил на несколько лет взять паузу от преподавательской деятельности. Но да, многие местные загадки безусловно привлекательны. Они не связаны с темой моей диссертации, однако однажды я с удовольствием ими займусь.

– Какими, например?

– Магический дисбаланс. Альвы. Погодные разломы. Безусловно, Покинутый Асулен: и населяющие его одинокие тени, и площадки для телепортов, рассыпанные по округе… Самое перспективное – это как раз телепорты. Я бы хотел попробовать разбудить их.

Мимо окна пекарни со злодейским хохотом промчалась стайка детей, играющих в мяч.

– Думаете, и для нас с вами телепортация возможна? – Патти расширила глаза. – Мне казалось, это знание навсегда утеряно в веках.

– Возможно всё – при определённых обстоятельствах. То, что мы с вами чего-то не умеем сегодня, означает лишь, что впереди у нас интересный путь. – Морган пожал плечами. – И вообще: если знание не удаётся найти, его просто нужно создать заново. Чем мы хуже древних народов?

– Мне нравится ваш дерзкий подход, доктор Морган! Я слышала, что великанья площадка для телепортов есть неподалеку от вашего дома, часах в четырёх отсюда.

– Да, я планирую посетить её в награду себе за то, что допишу раздел с библиографией и методику исследования. Не раньше.

– Вы очень суровы.

– Нет, я дисциплинирован, – возразил Гарвус и тотчас поморщился, вспомнив, как бездарно провёл сегодняшнее утро.

Внимание: в булочной обнаружен лжец.

Они болтали ещё какое-то время – довольно значительное с учётом того, что вопящие дети успели трижды пробежать мимо пекарни, расквасить друг другу носы, разбить чьё-то окно и даже огрести за это – их визги были слышны на всю округу. А вот у селян за стойкой напитки не иссякли даже наполовину.

Нет, их Моргану и госпоже Вареши точно не переплюнуть.

Потом Патти рассказала о своей жизни. О рецептах, унаследованных от бабушки, и о тех, которые она придумала сама. О том, как мечтает однажды попутешествовать по миру. О любимой кошке и козочке, живущей в сарае за домом. О братьях, идеально играющих на флейте.

Наконец Морган сказал, что ему пора, а Патти в ответ ойкнула, убежала за стойку и вернулась с чуть замасленным бумажным пакетом.

– Там трдельник для мастера Берти, – улыбнулась она. – Он каждый день покупал их, а тут что-то со среды не заглядывал. С ним всё хорошо?

– Берти уехал, – сказал Морган.

– Как жаль! – Патти искренне расстроилась. – Ну, ещё вернётся, наверное. Как говорит моя бабуля, Седые горы просто так никого не отпускают.

«Кошмар, – Морган содрогнулся от её жизнерадостного тона. – Они ведь и впрямь не отпускают, но не в смысле того, что всем хочется сюда вернуться, а в самом *плохом* смысле. Какие же селяне оптимисты…»

Гарвус расплатился и уже собирался уйти, когда заметил, что Патти явно очень. Хочет. Что-то. Сказать. Её буквально корёжило от каких-то слов, так и пляшущих на языке, но изо всех сил сдерживаемых. Морган мог бы проигнорировать это – *хочешь, но робеешь? Что ж, это твои проблемы,* – но ему стало любопытно.

– Что-то не так? – спросил он.

– Я волнуюсь! – выпалила она. – Пару дней назад у Горелой скалы появилось то злобное привидение, и вы пошли изгонять его, хотя все знают, что это работа шаманки Кайлы и она собиралась туда в тот же день. Почему вы так сделали?

Морган собирался дать ей честный ответ.

Потому что Горелая скала находится близко от его шале, и тёмная аура духа ощущалась от самого порога. Ему не хотелось ждать, а ещё Кайла – необразованная легкомысленная тётка, слишком любящая крепкие наливки, и вполне вероятно, что она не справилась бы с той сущностью. Проще сделать всё самому.

Но Патти продолжила почти без паузы:

– Мне кажется, неправильно, что вы не доверяете людям. Вам бы научиться этому, господин доктор…

Морган мысленно закатил глаза. «А когда я, простите, спрашивал вашего мнения, Патти? – подумал он. – Что поистине неправильно, так это лезть с советами к тому, кто их не просил. Мы говорили немногим больше получаса, а вы уже пытаетесь меня переделать в угоду своим представлениям о жизни. Это что – бестактность или просто глупость?»

Придя к здравой мысли о том, что в мире булочницы просто царят другие нормы, Морган не стал уделять слишком много внимания этому эпизоду.

Однако теперь он почувствовал, что не просто насытился беседой, а уже конкретно так от неё устал. Вначале ему нравилось, но теперь всё бесит, хочется домой. А значит, его план удался.

Удивительно, конечно, что столь многих общение заряжает энергией, а не опустошает. А одиночество – наоборот, будто подтачивает изнутри.

В этом мире была всего лишь пара человек – Берти и бывший наставник Моргана в Шолохе (где он прожил много лет), – которых он мог выносить на постоянной основе, не чувствуя при этом, что из него по капле утекают силы. Пожалуй, было бы неплохо, если бы таких людей стало чуть больше. Скажем, трое.

Но в целом – ему определённо нравился его темперамент.

А что касается доверия… Оно переоценено. Морган со всем и всегда справится сам.

– Спасибо за трдельник и приятную беседу, Патти, – сказал он госпоже Вареши и откланялся.

9. Лианы, что сковали мои запястья

«Однажды я обязательно съезжу в Покинутый Асулен! А если вдруг забуду об этой мечте – пусть судьба меня туда приведёт!»

«Чур, я с тобой! Если мне не будет лень. Если будет – ты как-нибудь сама, а я тебя тут подожду!»

Из школьной переписки Тинави и Кадии

Тинави из Дома Страждущих

Мне снова приснился кошмар, но куда более подробный и чёткий, чем тогда в кэбе.

На этот раз я оказалась в роскошных джунглях, пронизанных вечерним светом. Я стояла на извилистой тропинке между тропическими деревьями, и мох, покрывающий землю, мягко обхватывал мои ступни. Было жарко и влажно, сладко пахло орхидеями, и казалось – самое время наслаждаться сновиденческим путешествием, но вместо этого я обливалась холодным потом и цепенела от ужаса.

«*Он* ищет меня, – набатом стучало в ушах. – *Он* уже близко».

При этом я понятия не имела, кто такой «*Он*», и лишь знала, что когда он появится, то обязательно убьёт меня. По-настоящему, окончательно сотрёт из бытия, и тогда всё, что останется от Тинави из Дома Страждущих – это полузабытые воспоминания моих друзей, похожие на отражения в зелёном бутылочном стекле.

Беспомощность, непонимание и ужас орали на три голоса, и я будто раздвоилась: одна часть меня сходила с ума от страха, а вторая – удивлённо смотрела на первую со стороны, мол, ты серьёзно?

Да мы с тобой давно уже поумневшие, набравшиеся опыта и до праха опасные, госпожа Тинави из Дома Страждущих, не нам бояться какого-то сна!

Но первая часть выступала громче. По её воле моё сердце отчаянно колотилось. Страх смерти был так силён, что кружилась голова, мне хотелось закрыть глаза и свернуться в скулящий комочек.

– Ну уж нет, – сквозь зубы процедила я, делая по тропинке шаг вперёд. – Я не собираюсь терять лицо перед собственным подсознанием!

Решено: надо просто сбежать отсюда к праховой бабушке. Никакие кошмары не в силах долго держать сновидца в одном и том же сюжете. Сейчас домчусь вот до того деревянного указателя, увитого лианами, поверну вместе с петляющей тропинкой и – прощай, неудачная дрёма, надеюсь, мы больше не встретимся, – однако…

Не тут-то было.

Едва я приблизилась, как лианы ожили и стремительно набросились на меня.

– Прах!.. – ахнула я, безуспешно пытаясь увернуться.

Не прошло и мгновения, как зелёные путы сковали мои щиколотки и запястья. Едва сумев удержать равновесие, я задёргалась, пытаясь освободиться и стараясь зубами дотянуться до ближайшей лозы.

Подул горячий ветер, и вот из-за поворота, к которому я так стремилась, на тропинку упала огромная чёрная тень.

А вслед за ней появилось… чудовище. Огромная, неописуемая тварь с головой быка.

Мой страх, утихший было из-за бурной борьбы с лианами, вновь вернулся в полном объёме. Мне показалось, что моё сердце сейчас разорвётся, раскрывшись ещё одним красным цветком этих джунглей.

Монстр выглядел жутко, но дело было не столько во внешности, нет, – просто от твари исходила такая тёмная, древняя и *чуждая* энергия, что я почувствовала, как задыхаюсь от одного его присутствия. В обращённых ко мне зрачках чудовища не отражалось ничего. Только пустота и гибель всему живому.

– Что за… – успела пробормотать я, прежде чем случилось две вещи одновременно.

Во-первых, монстр шагнул вперёд и, вскинув руку с острыми когтями, очевидно собрался перерезать мне горло.

А во-вторых, где-то далеко-далеко раздался шорох и звук глухого падения, из-за которого я вздрогнула и проснулась.

* * *

– Боги-хранители! Ну и приснится же такое!.. – Я резко села в кровати.

Выделенная мне уютная комнатка на втором этаже трактира встретила этот вопль вежливой тишиной.

Оказалось, меня разбудил упавший с крыши снег. За окном давно рассвело, по карнизу прыгали синички, а с первого этажа доносился запах елового чая, заваренного то ли Силграсом, то ли призрачной Гедвигой.

Какое-то время я просто пялилась в никуда, стараясь прийти в себя после кошмара. «Добро пожаловать в Долину Колокольчиков! Отдыха и покоя!» – гласила вышитая салфетка на прикроватной тумбочке.

М-да. Главное, чтобы не вечного.

Ещё раз сказав «бр-р-р» и выпрыгнув из постели, я пошла в ванную, где занялась агрессивной чисткой зубов и выбивающей всякую дурь из головы энергичной зарядкой. После таких суровых мер воспоминания о плохом сне были вынуждены позорно ретироваться.

А когда настенные часы пробили девять утра, раздался стук в дверь, и вслед за ним – весёлый голос Голден-Халлы.

– Хей, доброе утро! Тинави, ты спишь?

– Доброе утро! Я уже встала, заходи! – отозвалась я, сосредоточенно намазывая нос прохладной зеленоватой мазью. Он успел сгореть за вчерашний день – поразительно солнечный, – большую часть которого я провела на улице, изучая призрачную деревню.

Долина Колокольчиков мне понравилась. Очень. Теперь я всё равно порывалась бы её спасти, даже если бы сам Силграс вдруг передумал и загадочно исчез куда-нибудь ещё на триста лет.

– Готова для самоубийственного путешествия в Асулен? – Жизнерадостная улыбка заглянувшего в комнату Берти, казалось, выходила за пределы его лица. Я тотчас разулыбалась в ответ: удержаться от этого было просто невозможно, сумасшедшая энергетика бодрого, выспавшегося Голден-Халлы окутывала меня, как искрящееся облачко магии, заражая желанием жить.

Боги. А можно он будет заходить ко мне каждое утро?

– Самоубийственного? Об этом речи не было, позволь. – Я строго покачала указательным пальцем. – А вот для полного погружения в тайны Седых гор – да, вполне готова! Трепещу, предвкушаю и подозреваю, что с тем разгоном на загадки, что мы взяли, стоит рассчитывать на весёленькие выходные.

– Прекрасно! Мне определённо нравится твой настрой.

Берти вытянутой рукой схватился за дверной косяк, шутливо отдал мне честь и, стоя на одной ноге, крутанулся, «улетев» из комнаты. Получилась эдакая пародия на танцовщиц из переулка Тридцати Грехов.

– Мы с Силграсом ждём тебя внизу! – послышался его крик уже из коридора, а дальше – быстрый топот вниз по лестнице.

«Чок-чок-чок» – стучали подошвы мягких полусапог Голден-Халлы.

Вчера мы с ним, проснувшись и встретившись на первом этаже трактира, первым делом отправились искать в деревне подтверждения рассказу Авалати. Всё соответствовало его исповеди. Изба-У-Колодца – этот дом, разделённый на две половины, с кучей портретов внутри, в том числе Тоффа и Авалати. Площадка для стрельбы из лука – на стене сарая возле неё прибита дощечка с расписанием соревнований. Лесные ворота с отметинами от когтей волкодлаков.

Я так увлеклась поисками примет прошлого, что не успокоилась, пока мы не нашли ту самую девушку – Эльзу… Её «зациклило» на том, что она вышивала, мечтательно смотрела в окно и, если спросить, как дела, говорила: «Ну да, он мне нравится, и что с того?»

– Она ведь о Силграсе, да? – расстроенно пробормотала я. – Не о Тоффе.

Берти только вздохнул.

Сердце моё поминутно сжималось во время всей экскурсии и после, когда мы уже втроём с Авалати обсуждали наш план. Однако к вечеру тяжёлое настроение растаяло, будто сахар, опущенный в горячий чай, и осталось лишь сногсшибательное предчувствие: нас ждут приключения.

Ура!

* * *

– Их называют метельные кони. – Мастер Авалати расчёсывал гриву высокого и тонкого, будто стеклянного скакуна.

Второй такой же стоял рядом, флегматично пожирая снег из сугроба. Белые бока обоих покрывали витиеватые серебристые узоры.

– При необходимости они могут выглядеть как обычные лошади. Но на это их нужно долго уговаривать: для метельных коней дело чести показывать себя миру такими, какие они есть.

– То есть узорчатыми, – рассмеялась я, поглаживая лошадиный бок.

Конь возмущённо игогокнул: узорчатыми! Ну ты и сказала!

– Мы доскачем до предместий Асулена, а дальше вам придётся идти одним. – Силграс как ни в чём не бывало заодно причесал и себя той же гребёнкой. – Ведь метельные кони – такие же выходцы из пика Осколрог, как и я, по сути – данные мне горой помощники. Я могу вызывать их, когда мне предстоит долгая дорога. Но не бесконечно.

– А ты как-то использовал их в годы жизни в Долине Колокольчиков? – вскинул бровь Голден-Халла, забираясь на коня и на пробу натягивая поводья.

Теперь метельный скакун обдал презрением и его.

– Нет. В год нашего пробуждения они были слишком рады для того, чтобы в принципе где-либо останавливаться. Когда я очнулся в пещере, они, проснувшиеся неподалёку, лишь коротко поржали в качестве приветствия и сбежали. В следующий раз я увидел их только прошлым летом. Даже не вспомнил сначала, что это мои. – Силграс покачал головой и, каким-то головокружительным образом подпрыгнув, оказался в седле.

После этого они с Берти одновременно протянули мне руки. Кажется, каждый был уверен, что именно его коня надо наградить лишними пятьюдесятью килограммами веса. На мгновение я почувствовала себя главной героиней романа, в которую все, как по щелчку, влюбляются, но потом вернула мозг на место и прагматично подсела к Силграсу.

– Предательница! – ахнул Берти, и я показала ему язык.

Мы проскакали сквозь деревушку, по дороге приветствуя знакомых призраков: трёх парней из проулка и сторожа. Каждый раз Авалати называл их по именам.

Боги, парень.

И всё же: как тебе в голову пришло их *зачаровать*?

Впрочем, все мы способны на чудовищные ошибки. Каждую можно понять, но жаль, что не каждую можно исправить.

На полной скорости мы неслись к выезду из деревни. Прямо в забор с запертыми воротами. Глядя на его стремительное приближение, я уже собиралась уточнить у Силграса, нормальная ли это ситуация, не забыл ли он притормозить и в курсе ли вообще, что материальные тела, сталкиваясь с другими материальными телами, издают неприятный «бум», но…

В последний момент метельный конь коротко заржал, от его копыт к воротам прорисовалась синеватая линия, распустившаяся на них снежными узорами – и тогда резные створки с грохотом распахнулись, открыв нам вид на горное плато впереди.

Оно выглядело потрясающе. Снежная гладь простиралась вплоть до гряды скал вдалеке, тут и там виднелись цепочки лисьих следов, ведущих в сосновый бор, всё сахарно блестело и переливалось под утренними лучами солнца.

У меня захватило дух от красоты природы.

– Силграс! – Я побарабанила его пальцами по плечу: – А можно я… Ну… Покричу?

Альв обернулся на меня с некоторым непониманием.

– Покричишь? – переспросил он.

– Полагаю, Тинави имеет в виду – от восторга, – усмехнулся Берти. – И волнуется, как бы чего не вышло. И не скатилось бы что с дальних гор. Что-нибудь вроде лавины.

– Именно так, – авторитетно подтвердила я, чувствуя, как меня распирает от переизбытка эмоций.

Авалати вскинул брови. Как он умудрялся во время всего диалога скакать, не глядя на дорогу, казалось ещё одной тайной мироздания.

– Можно, – по некотором размышлении сказал он.

И я тотчас заорала:

– Юху-у-у-у!

– Юху-у-у-у!!! – с готовностью поддержал Голден-Халла.

Силграс какое-то время подозрительно молчал, а потом вдруг тоже присоединился:

– Йиии-ха-а-а-а!

– О, у тебя свой репертуар! – похвалила я.

– Йиха-а-а! – повторил Авалати.
– Юху-у-у!
– Яува-а-ва-авй!
…Бедные, бедные горы.

* * *

Через несколько часов пришло время расставаться.

На горизонте появились колокольни Покинутого Асулена: витые белоснежные башни, острыми пиками пронзающие небо. Над ними тёмными стаями носились птицы.

Силграс развернул карту и вновь что-то сосредоточенно объяснял Голден-Халле. А я всё смотрела на колокольни вдали, чувствуя, как моё сердце в нетерпении ускоряет ход, а взгляд становится цепким и выжидающим.

Предвкушение.

Для меня нет ничего более привлекательного, чем загадки. Чем возможность открывать другие пласты мироздания, приходить куда-то, где я не была прежде, с головой погружаться в звенящее неведомое…

Вглядываясь в профиль призрачного города, я чувствовала, как во мне, сменяя обаятельную и дурашливую Ловчую по имени Тинави, уже подбирается, будто перед прыжком, та бессмертная и наблюдательная сущность, которая всегда ищет что-то большее. Что-то, скрытое за горизонтом, чему имени нет, но что бесконечно тянет, тянет куда-то, даря ни с чем не сравнимое ощущение вечности…

Изучать неведомое. Созидать невозможное. Разве может быть что-то прекраснее?

– Главное, следите за временем, – закончив инструктаж, напомнил Силграс. – Если поймёте, что не успеваете найти сундук так, чтобы к закату закончить миссию и покинуть город – просто уходите оттуда. Повторим всё завтра.

Он переживал не из-за гуманного рабочего графика, нет. Просто в проклятом Асулене нельзя оставаться после заката – если ты, конечно, не самоубийца.

Когда-то, много тысяч лет назад, Покинутый Асулен назывался Царским Асуленом. Этот город был жемчужиной Седых гор – его

населяли великаны, посвятившие себя изучению магии и вселенной. Говорят, даже драконы из Скалистых гор иногда прилетали в Асулен, восхищённые образованностью его жителей, а юные боги-хранители нет-нет да поглядывали в его сторону с завистью и восхищением. Асулен был старше богов. И погиб ещё до их ухода из Лайонассы.

Это случилось в один день. Великаны просто исчезли. Незаправленные постели, недописанные письма, бокалы с налитым нектаром – всё выглядело оставленным лишь на минутку, но жители города пропали навсегда, будто стёртые кем-то из книги бытия.

Любопытный и диковатый народ скальников, издавна живший неподалёку от Асулена, переместился со своими юртами под стены таинственного города и уже планировал захватнически поселиться внутри… Но кое-что отпугнуло их.

А именно: иногда после заката в Асулене начинали звонить колокола. Громогласная песнь разносилась над окрестными горами и звала любопытных. А когда колокола умолкали, город за считаные мгновения наполняли хищные тени, пожирающие всех, кто попадался им на пути, и затем исчезающие так же бесследно.

Это происходит до сих пор. Никто не знает, когда в следующий раз зазвонят колокола Ста Покинутых Башен – поэтому оставаться в городе после захода солнца определённо не стоит.

Мы с Берти пообещали Силграсу, что покажем себя расторопными курьерами, и уже готовы были уйти, как вдруг у меня за спиной раздался какой-то писк.

Обернувшись, я увидела того снежного духа снуи, что позавчера привёл нас в Долину Колокольчиков. Он взволнованно трепыхал крылышками, всплёскивал руками и аж приплясывал в воздухе от нетерпения.

– Снуи отправится с вами, – пояснил Авалати. – Именно он нашёл сундук и скелет Хеголы и рассказал мне о них, так что легко покажет путь туда-обратно.

– А на кой прах мы тогда карту сейчас полчаса изучали? – поразился Берти.

– Для общего развития, – скривился Силграс. – Я буду ждать вас здесь. Удачи.

Ведомые феей, мы отправились в путь. Я оглянулась и на прощанье помахала Силграсу, который так и смотрел нам вслед, уже

что-то жуя. Затем обратилась к Берти:

– В Шолохе говорят, что для любопытного человека есть три беды: слухи о нём самом, древние ритуалы призыва и мёртвые города вроде Мудры и Асулена. Это я к тому, что, как бы нам ни было интересно, сегодня стоит вести себя осторожно.

Берти лукаво улыбнулся:

– Мне кажется или ты убеждаешь скорее себя, чем меня?.. А вообще: *ещё* осторожнее, ты хотела сказать.

– Ага, до уровня двух параноиков. Ты умеешь быть параноиком, Голден-Халла?

– Я всё умею. В своих фантазиях. А это уже половина дела, согласись.

Мы шли, Асулен приближался, снуи, раздувшись от гордости, летел впереди.

*** * ***

– Прахов прах! А вот это неожиданно! – ахнула я пару часов спустя. – Где карта?! Берти, дай мне карту! Там не было отмечено этой гадости, зуб даю!

– Ещё недавно ты облизывалась на одно из самых опасных мест мира, а теперь переживаешь из-за какой-то пропасти? Что это – двойные стандарты? Или вскоре окажется, что на деле ты та ещё трусишка? – Голден-Халла насмешливо вскинул бровь.

– Это – логика. С чудовищами и тайнами я умею разбираться, а вот свободному падению мне нечего противопоставить!

Да, на карте действительно отсутствовало ущелье, внезапно возникшее перед нами. Мой зуб мог оставаться при мне, но легче от этого не становилось. Потому что, отмеченное или нет, а вот оно – прямо здесь, и его сейчас придётся пересекать. Невыносимо глубокое, ущелье казалось смертельной раной на белоснежных снегах вокруг.

«Волчье ущелье», – гласил кривоватый деревянный указатель возле самого обрыва.

Через пропасть был перекинут хлипкий висячий мостик. Он шёл под наклоном и выглядел настолько непрочно, насколько это вообще

было возможно. Да ещё и порывистый ледяной ветер немилосердно раскачивал его, делая похожим на сбрендивший маятник.

Вот пепел. Обычно я не боюсь высоты, мне только дай побегать по карнизам ведомства или залезть на секвойю в азарте погони за преступником, но вид на это широченное ущелье заставлял мою голову идти кругом, а колени – подгибаться.

Тряхнув волосами и пошлёпав себя по щекам для бодрости, я попробовала шагнуть на первую из болтающихся деревянных дощечек, но…

Ноги просто не двигались, и всё тут.

Зато руки – ещё как. А именно: взяли и самовольно схватились за столб-указатель. Кляня себя на чём свет стоит, я напряжённо уставилась на свои непослушные ступни.

Ну давайте же.

Шагаем, шагаем!

– Куда ты смотришь? – заинтересовался Голден-Халла. Судя по тому, как низко он наклонился над ущельем, его ничего не смущало в сложившейся ситуации.

Не успела я ответить, как Берти обрадовался:

– О! Здесь водятся сольвегги! – и указал на уступ в скале под нами.

Там было свито гигантских размером птичье гнездо… Пустое.

– Знаешь, кто это такие? – подмигнул Голден-Халла.

– Нет, – соврала я, пытаясь выиграть время, чтобы сладить со своими взбунтовавшимися конечностями. – Расскажи мне, пожалуйста.

Берти, кажется, из деликатности решил не замечать моих внезапных проблем.

– Волшебные сольвегги, – сказал он, по-профессорки закладывая руки за спину и начиная расхаживать вдоль обрыва. Шаг за шагом, у самой кромки. «Вот видишь, у него всё нормально! И у тебя будет!» – пыталась я договориться с собственным организмом, но прах там был. – Птицы с сияющим оранжевым оперением. Огромные, будто бастарды драконов. Обладают добродушным нравом, и от них исходит яркий свет, как от огня.

– Они певчие? – сквозь зубы процедила я.

– О да! – с жаром закивал Берти. – Точнее, они не столько поют, сколько певуче разговаривают. У них есть свой язык, музыкальный.

Очень красивый, кстати говоря.

– Круто.

Руки, мать вашу, не отцепитесь сейчас от столба – оторву!

Ноги! Пошли, пошли!

Ходу!

…Меж тем я не только знала, кто такие сольвегги, но и однажды участвовала в провалившейся миссии по их поимке.

Виновником того действа был Дахху. Ещё на первом году нашего обучения, когда мы были совсем уж жизнерадостными молодыми олухами, он раскопал у магистра Орлина самоучитель по языку этих славных пташек и немедленно возжелал призвать одну из них откуда-нибудь из глубин леса.

Дахху залез на крышу коттеджа, сел на корточки, и, пародируя сольвеггу, стал старательно по книжечке выводить их брачные рулады.

Сольвегги не прилетели.

Зато прилетела бутылка от проезжавшего мимо мальчишки-молочника, который решил, что это какая-то чащобная тварюга забралась на респектабельный дом и орёт дурным голосом, собираясь сожрать его обитателей.

Разбившаяся рядом бутылка не умерила пыл Дахху, лишь заставила его снять капюшон плаща-летяги, дабы издали было видно, какой он безобидный и симпатичный лапушка. А что в странной позе и чуть ли не на флюгере – ну, у всех свои увлечения…

Но после второго подхода к песне случилось нечто более страшное.

А именно – с соседнего дерева с сердечными приступами попадали дрозды. Весь оставшийся день мы откачивали их на пару с Кадией. И Дахху откачивали – заодно, ибо он пребывал в глубочайшем шоке по поводу «безвременно погубленных» им птиц.

Но это уже другая история.

– Расскажи ещё что-нибудь о сольвеггах, Берти, – похоронно попросила я, потому что сыщик замолчал, ностальгическая пауза закончилась, а я так и не сладила со своим организмом.

Но Голден-Халла покачал головой:

– Расскажу по пути, хватит терять время.

А потом непререкаемо и всё с такой же лёгкой улыбкой он попробовал отцепить мои руки от столба. Я, улыбаясь не менее мило,

сопротивлялась.

– Хорошая погода, да? – осклабился Берти, разжимая мне мизинец.

– Прекрасная! – воодушевлённо отозвалась я, сгибая его обратно, едва сыщик перешёл к безымянному пальцу.

– Чудный снег в горах! – заливался рыжий.

– Чудесный! – мурлыкала я.

В общем, через пять минут напряжённой лицемерной борьбы мы сломали столб.

– М-да, – Берти озадаченно цокнул языком. – Ну, будет тебе посох.

Я же невероятно обрадовалась тому, что мои руки снова в моём распоряжении. И, боясь, как бы они ещё чего не учудили, побыстрее обняла себя за плечи.

– Нет уж, давай прикопаем беднягу обратно! – решила я. – В смысле, ты прикопай. Пожалуйста. Если я опять до него дотронусь, мы меня точно не оторвём…

Когда столб вернулся на место (став при этом ещё кривее), я снова бросилась штурмовать мост, на сей раз успешно. Так мы и пересекли ущелье: лихо раскачивающийся мостик, перекрывающий голоса гул ветра в ушах, и Берти, всю дорогу страхующий меня – одной рукой я держалась за верёвку, другой – за него, для надёжности обхватившего меня сзади. От Голден-Халлы едва заметно пахло приятным древесным парфюмом, и меня, уроженку Лесного королевства, это дополнительно успокаивало.

– Так на меня девушки ещё не вешались, – рассмеялся Берти, когда мы снова ступили на твёрдую землю.

Я лишь с благодарностью выдохнула:

– Ты лучший!

– Ты похвально быстро это поняла.

10. Сто колоколен Покинутого Асулена

Великаны Покинутого Асулена – народность, исчезнувшая с лица земли ещё в прошлой эре из-за случившегося в Седых горах катаклизма. Судя по историческим источникам, рост великанов колебался в пределах 2.2–2.8 метра. Они были худые и с ярко выраженными когтями на руках и ногах. С детства ходили с посохами, которые помогали им поддерживать тонкокостные тела в вертикальном положении.

Энциклопедия «Доронах» под авторством Дахху из Дома Смеющихся

Вскоре после Волчьего ущелья нас ждал первый в моей жизни погодный разлом. Он выглядел как полоса тумана, в которой блуждали магические огоньки. Чарующий, поглощающий звуки и неколебимый, влево и вправо разлом тянулся до самого горизонта, а наверх поднимался примерно на высоту двухэтажного дома.

Над ним, как над забором, возвышались древние башни Асулена. Казалось, они неодобрительно следят за нами, двумя чужаками, нагло топчущимися у них на пороге. «Ну и что за хмыри тут опять объявились?..», «Ходят и ходят…»

Опытный Берти рассказывал мне, что ждёт нас внутри тумана, а я сосредоточенно внимала, одновременно с тем любуясь танцами огоньков и прислушиваясь к неясному, крайне мрачному и язвительному шёпоту, доносящемуся оттуда.

– Кажется, будто осипший озлобленный призрак наводит порчу на весь мир, да? – Берти хмыкнул.

– Для меня это похоже на комментарии, которыми замглавы департамента Ловчих сопровождает чтение моих отчётов… – сглотнула я, вспомнив Селию.

– Ужас какой, – восхитился Берти. – Но на самом деле это просто иллюзия, там никого нет. Ты как, всё поняла? Готова?

– Готова!

И, набрав воздуха в лёгкие и задержав дыхание, я вслед за Берти нырнула в туман. Шаг вперёд – огоньки ускорились и засуетились, оставляя в воздухе длинные светящиеся следы, налепляясь на наши тела. Ещё шаг – снег под ногами исчез, сменившись жухлой травой. Третий шаг… Я зажмурилась, когда меня чуть не сбил с ног яростный порыв ветра. И, наконец, четвёртый шаг – прочь из разлома.

Ш-ш-ш-ш-шух.

По ушам будто ладонями хлопнули, а голова стала тяжёлой, как чугун. Ох! Если ты плохо реагируешь на смену погоды и давления – в таком разломе тебе крышка. Но я была относительно крепким орешком, поэтому через несколько секунд дискомфорт растворился, уступив место чистому восторгу.

– Боги-хранители! – Я так и подпрыгнула. – Так вот ты какой – последний оплот Древней эпохи, темница хищных теней и погибель могущественных великанов!.. Подумать только, я могла уехать из Норшвайна, не увидев этой красоты!..

Прямо от туманной стены начиналась аллея изящных краснолистных клёнов. Она вела на высокий холм и там заканчивалась колоссальными распахнутыми вратами. Их охраняли статуи в виде волков, вырезанные древним скульптором столь искусно, что, казалось, они сейчас припадут к земле и оскалятся. Высоченные белые стены Асулена были полностью покрыты резными изображениями, рассказывающими историю строительства города, и по сравнению со всем этим масштабом я почувствовала себя незначительной пылинкой на игральной доске веков.

Мы с Берти сменили зимние шуфы на непромокаемые плащи, и, подхватив сумки, пошли вверх. Вечная осень Асулена быстро окутала нас запахами каменной крошки, яблок и старой кожи, а прохладный ветер, перемешанный с сухими листьями, задумчиво изучал наши лица, брал за руки – «Кто вы? Куда вы?»

Из ворот открывался вид на широченные улицы и громады покинутых зданий. Знаменитые колокольни тянулись в серое небо, многие из них были увиты багряными плющами. Припылённое облаками солнце окрашивало всё вокруг в тусклые серовато-золотистые тона, и такого же цвета были призраки животных и птиц, иногда безмолвно появляющиеся в разрушенных переулках и провожающие нас пустыми взглядами.

Покой и смерть были царём и царицей Асулена.

– Ты когда-нибудь бывала в подобных местах? – понизив голос – говорить громко здесь казалось кощунством, – спросил меня Берти.

– Да. В Мудре. А ты?

– На острове Этерны.

Мы удивлённо переглянулись. Надо же. Немногие могут похвастаться такими путешествиями, а нас свёл слепой случай, да ещё и где!.. Впрочем, всё логично. Мы всегда притягиваем тех, кто находится с нами на одной волне. Это один из законов жизни: верь ты в него или нет.

Наш проводник-снуи, очень беленький на фоне тусклого города, опустился отдохнуть на круглое каменное возвышение, которое густо испещряли тексты на позабытом языке. Интересно, что это? Что-то вроде сцены или же площадка для магических практик?

Я хотела пригласить явно уставшего снуи сесть на моё плечо, но при нашем приближении дух вспорхнул и упрямо полетел вперёд, старательно изображая, что ему совсем несложно преодолевать такие огромные расстояния. Надо же, какой гордый! Весь в Силграса, что ли?

Поскольку каждая минута была дорога, я не стала подходить к заинтересовавшей меня платформе.

– А расскажи мне о своей поездке в Мудру, пожалуйста, – попросил между тем Берти.

И эта, казалось бы, невинная просьба превратила следующие полчаса моей жизни в экзамен по недомолвкам. Мой мозг буквально кипел из-за непростой задачи: рассказать Берти побольше (потому что мне хотелось этого), но притом не выдать ему ни одной из ужасно опасных тайн, связанных с тем путешествием (потому что они даже не мои). Одновременно с этим я расспрашивала Голден-Халлу об острове Этерны, где он, оказывается, работал преподавателем, и что-то мне подсказывало, что сыщик выбирал слова для своего рассказа не менее осторожно, чем я…

– А какими были три самые важные вещи, случившиеся с тобой на Этерне? – спросила я.

Берти задумался, поудобнее устроил на плече ремень сумки, взятой им в Долине Колокольчиков вместо громоздкого саквояжа.

– Хм. Я смог помочь своим студентам. Обрёл лучшего друга. И… – Голден-Халла помедлил. Потом всё же со вздохом закончил: – Потерял женщину, которая была мне очень дорога.

Ох…

– Она умерла, – пояснил Берти. И, поймав мой встревоженный взгляд, покачал головой: – Только не вздумай сейчас корить себя за заданный вопрос. Скорее уж я прошу прощения за откровенный ответ – он был неуместен.

– Уместен, – возразила я. И, помолчав, добавила: – Мне так жаль, Берти.

– Мне тоже. И с учётом того, что, поговори мы с ней вовремя, она осталась бы жива… – Пальцы Голден-Халлы сжались в кулак. – Я очень, очень хочу помочь Силграсу, Тинави.

Какое-то время мы шли молча, и только ветер тоскливо нашёптывал нам свою историю. Я вытащила из волос сорванный ветром стебелёк плюща.

– Ненавижу смерть, – сказала я, сдув его с ладони. – Просто ненавижу. И время – ту безжалостность, с которой оно уничтожает всё на свете и не прощает ошибок. Я тоже очень хочу помочь Силграсу, Берти. И из-за того, что как раз ненавистные мне время и смерть – его враги. И из-за того, что сам Силграс – воплощённое одиночество. Знаешь, у меня с детства были прекрасные друзья, но, несмотря на это, мне всегда казалось, что я как-то не вписываюсь, что со мной что-то *не так*, что я не способна достичь настоящей близости с людьми, как бы к этому ни стремилась. Будто между мной и остальными – невидимая стена, слишком большая для того, чтобы я могла разрушить её. Но мне иногда удаётся заглядывать за неё – и это всегда такое счастье… Так вот, мне кажется, у Силграса есть такая же стена. Только в сотни раз выше и толще, чем моя. И сейчас, после всего случившегося, если мы вернём ему дом, он наконец-то сможет увидеть её – и, может, даже разрушить… И я очень, очень хочу, чтобы это случилось. Я болею за него, Берти. И в то же время мне так горько оттого, что его друг Тофф уже мёртв – и вот этого мы изменить не сможем.

Голден-Халла серьёзно кивнул в ответ на мои слова.

– Я хорошо понимаю тебя, – произнёс он. – И про смерть. И про эту стену.

Мы продолжали путь.

В какой-то момент нам встретилась птица-сольвегга – судя по всему, как раз та, чьё гнездо мы видели в ущелье. Пламенеющая и огромная, она наискось пролетела над улицей, спугнув призраков Асулена, а потом скрылась где-то в соседнем квартале. При этом выглядела сольвегга очень важно, будто ворочала здесь какими-то серьёзными делами.

Впрочем, возможно, так оно и было. Возможно даже, она считала себя хозяйкой города – и, при отсутствии других кандидатур, имела на это полное право.

Наконец показалась Рассветная башня. Её покосившиеся стены были местами разрушены, а исполинский вход почти доверху засыпало камнями.

– Пип! – торжественно провозгласил снуи, влетел в щель между верхним валуном и притолокой и помахал, подзывая нас.

Мы с Берти забрались туда же, протиснулись сквозь дыру и вздохнули… Из-под груды камней торчала нижняя часть давно пожелтевшего скелета. Неподалёку стоял аккуратный сундук.

– Что ж, время поработать, – Голден-Халла протянул мне руку, и по скатывающимся и гулко стучащим друг о друга камням мы спустились вниз.

Там, закатав рукава и обнажив запястья с маг-браслетами[2], Берти склонился над сундуком, а я опустилась на корточки возле скелета. Беззаботный снуи стал наворачивать круги по колокольне, разглядывая сквозь сломанные перекрытия огромный колокол высоко над нами.

– На крышке сундука стоит защитное заклинание, которое поразит любого, кто попробует поднять его, – задумчиво произнёс Голден-Халла. – Придётся немного повозиться.

– Мне тоже. Ведь мы пообещали Силграсу не только привезти кости Хеголы, но и выяснить, как именно он умер. Конечно, самое простое объяснение – попал под завал, но… Возможно, он погиб по другой причине, а потом уже над ним разрушилась часть башни, похоронив под собой. В общем, я поищу зацепки – и соберу кости.

– Отлично. Зови, когда нужно будет откатывать валуны.

И мы занялись каждый своим делом.

Но не прошло и десяти минут, как я раскопала среди камней оторванную кисть скелета. И кое-что в её виде заставило меня сначала недоумённо нахмуриться, а потом…

– Это не Хегола! – заорала я так радостно, что сама от себя не ожидала, и вскочила, торжественно вскинув руку со своей добычей.

Берти обернулся на меня в некотором изумлении.

– Видишь эти шипы на большом пальце? – Я сунула кости ему под нос. – Это вообще не человеческий скелет! Это был просто гуль!

– Вижу. – Берти сглотнул и аккуратненько отодвинул от себя улику. – Но вряд ли ты ликуешь потому, что помнишь такие детали из курса о нежити.

– Да просто я счастлива, что это не Тофф! В темноте, в одиночестве, под камнями, – это была бы ужасная смерть… И я рада, что, возможно, Хегола умер как-то более… – Мой энтузиазм пошёл на спад. Находка не отменяла самого факта гибели старосты. – Более… спокойно.

Голден-Халла, всё это время продолжавший распутывать чары, вдруг остановился и цепко прищурился, глядя на нити заклинания, висевшие перед ним прихотливым жемчужным плетением.

– Посмотри-ка сюда, Тинави. – Берти показал мне на участок, в котором прямые линии неожиданно складывались в рукописную вязь.

В ней угадывались две буквы: «Х. Т.». Вчера мы с Берти уже видели этот почерк, когда от нечего делать изучали документы Тоффа в Избе-У-Колодца.

– Триста лет назад у колдунов было принято подписывать свои чары. В этом плане совершенно неудивительно, что Хегола Тофф поставил тут автограф. – Берти ловко потянул несколько ниточек заклинания на себя, и подпись старосты увеличилась, приближаясь к нам. – Странно другое… Догадываешься, что именно?

Я детальнее рассмотрела плетение. Скользящие узлы, одинарная сетка формулы… Минималистичное заклинание из тех, что подвязываются на личную энергию мага.

Стоп.

– Но ведь формулы из этой категории разрушаются сразу после смерти колдуна. – Я так низко склонилась над проклятием, что Берти обеспокоенно схватил меня за шкирку: не дай небо, грохнусь на сундук – и всё, прощай, любопытная Тинави из Дома Страждущих.

– Вот именно, – закивал Голден-Халла. – А заклятие держится вполне себе крепко. И это возможно только в одном случае…

Мы надолго переглянулись.

– В случае, если Хегола Тофф… – ошарашенно начала я.

– …Всё ещё жив, – закончил Берти.

Он торжественно сделал пальцами такое движение, будто перерезает нитку, и плетение, опутывавшее сундук, тихо растаяло.

Я уже думала, что сейчас мы с Голден-Халлой (определённо воодушевившиеся, мгновенно зацепившиеся даже за такую странную надежду – жив? как он вообще может быть жив?) начнём фонтанировать гипотезами и прямо тут соорудим классическую детективную доску, как вдруг…

Всё пошло не по плану.

Потому что освобождённый от проклятия сундук с какой-то радости решил сам по себе распахнуться. Крышка откинулась, открывая взору десятки стеклянных колокольчиков, лежащих на бордовых подушечках.

И все эти колокольчики дружно зазвенели. Пронзительно. Оглушающе. Абсолютно бесстыже. Их звонкие голоса эхом попрыгали по Рассветной башне, отражаясь от её полуразрушенных стен.

Берти, как лисица, напрыгнул на сундук и захлопнул его.

– Прах! – выдохнул Голден-Халла. Его голос доносился до меня как сквозь слой ваты. – Я надеюсь, от этого звона на нас сейчас что-нибудь не обрушится… Как же это было громко, с ума сойти!

Впрочем, мгновение спустя стало ясно, что это было ещё вполне «умеренно» или даже «тихо». Ведь всё познаётся в сравнении, увы.

…Высоко над нами раздался протяжный скрип, будто зашевелилось нечто очень большое, а потом… А потом такой всепоглощающий «бом-м-м», что по стене побежала очередная трещина.

Глаза у Берти стали воистину ошалевшие, и, думаю, мои – не лучше. Сглотнув, я с опаской подняла голову.

Там, за рядами порушенных перекрытий, огромный колокол Рассветной башни медленно качнулся в обратную сторону…

И снова: *бом-м-м-м-м*.

* * *

Каменный пол задрожал… Мы с Берти охнули. Обсуждать было нечего: следовало просто как можно шустрее валить отсюда.

Голден-Халла хрустнул пальцами и развернул бурную магическую деятельность по уменьшению сундука, а я тем временем вскарабкалась на валуны, преграждающие вход, и оттуда протянула ему руку.

– Хватайся!..

Сыщик сунул бывший сундук в карман и, разбежавшись, прыгнул ко мне. Когда он вцепился в моё запястье, мы оба чуть с позором не ухнули обратно.

– Ой! Ты чего такой тяжёлый, Голден-Халла?

– Это не я! – оскорбился Берти. – Это сундук! Какого бы он ни был размера, а весит по-прежнему много! Кто же знал, что души этих крестьян такие неподъёмные. Грешили они, что ли, всю жизнь?..

– Ты хоть бежать-то с ним можешь, чудовище?! – посочувствовала я, ящеркой пробираясь наружу.

– Могу! – сосредоточенно пыхтели сзади. – И я не чудовище, эй. Я вполне себе чудо!

– Чудовище – это комплимент.

– С каких это пор?! – опешил Берти.

– Издавна. Меня так мой напарник называет в мои лучшие дни.

– Не хочу тебя расстраивать, Стражди, но твои лучшие дни, видимо, так себе!..

Я что-то тоже вдруг призадумалась.

Так-так. Вернусь – обговорю эту животрепещущую тему с Полынью. Хотя нет. Не обговорю. Мне всё нравится, а с Внемлющего станется сменить обращение.

Мы с Голден-Халлой мчались сквозь Асулен, сотрясающийся от звона. Уже на всех башнях подхватили эту тягучую, скорбную песнь – будто высасывающую из тебя душу. Звук был столь плотным, что на клёнах дрожали красные листья. Стены знаменитых колоколен стремительно зарастали плесенью, а недавние тихие призраки выходили перед нами на дорогу и беззвучно растворялись в воздухе, не сводя с нас укоряющих взглядов.

– Стоп! – вдруг ахнула я. – Берти, а где сноуи?!

Нашего мелкого друга и впрямь не было рядом. Помнится, он кружил над нами, когда мы обсуждали сундук, а потом, когда колокол

зазвенел, дух оглушительно взвизгнул и… Исчез?

– Боги, я надеюсь, он не взорвался от мощности звука!

– Эм. Я тоже. – Берти аж передёрнуло. – Зато, значит, мы не зря запоминали карту города. Это сейчас пригодится!

– А ты оптимист, Голден-Халла.

– Ничего подобного. Я рациональная сволочь, которая научилась управлять фокусом своего внимания. Траур по сноуи нам сейчас не поможет. Давай, ещё немного!..

И тут колокола, все как один, затихли.

Наступившая тишина оглушала. Мы продолжали бежать – два хриплых дыхания посреди мёртвых стен. И бешеная надежда – мы обязательно успеем, днём всё это вообще не считается – барабанами стучала у меня в ушах.

Но вот на город накинулся яростный ветер, знаменитые колокольни оказались полностью укутаны чёрной плесенью, а листва на плющах и деревьях превратилась в прах. И тогда из пустых домов Асулена водопадом полились хищные тени… Это были уже не те безобидные привидения, которых мы видели прежде. Нет: теперь к нам жадным потоком стекались плотоядные твари, бич Покинутого Асулена. Узкие, колышущиеся и голодные.

Казалось, кто-то широкой кистью прошёлся по всему миру – затянутый темнотой город невозможно было узнать.

– Переходим к плану Б! – крикнул Берти и сложил пальцы в плетение Божественного Обручённого. Вспышка ярко-белого света и воцарившееся вокруг нас спокойное сияние заставили тени беззвучно завизжать и резко отпрянуть.

Мы с Берти оказались спрятаны в ауре света. Голден-Халла стоял в центре, вытянувшись по струнке и разведёнными руками изо всех сил удерживая своё плетение. Я выхватила из сумки латунную баночку, взятую вчера в бывшем кабинете Силграса, и, развинтив крышку, обмакнула пальцы в её содержимое. Это была густая краска из особых горных кристаллов и растений, которые применяют в своих ритуалах шаманы скальников и которые хорошо и, главное, долго горят – даже в виде рисунка. Я начертила вокруг нас широкое кольцо.

– Готово!

Берти тотчас отпустил своё заклинание и щелчком поджёг смесь. Ещё одна вспышка! Ровный белый свет Божественного Обручённого

сменился густо-фиолетовым пламенем, поднявшимся от земли до уровня моих бёдер. Сквозь него было видно, как одинокие тени облепляют нас всё более тугим и жадным кольцом: это были уже не отдельные твари, а единая чёрная масса без конца и края.

– Так, ну пока что командная работа удаётся нам на славу, – облизнул губы Берти и встряхнул кистями рук. – Хорошо, что мы вчера всё-таки обсудили, что делать в подобном случае – вопреки скучающе-критикующим минам Авалати…

– Ага. – Я не отрывала взгляда от пламени. – Но, кажется, Силграс всё же был в чём-то прав, когда заявлял, что в наших стараниях нет смысла… Берти, тени *уже прорываются*.

И действительно: чем больше хищников становилось снаружи – а они собирались, как на зов маяка, со всего Асулена, – тем хуже было нашему защитному кольцу. Твари давили на него и по чуть-чуть сдвигали. Ещё немного – и либо нарушится целостность линии, либо нас просто сожмёт в тиски.

– Вот пепел! – Голден-Халла поудобнее закатал рукава плаща. – Ладно, значит, я снова наколдую свет. Будем двигаться вместе с ним.

Я покосилась на его маг-браслеты – уже наполовину пустые. Прах. Ни один маг не может колдовать бесконечно – силы каждого ограниченны. В таких мёртвых местах, как Асулен, заклинания даются гораздо тяжелее, и маги выдыхаются быстрее. Берти уже и снимал проклятие, и уменьшал сундук, и сплетал Божественного Обручённого… Вон какие у него синяки под глазами. Боюсь, его надолго не хватит. Пара заклинаний, а дальше – головокружения, кровотечения, ожоги и другие недвусмысленные сигналы от тела: теперь ты колдуешь ценой своего здоровья, пора остановиться, парень, не то умрёшь.

Нужны ещё идеи. Думай, Тинави.

Я огляделась. Нет, до выхода из города слишком далеко – мы сейчас добежали только до того места, где встретили сольвеггу, это всего лишь полпути, и… Хм.

– Берти! У тебя есть монетка?

– Да! Зачем тебе?

– Помнишь, я сказала, что не умею колдовать?..

Голден-Халла кивнул.

В ночь нашего знакомства, через некоторое время после того, как мы оставили пустой кэб на дороге, я вдруг сообразила, что мой спутник наверняка считает меня сильным магом – каковым и полагается быть любому Ловчему из Лесного королевства. Да и в принципе – любому шолоховцу. Ведь мы – самый волшебный из человеческих народов Лайонассы! У нас даже первоклашки в состоянии загипнотизировать и усыпить учительницу – причём случайно, просто от нежелания сидеть на скучном уроке.

Но я – особый случай. Около трёх лет назад я напрочь потеряла способность к колдовству. И пусть сначала мне казалось, что жизнь моя на этом и закончилась (я тогда как раз получила высшее образование и готовилась к блестящей карьере в Башне магов, которую мне пророчили все вокруг), постепенно выяснилось, что колдовство не настолько уж важно. Магия – всего лишь один из способов управления реальностью, а не смысл всего и вся. А потом и вовсе оказалось, что я потеряла лишь способность к *классическому колдовству*… А бывают и другие его разновидности, очень специфические, которые я с тех пор потихонечку изучаю. В последний год – вместе со своим наставником Анте Давьером. Но объяснять всё это очень долго, поэтому чужакам я обычно просто представляюсь не-магом.

Так что тогда, в горах, я сказала Берти: я не колдую, имей это в виду, прежде чем дальше идти со мной по какому-то крайне сомнительному маршруту. Голден-Халла ответил, что ему не важно, умею я колдовать или нет. Главное, что у нас похожие скорость бега и чувство юмора – а там разберёмся.

– В общем, я не могу применять обычные заклинания, – объясняла я теперь скороговоркой, забирая у Берти монету. – Но мне удаются некоторые древние ритуалы и заговоры, направленные на работу с искрами живых существ.

Голден-Халла удивлённо расширил глаза, в которых явно читалось: «С *искрами*?.. То есть прямо с *душами*? Такие действительно бывают?» – но не стал переспрашивать. Мягко говоря, в окружении теней было не до того.

Под заинтересованным взглядом сыщика, стараясь не отвлекаться на тени, я стала перекладывать монетку между пальцами по определённой схеме, шепча заговор последовательно на трёх языках: стародольнем, нитальском и шэрхенлинге.

Когда монета прошла полный путь от большого пальца одной моей руки до большого пальца другой, я глубоко вдохнула и плотно закрыла глаза. Звуки, тактильные ощущения, свет, вкус – спасибо, всем до свидания, увидимся позже, сейчас мне нужен покой.

Бум.

В темноте проступили два ярких светящихся сгустка – один прямо во мне, другой – там, где должен стоять Берти. Это были наши искры, их и позволял увидеть заговор. Но я искала третью искру…

Внутренним взором я стала охватывать всё большее пространство вокруг. Пусто-пусто-пусто… Есть! Комок света в трёхстах шагах к западу!

– Берти, через две улицы от нас сидит сольвегга! – Я распахнула глаза. – Давай добежим до неё? Говорят, если их как следует попросить, они разрешают летать на себе! Может, уговорим её унести нас из города? Их язык я знаю, если что!

– Оу. Сколько от тебя информации зараз, в том числе противоречащей предыдущим данным! – хмыкнул-поразился Берти. – Давай. Если что, просто её слегка ощиплем, светящуюся, – и он снова пропел заклятие.

Вокруг нас опять появилась аура. Прямо в ней мы перепрыгнули через фиолетовый огонь и бросились в указанную мной сторону, изо всех сил прорываясь сквозь плотную и жестокую массу теней.

– Левее! – иногда поправляла я, закрывая глаза, чтобы свериться с местоположением птицы. К счастью, сольвегга никуда не спешила, а действие заговора всё ещё продолжалось. – Сократим путь через этот проулок!

Берти кивал, постепенно становясь бледнее, но не подавая виду, как ему тяжело поддерживать мощное заклинание, со всех сторон атакуемое врагами. И вот наконец мы выскочили на нужную площадь.

Там на развалинах дома сидела огромная птица, безмятежно любовавшаяся небом. Уровню её спокойствия можно было позавидовать с учётом того, что небо было вообще-то грозовым, а вокруг чёрной рекой лились тени. Впрочем, они держались на почтительном расстоянии от сольвегги: её светящееся оперение им явно не нравилось.

Мы рванули к птице. Я уже повторяла себе под нос заготовленную просьбу о помощи, но… В итоге мне не довелось поупражняться в

прикладном языкознании.

Перед домом, на котором сидела сольвегга, располагалась приподнятая круглая площадка, густо испещрённая письменами – точно такая же, как та, на которой отдыхал наш снуи. Мы запрыгнули на платформу и помчались по ней, как вдруг она засветилась… Одна за другой вспыхнули витиеватые буквы. Потом в воздухе появились и закрутились по часовой стрелке их объёмные близнецы, сотканные из дыма.

Воздух мгновенно стал вязким, будто на полной скорости мы ухнули в воду. Сопротивление оказалось настолько сильным, что я буквально зависла в очередном прыжке, и развевающиеся полы плаща у меня за спиной живописно застыли.

«Так это те самые великаньи телепорты?!» – мысленно поразилась я, а в следующий момент весь мир завернулся спиралью и исчез.

11. Фиалки и лёд

Нежить – то, что приходит на место умершего. В мертвеца спускается зелёная искра, которая модицифицирует его тело и начинает свою нежизнь, в девяноста процентах случаев связанную с утолением вечного голода (гули, упыри и так далее). Изредка встречается разумная нежить: её облик может быть не столь ужасен, а цели – разнообразны, хоть и темны. В Седых горах разумной нежити больше, чем где-либо ещё в мире.

Энциклопедия «Доронах»

Какое-то время я пребывала в абсолютном ничто. Затем вернулось ощущение тела – пугающе слабого и непослушного. Меня мутило; голова шла кругом. Очень хотелось сдохнуть, но репутация не позволяла.

Боги-хранители, ну и телепорт.

После долгих попыток я всё же сумела с трудом открыть глаза. Оказалось, что я лежу на боку на точно такой же белокаменной площадке, как в Асулене. Но вокруг – уже не призрачный город в аварийной ситуации, а летний лес: полуденный, безмятежный.

Вид зелёной листвы меня немного взбодрил. Как говорится, хочешь утешить шолоховца – дай ему ветку. Хочешь наказать шолоховца – протяни ему ветку, а потом забери.

Кроме платформы, вокруг не было ни единого признака цивилизации. Лишь бесконечные ряды раскидистых дубов и голубоватые силуэты гор вдалеке. Стайка упитанных воробьёв, сидевшая на ближайшем дереве, озадаченно заткнулась при моём пробуждении и в смятении вспорхнула с веток.

– Берти, – кое-как совладав с голосовыми связками, прохрипела я. – Голден-Халла!

Тишина в ответ.

Сжав зубы, я сумела перевернуться. Сначала на спину – привет, небо, – потом на левый бок.

Голден-Халла обнаружился метрах в пяти от меня, на другом конце площадки. Я видела лишь рыжий затылок и выпростанную из-под сбившегося плаща руку с полуразжатыми пальцами. Маг-браслет, болтавшийся на запястье Берти, был совершенно пуст, а кожа вокруг него покраснела, как от ожога.

– Берти! – ахнула я и попыталась встать, но не тут-то было. Пришлось ползти.

Кто бы знал, что пять метров в горизонтальном полуобморочном состоянии – это так много! Воробьи успели вернуться на дуб, из-за одной из колонн показалась любопытная морда лисы, а я всё ползла, и сердце моё захлёстывали волны холода. Ведь телепортация принудительно высасывает из человека энергию, а Берти и без того был измотан колдовством. Что, если мой новый друг… умер?

Я уже была близка – и к Берти, и к истерике, – когда рука Голден-Халлы дрогнула.

– Жив! – выдохнула я, сама чуть не умерев от облегчения. – Ты как там? Слышишь меня?

Мизинец, безымянный, средний и указательный пальцы сыщика медленно согнулись, а большой, наоборот, распрямился. Затем рука, подрагивая, повернулась так, что этот большой оказался направлен вверх. Универсальный жест, никогда прежде не выполнявшийся с таким трудом.

«Я в порядке».

Оптимист Голден-Халла.

– Держись! – прохрипела я уже куда бойчее, чем прежде. – Я скоро приползу и проконтролирую, чтобы ты не откинулся.

– Вот так… обещание… – слабо рассмеялся он и, кажется, попробовал повернуть ко мне голову, но не смог.

Я преодолела последний метр и сама её развернула, после чего замерла рядышком, истощённая. Физиономия Берти полнилась скорбью.

– Что с нами стало? – трагически вопросил он.

– Ты имеешь в виду глобально или прямо сейчас? Если первое, то не берусь отвечать на столь философский вопрос в столь неподходящих условиях. Если второе – то мы попали в телепорт. – Я уже достаточно очухалась для того, чтобы заняться своим любимым делом: беспечной утешающей болтовней в подозрительных

обстоятельствах. – Не знаю, Берти, сталкивался ли ты когда-нибудь с подобным, но так уж вышло, что я более или менее опытный пользователь. И скажу с уверенностью – это перемещение бьёт все рекорды по уровню паршивости. Впрочем, учитывая, что телепортация здесь со времён великанов, большего ожидать и нельзя было… Удивительно, что он вообще работает. Я не думала, что такое возможно!

– Да уж. Как мы умудрились его разбудить, интересно?.. – пробормотал Голден-Халла и тотчас слабо застонал от очередного приступа головокружения.

Я сочувственно покосилась на него.

– Может, у тебя с собой есть какие-нибудь тонизирующие средства?

– Есть. Но достать из сумки не смогу, руки не слушаются, – поморщился сыщик.

Я же уже вернула себе большую часть дееспособности, а поэтому вальяжно отмахнулась в стиле богатенькой мамочки:

– Предоставь это мне.

Вскоре я влила Берти в рот зелье, пахнущее анисом и зелёным яблоком. Оклемавшись окончательно, мы стали изучать местность. Со скалы, на которую я забралась для лучшего обзора, удалось разглядеть узнаваемый профиль пика Осколрог – на самом горизонте. Значит, мы всё ещё в Седых горах, что хорошо. Но очень далеко от Долины Колокольчиков, что плохо, потому что мы не бешеные собаки, чтобы хладнокровно воспринимать появившийся крюк.

Что касается летнего леса вокруг нас – он был очарователен, но совершенно дик: непуганые животные, отсутствующие тропинки. Мы с Берти снова с сомнением уставились на телепорт.

– Прошло уже больше часа с тех пор, как мы переместились сюда, – задумчиво протянул Берти, перезавязывая свой красный хвостик. – Одинокие тени должны были угомониться. Может, попробуем ещё разок активировать эту штуку, чтобы вернуться? Не то чтобы я мазохист и вдохновился тем, как нас размотало, но не вижу других хороших вариантов.

Я решительно закатала рукава рубашки:

– Погнали!

Но не тут-то было. Мы опробовали где-то около ста разных способов, однако телепорт так и не ожил. Только на дубах вокруг собралась огромная птичья аудитория, заинтригованная тем, как странно ведут себя чужаки: то пробегают мимо с дикими воплями, то прыгают, пытаясь зависнуть в воздухе, то наколдовывают свет, то ползают по мрамору, шепча: «Включайся, включайся, хороший мой!»

Постепенно начал подступать вечер… Его романтику – окрасившиеся в коралловый цвет гребни гор вдалеке, особую прозрачную тишину, подкрадывающуюся из-за деревьев, – разбавило громкое урчание наших голодных желудков.

Тогда мы с Голден-Халлой поняли: надо что-то менять.

– Давай пойдём в сторону Осколрога, – вздохнула я. – Может, успеем до ночи найти какое-нибудь поселение. Как у тебя с госпожой удачей, Берти?

– Отношения «любовь-ненависть», – он хмыкнул. – Сейчас скорее будет второе.

– Почему это?

– Она очень ревнива. Ей не нравится, когда рядом со мной оказываются другие красивые девушки.

– Какой ты галантный, с ума сойти! – я зарделась.

Оглянувшись на прощанье на тихую белую площадку с её таинственным прошлым и непредсказуемым настоящим, мы двинулись прочь.

* * *

Мы шли по вечерней дубовой роще, раздвигая папоротники руками и обсуждая загадку сохранившегося заклинания Хеголы Тоффа. Сундук с колокольчиками так и лежал в кармане у Берти. Он решил оставить его уменьшенным: заклинание всё время тянуло из него немного энергии, но это было лучше, чем таскаться с громоздкой ношей наперевес.

– Та подпись точно принадлежала Хеголе. – Берти побарабанил пальцами по подбородку. – И по ощущениям заклинанию точно не меньше трёхсот лет. Но при этом три века – это слишком долгий срок жизни даже для шолоховцев вроде тебя, что уж говорить о

норшвайнцах… Сомневаюсь, что подобный результат Хеголе могли подарить зарядка по утрам и свежие овощи каждый день[3].

– А что, если он стал призраком? – Я, размышляя, грызла сорванную травинку. – Желание однажды всё-таки спасти свою деревню могло якорем привязать его к сундуку.

– Вот именно: будь он призраком, он бы ошивался где-то рядом. И прилетел бы в башню в тот самый момент, когда я посмел коснуться его сокровища. Однако пусть у нас пока и нет гипотез о случившемся, я уже до пепла доволен, Тинави. Ведь теперь мы знаем, что личность Хеголы Тоффа, его искра – где-то здесь… Всё ещё в нашем мире, – широко улыбнулся Голден-Халла. – А значит, ещё ничего не кончено. Его история продолжается.

Я кивнула и тоже хотела улыбнуться, а потом поняла, что и так улыбаюсь – уже несколько минут подряд, с самого начала диалога. Вот прах. Моя надежда на лучшее всегда бежит впереди меня… Не обжечься бы однажды.

– Кстати, про искры! – переключился Берти. – Получается, в Асулене ты с помощью монетки почувствовала искру сольвегги? А на Хеголу это не сработает?

– Не-а. Заговор, который я читала, не показывает конкретные искры или, скажем, где чья. Он просто обозначает местоположение всех обладателей искры на небольшом расстоянии вокруг тебя. Его придумали целители-шэрхен в позапрошлом тысячелетии, когда на острове Рэй-Шнарр бушевала чума, и они перед тем, как входить в деревни, должны были понять, сколько впереди живых, а сколько – нежити, у которой искра зелёного цвета…

– Ого, – Голден-Халла присвистнул. – А почему ты не можешь использовать обычные заклинания?

– Потому что заклинания работают с энергией бытия *унни*[4], – объяснила я. – А у меня нет возможности взаимодействовать с ней – так уж вышло. Это долгая история, изобилующая словами «жертва», «дерзость» и «наказание»… Но в мире существует небольшое количество жутко древних заговоров, ритуалов и обрядов, чьё действие направлено не на энергию, а напрямую на *искры*. В прошлом году у меня появился наставник. И вот мы с ним выяснили, что при должной подготовке я могу применять эти ритуалы, представляешь? Ведь с искрами у меня всё хорошо! И в принципе кто угодно ещё тоже

может их использовать – если как следует разовьёт свою чувствительность, дисциплину, концентрацию, подучит необходимое количество языков и…

– Кто угодно не сможет, – перебил-резюмировал Берти.

Я рассмеялась:

– Пожалуй, самое сложное в этих ритуалах – найти их и восстановить изначальный смысл, который часто бывает утерян или искажён с течением времени. Из-за того, что в целом подобные обряды гораздо менее удобны, чем заклинания, они быстро предавались забвению. Вот я и ищу их: везде – в книгах, в легендах, в песнях… Дело идёт медленно, конечно. Но мне нравится! – закончила я.

– Круто, – восхитился Берти. – Я знаю ещё одного человека, кому бы точно понравилось.

– Дай догадаюсь: Морган?

– О, прах, я что, становлюсь предсказуемым?

Мы вброд перешли небольшую звенящую реку и жадно смели с прибрежных кустов чернику, заставив какого-то оленя грустно орать в отдалении: «Грабят!» Теперь в лесу уже по-настоящему стемнело. Я порадовалась, что бросила в сумку свой маленький аквариум с травой осомой[5].

Его зеленоватый свет, проснувшиеся в траве светлячки… Всё было очень даже неплохо до тех пор, пока в роще вдруг не поднялся сильный ветер, швырнувший мне в лицо горсть благоухающих фиалок.

А затем пошёл снег. Посреди летней рощи.

Снег – и всё те же фиалки, падающие откуда-то сверху. Ветер набирал силу, закручивался спиралями, раздувая наши с Берти рубахи; вихри из цветов и льдинок так и норовили оцарапать лица; вдалеке послышалась призрачная мелодия скрипки, а по стволам деревьев стремительно поползла кружевная изморозь…

– Пепел! А я говорил! – Берти экспрессивно шлёпнул ладонью о лицо. – Удача, ну ты чего?! Тинави хорошая, Тинави тебе не соперница, а ну-ка быстренько передумай, прекрасная моя!..

– Поздно, – траурно сообщила я, хватая сыщика за рукав и кидаясь в гущу деревьев.

– Нет, не поздно! – неожиданно воспротивился он. – Нам ещё может повезти с укрытием! – и сам поднажал, вырываясь вперёд, таща уже меня на прицепе и продолжая что-то там убедительно бормотать.

Мы мчались, не разбирая дороги, а лес вокруг всё глубже затягивало в колдовскую фиалково-снежную бурю…

Это был Искристый Перепляс.

Магическое бесчинство, которое устраивает альва по имени Фиона, она же ледяная леди с лавандовыми глазами, бездушная хозяйка аметистовой звезды. Могущественная сущность в облике прекрасной дамы, которая, в отличие от владыки горных дорог Силля, не тратит своё бессмертие на миленькую человеческую жизнь в деревне, нет…

Леди Фиона любит танцы. Любит надрывный плач скрипок, цветы и лёд. Она живёт на пике Совермор со своими слугами-мертвецами и спускается оттуда, чтобы убийственно-красивым вихрем пройтись по Седым горам. Каждый, кто попадает на её сказочный бал – погибает и присоединяется к аметистовому двору.

Говорят, в ночи Искристого Перепляса в дома норшвайнцев нередко стучат их погибшие возлюбленные, просят выйти, попрощаться как следует, раз уж есть возможность. Или же открытым текстом предлагают провести вместе вечность в чертогах ледяной леди – всего один танец, один лёгкий укол холода, подаренная фиалка, и мы будем свободны, сегодня и всегда.

Некоторые соглашаются, даже если заранее готовились к такому визиту, часами репетировали твёрдое «нет». Их можно понять. Мало кто, встретившись с настоящим искушением, ведёт себя так, как рассчитывал, размышляя о нём в безопасности.

Наутро после бала места, где прошёл Перепляс, становятся такими же, как и прежде – Фиона милостива к природе. Но те, кто станцевал при дворе леди, уже никогда не возвращаются домой.

Мы с Берти неслись изо всех сил, а побелевшие дубы тянули к нам свои ветви-когти, пытались остановить… Вскоре колдовская тьма стала настолько густой, а ветер – яростным, что нельзя было больше и шагу сделать – острые ветки будто намеренно пытались выколоть нам глаза и невидимые овраги бросались под ноги.

Берти вдруг остановился и шлёпнул себя по лбу.

– Я совсем забыл, что Морган дал мне артефакт на подобный случай! – шаря по карманам, пытался перекричать вой ветра Голден-Халла. – Вот! Он приведёт нас к ближайшему жилому дому. Будем использовать?

На ладони Берти лежал стеклянный шарик, который деликатно светился рубиновым цветом и в чьей глубине шевелилось и будто вздыхало золотое сияние.

Это был так называемый «паучок». Подобные артефакты всегда просят плату за своё использование. Она заключается в том, что человек, активирующий его, лишается одного воспоминания. Какого – заранее неизвестно, выбрать нельзя. Лишь в момент расплаты оно на прощанье возникнет у тебя перед мысленным взором, а потом исчезнет, и ты уже не сможешь его воспроизвести, будешь только чувствовать странное почёсывание и «застревание», если начнёшь ощупывать смежные картины памяти.

Рулетка, как в казино. Можешь лишиться какой-то глупости, а можешь – самого дорогого дня в своей жизни.

– Давай я сделаю это! – Я протянула руку.

Ничего. Всё по-настоящему важное мне будет кому напомнить.

– Ну уж нет, драгоценная, – помотал головой Берти, отдёргивая ладонь, и в следующее мгновение, отщёлкнув элемент золотой окаёмки артефакта, уколол палец об обнажившийся шип.

Золотая патока внутри шара взбудораженно зашевелилась, а потом приняла очертания стрелки, как у компаса, и закрутилась на месте. Я внимательно следила за Голден-Халлой. Его лицо приобрело напряжённо-ожидающее, потом удивлённое и облегчённое выражение. Едва стрелка определилась, застыв в одном положении, как мы, держась друг за друга и пригибаясь от ветра, немедленно двинулись в указанном направлении, позволяя артефакту корректировать путь.

Голден-Халла молчал.

– Хей! Как ощущения, Берти? – Я взволнованно дёрнула его за рукав.

– Странные. И впрямь уже не помню, чего лишился!

– Ну, судя по твоему лицу, это было что-то не очень важное!

– Надеюсь!

И вот впереди, посреди снежно-цветочной хмари, неожиданно показалась хижина.

Дом выглядел… коварно. В нём было что-то тревожащее, заставляющее невольно отступить назад. В голове тотчас промелькнули тексты страшных сказок, которые я с упоением читала в детстве и из которых вынесла три правила: никогда не разделяйтесь с

друзьями; не проверяйте, что шуршит в подвале; держитесь подальше от неизведанных хижин в лесу.

Мы с Берти переглянулись.

– Да? – спросил он, явно полный тех же сомнений, и убрал использованный артефакт в карман.

– Да, – сглотнула я.

* * *

Впрочем, вблизи хижина оказалась не такой уж подозрительной, хотя, возможно, это планка моих ожиданий совсем упала к тому моменту, когда мы всё-таки добрались до порога.

Потому что Перепляс был прямо здесь, и от его близости кровь стыла в жилах. Стало ненормально холодно, куда холоднее, чем в Долине Колокольчиков. Естественно, мы с Берти не могли тратить время на то, чтобы остановиться и надеть шуфы – и я чувствовала, как острая боль пронзает мои оледеневшие пальцы.

Боги, я ненавижу холод.

Помнится, в дни до моего отъезда в Шолохе было нестерпимо жарко. Все страдали. Горожане бродили по чащобе, бормоча что-то о каре небесной, выбегали на набережные, раскидывая руки и крича ундинам: «Хлещи, хлещи!» (те били хвостами по воде, поднимая тучи брызг), просили в кафе воду только затем, чтобы красиво облиться ею при всём честном народе. И хотя я любила жару, даже для меня это было чересчур. Духота наполняла дом, мысли плавились, я лежала в самом прохладном углу библиотеки и утешала себя: «Зато не холодно!»

«Зато не холодно!» – сто раз подряд.

Это помогало. Ведь мозг, в сущности, очень просто устроен: если старательно прописывать в нём какую-то мысль, она приживётся.

Сейчас, замерзая вместе с Берти в колдовской буре, я решила применить тот же метод. И когда Голден-Халла обернулся ко мне, чтобы проверить, не расцвели ли у меня на веках фиалки – признак скорой смерти от Перепляса, я героически простучала в его сторону зубами:

– З-з-з-з…

– Что? – Берти расширил глаза. Его ресницы и брови были покрыты инеем.

– З-з-з-зато не холодно…

Он аж подавился. Чокнулась. Небо голубое, она уже чокнулась, как же жаль.

– Тьфу ты! Я имею в виду: зато не жарко!

– Да уж, это определённо плюс, – хмыкнул Голден-Халла, и мы буквально взлетели на крыльцо хижины.

Сколько мы ни барабанили в дверь, никто не открыл, и тогда Берти заклинанием отпер её. Вместе с нами внутрь влетел ворох снежинок и цветов: гиацинты, розы, ирисы, незабудки усыпали пол избушки, а потом растворились без следа.

Перед тем как захлопнуть дверь, я заметила на ней табличку. «Травяного ликёра нет», – гласила она.

Это ещё что значит?

Голден-Халла не дал мне вчитаться: схватил за шкирку, буквально откинул в глубь дома и захлопнул-закрепил дверь заклинанием.

– То ты бредишь, то зависаешь на пороге! – возмущённо всплеснул руками он, а потом начал прыгать и приседать, чтобы согреться.

– Там просто было написано что-то странное!

– Про ликёр-то?.. Я тебе потом расскажу, что это значит. Сейчас главное – двигаться! Холод Перепляса – это жесть, здесь можно и после десятиминутной прогулки умереть, а я меньше всего на свете хочу оказаться заперт с твоим трупом! Давай, Стражди! Упала-отжалась!

Следующие минуты прошли в почти полной темноте. Мы сосредоточенно пыхтели, по-чьяговски «приветствуя солнце» и выполняя другие связки упражнений. Когда кровь снова зациркулировала в венах, я с облегчением растянулась на полу.

– Надо бы свет включить, – философски отметил лежащий рядом Голден-Халла. – Забавно, если всё это время ошалевший хозяин хижины наблюдает за нами из дальнего угла.

– И стыдится высказаться против столь наглого вторжения, ага, – подхватила я, а потом поднялась и на ощупь стала нашаривать на стене выключатель.

Впрочем, быстро выяснилось, что магические сферы и характерный кристалл на стене, позволяющий их зажечь, тут отсутствуют. Мой фонарь с осомой снова пришёл на помощь. С ним нам удалось отыскать несколько ламп и деревенскую печь. При свете таинственная хижина оказалась весьма очаровательной.

Это был настоящий домик отшельника: деревянный массивный стол, кресло-качалка, спальное место, обустроенное на печи. По другую сторону от трубы прятался кухонный уголок, где под потолком покачивались пучки засушенных трав: шалфей и зверобой, тимьян и вереск.

На полу обнаружился люк, ведущий в погреб. В нём мы нашли ледник с вяленым мясом, орехи, мёд, а ещё… сливки, козий сыр и хлеб. Всё это, равно как и переброшенная через спинку стула чёрная туника, раскрытая книга и некоторые другие приметы, свидетельствовало о том, что хозяин избушки живёт тут на постоянной основе.

– Прах, Берти, а если он попал в ловушку Искристого Перепляса? – Я с тревогой посмотрела на входную дверь.

Голден-Халла открыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого вдруг поперхнулся и указал пальцем на что-то у меня за спиной. Вы даже не представляете, с какой скоростью я обернулась.

На настенном зеркале проступили буквы:

«Не переживайте. Он сейчас далеко и вернётся только завтра».

Текст выглядел так, будто его писали от руки, хотя в хижине не было никого, кроме нас.

«Хотите пить?» – продолжился текст как ни в чём не бывало, и одновременно с этим дверцы подвесного кухонного ящика распахнулись, и оттуда вылетели два стакана и кувшин с морсом, судя по характерному цвету – из малины. Один стакан толкнул в грудь меня, другой – Голден-Халлу. Кувшин заметался, не зная, кого обслуживать первым.

Я была слишком удивлена, чтобы что-то сказать. Даже «спасибо» застряло в горле, вырвавшись лишь невнятным мычанием – и невидимый кто-то истолковал это по-своему.

«Хотите есть?»

Прежде чем мне в затылок врезалось блюдо, вылетевшее из погреба, я успела пригнуться и взвыть:

– Подожди! Ничего не нужно, спасибо! Просто скажи: кто ты?

«Я живу здесь».

Берти, тоже оклемавшийся, подошёл к зеркалу.

– Ты, наверное, ниссё – дух, берегущий дом и привечающий гостей? – Сыщик с интересом посмотрел на то, как быстро стираются буквы.

«Нет».

Сложно ставить диагноз по почерку, но, кажется, нашему собеседнику не понравилось это предположение.

«Я не такое ничтожество».

О-о-о, точно не понравилось.

– А кто же ты?

«Призрак. Напарник хозяина дома. Я разрешаю вам переночевать здесь, чтобы вы не погибли в Искристом Переплясе. Ешьте, пейте. В общем… – Место на зеркале кончилось. Невидимая рука резким движением стёрла всё написанное и крупно, слегка угрожающе вывела: – Располагайтесь».

Располагаться как-то совсем не тянуло. Пусть пишущий на зеркале и не хочет нашей смерти, а всё же достаточно сложно проводить уютный вечер, зная, что за тобой кто-то наблюдает.

– Неуютно как-то, – озвучил мои мысли Голден-Халла.

Мы стали готовить ужин. Вскоре на сковороде зашкварчала рыба, натёртая солью и розмарином. Огонь в печи потрескивал, а целебные травы в нагретом помещении начали источать тонкий и приятный аромат. В противовес этому уюту за окном слышался далёкий серебристый смех и холодная струнная музыка, от которой хотелось плакать. Чтобы заглушить звуки Перепляса, мы с Берти, не затыкаясь, весь вечер болтали о всякой чуши – говорить о важном при неведомом наблюдателе не хотелось.

– Ты обещал рассказать мне про табличку на двери, – напомнила я, когда мы сели за стол.

– Точно, – улыбнулся Берти. – «Травяного ликёра нет»… Ты когда-нибудь слышала о травкёрах?

Я помотала головой.

– Я тоже узнал о них только недавно, от Моргана, – кивнул Голден-Халла. – Травкёры – это один из типов местной нежити, разумный и не очень агрессивный. Внешне травкёры практически

неотличимы от нас, но у них есть лисьи уши и хвосты. Встречая одиноких путников и отдельно стоящие дома, они часто спрашивают: «Травяного ликёра нет?» По какой-то причине каждый травкёр сходит с ума по вкусу традиционных северных настоек, но сам сварить их не может, потому что не в силах коснуться трав, из которых делается ликёр: они целебные, он нечистый, вот такая печальная логика. Так вот проблема в том, что независимо от ответа – предложишь ты травкёру ликёр или нет – он тебя проклянёт. Грубо говоря, сам факт разговора с ним – уже проклятие, которое сулит тебе беду в ближайшие недели. Поэтому единственная возможность избежать этой участи – заранее закрепить на доме такую табличку, как здесь, чтобы травкёр, несчастное, по сути, существо, всё сразу понял, оскорбился и ушёл.

– Ого! – Я положила себе на тарелку ещё один картофельный оладушек, чей золотистый бок выглядел пугающе соблазнительно. – Но если в остальном травкёры неагрессивны, неужели никто не оставляет им подношения в виде ликёра? Может, они бы и спрашивать перестали. И, соответственно, проклинать.

– Иногда оставляют. – Берти азартно наколол на вилку жареный грибочек. – Обычно так делают молодые девушки…

И он выдержал хитрую паузу. Я вскинула брови:

– Только не говори, что им просто нравятся смазливые мордочки с ушками!

– Почти. Есть поверье, что в травкёров после смерти могут переродиться лишь очень красивые юноши, которые трагически погибли, будучи влюблёнными и с именем возлюбленной на устах… Вполне вероятно, это просто домысел, связанный с тем, что на норшвайнлинге травкёр звучит как hetveir. А hetfeir – всего одна буква разницы – это уже «вечная любовь». Поэтому считается, что травкёр, собственно, покровительствует такой любви. В истории не зафиксировано случаев, когда девушки реально получали что-то в обмен на добровольные подношения, но… Сама понимаешь: когда чего-то очень хочется, люди мигом начинают верить и в приметы, и в суеверия, и в светлую биографию тёмных тварей.

– А ты много знаешь о местных традициях, Голден-Халла! – оценила я.

Сыщик отмахнулся:

– Не я, а Морган. Он просто помешан на своей работе. За то время, пока я у него гостил, он вывалил на меня столько информации, что это тянет на второе высшее образование. Причём, прикинь, он ходит за тобой и будто бы тебя отчитывает, а не просвещает, и всё это с таким зверским лицом, что, ей-небо, даже я при своей легкомысленной натуре иногда банально боюсь его перебить. Загрызёт ещё!..

Я рассмеялась.

Потом бросила взгляд в сторону зеркала:

– А о призраках, которые пишут на зеркалах вместо того, чтобы показываться, твой друг тебе не рассказывал?

– Нет. – Берти покосился туда же и сказал чуть громче: – Может, ты всё-таки явишься нам, дружище?

«Нет».

Мгновенный ответ свидетельствовал лишь об одном: всё это время привидение нас старательно слушало. Как же странно, что оно не появляется… А ещё представилось напарником хозяина. Напарником в чём? Хижина выглядела так, будто здесь живёт обыкновенный охотник-отшельник средних лет. Ровным счётом ничего необычного. Но простой человек вряд ли имел бы общие дела с привидением…

– Я ни разу в жизни не спала на печи, – призналась я, когда время перевалило за полночь и мы стали собираться ко сну. – Я вообще не уверена, что в Шолохе есть печи. Для меня это какое-то глубоко сказочное понятие. Камины – да. Трубы с горячей водой, конечно же. Хотты, старые добрые грелки… Но печи!

Я с интересом осматривала лежанку, представляющую собой несколько положенных друг на друга матрасов. Шторка над ней превращала спальный закуток в отдельную комнатку.

– Тогда уступлю козырное место тебе, так и быть, – делано вздохнул Голден-Халла. – Только обещай провести ночь с пользой: посмотреть самые интересные сны из всего ассортимента вселенной, договорились?

– Договорились, – серьёзно пообещала я.

Мы стащили один из матрасов на пол – для Берти, взяли с кресла-качалки несколько подушек и накрылись своими шуфами вместо одеял. За окнами так и пела скрипка, да и холод Перепляса не отступал.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

«Спокойной ночи», – появилась надпись на зеркале перед тем, как я задвинула шторку, а Берти задул последнюю свечу на столе.

12. Тем временем Силграс

Нельзя изменить тёмный гобелен своего прошлого, но можно соткать будущее так, что история в целом окажется духоподъёмной.

Мудрость норшвайнских ткачей

Прошла пара часов после ухода его спутников, когда Силграс совсем приуныл.

Ожидание. Вещь, которую он ненавидел всей душой. Раньше – потому что ожидание было мучительно скучным. Теперь – потому что оно до дрожи пугало.

Сколько ещё жизней пройдёт мимо, пока я сплю?

Авалати сглотнул и постарался заняться чем-то полезным. Посреди снежной пустоши это было не так-то просто, особенно если добавить в уравнение всё возрастающее волнение.

Ну что там сейчас происходит, в Асулене?..

Силграс успел слепить снеговика, вытоптать слово «лето» размером с тринапское поле, съесть все свои припасы и по сотому разу расчесать гривы метельных коней. Те вырвались, убежали и теперь с подозрением косились на него издалека. «У нас скоро скальпы закровоточат, придурок», – говорили их взгляды.

– Не переживайте, – буркнул Авалати. – В конце концов, мы видимся в последний раз.

Кони как будто смутились и даже вновь подошли к нему, но хозяин лазоревой звезды, уже не глядя на них, сгорбился на какой-то небольшой, похожей на зуб скале, поджав колени, туго сплетя руки и вообще свернувшись в такую угловатую загогулину, что было больно смотреть.

Про «последний раз» было правдой.

В тот день, когда Силграс очнулся в горе Осколрог, у него на правой руке было кольцо с дюжиной крохотных сапфиров. Знание о том, для чего оно нужно, пришло так же из ниоткуда, как и вся остальная информация.

Если нажать на один сапфир, вот те два придурошных коня, только что смывшихся из пещеры в неизвестном направлении, прискачут обратно и будут в течение суток везде следовать за ним. А потом снова умчатся, и использованный камень пропадёт: металл кольца вокруг него затянется, как новенький. Когда данные неведомым богом – *богом ли?..* – призывы коней иссякнут, Силграс сможет звать их, только применяя свою магию. Если, конечно, эта магия у него ещё останется, а не выветрится из-за того, что кое-кто слишком давно не возвращался спать в свою гору.

Силграс нервно облизнул губы и похлопал себя по внутренним карманам мантии. Еда действительно кончилась. Вот же камень окаянный.

Он спрыгнул со скалы, упал в снег спиной и поводил руками вверх-вниз, делая «крылья». Потом тяжело вздохнул.

Время шло.

Тик-так. Тик-так.

Авалати стал перебирать в памяти события последних дней – будто бусины, надетые на чётки. Правильно ли он сделал, что рассказал двум незнакомцам столь многое? Было стыдно. Он явно открылся сильнее, чем нужно. Следовало просто пообещать им хорошую награду и выдать задание без лишних подробностей, давя на то, какое это восхитительное приключение. А он расчувствовался, как девчонка. «Узнайте, что случилось с Хеголой. Как именно умер мой лучший друг» – если мысленно произносить это тоненьким голоском, получается совсем тошнотворно.

– А-а-а-а-а-а-а, блин!.. – Силграс перевернулся лицом вниз и позволил снегу охладить запылавшие щёки.

Сердце болезненно сжималось при воспоминании о том дне в Долине.

Почему он не смог показать Хеголе свои истинные чувства, зачем продолжал язвить? Почему заколдовал деревню? Почему не вернулся сразу же, как понял, что был не прав?

Напрашивался ответ: потому что был дураком, обласканным вечностью, и, что хуже – дураком гордым.

Я друга променял на красное словцо.

Авалати поморщился, перевернулся на бок и обхватил свои хрупкие плечи руками. Кто бы знал, как он себя ненавидит. Он думал,

это жгучее чувство «я совершил ошибку» утихнет после того, как он найдёт способ расколдовать деревню, но в итоге ему стало только хуже.

Потому что ушедших столетий – ни для Долины, ни для него – не вернуть. А Хеголу – не оживить. Всё не исправить.

Скоро двое его помощников вернутся с сундуком колокольчиков, он проведёт обряд, и…

«Бом-м-м!» – разнеслось далеко над горами.

Мастер Авалати подлетел над снегом, как вспугнутая сорока.

– Что? – ахнул он, глядя в сторону древнего города на горизонте, где звучало всё больше и больше колоколов.

Силграс бегом бросился к Асулену, но всего шагов сто спустя влетел в невидимую преграду. Удар был такой силы, что, будь незримая стена стеклянной, она бы со звоном обрушилась.

Вот он – предел, выделенный ему горой Осколрог. Дальше Силлю хода нет.

В груди появилось тянущее тревожное чувство, будто неведомая сила наматывала на палец нитку, которая крепилась прямо к сердцу Авалати. Силграс схватился за разбитый нос и, шипя от гнева, отступил назад. Красные капли крови падали на снег и распускались на нём, как маленькие цветы.

Колокола продолжали звонить.

– Что же вы наделали… – застонал Авалати, когда на смену перезвону пришла пугающая тишина. – Долбаные смертные, да какого ж пепла вам не живётся!

Он снова шагнул вперёд, раскрытыми ладонями упёрся в стену и стал свирепо вглядываться в горизонт. И вдруг над городом, от которого отсюда было видно лишь несколько самых высоких башен, взмыло ввысь какое-то оранжевое пятно.

Что это? Сгусток пламени, последнее отчаянное колдовство его горе-спутников?

Но пятно постепенно разрасталось, двигаясь в его сторону, такое яркое на фоне бесконечных снегов, и Силль вдруг понял, что это птица. Сольвегга! Более того, на спине у неё кто-то сидел.

Неужели одному из двоих удалось спастись?

Силграс всем телом прижался к невидимой стене, игнорируя боль в сердце и до рези в глазах всматриваясь в птицу и её всадника,

однако… Сольвегга плавно повернула на запад, и скоро вновь стала казаться лишь яркой точкой в синем небе, крохотным конкурентом солнца.

Как странно.

Конечно, Авалати читал о том, что на сольвегге можно летать – помнится, в школе он даже сам в красках рассказывал об этом младшеклассникам, когда они в очередной раз просто достали его своими приставаниями… «Силграс, а спой! Силграс, а поиграй! Силграс, а потаскай меня на спине!» – ага, щас. В итоге эта мелочь облепила его, как пчёлы – первый цветок пиона: кто за волосы дёргал, кто за колокольчик в ухе – и милый рассказ про волшебную сольвеггу превратился в страшилку о птице-людоедке, утаскивающей слишком докучливых шестилеток прямо в Лавовые щели. Хегола Тофф вместе с учительницей долго утешал испуганных малышей, а на Силграса орал в стиле: «Тебе что, настолько сложно было спокойно посидеть с ними, пока мы доделываем новый шкаф в библиотеке?!»

Но всё же, пусть легенды и гласили, что на сольвегге можно летать, а в реальности Силграс о таком ни разу не слышал. И не помнил этой информации среди данной ему при пробуждении.

Кроме того, получается, что в призрачном городе сейчас был кто-то ещё – и он, в отличие от Ловчей и сыщика, смог сбежать от одиноких теней…

Силграс вновь опустился на снег, невидящим взглядом уставился в никуда. Его растрёпанные волосы издевательски перебирал холодный ветер.

«Молодец, Авалати, – опустошённо подумал он. – Ты не только не спас деревню, ты ещё и угробил двух человек. Молодец. Просто пять с плюсом. Талантище, ничего не скажешь».

Он бы ещё долго так сидел, но над пустошью разнёсся пронзительный писк, и скоро ему на плечо опустился перепуганный, безостановочно верещащий снуи. Альв пересадил духа на палец и бесстрастно выслушал его истерику. Язык снежных фей был устроен так, что если долго вслушиваешься, то постепенно начинаешь разбирать отдельные слова, потом целые фразы… А затем осознаёшь, что в совершенстве понимаешь снуйский. Даже если не очень-то и хочешь этого.

– Говоришь, они забрали сундук и побежали к воротам… – прищурился Авалати. – Но они успели покинуть город? И скажи – ты видел там третьего человека?

Снуи отрицательно качнул головой.

– Тогда тебе придётся вернуться в Асулен и найти их следы. Или выжженные силуэты на земле – там, где их поглотили тени.

Снуи отпрянул, схватившись за сердце.

– Давай-давай. – Силграс попробовал сбросить снежного духа с пальца, но тот уцепился за него обеими руками.

– Не хочешь? – Авалати непререкаемо поднял палец и висящую на нём ношу до уровня своих глаз. Глаза строго сузились. – Что ж, твоё право. Но тогда я позову на помощь кого-нибудь другого из твоих соплеменников. Они догадаются, что ты струсил.

Снуи взвыл, обиженно пнул ладонь Авалати и, негодующе бормоча, полетел обратно к Городу Ста Колоколен. Он то и дело оглядывался, грозно потрясая кулаком, а Силграс только невинно махал ему вслед.

Ещё несколько часов спустя, когда на западе уже заклубилась тьма подступающей ночи, снуи вернулся, дрожа от собственной смелости. Он доложил, что ни посмертных отпечатков колдунов, ни сундука в Асулене нет. Да и в поселение скальников, притаившееся под городскими стенами, сегодня не приходили никакие чужаки.

– Куда же они делись?.. – Силграс вновь задумчиво залез на скалу: сидеть на ней всё же было теплее, чем на снегу.

Он вглядывался в небо, надеясь, что, возможно, снова увидит сольвеггу и её таинственного всадника. Интуиция нашёптывала Авалати, что это может оказаться зацепкой.

Становилось всё темнее, в животе урчало, метельные кони, виновато поглядывая на него, отсчитывали часы до своего освобождения, и альв понял, что нет никакого смысла и дальше сидеть здесь. Вскочив на одного скакуна, он приказал второму ждать тут, пока срок договора не выйдет – ну мало ли. Потом с какой-то странной смесью пренебрежения и нежности потрепал его по ушам и, цыкнув его брату, отправился обратно в Долину Колокольчиков.

По дороге Силграс беседовал со снуи, уставшим и гордым, устроившимся у него на плече и завернувшимся в собственные крылья.

– Мне всё-таки придётся обратиться к твоим соплеменникам, – вслух размышлял Авалати. – Не вижу другого выхода, кроме как разослать вас по разным сторонам, чтобы вы попытались найти потерявшихся колдунов…

– Пип? – сонно предложил снуи.

– Просто ждать, пока сами вернутся? – Силграс упрямо поджал губы. Глаза его сверкнули. – Ещё чего! Я и так упустил слишком много времени. Пора покончить с этой историей.

Мастер Авалати подстегнул коня, полы его накидки взметнулись, белые волосы стегнули альву по глазам.

– Пип… – повторил снежный дух, на сей раз очень печально.

В отличие от Тинави и Берти, он знал, что случится, когда деревню расколдуют.

13. Озарённый пламенем свечей

Все знают, что под Академией Бурей расположена сеть тайных ходов: полных опасностей и полузатопленных… Но почему-то никому, кроме тебя, не пришло в голову тащить туда первокурсников на своём семинаре! Какого пепла, Берти?! Что значит: «Им так было интереснее», прах тебя побери?

Из гневной записки леди-ректора Элайяны

Я сладко потянулась, лениво разлепила веки и… поперхнулась от неожиданности.

Вокруг были сочные джунгли.

Те же самые, что и вчера. И та же тропинка, тот же раскидистый куст с ярко-малиновыми цветами, тот же увитый лианами указатель…

– Прахов прах! – Я вскочила на ноги.

За день я забыла о том кошмаре, но теперь моё сердце вновь начало отчаянно колотиться, а ум – нагонять волны мыслей о смерти, под которыми я едва не тонула, с трудом удерживаясь на поверхности. «Он ищет тебя. Он уже близко» – вопила каждая клеточка моего тела.

Так. Я понятия не имею, что происходит, но я не собираюсь позволять пепел-пойми-чему превращать меня в скулящую паникёршу.

Что притаилось в зарослях впереди, я уже знаю благодаря вчерашней ночи: ничего хорошего. Во мне жила абсолютная уверенность в том, что чудовище с головой быка не преминет вскоре явиться оттуда. Но что находится за мной?..

Обернувшись, я увидела среди деревьев небольшое булькающее болотце, а в нём наполовину утонувший, сидящий у дерева скелет. Это зрелище неожиданно приободрило меня, ведь скелет держал лёгкий меч, как раз такого типа, с которым я умею обращаться.

– Прости! – шепнула я, обежав болотце и выдернув меч из костяных пальцев.

Затем кинулась вместе с ним прочь по тропинке, но не успела как следует разогнаться, как со всех сторон на меня набросились лианы.

Снизу, сверху – я рубила зелёные путы изо всех сил, а они всё не заканчивались.

И вдруг в пружинистом мху под моими стопами стали ощущаться удары: бум, бум, бум. Монстр приближался.

Он появился раньше, чем я смогла освободиться от лиан. Огромная тварь, от которой во все стороны буквально расползалось необъяснимое ощущение *неправильности*. Мне ясно вспомнился Зверь из Хаоса. От этого монстра исходила такая же чуждая, искажённая энергия.

Размышлять не было времени. При приближении чудовища мой мозг просто свихнулся: мне хотелось отбросить меч, упасть на землю, заткнуть уши и орать до тех пор, пока всё это не прекратится, позволяя тропическим бабочкам безмятежно и тупо трепетать крылышками вокруг, а Быкоголовому – вскрыть меня, как креветку.

Я понимала, что не успеваю убежать. Монстр был уже здесь. Я ощущала его зловонное дыхание, видела глаза, не имеющие никакого отношения к нашему миру, слышала его безмолвную речь – низкий, давящий на уши изнутри, прибивающий к земле рык: «Hooro. Neverrara». Будто он произносил название салата, который собирается съесть.

Я попробовала рубануть чудовище мечом. Он остановил его чёрным когтем. Я попробовала ещё раз.

«Neverrara gushtro?» – Глумление монстра не было видно в животной морде, но слышалось в мысленной речи. Это низкое звериное рычание, раздающееся прямо внутри меня, вызывало тошноту и мельтешение чёрных мушек перед глазами.

Я не понимала, куда его бить. Где у этой твари уязвимое место?

Не обращая внимания на удары мечом, чудовище тянулось ко мне. Я отступала, изо всех сил стараясь не дать ему вспороть себе горло.

Дохлый номер, Тинави. Это дохлый номер – он рукой останавливает меч. Он просто забавляется, у тебя ноль шансов, как только ему надоест, он сломает лезвие пополам, смирись…

Нет. Я не хочу сдаваться!

Я бросилась на монстра ещё раз, подныривая под его руки и целясь мечом под рёбра, но… Расчёт оказался неверным. Старое лезвие просто надломилось, встретившись с толстой шкурой.

Чудовище ощерилось… С осколком меча я попробовала отступить – теперь остаётся только бежать! – но споткнулась об оживший корень, неожиданно вылезший посреди тропинки.

Монстр наклонился и двумя когтями подцепил меня за рубаху, потянул наверх. Я ещё могу ткнуть его пальцами в глаза, когда он окажется близко. Боги, это звучит просто ужасно, но мне надо… как-то… выжить…

Я услышала треск ткани и отчаянно дёрнулась, надеясь, что рубашка порвётся и я смогу вывернуться. Она не порвалась, однако я вдруг сильно ударилась обо что-то головой – пусть и висела в воздухе в хватке чудовища.

Звёзды запрыгали у меня перед глазами. От острого, но совершенно понятного, в отличие от кошмара, укола боли я вздрогнула и проснулась. Последним, что я услышала внутри сновидения, был удар выпавшего из моей руки меча о землю – и яростный рык монстра…

* * *

Печная труба. Вот что это было.

Макушку саднило: я приложилась к каменной кладке так сильно, что на пальцах после проверки осталась липкая кровь. Надеюсь, на самой печи нет следов: а то хозяина дома по возвращении ждёт неприятный сюрприз. Мм, кровавые гости в жуткой хижине с призраком в лесу!..

А ещё у меня была разодрана кожа под ключицами. Две длинные глубокие отметины – как раз там, где прошлись когти чудовища.

Итак, это всё-таки не был обычный кошмар.

– Ну приплыли! – беззвучно выдохнула я и, сев, обняла себя за колени.

Кто этот монстр? Почему он хочет меня убить, как мне его одолеть? И – что происходило во время сна с моим телом, раз я умудрилась получить раны и тут, и там? (Бинго, Тинави, два зайца одним выстрелом! Вот только какие-то паршивые зайцы, нет?)

Так, ладно. Не стоит психовать и привычно срываться в весёленький внутренний монолог. Вещей, которых я не знаю, полно,

но есть и пара моментов, о которых я уже могу сделать выводы.

Во-первых, этот сон точно не связан с теми загадками, с которыми сейчас приходится разбираться наяву. У него совсем другой запах. Когда ты постоянно сталкиваешься с тайнами, у тебя развивается определённого рода нюх – и эти джунгли пахли не так, как хоть что-либо в нашем мире. Быкоголовый пришёл откуда-то издалека (и лучше бы там и оставался).

Во-вторых, кошмар с таким «запахом» впервые приснился мне в кэбе, в ту ночь, когда я оказалась в Седых горах. Там ещё не было джунглей, но уже было это явное ощущение неправильности. Возможно, в этом-то всё и дело. Местные искажения магического фона повлияли на меня таким странным образом, что… Мм… У меня в голове открылось окошко в вечность, я не знаю? (Оттого, как глупо звучала эта формулировка, я шлёпнула себя ладонью по лбу.)

В-третьих, оба раза сон про джунгли начинался одинаково. Мне уже известно, откуда появляется монстр, как ведут себя лианы, где раздобыть меч… Грубо говоря, я учусь во сне, а значит, с каждым разом у меня всё больше шансов выжить.

Ну и в-четвёртых, если меня что-то будит в реальности, кошмар прекращается. Значит, главное в случае очередного попадания в джунгли – вовремя проснуться. Вопрос в том, как это организовать…

Я покрутила головой, разминая шею, и задумчиво коснулась старого шрама на мочке левого уха. Он был со мной с тех пор, как два с половиной года назад я умудрилась устроить взрыв в алхимической лаборатории, после которого и лишилась способности к классической магии, и стала Ловчей, и обрела потрясающее хобби: минимум раз в год спасать мир от какой-нибудь пакости.

М-да. Вот только, кажется, я впервые оказалась в подобной ситуации – ни праха непонятно, чрезмерно опасно – вне Шолоха. Рядом никого из ребят, с которыми в таких случаях мы дружно бегаем и орём в стиле: опять невозможное на наши головы! Да как так-то, вселенная?!

И никого из тех, кто в своё время становился моим проводником в мир неизведанного… Ни Карла, который подарил мне теневые блики. Ни Лиссая, за руку приведшего меня в Святилище. Ни Полыни с его Умениями. Ни Рэндома, поставщика магической контрабанды. Ни Анте, по крупице выстраивающего вместе со мной новую магию.

Нет. Впервые я совсем одна. Получается, вот оно – какой-то новый этап, время для самостоятельного путешествия?

Признаться, это было очень странное чувство. С одной стороны – ужас и растерянность. С другой – волнение, даже гордость, не сочтите меня сумасшедшей. Видимо, я готова, раз *это* пришло, чем бы оно ни было?

Грудь саднило… Готова я или нет, но царапины лучше промыть: не хотелось бы подхватить иномирный столбняк.

Я тихонько отодвинула шторку, отделяющую мой печной закуток. После его кромешной темноты остальная хижина казалась ярко освещённой, хотя на самом деле в помещение проникал лишь один блёкло-жемчужный лунный луч, кое-как пробившийся между задёрнутыми занавесками.

Искристый Перепляс уже закончился. В доме стало по-летнему жарко. На улице – тихо.

Голден-Халла спал на полу на матрасе, обложившись подушками, как иджикаянский султан. Часть из них он уже сбросил, равно как и собственную шуфу, взятую вместо одеяла. Красно-рыжие волосы, распущенные на ночь, казались языками пламени на фоне белой рубахи, а на скулах Берти горел яркий румянец. Я невольно залюбовалась им.

Голден-Халла. Такой искренний и тёплый.

Хорошо, что мы познакомились. Я верю, что каждый встреченный нами человек чему-то нас учит. Всякий несет с собою урок: кто-то больший, кто-то меньший, но для мозаики твоей жизни потребуются все они. Причём правила у игры жёсткие: незаконченным этот узор не останется, а вот какой ценой и с какой попытки ты соберёшь все стёклышки – уже только твоё решение. И какими цветами ты их окрасишь – тоже твоё.

Так вот в случае Берти мне почему-то кажется, что наша встреча станет для меня до пепла важным опытом…

А ещё у меня есть странное чувство – тянущее, отдающееся в животе и макушке, – что мы с ним действительно похожи. Не внешностью, шуточками и поведением (это очевидно), а чем-то, что спрятано глубоко внутри. Что иначе как музыкой и стихами, магией, танцами и прикосновениями – не выразишь.

В голове мелькнула мысль: «Может, посоветоваться с Берти насчёт своих снов?» Но, подумав, я отмела её. Каким бы «своим» ни казался мне Голден-Халла, не стоит с ходу пугать хорошего человека своей запредельной чушью. Я и так уже потихоньку забиваю ему голову всевозможными странностями: нужно быть милосердной и дозировать информацию. Да и вообще: я же только что решила, что это моё, и только моё, дело! Инициация, которая давно уже назревала. Главное, конечно, случайно не умереть в процессе.

Я бесшумно спрыгнула с лежанки и, захватив со стола лампу, прокралась с ней в ванную комнату.

Там в зеркале над раковиной стало видно, что царапины выглядят не так паршиво, как могли бы. Я старательно промыла их, едва не чихая от ядрёного запаха можжевелового мыла – единственного, что имелось в избушке. Потом ещё какое-то время размышляя бродила по крохотной ванной: два шага туда, два сюда, тени буквально расплёскиваются во все стороны. Мой взгляд расфокусированно скользил по сумрачной комнатке и вдруг будто споткнулся.

В дальнем углу лежал вязаный коврик. В нём не было ничего примечательного, за исключением того, что он слегка сбился под моими шагами – и под съехавшим краем стало видно широкую щель и начало каменного покрытия.

Моргнув, я присела на корточки и убрала половик.

Люк!.. Вот это да!.. Причём, в отличие от своего собрата в основном помещении, этот люк был внушительно каменным. Нестандартное зрелище в скромной лесной хижине.

– Эй, призрак, ты тут? – шёпотом спросила я и оглянулась на зеркало над умывальником. Мутная глубина отражения – лампа давала не слишком много света – оставалась безмятежной. Привидение не ответило.

Под сдвинутым вбок люком обнаружились древние каменные ступени. Они вели куда-то во тьму, и на каждой было написано по одной строчке из тех же витиеватых букв, которые мы уже видели на площадке для телепортации… Позабытое наречие Асулена.

Удивлённый вздох вырвался из моей груди.

Так. Нужно разбудить Голден-Халлу.

* * *

Я опустилась на колени рядом с сыщиком и шепнула:

– Берти, просыпайся.

– Не-а, – сквозь сон ответил он.

И ведь громко ответил, зараза. Не чета моему шёпоту – почти в полный голос.

– Берти, пожалуйста.

– Нет.

В этот раз в голосе спящего саусберийца появились упрямые и раздражённые нотки. Ну и что за дела, спрашивается? Такой милый человек днём и такой упёртый – ночью!

Я рассердилась и легонько ущипнула его. Он ущипнул меня в ответ – всё так же не просыпаясь, зато по-настоящему, больно.

– Слушай сюда, Голден-Халла! – быстро зашептала я ему в самое ухо. – Ты на днях хвастался, что от тебя никакие загадки не уходят. Так вот сейчас не только загадка, сейчас я уйду. Ночью. В полном облачении. И сундук с собой прихвачу, соня ты разнесчастный!

– Зачем сразу угрожать-то?! – обиделся Берти и резко распахнул глаза.

Сама невинность.

Я прижала палец к губам и взглядом указала на зеркало у двери.

– Пойдём со мной. Только тихо.

Его взгляд тотчас потерял всякую сонливость. Берти смахнул с лица свои неожиданно длинные волосы и плавным кошачьим движением поднялся с матраса. Друг за другом, на цыпочках, мы прошли в ванную. Где-то на полпути под моей ногой скрипнула половица, и несколько секунд мы стояли не дыша.

До середины лестницы мы спускались при свете всё той же лампы, лишь частично выхватывающем контуры того, что ждало нас впереди. А потом Берти щёлкнул пальцами и шепнул маг-формулу, зажигающую свечи.

Я думала, внизу найдётся парочка канделябров. Три. Ну четыре штуки. Представьте мой шок, когда от простого щелчка вспыхнули десятки. Голден-Халла невольно подался назад.

Освещённый пламенем свечей, таинственный подвал оказался куда больше, чем сама хижина, и находился гораздо глубже, чем погреб с едой. Весь каменный, со сводчатым потолком, с

таинственными символами позабытого наречия на ступенях и поддерживающих свод колоннах. Настоящее древнее подземелье.

Везде стояли шкафы, под завязку набитые старинными фолиантами и свитками, помещёнными в стеклянные колбы, сохраняющие их от влаги. На круглом столе в центре помещения была разложена карта Седых гор, а на стенах висели изображения различной нежити: анфас и в профиль, как делают с преступниками перед торжественной отправкой в камеру. Под рисунками на специальных полочках лежали кости и черепа, явно принадлежащие изображённым. Ещё одна огромная – *неразобранная* – гора костей высилась в дальнем углу помещения.

– Итак, хозяин избушки – колдун, причём специализирующийся на нежити… – протянула я, ошеломлённая наполненностью подземелья. – С ума сойти, Берти! У нас в шолоховской Башне магов очень сильна кафедра Карателей – как раз таки охотников на нежить, – но даже у них я не видела такого разнообразия книг на эту тему… И такого количества, – я покосилась на ближайшую полочку, – демонстрационных материалов. Этот колдун смущает меня своим энтузиазмом. Ему это нравится? Он садист?

– Да уж. – Голден-Халла задумчиво побарабанил пальцами по подбородку. – Зато стало понятнее, что имел в виду призрак, когда называл себя «напарником» хозяина.

Я кивнула. Это так. Как наши Каратели, так и охотники других стран иногда заключают сделки с призраками. Привидения лучше чувствуют нежить, и поэтому колдунам выгодно брать их с собой на дело. В ответ призраки могут просить разное: кто-то хочет тихое место обитания, кто-то – помощь в завершении не закоченных при жизни дел.

Мы с Берти склонились над каменным столом в центре помещения. Развёрнутая на нём карта Седых гор была по углам прижата книгами и свечами. На карте отсутствовали привычные обозначения поселений и погодных разломов, зато она была полна других отметок.

Берти вдруг ниже навис над ней, быстро стал водить по бумаге пальцами: от красных и белых иголок, в изобилии воткнутых в карту, к чёрным круглым камешкам, которые лежали всего в нескольких местах; от кривых карандашных заметок, сделанных совершенно

нечитаемым почерком, к обозначенным пунктиром маршрутам по горам. Потом Голден-Халла выдохнул, отбежал от стола к единственной свободной от шкафов стене подземелья, нажал на какой-то камень, и…

Стена со скрипом уехала вниз, открыв перед нами длинный тёмный коридор.

– О! Получилось! – расплылся в счастливой улыбке Берти.

– Что это сейчас было вообще?! – ахнула я, потрясённая скоростью произошедшего.

Голден-Халла трусцой вернулся обратно к столу.

– Вот, – он начал тыкать пальцем в те и другие обозначения. – Я предположил, что карандашные пометки наш колдун делает там, где подозревает присутствие нежити. Вместо них он вставляет красные булавки, когда убеждается: нежить есть. Меняет красные на белые после того, как очищает эту зону. Вокруг чёрных камней всё белое – возле них он перебил чудовищ первым делом. Как так вышло, если эти камни раскиданы далеко друг от друга? Неудобно! Если только не предположить, что они обозначают площадки для телепортации, которыми наш колдун умеет пользоваться. Асуленская площадка. – Берти ткнул пальцем в камень, лежавший там, где на обычных картах обозначен мёртвый город. – Возможно, та, где мы находимся сейчас. – Пляски пальца в лесистой зоне на востоке. – Остальные. – Тычки тут, тут и там.

Голден-Халла продолжал тараторить как сумасшедший:

– Нам с тобой тогда и в голову не пришло, что кто-то использует этот телепорт, ведь лес вокруг был совершенно диким: ни одной тропинки, ни одного следа… Однако посмотри на это подземелье – оно стопроцентно асуленское: тексты на ступенях, символы на стенах, типичная форма свода с такими как будто бы рёберными костями… Теперь вспоминаем, что все древние народы были без ума от тайных ходов. Прикидываем, что мы с тобой находимся не так далеко от телепорта. (А если предположить, что, бегая от Искристого Перепляса, мы могли завернуть в обратную сторону, то, может, и вообще очень близко.) Подмечаем, что эта хижина стоит очень странно: тупо посреди леса. Не у реки, не у опушки – максимально нелогично. Зачем же ещё её здесь строить, если не ради шикарного подземелья и… личного коридора к телепорту? Подумав обо всём этом, я прикинул,

где может находиться тайный ход, подбежал к единственной подходящей стене, увидел, что один камень аж лоснится от частых прикосновений – и та-да! Готово.

Берти торжественно вытянул обе руки в сторону тёмного зева. Казалось, у коридора отвисла челюсть. Как и у меня.

– Темп твоих мыслей меня даже немного пугает, – я моргнула. – Предупредил бы заранее, что ты гений, Голден-Халла, кто ж так делает-то?..

– Я тебя сейчас добью, хорошо? – подмигнул сыщик. – Последняя гипотеза. Что, если это не мы с тобой активировали телепорт в Асулене, а хозяин хижины перенёсся туда в тот момент, когда мы оказались на площадке – и нас с ним просто поменяло местами? И именно поэтому мы не смогли ничего сделать здесь, в лесу: мы не знаем, как активировать его заклинание.

– Идеально, – только и смогла выдохнуть я. А потом помрачнела. – Правда, это значит, что наш увлечённый охотник на нежить, вероятно, уже мёртв. Он же тогда выпал прямо к одиноким теням в объятия.

С сияющего, как монетка, лица Голден-Халлы мигом сошла вся лучезарность.

– Прах. Вот до этого я додуматься не успел.

Я подняла взгляд к выходу из подземелья.

– Что будем делать теперь?

– Хороший вопрос… Давай я принесу наши сумки, а то сама знаешь: в моей есть кое-что важное, – Берти понизил голос, намекая на сундук с колокольчиками, – и там решим.

Пока его не было, я снова склонилась над картой.

Помимо всего, уже проанализированного Голден-Халлой, на ней имелся ещё один камешек – на сей раз уютного зелёного цвета.

– Берти, а что обозначает он, как ты думаешь? – спросила я, почувствовав на лестнице шевеление.

Но… Вместо ответа раздался громкий скрежет: люк в подземелье резко задвинулся.

– Я не Берти, – сказали позади меня.

14. Нив

Его Высокопреосвященство Ноа де Винтервилль сегодня икал целый час между пятью и шестью вечера. Было очень сложно изображать, что я не замечаю этого, но я справился. Видимо, кто-то особенно усердно вспоминал нашего архиепископа. Интересно, кто?

Из записки священника Рюви, помощника Ноа де Винтервилля

Я резко обернулась.

У подножия лестницы стояла девушка в длинном свободном платье. Тени вокруг неё сгущались, а свет мерк. Весь её облик был расплывчатым, серым и мутным, как грязная вода, и я с трудом разбирала, где заканчивается девушка и начинается её тень. Не удавалось рассмотреть и черты лица: стоило сфокусироваться на глазах, как они таяли, превращаясь в чёрные провалы, перевести взгляд на губы – и они растворялись, заставляя смаргивать морок. Её руки и ноги были видны не до конца: часть стопы, острый локоть, теряющиеся в сумраке пальцы, медленно тянущиеся к ближайшей свече и гасящие её лёгким прикосновением…

Вот и наше привидение.

– Что ты сделала с моим спутником? – Я сжала кулаки.

Девушка наклонила голову и ответила вопросом на вопрос:

– Зачем вы спустились сюда? Невежливо вламываться туда, куда вас не приглашали.

Хотя её голос и был тихим, она не говорила шёпотом. Скорее, это напоминало звук, доносящийся издалека.

Призрачная гостья сделала несколько шагов ко мне. Я почувствовала, как руки покрываются гусиной кожей, а дыхание перехватывает. У привидения не было собственного тепла, и оно высасывало его из всего живого, до чего могло дотянуться. Чем ближе подступала девушка, тем яснее становились её контуры и тем холоднее делалось у меня внутри. Пламя свечей заплясало, как если бы в

подземелье подул ветер. Глаза призрака стали бесконечно чёрными, на его скулах и руках проступили тёмные пятна – кажется, при жизни там были страшные раны…

– Я детектив, и любопытство – мой главный порок, – призналась я. – Хотя в некоторых ситуациях оно может сохранить жизнь.

– Или оборвать её, – эхом возразило привидение.

– Это угроза? – Я сделала шаг вбок, но мне не удалось отстраниться: девушка шагнула одновременно со мной, копируя мои движения и не сводя с меня глаз.

Стеклянные колбы в книжном шкафу мелко задрожали, одна из них выпала и разбилась.

– Нет. Но я не хочу, чтобы вы оклеветали моего напарника или причинили ему вред.

– И в мыслях не было. – Я покачала головой. Потом нахмурилась: – Ты… Ты слышала конец нашего диалога? Про телепорт и то, что если твой друг поменялся с нами местами, то он попал в беду?

Я, конечно, нехило рисковала, говоря это. Привидение и так было настроено недружелюбно – и опечалить его могло быть равно тому, что и взбесить. Но мне показалось честным сразу расставить все палочки над рунами.

– С ним всё в порядке, – без сомнений отозвалась призрачная девушка. А потом сделала шаг вперёд, отчего моё сердце стало биться гораздо медленнее, а кончики пальцев онемели.

В подземелье погасли все свечи, кроме той, что стояла у меня за спиной. Я потянулась рукой назад и, на ощупь выдернув из карты одну булавку, выставила её перед собой.

– Мне доступно только одно средство против привидений, – предупредила я. – И этот заговор, увы, не сковывает вас, а уничтожает остатки вашей искры. Я не хочу тебя развеивать, но мне придётся сделать это, если ты попробуешь причинить мне вред – и не ответишь наконец, где мой спутник.

Девушка наклонила голову набок, будто оценивая варианты. И в этот же момент раздался дикий грохот: каменный люк буквально отлетел в сторону, раздался быстрый топот, щелчок пальцев, свечи снова вспыхнули высоким шипящим пламенем – и вот внизу лестницы

уже стоял Голден-Халла с неоформленным красным клубом магии в руках.

– Привет! Я тут! – сказал он куда дружелюбнее, чем можно было ожидать при столь эффектном появлении. – Призрак, а давай попробуем познакомиться заново? Уверен, наши отношения могут сложиться гораздо лучше – стоит только дать им второй шанс. Исходные данные-то были шикарные: ты спасла нас от Перепляса, а мы перемыли всю посуду в доме. Похоже на начало хорошей дружбы, как по мне.

– Так и зачем нужно было всё портить? – глухо отозвалось привидение.

– Ну мы же люди. – Голден-Халла улыбнулся, гася боевое заклинание. – Ужасно несовершенные, если вдуматься, существа.

Я демонстративно опустила булавку на стол и подняла открытые ладони.

– Прости меня за то, что сунула нос не в своё дело. По несовершенности я, наверное, рекордсмен.

– Как ловко ты находишь нестандартные поводы для хвастовства! – неожиданно рассмеялся Берти, и я с улыбкой ему подмигнула.

Призрачная девушка перевела бездонный взгляд с Голден-Халлы на меня и обратно, явно удивлённая тем, как шустро мы расслабились. Ну, собственно, мои претензии к ней иссякли в тот же момент, как выяснилось, что она не навредила Берти. Наконец призрак отошёл от меня, и я с шумом вдохнула, почувствовав, как сердце вновь забилось в нормальном темпе.

– И ты прости, что я стала забирать твоё тепло, – шелестяще сказала девушка. – Без источника мне бы не хватило сил проявиться.

– Ничего. Я попробовала себя в новом амплуа – источник, говоришь?.. Значит, день уже прожит не зря, – отмахнулась я, потирая грудь. – А если ты расскажешь нам о своём напарнике – очень уж он интересная личность, судя по всему, – то будет совсем сказочно.

Привидение кивнуло.

* * *

В общем-то, поднявшись из подземелья, мы действительно попробовали начать всё сначала: и для этого дружно сели завтракать.

Ну и что, что на часах нет шести утра, за окном до сих пор темно, а мы с Голден-Халлой, судя по синякам под глазами, входим в большие долги перед собственными организмами? В любом случае под горячий хлеб с маслом и кофе, дополненный кружевами сливок, разговоры о магии идут куда лучше.

Изредка призрачная девушка уже санкционированно тянулась то к моей руке, то к руке Голден-Халлы – и хотя мы вздрагивали, чуть не расплёскивая напитки, это позволяло нашей собеседнице оставаться видимой. И да: это было её едой, раз уж кофе призрачному рту не даётся.

Как оказалось, привидение пользовалось зеркалом как средством связи именно потому, что его собственных сил не хватало на постоянное сохранение облика.

Подпитанная нашей энергией, девушка проявилась яснее: теперь за пятнами глубоких ран можно было различить миловидные черты лица с грустными карими глазами, рассмотреть русые волосы, заплетённые в две длинные косы, и вышитый узор на платье.

– Меня зовут Нив Кройшпаль, – рассказывала нам обитательница избушки. – Я из племени скальников. Мой отец был шаманом, и я тоже постигала науку общения с духами. Когда мне исполнилось двадцать шесть лет, я отправилась в столицу, чтобы дальше учиться колдовству там. Я ехала одна, мне хотелось добраться как можно скорее, и поэтому я пренебрегала отдыхом. Один раз я заснула на высокогорной дороге в зимней зоне. Был сильный снегопад, и моя лошадь оступилась. Мы упали со скалы и разбились. Мне было так горько из-за собственной несвоевременной смерти и из-за того, что моё тело не смогут найти, что мне удалось остаться в форме привидения. Но я была слаба и не могла далеко уйти от места собственной гибели. И вот однажды меня нашёл Голат.

– Так зовут хозяина избушки? – уточнила я.

– Да. Он уже был охотником на нежить к тому моменту, а ещё – помогал таким, как я. В Седых горах происходит много случайных смертей, больше, чем где бы то ни было в Лайонассе. Голат вернул моё тело домой. Я была благодарна ему – и за то, что мой народ узнал правду о моём исчезновении, и за то, что не переродилась в нежить,

как здесь часто случается с ненайденными мертвецами… Я бы не хотела этого. Но и уходить мне не хотелось – ведь я прожила так мало. Поэтому я осталась с Голатом и помогаю ему всем, чем могу.

– А почему Голат настолько серьёзно настроен в своей охоте на нежить? – Я подпёрла подбородок руками. – Он учёный, работает с Норшвайнской академией или что-то вроде этого?

– Вовсе нет. – Нив мотнула головой. – Он настоящий отшельник, одиночка. Просто ему хочется, чтобы в Седых горах людям легче жилось. Вообще, чтобы они – жили… А не умирали.

Берти вскинул брови:

– Это прекрасная мотивация, но удивительно, что он, поселившись в глуши, лишает себя удовольствия видеть результаты своей деятельности.

– Он видит их и отсюда, – возразила призрачная госпожа Кройшпаль. – Ведь с каждым годом приходится убивать всё меньше тварей.

С этим сложно было поспорить. Судя по всему, Голат был неплохим человеком. А Нив – искренне разделяла его убеждение в ценности жизни, хотя свою уже потеряла. Поэтому и спасла нас от леди Фионы.

– К тому же здесь мы с Голатом живём всего десять лет, с тех пор, как он наткнулся на это подземелье и понял, что поселиться над ним будет очень удобно, – продолжало привидение. – Раньше мы жили неподалёку от одной весенней деревни. Её жители уважали Голата, но его как раз утомляло общение с ними. Не всем нравится внимание, для многих оно обуза. Как камень, прибивающий тебя к земле. Или маска, которую невозможно снять, которой приходится соответствовать. Здесь же Голат свободен. А если хочется поговорить, то у него есть я. – Нив вскинула подбородок.

– Получается, это Голату удалось разбудить спящие асуленские телепорты? – задумалась я.

– Да. Он у меня молодец… То есть он молодец. Безо всяких «у меня». – Госпожа Кройшпаль заметно смутилась и поспешила продолжить: – С помощью телепортов удаётся гораздо быстрее перемещаться по горам. Если вы тоже хотите воспользоваться этим способом, то вам лучше будет прийти на площадку сегодня на закате. Голат всегда возвращается в этот час, и вас снова просто поменяет

местами. Телепортация забирает у него много сил, и я не думаю, что он согласится просто так проводить её для вас.

– А почему ты так уверена, что одинокие тени не причинили ему вреда? – осторожно спросила я, помешивая ложечкой кофе.

Нив серебристо рассмеялась при виде моей напряжённой – вдруг в первый раз до призрака просто не дошло? – физиономии. От смеха силы госпожи Кройшпаль совсем иссякли, и следующая фраза появилась уже на зеркале.

– «Голат знает, как с ними справиться. Я уверена, что с ним всё хорошо».

– Боги-хранители! Да где учился магии твой друг?! – восхищённо присвистнул Берти.

– «Он учился у шаманов моего племени. У книг: всех, какие мог раздобыть. У старых песен и свежих газет, у паломников и пилигримов, у сказок об альвах, у духов, пляшущих на короне гор на рассвете… Он много трудился затем, чтобы теперь защищать нашу землю и иметь возможность без страха заглядывать в Асулен. А сейчас мне нужно поспать, чтобы восстановить силы. Разбудите меня, прежде чем уходить».

– Подожди! – взмолилась я. – Последний вопрос. Почему в подземелье ты решила, что мы собираемся принести Голату вред или оклеветать его?

Нив не отвечала так долго, что я решила: она уже уснула. Совсем слабый призрак, надо же…

Но вот на зеркале всё же проступил ответ.

– «Голат силён и умён. Городские колдуны вроде вас могли бы захотеть увести его с собой. Тяга к знаниям и могуществу делает людей безжалостными, глухими к чужим желаниям… Я боялась этого. Поклянитесь, что вы не отберёте его у Седых гор».

Мы поклялись.

И я подумала: сколько же бесценных сокровищ и светлых умов таят в себе глухие уголки Лайонассы. И какими страшными извергами живущие там часто считают нас, горожан: готовыми всё отобрать и опошлить, оставить их земли пустыми, выкорчевав лучшее – для себя.

Не то чтобы такого совсем не бывает… Но всё же: мы не так плохи. Просто удалённость делает нас непонятными друг для друга. Иногда – будто говорящими на разных языках.

Мне снова вспомнилась ссора Хеголы и Силграса, приведшая к трагедии Долины Колокольчиков. «Эгоистичный альв». «Жалкий человечишка». Интересно, если мы поймём, как выжил Хегола и каким-то чудом найдём его… Они смогут договориться?

* * *

– Какая же шикарная погода! – Берти вышел на крыльцо хижины, возле которого я сидела на зелёной травке, размышляя о том, как мне теперь спать, если я всё время рискую провалиться в джунгли. Погода и впрямь была великолепная: я прямо чувствовала, как послеполуденное летнее солнышко напитывает меня силами. Может, просто попробовать не спать вообще? Накидываться всякими тонизирующими настойками, а там и до Шолоха доеду…

А, нет, стоп, я же решила, что это инициация и я справлюсь сама, прах-прах.

Берти плюхнулся рядом со мной на траву. Он выглядел свеженьким и умиротворённым, и на голове у него было намотано банное полотенце.

– Можем и по лесу обратно до телепорта дойти, – благостно огляделся Голден-Халла.

– Не-не-не! – Я сладко потянулась. – Если есть возможность воспользоваться тайным ходом, не стоит её упускать. А то судьба решит, что мы скучные, и перестанет выворачивать для нас карманы, полные загадок.

– Ух, какая ты прагматичная. Я оставил тебе горячей воды, кстати. Сам грел.

– Благослови тебя Теннет! – восхитилась я.

– Почему именно он? – Берти упал на спину и задумчиво уставился на небо, по которому плыли диковинные корабли облаков.

Я повторила за ним.

– Просто у него самый злобный характер среди богов… Как мне кажется. Если уж Теннет кого-то благословит, то это высшая похвала.

– Разбираешься в богословии, лесная госпожа?

Я свела большой и указательный пальцы близко-близко.

– Чуточку. А ты?

– На минимально необходимом уровне. Если честно, мне это не слишком интересно.

О, Голден-Халла, поверь, мне тоже раньше не было…

– Но у меня была ученица, – продолжил Берти, – которая, как говорят в портовом квартале Саусборна, «сечёт тему по полной». Её отец – сам Ноа де Винтервилль, и Тисса…

– Да ладно?! – Я так и подпрыгнула.

Всё оставшееся время до выхода в сторону телепорта – с перерывом на моё скоростное мытьё головы – мы возбуждённо сплетничали о его высокопреосвященстве. А потом стали искать ещё каких-нибудь общих знакомых, и, к своему восторгу, я выяснила, что Мелисандр Кес некогда работал патологоанатомом в той же жандармерии, куда частный сыщик Берти забегал за информацией по убийствам. Они никогда не общались, но Голден-Халла слышал фамилию моего друга.

– Подожди, – Берти свёл брови. – Мне казалось, что его в какой-то момент объявили в розыск за международное преступление.

Я уже приготовилась соврать, чтобы случайно не ступить на тропу, где каждый шаг заставляет тебя увязать в чужих секретах, но вдруг поняла, что не хочу лгать Голден-Халле. Просто не хочу, и всё, категорически.

– Долгая история, – вздохнула я. – Иногда правительство поступает крайне несправедливо.

– Да уж, – Берти потрогал шею, где у него был длинный тонкий шрам.

* * *

Мы стояли на границе тайного хода.

– Спасибо, что приютила нас, Нив, – сказала я на прощанье призрачной девушке, которая, отоспавшись и подержав меня за руку, нашла в себе силы проявиться.

– Не теряйтесь больше в горах, – проговорила она на прощанье. – Голат далеко не всё смог очистить от нежити и тёмных духов. И я не хочу, чтобы однажды он сказал, что вернул домой тела двух

путешественников в лесной одежде, оступившихся на неверной дорожке.

Мы шли по тоннелю минут пятнадцать, прежде чем оказались на вчерашней площадке для телепорта: здесь люк скрывался под одним из выпуклых узоров на белом камне. Сев рядышком, одинаково обхватив колени, Берти и я любовались дубовой рощей. Её великолепие, сначала яркое и контрастное, постепенно погружалось в ровные золотистые лучи вечернего солнца.

– Представляю себе эмоции Силграса, когда он увидит, что мы как ни в чём не бывало выходим из Асулена, – усмехнулась я.

– Спустя сутки, ага. – Берти покачал головой. – Я не уверен, что он до сих пор нас ждёт. Разве что разбил палатку посреди долины и всё это время просидел в глубокой медитации. Но мне кажется, у нашего альва не такой характер, чтобы он спокойно воспринимал удары судьбы вроде двух внезапно исчезнувших волонтёров.

– Как считаешь, нам стоит говорить ему о Хеголе? – Я задумалась. – Или, может, нужно сначала провести небольшое расследование: получше изучить Рассветную башню и всё такое?

– Я смотрю, тебе одной встречи с плотоядными тенями не хватило? Закат, Тинави! Нам надо будет мчать из Асулена, сверкая пяточками, пока колокола не решили позвенеть на бис!

– Ай, точно!.. Я совсем забыла.

И тут, когда один совсем низкий янтарный луч солнца мазнул меня по щеке, символы древнего языка под нами замерцали. Воздух снова сгустился, совсем как вчера, а всё вокруг затопило плотным малиновым светом.

Так-так. А вот этого цвета вчера не было… Лицо у меня вытянулось.

Лишь бы не разорвало.

Берти посмотрел на меня и до того, как мир исчез, успел ободряюще взять за руку. Я сжала его ладонь в ответ.

15. Когда зажжётся первая звезда

Все шолоховские дети бесконечно упрашивают своих родителей строить им дома на деревьях. По статистике те, кому отказывают в этой просьбе, чаще всего впоследствии переезжают в квартал Роща Грёз, знаменитый именно такой архитектурой.

Энциклопедия «Доронах»

– Тинави, это не Асулен.

– Вижу… Зато нас хотя бы не расщепило.

– Боги-хранители! А что, могло?!

– Мм. Да. Ты не знал?

– Боги-хранители!.. – повторил сыщик.

Ведя этот диалог, мы с Берти задумчиво пялились в никуда.

Площадка для телепорта, на которую мы попали, была точь-в-точь как предыдущие две. Вот только находилась она на плоской, как блин, вершине горы. Перепад высот оказался настолько резким, что у меня перехватило дыхание. Под нами проплывали облака, окрашенные нежным розовато-персиковым цветом. Вдалеке мы снова увидели пик Осколрог – наш неизменный ориентир. Правда, теперь он оказался с другой стороны относительно солнца: кажется, на сей раз нас унесло куда-то на восток.

– А здесь красиво, – сказал Берти, когда мимо промчалась стая диких птиц.

– И холодно, – поёжилась я.

Потому что мы снова оказались в одной из заснеженных зон – и теперь стремительно одевались, стуча зубами.

– Получается, господин Голат решил переместиться из Асулена сюда, а уже отсюда отправился домой, – протянула я, когда мы с Берти начали спуск по узкой тропинке, опоясывающей гору. – Интересно, почему колдун так поступил?.. Охотился на кого-то? Спасал? И вообще. Шустро он!

– Неугомонный мужик, – согласился Берти. – Я даже жалею, что мы с ним в итоге не познакомились. О, смотри, козы.

И впрямь: под нами к отвесной скале жалось несколько горных коз. Их седым бородам могли позавидовать старцы из Башни магов, а в глазах с горизонтальными зрачками плескалось лишь спокойствие и презрение. Козы лихо распластались вдоль совершенно вертикальных камней, под ними были сотни метров пустоты, а они лишь флегматично, не моргая, жевали какие-то ветки.

– Знаешь, я уже как-то стал привыкать к тому, что ни праха не контролирую в этой поездке. – Голден-Халла шёл, спрятав руки в карманы и пиная кусочек льда. – Интересно, что это – мудрость или смирение?

– Усталость, – отозвалась я.

– Если что, заночуем в лесу. Думаю, я смогу построить и́глу по примеру некоторых племён севера: я разобрался в принципах подобной архитектуры в детстве. Строил из книг, правда, но вряд ли со снегом будет сложнее, – прикинул Берти.

Я с любопытством покосилась на него.

– И́глу из книг?

– Конечно! Неужели у маленькой тебя не было тайных убежищ?

– Были. Но я просто вешала простыни на кусты в саду: так, чтобы они со всех сторон спускалась до земли. Дальше – работа воображения, которое было моим лучшим другом до того дня, пока я не повстречала Кадию.

– Ты халявщица! – Голден-Халла рассмеялся. – А вот в иглу из книг и впрямь оживают миры. Главное: не поддаваться соблазну и не выдёргивать книги из стен. Так миры рушатся, – доверительно поделился он.

Мы решили действовать по вчерашней логике: идти в сторону Осколрога, а там, может, что-то и изменится.

Горы вокруг, освещённые вечерним солнцем, лежали, как сладости на витрине кондитерской. Снег сахарно искрился, укутанные им деревья были будто гигантские безе, а толстенькие снегири напоминали ягодки малины. Белые склоны, приятно пологие, разбегались по сторонам, упоительно петляя. Не успела я подумать, что это место стало бы идеальным зимним курортом, как вдруг…

Из-за скалы вынырнул лыжник в короткой мантии с капюшоном и полетел на меня со свистом, зажав палки под мышками. Я сделала то, что делаю всегда при быстром приближении маневренных объектов: осталась стоять на месте.

Не потому, что растерялась, наоборот! Опыт показывает, что будет безопаснее, если шустрый тип сам меня обогнёт, а не я буду полоумной белкой скакать у него на пути, напрашиваясь на травмы.

Однако в этот раз что-то пошло не так.

Лыжник, почему-то хрипящий, врезался в меня быстрее, чем я успела даже ахнуть. Я упала с грустными мыслями о том, что сейчас мы дружно полетим вниз по склону, вспахивая тот палками и собственными конечностями… Но, как выяснилось мгновение спустя, лыжник пролетел сквозь меня и как ни в чём не бывало помчался дальше.

– Что это было?! – поразилась я, возясь в снегу.

– Привидение вкупе с твоими плохими нервами. Почему ты упала? От неожиданности? – Голден-Халла протянул мне руку.

– Да нет, он сбил меня. По-настоящему. Кажется, это не просто призрак, а зловредный хохотун: раз умеет воздействовать на материю. И пакостит.

– Хм. Тогда представляю, как он обрадовался! Горы безлюдные, вряд ли ему часто удаётся кому-то подгадить. Поздравляю, ты наверняка подняла парню настроение.

– Странно, что его Голат не грохнул, – проворчала я.

– О боги, Тинави! Ты становишься злой.

– Да, но это потому, что замерзаю… И начинаю чувствовать голод.

– Почему же ты толком не поела в хижине? – Берти искренне возмутился. – Я же совал тебе сэндвичи перед выходом! Лучшие в мире сэндвичи с огурцом, Тинави!..

– Потому что мне совестно объедать незнакомца! Мы и так у него беззастенчиво порезвились. Представь, каково Голату будет вернуться домой? А уж и огурца его лишить в придачу…

– Почему это звучит так странно, – прыснул Берти.

Мы пошли дальше, но вскоре ситуация повторилась: теперь призрачный лыжник, чуть мерцающий в подступивших сумерках, сбил Голден-Халлу, нагнав нас со спины и издав странный хрип уже в самый последний момент.

На сей раз хохотун услышал множество нелестных эпитетов в свой адрес.

Да и третье нападение не замедлило совершиться. Умудрённая опытом, я встретила лыжника в чьяговской стойке «Лунный Воин», что в некотором роде напоминало стойку боевую – то есть должно было внушить почтение мелкой нечисти.

Но по факту я просто упала поживописней.

– Да-а-а, парню явно нечем заняться… – Берти цокнул языком. – Интересно, а вверх горы он тоже на лыжах едет или как? Я никогда ещё не встречал лыжников-привидений!

– Не знаю, – задумалась я. – Если едет вверх – я начинаю ему завидовать.

– А ещё он оставляет лыжню, смотри-ка…

И Берти кивнул на параллельные следы на снегу, едва видимые в темноте.

Странно… Если нападение на людей ради шалости – это нормальное поведение для хохотунов, то трата энергии на след – уже очень нестандартное решение. Потому что хохотуны, как и следует из названия, любят посмеяться – и делают пакости исключительно с целью повеселиться. Но кого может насмешить лыжня?

Разве что мы ошиблись с диагнозом, и на самом деле…

– Пепел, Берти! – ахнула я. – Это сигнальщик, а не хохотун! Кто-то попал в беду и создал свою проекцию, чтобы позвать на помощь. Он сбивает, чтобы привлечь внимание, и оставляет лыжню, чтобы мы пошли по ней!

– Думаю, ты права… Ведь если сигнальщик бродит в горах давно, – подхватил Голден-Халла, – то у него уже закончилась энергия для нормальной речи. Остались лишь хрипы.

Мы дружно уставились на лыжню. Темнота мягко обступала нас со всех сторон, небо затянули тучи, не пропускающие звёздный свет. Не лучшие условия для спасательной операции, но разве беды хоть когда-нибудь случаются кстати?

Я достала из сумки свой маленький дорожный аквариум с осомой: овальный и удобный, с тонкой ручкой. Бедная волшебная трава не ожидала, что её снова будут использовать в такой холод. Несмотря на толстое стекло, на светящихся зелёных травинках уже появилась

изморозь, и я шёпотом, смущаясь Берти, пообещала своей лампе полив всякими полезными эликсирчиками по возвращении домой.

– Только не вянь, ладно? – погладила я гладкий бок аквариума.

И мы пошли вдоль лыжни. Лжехохотун-сигнальщик ещё трижды сбивал нас, однако его хрипы всякий раз становились всё одобрительнее и одобрительнее. Мы точно были на верном пути.

* * *

Лыжник нашёлся в горной расщелине.

Если бы не сигнальщик и след, мы бы ни за что не обнаружили пострадавшего – настолько она была глубокой.

Крича – «Помощь здесь, потерпите!» – мы кое-как умудрились спуститься, чудом сами ничего не переломав. Лыжник в ответ только постанывал, заставляя ледяные мурашки бегать у меня вдоль позвоночника: насколько сильно он ранен? Сможем ли мы помочь ему? Наконец мы добрались до бедняги. Выглядел он далеко не так плохо, как можно было ожидать.

Физиономия у него оказалась молодая, неожиданно лукавая, кожа покраснела, а на ресницах и бровях осели кристаллики снега. Пострадавший тяжело дышал, не спеша открывать глаза. Никаких видимых ранений я не заметила. Лежал он тоже довольно ровно, спокойно.

Я перебирала немногочисленные лечебные зелья, которые нашлись в сумке, а Берти пытался разговорить незнакомца.

– У вас что-то болит? Вы можете шевелить пальцами ног? Рук?..

Лыжник лишь кивал.

– Здесь так пустынно, – продолжил Берти. Он наколдовал шар тёплого света, но не слишком горячий, и теперь водил им вдоль тела лыжника. – За несколько часов мы не увидели ни намёка на поселения. Что же вы здесь делали?

– Наслаждался роскошным катанием, вашу ж мать! Что, неясно, что ли, слепцы?!

Выбранный эликсир так и выпал у меня из рук. Какая… неожиданная реакция на спасение.

– Но про «пустынно» – это вы бред несёте! – пронзительно продолжил незнакомец. – Я тоже так думал, но до вас явился ко мне тут ещё один тип, спаситель хренов! И не спас, урод, чтоб ему башку гули болотные отвинтили! Постоял и ушёл! Спрашивается, что у него с мозгами?! А вы что стоите? Лечите меня, хмыри!

Мы с Берти растерянно заморгали.

– А он как-то мотивировал отказ спасать вас? – Я честно попыталась сохранить нейтрально-дружелюбную интонацию.

Человеку плохо, человек проголодался, испугался и замёрз. Дыши, Тинави, не ори на него в ответ, будь выше этого.

– Сказал, что я недостоин спасения! Что он, дескать, специально искал меня тут: какая-то гребаная птица увидела днём моё падение и сообщила ему. Но он, псина недорезанная, увидел меня своими глазами и не вдохновился! Заявил ещё: мол, спасибо скажи, что я тебя убивать не буду! Так ещё и на лыжную палку мою наступил, ублюдок!

– Так, знаете, для лечения вам в первую очередь надо заткнуться, – перебил его Голден-Халла и сложил пальцы в заклинание Тихой Дрёмы.

Лыжник начал орать что-то ещё, начинающееся на букву «ё», но уснул, не договорив.

Берти повернулся ко мне:

– Если на предыдущего спасателя – и что-то мне подсказывает, что я знаю, кто это был, – вылился такой же ушат помоев, я не могу осуждать его за отступление… Ну. Почти не могу. Давай вытащим этого парня отсюда, поставим на лыжи и спустим под гору. Что называется, в добрый путь.

– А ты ещё меня злой называл.

– Я был молод и глуп, но эти полчаса всё изменили. Прости.

Мы осторожно подняли бесчувственное тело и потащили наверх. Делать это пришлось при свете звёзд, которые, хвала богам, наконец-то показались на небе: тащить и пострадавшего, и фонари было бы просто невозможно.

Уже когда мы оказались наверху, я вдруг заметила кое-что странное в нашем лыжнике.

– Э-э-э. Берти.

– Что? – пропыхтел детектив.

– Мне кажется или у него из-под мантии торчит… хвост?

Сыщик остановился как вкопанный. Посмотрел вниз. Тихонечко застонал.

Ибо хвост действительно был. Лисий, шикарный, пушистый.

– Тинави, – Голден-Халла понизил голос до шёпота. – Помнишь, я вчера рассказывал тебе о травкёрах? О той неприятной нежити с лисьими элементами?

– О нет, – сказала я.

– Клади его. Быстро. И сваливаем.

Но мы не успели опустить нашу ношу и тихонечко ретироваться – ничего-ничего, раз он и так мёртвый, то и без нашей помощи оклемается, – как лыжник резко открыл глаза.

Они у него оказались ярко-оранжевые, с вертикальными звериными зрачками.

– Эй, хмыри, я забыл спросить: а травяного ликёра у вас нет?

В общем-то, тут мы его и уронили.

С лыжника слетела шапка, обнажив два лисьих уха на макушке. Мы отшатнулись в разные стороны. Травкёр визгливо расхохотался, поднялся на ноги и раскинул руки в стороны.

– Ха! – сказал он. – Чтоб вы сдохли!

А потом нацепил лыжи и как ни в чём не бывало покатил прочь.

– Нас только что прокляли, как я понимаю? – Я напряжённо повернулась к Голден-Халле.

– Да, – кисло подтвердил он. – Вот так и спасай людей…

– А насколько сильны проклятия травкёров, напомни, пожалуйста?

– Ну, – Берти сосредоточенно взъерошил себе волосы. – Обычно они не критичны! Но и характер у большинства травкёров получше. Этот какой-то совсем сбрендивший.

– Да уж.

– Но вряд ли мы действительно умрём, как он нам пожелал.

– Ох.

В этот самый момент травкёр неожиданно развернулся и поехал обратно. У меня в душе затеплилась слабая надежда, что он осознал несправедливость своего поведения и теперь мчит извиняться и отменять проклятие, но не тут-то было.

– Эй, погодите, а где мои палки? – заорал травкёр ещё издалека. – Вы куда их дели, псы?! Мог бы ещё раз проклясть – проклял бы! Да я

эти палки ещё при жизни зачаровывал! Специально потом возвращался в ту долбаную деревню, где куковал с этими придурками, чтобы их забрать из сарая!

– Стоп, что? – Мигом забыв о проклятии, я подалась вперёд. – В смысле: «зачаровал при жизни»? Вы помните свою жизнь до перерождения?

– Жизнь не помню, палки помню, классные были! – рубанул ладонью по воздуху травкёр. – Остальное восстановил дедукцией!

– А как же тот факт, что после смерти у вас сменилась искра с золотой на зелёную?!

– Чё? – скривился травкёр. – Девка, хватит нести какую-то фигню, отвечай на мои вопросы!

– Берти, – игнорируя прибабахнутую нежить, я с вытаращенными глазами повернулась к сыщику, – если его заклинание, наложенное при жизни, работает до сих пор… А что, если Хегола… Если Хегола умер с именем Эльзы на устах и стал… Таким же…

– О нет. – Берти сглотнул. – Пожалуйста, нет! Я даже представлять этого не хочу!

– А, блин! Вот и палки! – меж тем обрадовался травкёр, наклоняясь над каким-то сугробом. – Ну всё, бывайте, псы! Ха, недолго вам осталось!

И на сей раз он укатил окончательно. Вилял пушистый хвост, вызывающе торчали лисьи уши на макушке.

Мы с Берти долго огорошенно смотрели ему вслед, и снежок подло присыпал нас, превращая в ещё два сугроба.

Наконец Голден-Халла встряхнулся, как тот самый, небо прости, пёс, которым его (ну и меня заодно) столько раз обозвали.

– Мы зря драматизируем! – решительно сказал Берти. – Давай думать логически. Почему мы сразу зациклились на травкёре? В смысле, я понимаю почему: внезапная душевная травма и всё такое, но… В Седых горах куча разной разумной нежити. Если Хегола и стал какой-то из них, то не обязательно этой.

– Тоже верно, – кивнула я. Но, сбросив капюшон, расстроенно запустила руки в волосы: – Однако мы с тобой надеялись, что искра Хеголы ещё горит!.. Что он всё ещё личность: со своей памятью, характером и так далее! А если он просто нежить…

– Так, не психуй раньше времени, Страждущая. Во-первых, это лишь одна из гипотез…

– Но она соответствует тому факту, что Хегола почему-то оставил сундук в Асулене. Помнишь: травкёр не может делать себе ликёр, потому что целебные травы – чистые, а он – нечистый и не может касаться их? С сундуком, должно быть, произошло то же самое. То охранное заклинание было светлым. Хегола стал тёмным. Всё. Он не может забрать свои колокольчики, даже если помнит о них.

– Прах. – Берти устало потёр глаза руками. – Действительно сходится. Но знаешь, это всё ещё просто идея! Давай не будем сами себя закапывать в яму, которая не очень-то нам и нравится! Плюс я не договорил: нежить тут бывает разная. Может, какая-то из них и нормальная, пусть даже тёмная, с зелёной искрой и далее по списку. Давай сейчас мы сосредоточимся на том, что нам надо всё-таки куда-то двигаться, пока мы не околели. А там разберёмся.

– Ладно. – Я сглотнула, стараясь не впадать в преждевременное уныние – мой второй любимый порок после любопытства. – Ты прав. Если что, мы можем разыскать Голата и хорошенько расспросить его на тему нежити. Не зря же нам подвернулся этот охотник, да? Я верю, что никто никому не встречается просто так.

– Умничка. Я тоже в это верю. – Берти кивнул и набросил мне капюшон обратно. – А теперь пойдём.

* * *

Мы долго шли молча. Говорить уже не было никаких сил. Кажется, мироздание решило устроить мне внеплановую проверку на выносливость, а не отпуск. Вернусь, попрошу Полынь вписать в мою характеристику два новых пункта: «морозоустойчива» и «несгибаема».

Луна была уже высоко, когда мы поднялись на очередную возвышенность, и… Увидели внизу изгибающийся изящной волной погодный разлом. А за ним – деревушку, лежавшую в глубокой долине, будто на ладони у доброго великана. Она была ещё очень далеко от нас – пустые пространства обманчивы! – но всё же появился шанс добрести туда до наступления рассвета.

– Ура-а-а-а! – заорала я, не сдерживая чувств.

Я повернулась к Берти, требуя от него разделить со мной ликование, и с некоторым беспокойством обнаружила, что спутник смотрит на деревню с открытым ртом. Взгляд у него был стеклянный.

– Всё нормально?.. – подобралась я. Только ещё одной беды нам не хватало!

Берти вытянул шею, как будто это могло помочь ему рассмотреть поселение получше.

– Тинави, а ты тоже видишь в центре озеро в форме кешью и ряды цветущих абрикосовых деревьев возле него?

– Ну да.

– И там ещё, кажется, угадывается часовая башня с острой крышей, да?

– Голден-Халла, ты меня пугаешь. Только не говори мне, что это очередное проклятое местечко и мои только что появившиеся мечты о горячей ванне идут прахом.

– Нет.

Сыщик вдруг расплылся в улыбке.

– Наоборот. Это, – он щёлкнул пальцами обеих рук, направив указательные на меня, большие – вверх, и ликующе перевёл всю эту конструкцию в сторону деревни, – Соловьиная Песня! То есть деревня, неподалёку от которой живёт Морган.

Я распахнула рот.

– Насколько неподалёку? – прошептала я.

Берти, двигавший пальцами вдоль горизонта, будто искавший цель для выстрела из арбалета, замер, указывая ими на снежный холм к западу от нас. На нём, поначалу не замеченное в ночи, притаилось двухэтажное шале.

– Прямо там, – широко ухмыльнулся Голден-Халла.

Стоит ли говорить, что после этого у нас открылось второе дыхание.

16. Пощади!

Самый главный закон человеческого бытия звучит просто: где внимание, там и результат!

Хранитель Рэндом

Дом Моргана Гарвуса был шикарным: просторный, сложенный из белого камня и дерева, с длинным балконом и террасой у входа, он мог похвастаться огромными окнами, занимавшими целую стену в гостиной. На террасе возле двери стоял горящий фонарь, но сам дом был тих и тёмен.

– Дрыхнет, – флегматично решил Берти. – Спит без задних ног в сей неурочный час, молодец такой. Сейчас мы его порадуем!

– Порадуем ли? – засомневалась я.

Голден-Халла не стал стучаться. Вместо этого он деловито подошёл к декоративной чугунной решётке на стене, подпрыгнул и… Пополз по ней вверх.

– Ты что, решил забраться прямо к нему в спальню?! – шёпотом ужаснулась я.

– Вот ещё! Просто запасные ключи спрятаны на балконе. – Он перелез через резные перила второго этажа. – Лови, Тинави!

Увы, он не додумался сначала сказать это, а потом кинуть связку. Три крупных ключа бесславно исчезли где-то в сугробе, и следующие пять минут мы со спустившимся обратно Берти сосредоточенно сопели, откапывая их.

Наконец мы зашли в тёмный дом.

Не успел Голден-Халла закрыть дверь, как раздалось хлопанье крыльев и громкое «кар-р». Настолько угрожающее, что не оставалось сомнений: сейчас кто-то вцепится мне в лицо. Я охнула и подалась назад, закрывая глаза локтем. Одновременно с этим Берти обхватил меня одной рукой, прижимая к себе, а другой с размаху шлёпнул по кристаллу-включателю на стене. Под потолком вспыхнул ряд модных магических сфер, подвешенных на разном уровне.

– Кори! – воодушевился Голден-Халла. – Давно не виделись!

Чёрный ворон заложил вираж – затормозить бы он не успел – и приземлился на спинку дивана. Оттуда он не то чтобы каркнул – скорее, зарычал. Подозреваю, это была очень грязная ругань.

Берти, помедлив, отпустил меня, скинул сапоги и с растопыренными пальцами – точно будет тискать! – приблизился к нахохлившейся птице. Погладил её.

– Ничего, что я так быстро вернулся? Да ещё и с компанией?

– Кар-р-р.

– Вот и я тоже рад!

Глаза ворона горели красным светом, на мой взгляд, ни разу не радостным.

– Корвин – Тинави, – чинно представил нас друг другу Голден-Халла. – Посидите здесь, а я схожу за хозяином.

При свете включённых маг-сфер прихожая, совмещённая с гостиной и кухней, оказалась прекрасна. Честное слово, я уже устала восторгаться. Но что поделать, если я обожаю атмосферу уютных шале? Она обволакивает тебя, как добрая сказка, и ты невольно перестаёшь торопиться, сворачиваешься в кожаном кресле в клубок и умиротворённо смотришь на то, как в камине пляшет огонь, зажёгшийся при нажатии на декоративную бордовую книгу на этажерке… Секреты-секретики! Мы с хозяином точно поладим!

Единственное, что меня смущало – это всё тот же Кори, расхаживающий по низкому столику с таким поистине человеческим достоинством, что я задумалась: а не оборотень ли это? При этом ворон не отводил от меня взгляда. Похоже, он меня оценивал. Совершенно в открытую, в стиле родителей, у которых беспутный сын привёл домой очередную девушку. Разве что галочки в воображаемом списке минусов не ставил.

– Я люблю птиц, – по некотором размышлении сказала я. И чувствуя, что тут нужно доказательство, добавила: – У меня дома живёт филин Марах. Он мной доволен.

– Пф, – чихнул-каркнул Кори.

Я задумалась о том, что ещё хорошего могу о себе сообщить, но тут со второго этажа раздался дикий вопль, потом звук взрыва, грохот и череда отборной ругани, произнесённая голосом, который явно не принадлежал Голден-Халле.

Я вскочила из кресла, Кори, кажется, попробовал лапкой накрыть клюв.

Наверху послышались шаги, и вот на лестнице объявился мужчина с безупречно-аристократическим лицом, встрёпанными золотистыми волосами, частично убранными под тонкий ободок, прекрасными зелёными глазами и… в клетчатой красной пижаме.

– Добро пожаловать в мой дом, Тинави из Дома Страждущих, – царственно произнёс он, посмотрев на меня сверху вниз настолько холодно, что все предыдущие взоры Кори показались мне милостивой репетицией, подготовкой к этому взгляду – от которого, ей-небо, хотелось провалиться под землю, предварительно извинившись раз эдак пятьсот.

– Добрый вечер, доктор Морган Гарвус. Спасибо за гостеприимство.

Я и не сразу поняла, что умудрилась, кхм, слегка поклониться. Совершенно рефлекторно, просто сражённая напрочь величественным (отбросим пижаму) образом хозяина дома.

За спиной Моргана появился Берти, почему-то держащийся за правую половину лица. Панибратски хлопнув Гарвуса по плечу, он обогнул его, вихрем слетел вниз и рванул напрямик к холодильной камере.

– Ягоды или сырое мясо? Что лучше? – деловито поинтересовался он, копаясь на полках.

Когда Голден-Халла отнял руку от лица, стало видно, что под глазом у него разлился впечатляющий фингал.

– Ягоды, – сказала я.

– Сырое мясо, – сказал Морган.

Мы вновь обратили взоры друг к другу, и на сей раз мой взгляд был не менее ледяным, чем у доктора. Из мысли «мы сейчас подружимся!» в мысль «мы ещё посмотрим, кто лучше строит из себя крутого» я переобулась прямо на лету.

Берти прижал к лицу замороженный зелёный горошек.

– Представляешь, он мне врезал! – пожаловался Голден-Халла, с размаху плюхаясь на софу.

– А нечего ко мне спящему наклоняться, – процедил Гарвус, яростно доставая из серванта чашки. – Да ещё и с этим загробным шёпотом: «Мо-о-о-орган… Я вернулся…»

Я прыснула. Морган резко оглянулся; я едва успела натянуть обратно серьёзную мину.

– Скажи спасибо, что я тебя прахом не развеял, – подытожил он, всё так же гневно ставя на жаровню чайник и поджигая её, кажется, одной силой мысли.

– А ты умеешь? – восхитился Берти.

– Ради такого – научусь.

– Ну вот, как обычно. Только угрожаешь, скучный ты человек… Тинави, располагайся! – Берти похлопал по дивану рядом с собой.

Морган, не переставая взглядом буравить во мне две хорошенькие дырки, брякнул перед нами чай на низкий стеклянный столик. Я металась между желанием устрашать в ответ и быть благодарной и удобной гостьей. Берти жевал песочное печенье и болтал, живописуя наши приключения.

– То есть ты дважды чуть не помер за неполную неделю, – покачал головой доктор Гарвус. – Я же тебе прямым текстом сказал ехать прочь из Седых гор, чтобы ничего такого не случалось.

– Так я и ехал! – фыркнул Голден-Халла. – Просто приключения меня очень любят. Смирись и не завидуй.

– Было бы чему. Покажешь мне эти колокольчики?

Морган долил мне чая с таким лицом, будто надеялся, что там яд. Берти пошёл за уменьшенным сундуком, так и лежавшим в его сумке.

– Берти многое мне о вас рассказывал, – всё-таки выбрав «благостную стратегию», я улыбнулась самой обаятельной из арсенала своих улыбок.

– Вот как? – Морган нехорошо прищурился: – Что ж, тогда я тоже про него расскажу.

Голден-Халла вздрогнул и обернулся, вытаращив глаза.

– О нет! Пощади!..

Вернувшись, он обвёл пальцем нашу крохотную добычу и шепнул заклинание. Сундучок затрясся, а потом с хлопком принял изначальный размер. Морган долго и дотошно изучал его содержимое, периодически ворча и шлёпая нас с Берти по рукам – мы всё порывались мимо него дотянуться до сундука. Ибо – какого праха? Это же наш трофей!

И тут, при взгляде на очередной колокольчик, Морган на мгновение потемнел лицом…

– Вы, наверное, устали. – Он захлопнул сундук, чуть не прищемив Голден-Халле пальцы, и резко встал. – Предлагаю отложить разговоры на утро. Пожалуйста, чувствуйте себя… – тяжкий вздох, – как дома.

За это я прониклась к однозначному интроверту Моргану глубочайшим уважением.

* * *

Я долго стояла под горячим душем, отогреваясь после всех часов, проведённых в пути. В подвале шале располагалась традиционная для Норшвайна «горячая часть дома», но я решила не злоупотреблять гостеприимством и ограничилась ванной на втором этаже. Потом натянула чистую пижаму, выданную мне Гарвусом, села на кровать и глубоко призадумалась.

Рискнуть поспать или ну его?

Памятуя о своих недавних умозаключениях насчёт кошмара, я начала из подручных средств строить непростую конструкцию, состоящую из подушки, стопки книг и нашедшегося в комнате будильника. Можно было бы ограничиться одним им, но с книгами и подушкой надёжнее: по плану, он зазвонит и затрясётся, стоя на не очень ровной стопке, и вскоре упадёт на меня. А если повезёт (или не повезёт), то собьёт и парочку верхних томиков по… что это у нас?.. лесной поэзии последнего столетия. О-о-о, а у меня в библиотеке такие же издания! Здорово!

Другое дело, что в случае снов ты никогда не знаешь, в какой момент они начнутся и как долго будут длиться по сравнению с реальностью… На какое, прах побери, время мне заводить будильник?

Я так и сидела с этим маленьким механическим извергом в руках, с которым нам в кои-то веки стоило подружиться, когда меня вдруг, будто тяжёлым одеялом, придавило нестерпимым желанием спать.

Пепел! Нет! Кто меня усыпляет?!

Я попробовала вскочить на ноги, но тут меня завалило на бок и отрубило.

* * *

– Ну надо же, какой сюрприз!.. Джунгли!.. Кто бы мог подумать!.. – бормотала я, вырвав у знакомого скелета меч и вовсю улепётывая поперёк тропинки, чтобы не попасться на ней в ловушку дурацких лиан.

Ужаса, прежде затапливающего меня от одного присутствия в этом месте, почему-то не было. Неужели я привыкла? Люди же вообще ко всему привыкают. Это никогда не казалось мне хорошим качеством, но никогда прежде мне и не приходилось раз за разом терпеть одну и ту же пытку.

Пошёл сильный тропический дождь. Я уже было решила, что он – тоже своего рода оружие Быкоголового и сейчас пришпилит меня к земле, как бабочку, но нет: тяжёлые капли просто расплескивались, ударяясь о мясистые пальмовые листья. Стало жарко. Запахло влажной корой и – сладко – лиловыми цветами, раскрывающимися вдоль тропинки.

Вдруг в глубинах дождевого леса возникла зеленоватая туристическая палатка.

Как… неожиданно. Остановившись перед ней, я оглянулась. Монстра не было видно. И слышно тоже. Так. Возможно, внутри палатки найдётся что-то, что мне пригодится. Я откинула полог и на коленях заползла внутрь.

– Привет, конфетка! Скорее кидай кости.

– Рэндом! – так и ахнула я, не зная, что делать – броситься к давно знакомому хранителю на шею или вцепиться в плечи: «Это ты всё устроил, гад?!»

Сидевший в позе лотоса в центре палатки Рэнди визгливо расхохотался, как всегда, в мгновение ока подслушав мои мысли.

Он – сильнейший телепат. Немного чокнутый, но в то же время на удивление надёжный бог, которого часто называют «джокером», «трикстером» и «занозой»[6].

Рэнди нетерпеливо протянул мне бронзовую чашу с двумя кубиками внутри.

– Накрой её правой ладонью, потряси, а потом переворачивай. После этого я объясню тебе, что происходит. Ты, конечно, попала в дикую ситуацию, леденечик. Просто кошмар. Я в восторге!

Надо сказать, что Рэндом выглядел не так, как во время наших предыдущих встреч. Сейчас он щеголял грубыми штанами и

свободной майкой из ткани болотного цвета и круглыми очками с коричневыми стёклами, сквозь которые лиловые глаза Рэндома выглядели в лучшем случае серо-буро-малиновыми. Волосы хранителя, кажется, отросли ещё сильнее – зачёсанные вперёд, наполовину скрывающие лицо, они уже почти достигали подбородка. В серебристых прядях запутался лепесток тропического цветка.

– Можешь сдуть его, – осклабился Рэндом. – А лучше зубами вытащить. Я только за. Мы, так и быть, никому не скажем об этом пикантном моменте, хотя не берусь обещать, что не спрятал в кустах пару газетчиков с имаграфами.

Я воззрилась на него с некоторой надеждой.

– Раз ты безостановочно шутишь, то, наверное, у меня всё не так плохо?

– О, ровно наоборот! – Хранитель замахал руками. – Просто юмор – это всё, чем я теперь могу помочь тебе. Вот и стараюсь по максимуму. Милостивый бог я или кто?

От таких слов у меня чуть чаша из рук не выпала, но Рэндом подхватил её и понадёжнее укрепил в моих пальцах. Пошатал туда-сюда, деловито велел не ронять, а потом откинулся назад и сплёл на груди руки.

– Тряси, – приказал он.

– Ой-ой-ой, – вздохнула я.

Лёгкий стук костей внутри певучего металла – и вот по брезенту палатки уже катятся, сталкиваясь друг с другом, два кубика. Оба замерли «единицами» наверху.

Хранитель крякнул.

– Так я и думал! Что ж, конфеточка: с Минотавром тебе не справиться. Да-да, именно так зовут быкоголовую мечту пластического хирурга, объявившую на тебя охоту. Поздравляю, у тебя новое амплуа: ты – жертва. Лакомый кусочек, который поражает эту стрёмную скотину тем, что не хочет быть разделанным. Что ж, жить теперь тебе будет не так удобно, как прежде, но, как говорят мои друзья-монахи, любые перемены надо принимать с открытым сердцем, так что…

– Рэндом, подожди! – аж взвыла я. – Объясни всё по порядку, умоляю!

– Фу, как скучно. – Хранитель высунул кончик языка и, наклонив голову, пару секунд смотрел на меня с укором. Понятия не имею, что

это должно было означать. – Это должно означать, что я невероятно красив в любых ракурсах, впрочем, забей. Короче! – Рэндом поднял одну руку и растопырил пальцы так, будто на них были закреплены ниточки от марионетки. Мгновение спустя на второй его ладони появилась куколка, сотканная из света. – Краткий обзор твоей биографии. Жила-была в Лесном королевстве девушка, умненькая-разумненькая, талантливая-красивенькая. Все пророчили ей прекрасную магическую карьеру. Но вот она, слишком бурно отпраздновав выпускной, взорвала себя.

Ба-бах. Кукле оторвало голову, но она быстро прилетела обратно.

– Теперь у нашей умницы не стало классической магии. Но она познакомилась с чудиком по имени Карл, – появилась вторая кукла, – и он научил её дружественному колдовству, на котором все остальные в Лайонассе давно поставили крест. Девушка стала колдовать, колдовать… – куколка светилась всё ярче, – и вот всепронизывающая энергия унни решила, что Тинави у нас на самом деле богиня, раз так лихо отжигает. И выдала ей силу и умения хранителя Теннета, который в своё время их потерял, совершив чуть ли не единственный за свою жизнь хороший поступок и так этого испугавшись, что никому не признался в его неблагоприятных для здоровья последствиях… Теперь Тинави переродилась – с точки зрения магии – уже в третий раз. А потом наша девочка попутала берега и дала по щам самому Отцу Небесному, нарушив главный его запрет: не воскрешать людей. Он такого стерпеть не мог и лишил её разом и божественной силы, и в целом права магически взаимодействоввовать с энергией унни.

Световую куколку затрясло под ударом сошедшей с небес огромной молнии. Причёска у неё после этого стала – блеск.

– Не забывай считать, – подмигнул Рэндом. – Это четвёртая глава твоей сказочки… Потом пришёл я и начал подкармливать тебя своей кровью, заставляя унни думать, что ты – это я. Казалось бы, мелочь, но у нашей леди вселенной фигурально начал подёргиваться глаз, потому что теперь она не была до конца уверена в том, что ты такое. И вот вы с Теннетом решили её добить.

Кукла, ещё мгновение назад с упоением хлеставшая стопки с кровью, утёрла рот и схватилась за грудь. Там разгорелся золотой шар искры.

– Взаимодействие с душами живых существ… Твой личный хитрый способ колдовства. Как ты думаешь, почему сам Нэт так не колдовал все эти годы?

– У него не получалось, – осторожно ответила я. – Он сказал, что ему не даются эти ритуалы в силу того, что он хранитель.

Признаться, я испугалась. Вдруг Рэндом сейчас объявит, что Анте специально загнал меня в какую-то ловушку. Что мой наставник, с которым мы прошли долгий путь от взаимной ненависти до уважения, всё-таки злодей. А я дура. И всему опять конец, юху!

– Не переживай, Нэт сказал правду. – Джокер приспустил очки. – Мы с другими хранителями в принципе не можем влиять на искры – и изучать их. Нам это изначально запрещено. Подозреваю, Отец Небесный боится, что иначе мы обретём слишком большое могущество. Излишние знания о жизни, смерти, устройстве вселенной, которые смогут пошатнуть его власть… Он, в сущности, трус. И очень мутный дядька. С каждым годом я убеждаюсь в этом всё сильнее, но, впрочем, не забивай себе голову, конфеточка: у меня свои игры, а у тебя – свои.

Рэндом ненадолго задумался. Вновь встрепенувшись, он рубанул ребром ладони по воздуху, и световая куколка развеялась.

– Короче! С точки зрения вселенной ты – аномалия. Компоненты твоего магического прошлого и настоящего смешались в интригующий коктейль, названия которого нет в обычном меню. Понимаешь, что это значит?

– Надеюсь, не то, что меня надо уничтожить, – побелела я. – Вылить в раковину и забыть.

– А-ха-ха, нет! Ты что! Наоборот: такие штуки ужасно привлекательны. Считай, ты уникальное сезонное предложение… И поэтому сущности из иных измерений спешат в наше миленькое кафе, чтобы тебя сожрать.

– Чего-о-о-о?! Зачем?!

Прах, не зря я тогда во сне думала, что Быкоголовый смотрит на меня как на салат!..

– Я же сказал: это необычно. А для нас, бессмертных и просто слишком долго живущих сущностей, необычность – это величайший соблазн. Плюс не зря же считается, что самый простой способ забрать чью-то силу – сожрать её обладателя с потрохами, – осклабился

Рэндом. – Не делай такие большие глаза: я знаю, что ты сейчас не опаснее обычного колдуна. Но всё же твой набор опыта уникален. Уникальность дороже силы, поэтому всякие неприглашённые гости надеются, что ты дашь им что-нибудь эдакое. Попытка не пытка и всё такое.

– Они правда хотят меня съесть?!

– Ага. Минотавр подсуетился первым, по дороге к тебе распихав остальную очередь. Не переживай, все вместе они не нагрянут: конкуренты всё же.

Признаться, у меня голова шла кругом от такого поворота дел. Как ни странно, внутри родилось что-то вроде решимости, или даже скорее спортивной одержимости. Хотите коктейльчика, недруги мои? Я с удовольствием подам его, ведь он с ядом. А потом разобью бокалы вам об головы – вместо десерта.

– Получается, я должна победить Минотавра, а потом – бороться с другими? – Я прищурилась. – И что, так теперь будет… всегда?

– Не-не-не-не-не!.. – Рэндом засвистел и замахал руками. – Ты чего, конфетка. Ты не можешь победить Минотавра. Кубики показали две единицы. У тебя ноль шансов с ним справиться.

– Кубики? – Я критически посмотрела на бога: – Может, ещё и карты раскинем? А потом на ромашках погадаем?

– Убери этот мерзкий скептицизм, он тебе не идёт, – фыркнул Рэнди. – Я серьёзно, Тинави. А я редко бываю серьёзен, так что вслушайся: Минотавр тебе не по зубам. Тебе не стоит встречаться с ним. К сожалению, я не могу избавиться от него и стереть у тебя со лба эту огромную надпись: «Аномалия! Вкусно! Бесплатно!» Но я всё же могу помочь тебе остаться в живых. И даже при этом спать по ночам! Потому что приходить за тобой будут только во снах: на нашей вселенной стоит очень много защиты, мы с хранителями всё-таки не полные идиоты, и просто так явиться сюда из других измерений нельзя. А вот пространство снов… Увы и ах: оно текуче и свободно, что мне ужасно нравится, но не в таких, как у нас, ситуациях. Сейчас, пока мы болтаем, я сдерживаю Минотавра, однако не могу караулить тебя каждую ночь. Но я с удовольствием дам тебе волшебный гребень. Ты будешь класть его под подушку перед сном, и он не даст тебе попасть в джунгли.

Я задумалась.

– Рэндом, лучше научи меня бороться с Минотавром.

– Настолько не хочешь спать на гребешке?

– Нет, просто… Я верю, что проблемы всегда даются по силам человеку, в этом и состоит мудрость жизни! Если с тобой что-то случается – значит, ты уже готов к этому. Поэтому я хочу учиться и сражаться, а не прятаться, надеясь, что оно само как-нибудь рассосётся!

– Сладость моя. – Рэнди наклонил голову. – Иногда мудрость жизни проявляется в том, чтобы вовремя напомнить человеку поработать над своим терпением и смирением для баланса, а то со многими умениями приходит и заносчивость, не так ли?

Я покраснела. Да уж. Срезал так срезал.

– Мне нравится, что ты стала решительнее и собраннее, чем раньше. – Ноготь хранителя ткнул меня в грудь. – Но поумерь свой пыл. Лучше быть живой, чем смелой. Кстати… Ты догадываешься, почему сны начались именно сейчас?

– Думаю, из-за того, что я приехала в Седые горы. Здесь странная магическая аура, она могла позволить монстрам найти меня.

– Именно так. А вот твой наставник не подумал о том, что тебя может сюда занести… Вернёшься домой – передашь ему пинок от меня, договорились? И ещё наградную табличку «Худшая мамка года».

– Вряд ли Анте борется за звание мамки, – вскинула бровь я.

Рэндом отмахнулся:

– Короче, касательно гребня! Он спрятан в одной из моих нычек, которая находится не так далеко от твоего местоположения. На ближайшие три ночи я поставлю заслоны на твои сны, чтобы ты могла спать спокойно: это, кстати, сожрёт кучу моего внимания, так что не забудь в благодарность поставить мне побольше свечек в храмах. Трёх суток тебе должно хватить на то, чтобы отыскать гребень. Всегда спи с ним под подушкой, и будешь в порядке. Я не могу сам изъять гребень из нычки и вручить тебе, потому что физически нахожусь в Хаосе. Но я обеспечу тебя картой к его местоположению. Только её придётся поискать! Я за свою помощь хочу плату – и веселье в виде твоих мучительных поисков подходит! Дам подсказку: ищи карту в шале. Снаружи она тоже может оказаться, но утром будет внутри дома.

Судя по тому, как начал тараторить Рэндом, ему пора было уходить. Сон заканчивался: углы палатки стала затягивать мерцающая

темнота, кубики подлетели с пола и нырнули в нагрудный кармашек на майке хранителя, дождь барабанил по тенту всё тише.

– Мне точно не стоит сражаться с Минотавром? – ещё раз спросила я. – Ты говоришь это искренне? Опыт подсказывает, что ты можешь специально меня провоцировать. Убеждать прятаться, чтобы я из духа противоречия выступила против Минотавра. Потому что меня не покидает ощущение, что я правда могу с ним справиться… Если очень постараюсь. Если подучусь. Неужели я ошибаюсь, веря в себя?

Я не могла поверить, что Рэнди – сам Рэнди во всём его хаотичном вихре безумия – может советовать мне спрятаться, будто мышке-полёвке при виде кота.

– Ответишь мне на этот вопрос через недельку, самоуверенная ты конфетка, – ровным тоном сказал хранитель.

А потом резко наклонился вперёд, коснулся пахнущими вишней губами моего уха и быстро, как-то по-змеиному шепнул:

– И последнее… Силграс Авалати утаил от вас кое-какую экстремально важную информацию. Я бы предложил тебе выяснить, какую именно, – пока не стало слишком поздно.

Я удивлённо открыла глаза – и в тот же миг сон завершился. Лишь запах вишни преследовал меня ещё какое-то время.

17. Придётся исцелять

– Анте, мне очень неловко говорить тебе это, но… Я бы хотел вернуть тебе «Вострушку». Мне нравится читать газеты, а не владеть ими. Я не предприниматель, понимаешь? Я хочу спокойно заниматься своей энциклопедией и, иногда, знахарским делом, а должность хозяина «Вострушки» тяготит меня, даже если по сути это всего лишь синекура.

– М-да. Неисправимый ты мечтатель, Смеющийся. Договорились: я забираю свой подарок обратно. Но тогда я снова буду должен тебе.

– Небо голубое, да ничего ты мне не…

– Должен-должен, и не вздумай больше спорить.

Из подслушанного разговора в пещере Дахху в Шолохе

Было очень рано: тени деревьев выглядели изящно-длинными, а стрелки часов недотягивались и до восьми утра. К моему удивлению, несмотря на это, к нашему шале целеустремлённо топал какой-то русоволосый кругленький юноша в ярко-жёлтой шуфе.

Да ещё и напевал под нос – ровно до тех пор, пока не поднял голову и не увидел меня, с любопытством перевесившуюся через подоконник (я так проветривала мысли после сновиденческой встречи с Рэндомом). Тогда его пение органично сменилось на болтовню.

– Утречка! – разулыбался незнакомец и начал копошиться в своей огромной сумке. – А вы, должно быть, новая подруга мастера Гарвуса?

– А что, у него старая была? – поразилась я.

– Не-а! Но был друг, уехал неделю назад, к сожалению! Хороший такой! – Юноша напоминал золотистый, довольный жизнью оладушек.

– Если вы про Берти, то он уже вернулся. И вот ему я как раз подруга. Ну или как минимум приятельница, – прикинула я.

Является ли пара суток безостановочного трындеца основанием для дружбы?.. Думаю, всё-таки да!

– Здо-орово! – обрадовался парень и вытащил из сумки свёрнутые трубочкой листы, перехваченные бечевой. – А я Хэвор. Пишу и печатаю местную газету! Купил два года назад магический станок в столице, и вот. – Он гордо потряс трубочкой. – Теперь в Соловьиной Песне все могут читать свежие новости. Мастеру Гарвусу тоже приношу, оставляю под дверью, пока он спит, чтобы зря его не беспокоить.

– Ого, вы сами делаете газету! – Я поразилась. – Да вы молодец! А я Тинави. Детектив из Лесного королевства.

– О-о-о! Я всегда мечтал стать детективом!

Ещё пару минут мы с газетчиком Хэвором активно восхищались друг другом и, как воробушки, раздувались от удовольствия и гордости. Идеальное начало дня!

На мой взгляд, Хэвор действительно был молодцом: станки для печати стоят немало. Они представляют собой эдакие здоровенные доски, к которым ты прикладываешь рукописные тексты и иллюстрации, а также описанные по специальному протоколу пожелания по расположению всего этого добра… Доска всё это радостно «впитывает», а потом «проявляет» на себе: ты видишь макет листа, составленный из светящихся линий, где все буквы из рукописных стали печатными. На этом макете при необходимости ты можешь что-то передвинуть или добавить в него ещё информации. Потом проворачиваешь специальный кристалл, который «фиксирует» данные, и приступаешь к самой печати, то есть быстро прижимаешь к станку пустые листы бумаги, на которые он магически переносит макет – так получаются газеты. И журналы. И комиксы. И книги. Затем ты протираешь доску – и начинаешь весь процесс заново со следующим дизайном.

Хэвор попросил у меня, как детектива, совета о паре подозрительных событий, случившихся в Соловьиной Песне (ничего серьёзного, так, местные страшилки), потом заткнул газету за дверную ручку шале и, помахав на прощанье, ускакал обратно в деревню.

Меня порадовал наш диалог, ставший идеальным переключателем из режима «вечность, непостижимое, изучать мироздание» в режим «уют, забавное, радоваться мелочам». Теперь, найдя баланс между

этими двумя состояниями, определяющими меня как личность, я отправилась искать карту сокровищ… в смысле, карту нычек хранителя Рэндома.

* * *

В гостевой спальне и ванной карты не оказалось. Логично: Рэндом хотел повеселиться, наблюдая за моими поисками, а значит, это должна быть задачка со звёздочкой.

В шале было тихо. Берти и Морган явно ещё спали, и я на цыпочках отправилась исследовать остальные помещения. Коридор второго этажа – пусто. Библиотека – пусто. Термальный комплекс – ничего себе, какой он крутой! – тоже пусто.

Я лежала на полу в кухне-гостиной и шарила рукой под диваном, когда позади меня раздалось холодноватое:

– Прошу прощения?

От неожиданности я подпрыгнула и стукнулась головой о стол, стоящий тут же.

– Доброе утро! – оборачиваясь к хозяину дома, я лихорадочно соображала, как оправдать свою странную позу. На зарядку это не тянуло. Разве что на припадок.

Морган приподнял одну бровь.

– Кажется, я вчера обронила здесь браслет. Вот – ищу!

Гарвус молча кивнул и пошёл мимо меня к кухонной половине. Его одежда – мягкие брюки, свободная светлая майка с вышивкой в виде круста[7] и длинный кардиган чёрного цвета – выглядела стильно и расслабленно. Чего не скажешь о напряжённом и высокомерном выражении лица.

– Морган, я планировала закончить здесь и приготовить нам всем кофе по лесному рецепту, – сопя, я кое-как дотянулась до самого дальнего угла под диваном, но не нашла там ничего, кроме одинокого клочка пыли. – Берти говорил, вы такой любите: с воздушной пенкой, корицей и мускатом.

– Берти пора укоротить язык. Да, люблю. Но сегодня завтрак полностью приготовлю я, как и полагается хорошему хозяину.

Такое ощущение, что Морган ночью прочитал свод правил по гостеприимству: радушия в его голосе не было, лишь чувство долга.

– Вы можете сделать это завтра, Тинави. – Теперь Гарвуса слегка заглушал скрип и скрежет кофемолки.

– А нет, увы, тогда мой завтрак вам не светит! – Я рассмеялась, на всякий случай ощупывая дно дивана. – Мы с Берти уедем сегодня.

Если я, конечно, найду прахову карту.

– Нужно поскорее вернуть Силграсу колокольчики. Он и так, должно быть, глубоко озадачен тем, куда пропали его курьеры.

– Вы пока что не можете вернуть ему колокольчики. – Звуки кофемолки сменились бульканьем кипящей воды в джезве. – Сначала нужно излечить их.

– Но… От чего?

Я удивлённо вынырнула из-под стола. Морган, не торопясь отвечать, дотошно смешивал кофе со специями. По комнате пополз манящий запах гвоздики.

– Хей-хей, доброе утро!

Со стороны лестницы раздалось шлёпанье голых ступней, и мгновение спустя в гостиной появился Берти. Выспавшийся, всколоченный и довольный, с вороном Кори, цокающим коготками следом.

К счастью, Голден-Халла, как и я, оставался в пижаме, а то мне стало бы до пепла неловко.

– Как дела? Вы давно проснулись? – Мой спутник сладко зевнул и потянулся.

– Кажется, с нашим сундуком возникла какая-то проблема… – начала было я, но Морган просто взял и внаглую заглушил меня:

– Сметанные оладьи на завтрак подойдут?

– Конечно, – облизнулся Берти.

Морган попросил нас накрыть на стол, а сам достал муку, сахар, яйца, сметану – и стал всё это отмерять. Вскоре к запаху кофе добавился умопомрачительный аромат теста.

– Что с колокольчиками? – почти коснувшись моего уха губами, шепнул Голден-Халла.

– Так ты всё-таки услышал!.. Твой друг заявил, что они больны. А потом перевёл тему.

– Бывает. – Берти философски пожал плечами. – Наверное, он ещё не придумал, как попафоснее обо всём рассказать.

– Что вы там шепчетесь? – Гарвус обернулся от плиты, сжимая в руках лопаточку.

– Тебя обсуждаем, – мгновенно отозвался Голден-Халла.

– Очень смешно.

– Я не шучу, Морган.

– Ага, конечно.

Четверть часа спустя мы с Берти за обе щёки уплетали оладьи с малиновым джемом, а Морган сидел напротив нас с чашечкой кофе. На жующего Берти он смотрел, я бы сказала, с молчаливым одобрением. На оладьи – с гордостью. А вот от меня отводил глаза так старательно, что это даже задевало. Я привыкла, что на меня смотрят, прах побери! Я нравлюсь людям – это же моя основная суперсила!

– Очень вкусно! – громко сказала я, стараясь привлечь внимание.

Морган рефлекторно бросил на меня взгляд, я разулыбалась, и он тотчас нахмурился и отвернулся. Я прищурилась. Морган попробовал вернуть голову в нормальное положение, понял, что я всё ещё на него пялюсь, и отвернулся ещё надёжнее, чуть не свернув себе шею.

Берти, который внимательно наблюдал за нами, сказал:

– Ох, – а потом: – Так, ладно. В чём проблема с колокольчиками?

Гарвус приободрился.

– За три столетия ваш сундук пережил множество нашествий одиноких теней. – Он встал и, по-профессорски заложив руки за спину, стал ходить по комнате. – Судя по всему, как-то раз одна любопытная тень смогла пробраться внутрь. И, раз живой плоти там не нашлось, она съела тени колокольчиков.

– Что?! – Мы с Берти одинаково вздрогнули и рванули к сундуку, стоявшему на журнальном столике.

– Как мы могли этого не заметить! – Я укусила себя за костяшки пальцев.

– На месте нам было не до того, – утешил Голден-Халла. – Потом мы его не открывали, а вчера пришли сюда настолько вымотанными, что было не до тайн.

– Да признай уже, что ты просто не так наблюдателен, как всем хвастаешься, – закатил глаза Морган и еле успел поймать брошенную в него подушку.

Я провела пальцем по гладкому боку одного из колокольчиков.

– Но ведь это не значит, что души селян в них мертвы, верно? Иначе вы бы не говорили про лечение, Морган.

– Всё верно, тени можно восстановить. Души в порядке, но в нынешнем состоянии владыке горных дорог ни в коем случае нельзя освобождать их – это убьёт селян. Более того, нельзя бездействовать, везти их так, а затем предлагать Силлю самому разобраться – если вы, конечно, не изверги… Потому что как только сундук оказался разгерметизирован, болезнь стала распространяться дальше. По моей оценке, через неделю и сами колокольчики погибнут вслед за своими тенями. В общем, на вашем месте я бы задержался здесь и приготовил необходимый эликсир. К счастью, я знаю, какой нужен и где взять основные ингредиенты – тоже.

Мы с Берти переглянулись.

– Как хорошо, что мы оказались здесь, боги… – протянул Голден-Халла. – Зря я тогда в лесу ругался на свою удачу. Если вдуматься, всё, что с нами до сих пор происходило, в итоге приводило к лучшему, даже если в моменте казалось жестокой насмешкой небес.

– Конечно, к лучшему! – авторитетно кивнула я. – Да и нынешнее промедление нам только на руку. Во-первых, мы ещё немного погостим в этом чудесном доме и вы будете благословлены блаженством моих превосходных завтраков. Во-вторых, мы же всё равно хотели выяснить, что случилось с Хеголой: теперь для этого есть время. Хотя первым делом нам всё равно стоит предупредить Силграса о том, что мы задерживаемся… – Я задумалась. – Только непонятно, как это сделать с учётом того, что он наверняка вернулся в заколдованную деревню. Вряд ли туда доберётся почтовая белка.

– К праху белку! – Голден-Халла вдруг подскочил к панорамному окну, выходящему на веранду. – Смотрите!

Ворон Кори метнулся туда же.

Там, за стеклом, на фоне величественных гор, залитых солнцем, висел наш знакомый снуи. И судя по тому, как он эмоционально всплеснул руками, когда на него обратили внимание, висел он там давно…

Не прошло и нескольких минут, как мы втроём плюс ворон вели на веранде переговоры со снежной феей. Мы с Морганом лежали на шезлонгах, укутавшись в пледы. Берти с таким же пледом на плечах

сидел на резных перилах и беспечно болтал ногами. Снуи, как у него это водится, поднимался то выше, то ниже на одном месте, бурно жестикулировал и пищал. Чем больше мы вслушивались, тем лучше понимали феечку. Общий посыл его речи заключался в том, что нас искала целая стая духов по просьбе Авалати. Он преуспел: теперь время идти обратно.

Берти в свою очередь объяснил снуи ситуацию с исчезнувшими тенями колокольчиков. Снуи ужаснулся и, подумав, согласился с тем, что сундук исцелить следует нам, и как можно скорее.

Затем он выдал целую тираду.

– Пип-пирип-пип-пип!

«Тогда возвращайтесь, как всё будет готово. Но мне нужно создать для вас ключ, чтобы вы смогли попасть в Долину Колокольчиков без моей помощи».

И, проигнорировав возмущённый окрик Моргана, снуи стрелой влетел в шале где, судя по хлопанью, начал неистово лазить по всем доступным шкафам. Не успели мы поднять наши упавшие от такой наглости челюсти, как дух уже вылетел обратно, пыхтя под весом треснувших песочных часов и оторванной пуговицы.

– Я думал, в твоём доме не найдётся такой фигни, – шутливо обратился Берти к Гарвусу. – Мусор, хранимый «на всякий случай» – это удел простых смертных, а ты у нас вроде как совершенство.

Морган только скрипнул зубами и мрачно натянул себе на голову плед, под которым лежал на шезлонге. Я прыснула. Гарвус вынырнул обратно и попробовал припечатать меня Воистину Неодобрительным Взглядом, но тут уже я спряталась под своим одеялом.

– Пии-и-ип! – разглагольствовал между тем снуи.

«Из сломанных вещей получаются лучшие ключи».

Дух с видимым трудом подбросил часы и пуговицу и резко хлопнул в ладоши. Его глаза засветились ярко-голубым, предметы зависли в воздухе, а потом вокруг них заплясали всполохи бело-синих искр. Выглядело это волшебно! Когда искры исчезли, сами часы и пуговица оказались будто покрыты голубой глазурью.

Они начали падать… Задравший было нос снуи ахнул и схватился за голову, понимая, что затупил, и его артефакты сейчас разобьются. Но тут с шезлонга на пол ополоумевшей форелью метнулась я – и в последний момент успела подставить руки под часы и пуговицу.

– Вот это рефлексы! – восхитился Берти. – Тринап, да?

– Тринап[8], – подтвердила я.

– Пф, – сказал Морган.

Снуи объяснил нам, как пользоваться ключами, запоздало порадовался тому, что мы живы, и, залихвацки отдав честь, отбыл с докладом к Силграсу Авалати.

– Ну, будем считать, организационные моменты мы уладили. – Берти упёр руки в бока. – Жги, Морган! Как нам приготовить твой эликсир?

* * *

Оказалось, что у Моргана на прикроватной тумбочке хранилась старая монография, посвящённая одиноким теням, которую он однажды купил на блошином рынке. Доктор Гарвус нередко читал её на ночь, используя вместо снотворного.

Среди прочего, в монографии имелся рецепт зелья, излечивающего тени. Вот только последний ингредиент в нём было невозможно прочитать – когда-то эту страницу (как и добрую половину книги) залили то ли вином, то ли кровью, судя по характерному цвету разводов.

– И ты держишь *это* возле кровати. Потрясающе, – вздохнул Голден- Халла. – Дай посмотрю, может, догадаюсь, что там написано.

– Нет! – Морган неожиданно рьяно отдёрнул руку с фолиантом. – Я сам это сделаю. Здесь невозможно «догадаться», Берти. Нужно проанализировать имеющийся состав зелья, рассчитать, какой эффект от него будет в нынешнем варианте, сравнить с тем, что нужен, категоризировать все потенциально подходящие травы и сделать расчёты с каждой из них… Это большая аналитическая работа, а не ребус. И риски слишком высоки.

– Я могу помочь, – вызвалась я. – В нашем департаменте подобная аналитика считается худшим наказанием, но мне она по душе – под настроение. Да и растения я люблю.

– Спасибо, но я справлюсь сам, – отрезал Морган. – Можете пока собрать остальные ингредиенты. Вот, – он выписал их на бумажку. – Я займусь недостающим.

И Гарвус утопал на второй этаж.

– Что это с ним? – Я удивлённо обернулась к Берти: – Неужели предложения помощи задевают его гордость?

– Да нет, – Голден-Халла вздохнул. – Он умеет принимать помощь, если она ему нужна, но… Проблема в том, что Морган не доверяет другим. «Хочешь сделать хорошо – сделай сам» – его главный жизненный принцип. Если в мелочах он, скрепя сердце, готов делить ответственность, то когда что-то кажется ему важным… – Берти покачал головой. – Пиши пропало. Он сдохнет, но разберётся в одиночку. И знаешь, что самое тупое?

Я покачала головой.

– Его невозможно переубедить. Чтобы он признал, что кому-нибудь – мне, например, – можно доверять, он должен сначала довериться. Сам отпустить контроль. А он *просто отказывается* это делать. Насильно доверять не научишь. Увы! – Берти заправил растрепавшиеся прядки волос за уши. – Ну что… Пойдём за первыми ингредиентами?

– Пойдём, – согласилась я.

Мы выдвинулись в сторону Соловьиной Песни, и я всё думала об этой фразе: «Его невозможно переубедить»… Удивительно, в отношении сколь многих своих знакомых я могу её произнести. Да что там: при внимательном взгляде в зеркало я наверняка найду немало мыслей, которые крутятся у меня в голове только потому, что я упрямо отказываюсь увидеть их и заменить их на другие. И пусть со стороны наверняка очевидно, как они неполезны, даже нелогичны, я продолжаю жить с ними. Изо дня в день. Из года в год.

Как с тем мусором, хранимым на всякий случай в нижнем ящике задвинутого в угол стола.

18. Слепок заклятия

Ночь выпускного в Башне магов – одна из самых красивых ночей в году. Если вы планируете посещать Шолох весной, рекомендуем подгадать даты так, чтобы застать её.

Энциклопедия «Доронах»

При свете дня Соловьиная Песня выглядела совершенно иначе, чем ночью, но при этом – столь же удивительно.

Обожаю такие места: те, у которых как будто есть две ипостаси. Шолох такой же. Каждый его квартал. Где-то, как в Верхнем Закатном, днём бурлит деловая лесная жизнь, а ночью – мерцают стеклянные фонари на загадочно-пустынных улочках. Где-то, как в Роще Грёз, по утрам прохладно и философски медлительно, а вечерами звучат фольклорные мелодии, утягивающие тебя в эльфийские танцы под луной.

Вот и здесь: вчера при взгляде с горы деревушка показалась мне бесконечно тихой обителью разноцветных огней, а сейчас на первый план проступило волшебство с элементами местной норшвайнской жути.

Хорошенькие дома с голубыми крышами – но на стенах налеплены чёрные флаги от нежити. Ароматные сыры и лавандовые вина на прилавке – а рядом с ними монастырская вода, якобы позволяющая упокоить восставшего мертвеца, и амулеты, облегчающие переход через погодные разломы. На берегу озера в центре деревни играют и хлопают крыльями весёлые курочки – вот только это не живые птицы, а их привидения.

И над всем этим – запах цветущих миндальных деревьев и гиациантов.

– Нам туда! – Голден-Халла утянул меня в неожиданно узкий переулок. – Смотри, Тинави, местная шаманка по имени Кайла – своеобразная дама. В качестве платы за свои услуги она просит не деньги.

– А что? – Вслед за спутником я пригнулась, чтобы поднырнуть под цветущие ветви: куст сирени вырос прямо в проходе между двумя домами.

– В тот раз она захотела прядь моих волос, заколку-отмычку и чтобы я рассказал ей о своих любимых книгах.

– Какая любопытная цена! – Я поразилась. – Давай в этот раз я расплачусь.

– Ой, зря ты разбрасываешься такими предложениями!

Мы зашли в лавку, столь неприметную, что одна я бы точно прошла мимо.

– Кого принесли ветер севера да свет Игольчатой звезды? – раздался из темноты тихий сиплый голос, по которому нельзя было понять возраст говорившей. – Чьи следы теперь будут сниться порогу моего дома?

– Здравствуй, Кайла, – улыбнулся Голден-Халла. – Это снова я! Соскучилась?

– По такому бы да не соскучиться! Здравствуй, Рыжик! Да ты не один, погляжу. Ну-ка, красавица…

Я всё ещё тёрла глаза, пытаясь привыкнуть к сумраку после яркого дневного света, когда мне навстречу шагнула женщина средних лет в ярко-малиновом одеянии. Чётки на пышной груди шаманки колыхнулись, когда она схватила меня за плечи и развернула по кругу, пристально рассматривая. У неё был орлиный нос, фиолетовые волосы и длинные, как у русалки, ногти.

Она выглядела чуть-чуть чокнутой. Мне это понравилось.

– Добрый день, мадам. – Обращение в стиле кентавра Патрициуса показалось мне уместным. – Я из Шолоха. Здесь проездом.

Я знала, что шаманам из племени скальников нельзя называть своё имя. С его помощью они могут наворотить дел в твоей судьбе. Причём не обязательно со зла, бывает, что просто по недосмотру. Поэтому шаманы придерживаются своеобразного этикета: даже если они знают чьё-то имя (например, соседа), они всё равно не будут произносить его вслух. Это считается хорошим тоном.

– Будешь Синеглазкой, – прищурившись, решила Кайла. – Что вам надо?

Берти протянул ей записку со списком трав, и Кайла, бормоча, повела вдоль него пальцем. Несмотря на то что я наконец-то привыкла

к темноте, мне так и не удалось толком рассмотреть интерьер: всякий предмет, стоило только навести на него взгляд, начинал таять, как мороженое. Дом шаманки не открывал свои тайны неприглашённым гостям.

– Хорошо. – Кайла бросила бумажку себе за плечо, и та сгорела в полёте. – Цена такова: у меня на чердаке спрятана шкатулка. Недавно при полной луне я танцевала для духов реки, чтобы отвадить от нашей деревни завистников и клеветников. Духи вняли моей просьбе и подарили мне волшебный цветок, который надо было растолочь для завершения ритуала. Но я вернулась домой слишком уставшая и поэтому просто положила его в первую попавшуюся шкатулку и заперла. А наутро я поняла, что это была шкатулка с заранее подготовленным в ней Слепком Заклятия… Мне не хочется разбираться с ним. Откройте шкатулку вы, и это будет достаточной платой за целебные травы.

Берти глубоко призадумался. Я – ещё глубже. Что такое, прах бы его побрал, Слепок Заклятия?..

– По рукам, – наконец ответил Голден-Халла, и они с Кайлой неформально ударили кулаком о кулак.

Друг за другом по скрипучей приставной лесенке мы поднялись на чердак дома. Там раскинулось царство соломы, крыс и мотыльков, при нашем появлении пришедшее в страшное беспокойство. Искомая шкатулка стояла прямо в центре помещения, на подставке из выкорчеванного пня.

Берти и Кайла начали подготовку к чему-то, что пока оставалось для меня загадкой. Берти притащил с первого этажа несколько подушек и бросил их на пол. Кайла достала из широких рукавов своего одеяния свечи-костерки и расставила их на блюдцах вокруг.

– Будут отпугивать крыс, – сипло хохотнула она. – А то ваша погрызенная плоть в цену не входит.

– Фу, Кайла! – Голден-Халла поморщился.

– Что, Рыжик? Я о вас забочусь, между прочим. Объясни пока Синеглазке, что к чему, а то она явно не в курсе. Небось ты хотела, деточка, узнать у него всё по-тихому, когда я уйду? Не стесняйся. Не стыдно не знать, что такое Слепок Заклятия, раз ты из Шолоха: это наше северное колдовство. А Рыжик свой нос всюду суёт, и месяца

здесь не прожил, а все тайны выведал. Берегись, путница: ты тоже не уйдёшь от него такой, какой была до встречи.

– Кайла, перестань меня демонизировать!

– А кто сказал, что перемены – это плохо?

Шаманка подмигнула мне. Глядя на то, как Берти снимает плащ и поудобнее устраивается на подушках, я удивилась:

– Мы здесь надолго?

– На пару часов, пожалуй, – прикинул Голден-Халла. – Слепки Заклятия – это иллюзорные пространства, которые шаманы-скальники создают, чтобы как следует запирать свои тайники. Туда может проникнуть либо сам шаман, либо тот, кого он пригласил. Внутри Слепка находятся замки́ – нормальные амбарные замки́, которые нужно открыть, чтобы выбраться наружу. К ним даже даются ключи! Но когда ты поворачиваешь ключ, Слепок Заклятия выдаёт тебе условие… Это может быть загадка, которую надо решить, или правда, которую нужно озвучить, испытание для прохождения, воспоминание для переживания или что угодно ещё… Зависит от фантазии шамана. Откроешь все замки – и тогда тайник распахнётся, а ты вернёшься в обычный мир.

– Ого! – Теперь я с куда большим интересом смотрела на шкатулку. – Кайла, а почему вы сами не хотите открыть тайник? Неужели задания в Слепке Заклятия настолько сложные?

– Нет, конечно! Так, глупости всякие. Но я задавала их, предварительно уговорив бутылочку вина, и теперь мне стыдно, – отмахнулась шаманка. – А вам, думаю, понравится. Всё. Приятного путешествия.

И не успели мы с Берти хоть что-то ответить, как она положила горячие руки, увенчанные перстнями, нам на затылки. Комната поплыла у меня перед глазами, и в следующее мгновение чердак исчез.

*** * ***

Привет, Слепок Заклятия!

Мы с Берти сидели на огромном камне. Под нами журчала синяя река, исполосованная зелёными водорослями, с редкими островками белых кувшинок. С цветка на цветок, жужжа, перелетали стрекозы, а к

поверхности воды подплывали сонные рыбы и делали «буп» ртами, пополняя запас кислорода.

Берега – зелёные холмы, пахнущие мёдом и вереском, – терялись вдалеке, чуть затянутые дымкой облачного дня. Но нам и не нужно было плыть к ним: наша цель располагалась гораздо ближе. На одном из таких же торчащих из-под воды валунов, на каком находились мы, лежали в ряд три замка с воткнутыми ключами.

– Отлично! – обрадовался Берти. – Добираемся туда, выполняем условия – и миссия выполнена. Та-да!

Меня разобрал азарт, когда я обнаружила, что валуны, по которым нам придётся прыгать, двигаются под водой, причём коварно – уезжая с места как раз в тот момент, когда ты порываешься на него скакнуть. Когда мы, напрыгавшись вволю, оказались на нужном камне, я первая повернула ключ в ближайшем замке. Внутри что-то щёлкнуло, и в воздухе передо мной проявились буквы, сложенные из текучего серебристого дыма:

Идёт то в гору, то с горы, из дола в дол, с холма в низину,
но всё же – на месте остаётся.

Детская загадка?.. Кайла, конечно, предупредила, что задания будут глупыми, но я ожидала глупостей иного рода.

– Дорога, – ответила я, и буквы вместе с замком и ключом бесшумно растворились в воздухе.

Берти, заметив мою удивлённую физиономию, поспешил пояснить:

– Обычно Слепки Заклятия гораздо серьёзнее! Но ведь Кайла тут не национальные сокровища прятать собиралась, а так, зачаровала шкатулку от скуки, чтобы кто попало не открывал. Но как минимум одно из заданий точно будет с подвохом…

Он повернул следующий ключ. Лёгкий щелчок – и снова в воздух взвилась магическая надпись.

Первый парень на деревне, а…

Лицо Голден-Халлы неожиданно приобрело растерянное выражение: будто отличник внезапно обнаружил, что забыл сделать домашку.

Слепок явно хотел получить от нас продолжение поговорки. И я, в отличие от сыщика, его знала: спасибо незабвенному мастеру Улиусу, амбассадору народной мудрости. Но увидев, что я собираюсь подсказать, Берти яростно замотал головой и приложил палец к губам: «Тише!»

Поня-я-ятно. Значит, после того, как вопрос задан, следующей репликой должен прозвучать ответ – иначе мы провалим задание.

Взгляд Голден-Халлы из растерянного стал страдальчески-умоляющим. Дай списать – читалось в его глазах. Тогда я взяла его за руку и одну за другой стала чертить на его ладони буквы правильного ответа.

Берти в ответ как-то странно задёргался… Я уж испугалась, что Слепок убивает его за слишком долгий ответ или что-то вроде этого, но оказалось, что мой спутник просто до жути боится щекотки. Я попробовала нарисовать следующую букву на запястье, но стало ещё хуже: Берти сложился пополам, пытаясь сдержать то ли смех, то ли вой.

Наконец экзекуция была закончена, и растрёпанный Голден-Халла прохрипел:

…а в деревне два двора.

Когда замок растворился, он выразительно повернулся ко мне:

– Между прочим, это было за гранью добра и зла!

– А под рёбрами тебе тоже щекотно? – Я делано потянулась туда, и Берти чуть не рухнул в воду, пытаясь увернуться. – Да ладно, я же шучу!..

– Всегда будь начеку и не верь шутникам – вот первое правило выживания в Портовом квартале Саусборна. – Голден-Халла сокрушённо покачал головой. – Ну что, возьмёшь на себя последний замок?

– С однозначно коварным заданием?

– Ты же хотела расплатиться, помнится.

– Я и не возражаю. Просто акцентирую внимание на своей жертвенности, чтобы потом бессовестно хвастаться.

И я повернула ключ.

* * *

В этот раз не было никаких туманных букв. Просто окружающая обстановка без предупреждения изменилась.

Мы очутились в крохотном городском переулочке, точнее даже тупичке, явно где-то неподалёку от моря. Нос щекотал резкий запах соли, над головой кричали чайки, а между домами, заросшими плющами и сиреневыми глициниями, открывался вид на бесконечную синюю гладь в белых барашках.

– Что за ерунда? – поразилась я. Ключ и замок из моих рук пропали.

– Это не ерунда, а мой родной город! – вскинул брови Голден-Халла. – Добро пожаловать в иллюзорный Саусборн, госпожа Страждущая. Вот только хотел бы я знать, что мы здесь делаем…

Вдруг где-то неподалёку раздался весёлый взвизг и тотчас – звонкий девичий хохот. В переулок влетела девушка в белом платье и соломенной шляпке. Раскрасневшаяся, прехорошенькая, она присела за большой дубовой бочкой, явно прячась от кого-то.

– Так, она нас не видит, – прикинула я. – Возможно, суть этого задания состоит в том, чтобы подсмотреть тут некую информацию, а потом, уже вернувшись в пространство Слепка, ответить на вопрос… Эй, Голден-Халла, ты чего?!

Берти побледнел как полотно. Я и не догадывалась, что его приятно загорелая физиономия может быть такого цвета.

– Какого праха, Кайла! – яростно прошипел он, сжимая кулаки.

На улице послышалось посвистывание, и в следующее мгновение в тупике появился ещё один персонаж. Худой парнишка с взъерошенными тёмно-рыжими волосами, синими глазами и располагающей улыбкой. Впрочем, сейчас она была скорее коварно-хищной, да и все его движения не давали усомниться – он вышел на охоту.

Рыжик остановился прямо перед бочкой, засунув руки в карманы и покачиваясь с пятки на носок и обратно. Он продолжал непринуждённо насвистывать, но цепкий взгляд так и прожигал бочку. Он ждал. И знал, что дождётся. Спрятавшаяся девушка испуганно прижала руки ко рту и вся подрагивала – то ли от страха, то ли от предвкушения.

Я моргнула.

– Берти, это же…

– Да, это я, – перебил он и отчаянным движением запустил руки в волосы. – Тинави, я не хочу, чтобы ты это видела. Мы с тобой не настолько близкие друзья. Пепел, да и близким такое не показывают! Кайла!!! – вновь взревел он, как будто это могло что-то изменить. – Что это за задание, прах бы тебя побрал?!

В этот момент девушка в шляпке всё-таки не выдержала и хихикнула. Юный Берти замер и с чувством прикусил нижнюю губу.

– Попалась, – сказал он таким тоном, что даже у меня побежали мурашки по коже.

– Твою ж налево. Отвернись, Тинави, – шлёпнул ладонью о лицо Берти-нынешний. – Я тебя очень прошу.

Он был красный как рак.

Я вежливый человек, который старается ценить чувства окружающих. Поэтому вслед за сыщиком я развернулась и глубокомысленно уставилась в глухую кирпичную стену. Перед этим я успела увидеть, как мелкая версия Голден-Халлы стремительно перепрыгивает бочку, опёршись о неё рукой, опускается на колени возле девушки и с жаром обхватывает её лицо двумя руками.

– Это твой первый поцелуй?

– Хуже. Первый раз.

Теперь уже и я густо покраснела. Так мы и стояли плечом к плечу, стараясь не думать о происходящем за спиной и прикрыв уши. Иногда Берти изо всех сил жмурился, как будто надеясь, что от этого нас выкинет обратно в Слепок, а потом явственно вопрошал: «пошто» и «доколе». Ребятки у нас за спиной явно никуда не торопились.

– Берти, можно вопрос? – не выдержала я наконец.

– Нет!

– Почему на улице-то?..

Он взвыл.

– Так получилось… Игра в прятки – дело непредсказуемое. Хотя, начиная её, каждый из нас, конечно, подспудно рассчитывал на такой финал. Зачем ещё мы бы вдвоём начали детскую игру?

– Ох, Голден-Халла! – только и могла, что покачать головой я. С ума сойти, какой у меня коварный спутник. – А как вы познакомились? Мне показалось, что она старше.

– Так и есть. Мы вместе учились в музыкалке. Джеффи тоже играла на виолончели, но хуже, чем я, хотя и на три года дольше.

Преподаватель попросил меня позаниматься с ней, и я сначала страшно негодовал – что за дела, тратить своё драгоценное время на какую-то девицу!.. Но потом меня разобрал азарт: сначала спортивный, потом другого толка. В итоге мы несколько вышли за рамки обучения. Я даже писал ей стихи, представляешь. Про любовь, розы, кровь и всё такое.

– Ого! А выглядел как отпетый хулиган.

– Им я и был. И, между прочим, очень дорожил своей репутацией плохого парня! Она требовалась мне затем, чтобы никто не смел приставать к моему младшему брату (он инвалид) и сёстрам. Поэтому, когда через пару месяцев Джеффи бросила меня и растрепала всему кварталу о тех стихах, мне пришлось ой как постараться, чтобы восстановить авторитет. Какое-то время все вокруг обзывали меня женским именем Холли вместо Халлы – намекая на девчачью романтичность. Именно тогда я и научился по-настоящему серьёзно драться, доказывая всем и каждому, что со мной шутки плохи. Даже участвовал в боях за деньги в подпольных боксёрских клубах.

– Ты же был несовершеннолетним!

– Да кого это волнует в Саусборне!..

Берти, кажется, приободрился. Говорил намеренно громко и легкомысленно, но продолжал напряжённо буравить глазами стену. Я тоже уже изучила её до последней трещинки. Хоть диссертацию об этой грешной стене пиши.

– И как вас какой-нибудь прохожий не поймал… – подивилась я.

Мученическая мина, мгновенно скорченная Берти, намекнула, что я попала в яблочко.

– Вы что творите!! – раздался страшный низкий бас, сотрясший переулок до самого основания. – Совсем обалдели?!

Всё тотчас смешалось в какофонию из визгов, шороха ткани и ругани.

– Так! Отбегаем! – скомандовал Берти и дёрнул меня за руку.

Юная версия Голден-Халлы, застёгивая на ходу штаны, рванула в сторону «нашей» стены, от которой мы едва успели отпрянуть, и по-беличьи ловко покарабкалась по ней вверх, цепляясь за плющи.

За негодником к стене подскочил огромный толстый жандарм с пышными усами. Он орал, потрясал кулаком, топал ногами и всячески высказывал своё неудовольствие, но вверх предусмотрительно не

пополз. Перепуганная Джеффи у него за спиной подхватила шляпку, поправила платье и шустро выскользнула из тупика, пока на неё не обратили внимание.

Вот теперь Берти-нынешний оклемался.

– Ты не поверишь, – разулыбался он, – но этот господин в будущем станет моим первым начальником в жандармерии! Моди Шибу, знаменитый тем, что всегда натыкается на подобные ситуации. В Портовом квартале шутят, что в детстве его уронили в котелок с отваром из четырёхлистного клевера, но уже прокисшим – вот и пошла такая дурацкая удача…

– А он в дальнейшем понял, что это был ты?

– Не-а. Говорю же, он на всякую дичь по пять раз на дню натыкался. Никакой памяти не хватит!

Я с любопытством следила за тем, как юный Голден-Халла переполз со стены на черепичную крышу дома, и, кое-как балансируя, по коньку бросился прочь. На вопли господина Шибу из окон стали высовываться головы недовольных горожан. Попытки жандарма объяснить, что к чему, вызвали у жителей квартала бурное негодование.

– Извращенец! – ахали они. – Что говорит такое!

– Выдумщик! Совсем фантазия у человека больная!

– Да головы поднимите, вон тот хулиган! – увещевал Шибу, тыча пальцем в сторону улепётывающего Берти, но всем было лень.

В итоге жандарм плюнул, в сердцах пожелал Голден-Халле множество крайне затейливых неприятностей и пошёл прочь. Горожане на прощанье сменили гнев на милость.

– Вы заходите завтра ко мне в лавку за рыбкой, господин Шибу! – крикнул один из, видимо, рыбаков. – В ней много полезных веществ, и она успокаивает.

– Хорошо, – горько вздохнул жандарм.

И на этой оптимистичной ноте нас выкинуло обратно в Слепок Заклятия.

– Слушай, а мне под конец даже понравилось! – рассмеялась я. – Ты, конечно, был огонь, Голден-Халла. Пожар. Пожарище! Честно говорю, с женской точки зрения.

– Я и сейчас огонь, – фыркнул он и сконфуженно потёр нос, хотя я, вообще-то, была с ним согласна. – Да, финал там весёлый,

конечно… Однако Кайле я всё выскажу! Что за хрень? Зачем ей такое задание?!

– Ну, она же призналась, что хотела повеселиться. Видимо, планировала освежить собственную молодость, а потом передумала, вот и отправила нас отдуваться, – я пожала плечами. – Хм. А как нам отсюда выбраться, кстати?

Берти уставился на ключ и замок, вновь материализовавшиеся в моей руке.

– Вообще это должно было произойти само собой. Поверни ключ ещё раз, возможно, тут заперто на два оборота.

У меня вдруг закрались страшные подозрения.

– А не значит ли это, что… – сглотнула я.

Берти осклабился.

– Поворачивай, Тинави, – как-то до опасного ласково сказал он.

*** * ***

Теперь мы оказались в Шолохе. В тихой дубовой роще, перед большим, но уютным коттеджем, в котором мы с Дахху и Кадией прожили добрых семь лет, получая достойное аристократов высшее образование.

Это был дом магистра Орлина.

– Нам туда, – я поманила Берти в сад.

При каждом шаге из-под ног вспархивали бабочки. В воздухе разливался запах свежескошенной травы, солнце медленно заходило, и всё вокруг – клумбы с пионами, кусты сирени, окна коттеджа – было окрашено в тёплые янтарные цвета.

– То есть, в отличие от меня, ты так и жаждешь показать шоу? – Берти изумлённо фыркнул за спиной.

– Ещё чего! Но раз это воспоминание такое живое, я воспользуюсь шансом ещё раз увидеть то, что было до… сам-знаешь-какой сцены.

Я оглянулась через плечо и добавила:

– Я очень люблю этот день.

Едва мы устроились на садовых качелях, как дверь дома распахнулась. Из неё, хохоча, выскочили трое: Дахху с губной

гармошкой, Кадия с тарелкой сэндвичей и я – с бутылкой лимонада. Следом вальяжно выкатился рыжий кот по имени Банджо.

Наши с друзьями юные версии сели в рядок на ступеньках и стали болтать о том, какое это счастье – впервые ночевать без магистра Орлина, уехавшего на чтение прощальной речи выпускникам Башни магов.

По традиции, в выпускную ночь в Шолохе зажигают бумажные фонари и отпускают в небо – их так много, что видно даже из дальних уголков леса. Благодаря колдовству эти фонари, полетав несколько часов, все стягиваются к реке Нейрис, опускаются на её ночные воды и преображаются в крохотные лодочки, которые затем приплывают обратно к Башне – уже на рассвете, знаменуя финал праздника.

Этот обычай очень нравится дриадам и нимфам, и поэтому после заката они выходят из своих деревьев, танцуют и поют под лунным светом, и их чарующие голоса звучат по всему Смаховому лесу.

Совершенно волшебная ночь.

Я шёпотом поведала всё это Берти. Между тем Дахху на крыльце играл на губной гармошке, а прежняя я и Кадия обсуждали невероятно важную тему… Придёт Аэвайр или нет?

Аэвайр из Дома Сгинувших. Один из студентов Башни, будущий Каратель и по совместительству мой первый парень.

– Придёт, конечно. – Кадия излучала уверенность. – Он от тебя без ума. И держит слово. А он прямым текстом сказал, что у вас сегодня свидание!

– Да, но выпускной… – Я то и дело взволнованно поправляла волосы, убранные в низкий хвост. – Даже младшекурсники стараются не пропускать его: слишком уж великолепное зрелище!

– Ты великолепней. Перестань вынуждать меня говорить это!.. Как только Аэвайр явится, мы с Дахху прыгнем туда, – Кадия ткнула пальцем на ближайший куст.

Дахху тотчас оторвал гармошку от губ.

– Это шиповник. Он колючий. Я не собираюсь туда прыгать.

– Даже ради Тинави?!

– Сомневаюсь, что Тинави жаждет нашей крови.

– Вообще не жажду, я же не комар, – подтвердила я и прихлопнула гада, как раз севшего на лоб Кадии. – Вы лучше уходите по тропинке, как приличные люди. А то Аэвайр решит, что вы ку-ку.

– Вообще-то я планировала, что мы успеем скрыться в кусте до того, как он нас увидит! – Кад не желала расставаться со своим планом. – Я прошлым летом училась стремительным прыжкам в окопы!

– Ну а я-то – нет! – возмутился Дахху.

В этот момент скрипнула калитка и в сад шагнул молодой человек в синем плаще-летяге и с букетом тюльпанов в руках.

Юные мы всполошились, как пойманные на горячем. Приветствия смешались с попытками выяснить, как дела у Аэвайра (напористыми, чуть ли не агрессивными), Кадия всё порывалась нырнуть в шиповник, мы с Дахху её по очереди удерживали, а молодой господин Сгинувший, не в пример более серьёзный и загадочный, чем мы, только посмеивался, позволяя нам вволю попаниковать и посуетиться.

А я-нынешняя вдруг поняла, что Аэвайр, с которым мы через семестр расстались и чей образ с годами смазался в моей памяти, в то лето был похож на… Полынь. Если Полынь, конечно, постричь и избавить от тонны его побрякушек. Ох! Вот и как мне теперь спокойно смотреть на напарника в свете этой новой ассоциации?!

Подобные мысли о Полыни вызвали у меня экстренное желание вскочить, с воплями забегать по саду и, пожалуй, вылить себе на голову что-нибудь холодное. Но я была тут не одна, а с гостем – Голден-Халлой, которому я успела разрекламировать этот вечер как очень милый: нельзя теперь устраивать бедлам. Поэтому я лишь мужественно сглотнула и пообещала себе поразмышлять о Полыни, Аэвайре и вообще всём таком сомнительном попозже. В одиночестве и так осторожно, что никто не сможет подслушать или прочитать между строк.

Я закрыла глаза и тряхнула головой.

Полынь. Небо голубое, как же я соскучилась.

Вот поэтому в путешествиях и не стоит лишний раз вспоминать о доме – ведь мне сразу остро хочется вернуться. Тогда как сейчас меня окружают свои потрясающие, бесценные чудеса. И люди.

Тем временем Дахху и Кадия выдумали какой-то совершенно безумный предлог и чуть ли не бегом умчались в лес. Впрочем, Дахху перед этим умудрился незаметно впихнуть юной мне кое-что в ладонь. Я-студентка мигом запунцовела и хотела шикнуть на него, но он уже благополучно свалил.

– Ничего себе какой у тебя друг предусмотрительный! – оценил Голден-Халла.

– Да. Но в тот момент я расценила это как бестактность, – повинилась я-нынешняя.

Между тем Аэвайр наклонился и поцеловал прошлую меня. Это был поцелуй такого рода, что тюльпаны чуть не выпали из моих вмиг ослабевших рук, и если бы Аэ не прижал меня к стене, замкнув цветы между нами, всё вокруг уже было бы в рассыпавшихся сиреневых лепестках.

– Ты сегодня ещё красивее, чем всегда, – оторвавшись от моих губ, шепнул будущий Каратель с характерной хрипотцой и медленно провёл рукой по моей шее, пальцем огладил ключицы.

– Кто бы говорил. – Я дерзко вскинула подбородок и легонько укусила его за губу.

Мы поцеловались снова. И снова. И снова. И наконец, на ощупь найдя дверь, ввалились в дом. Цветы остались лежать на перилах.

Я-нынешняя мечтательно вздохнула и поспешила утешить Берти:

– Если что, здесь мы с тобой в безопасности. Просто не надо соваться в дом – и дальнейшее случится без нас. Больше никаких психологических травм! Можем спокойно наслаждаться красотой сада.

– Хорошо, – улыбнулся Берти и, оттолкнувшись ногами от земли, заставил качели качнуться чуть сильнее.

Молчал вечерний лес, молчал и дом: манящий, загадочный. Только тихо пел ловец ветра на крыльце, да вторила ему какая-то птаха в кустах. Между яблоневых деревьев в конце сада скользнула серебристая тень: древесный дух спешил куда-то. Я обняла себя за плечи и подняла голову к потемневшему небу, на котором уже вспыхнула первая звезда.

– Мы называем её Печальной звездой, – сказала я, указав на неё подбородком. – Она загорается раньше всех, долго светит одна, а гаснет задолго до рассвета… Из-за этого проводит мало времени с другими звёздами. Оттого и печальна.

– Знаешь, а ведь я никогда не был в Шолохе.

Ответ Берти, прозвучавший, казалось бы, невпопад, идеально совпал с моей фразой по настроению. Я перевела взгляд на Голден-Халлу. Его глаза были подёрнуты лёгкой дымкой печали.

– Так приезжай.

Он промолчал.

– Нет, я серьёзно, приезжай, – отчего-то с жаром повторила я. – Мне кажется, тебе у нас понравится.

– Все так говорят. – Берти задумчиво сцепил пальцы под подбородком. – А мне страшно, представляешь. Боюсь слишком полюбить ваш город. И ваших людей. И знаешь, что произойдёт тогда?

Его глаза совсем погрустнели. Меня захлестнула неясная чужая боль.

– Я буду горевать, – сказал он, – потому что вы живёте гораздо дольше нас. Потому что это – ваше, и только ваше. И я никак не смогу это изменить.

Мне показалось, меня ударили в самое сердце.

– Но разве стоит отказываться от чего-то прекрасного только из-за того, что боишься боли потом? – протянула я. Слова, возможно, бестактные и нечестные, вырвались быстрее, чем я прикусила язык.

И в этот момент над лесом взлетели мириады бумажных фонарей… Мы с Берти зачарованно подняли головы, любуясь ими, и оранжевые огни, казалось, заполонили весь небосвод своим волшебным сиянием.

Голден-Халла повернулся ко мне и мягко улыбнулся:

– Не стоит. Я приеду.

От этих слов что-то тихо надорвалось у меня в груди.

– Я очень рада слышать это, Берти.

Вскоре в коттедже сбоку от нас открылось окно.

– Смотри! – ахнул оттуда мой голос, чуть более высокий, чем сейчас, и в следующее мгновение изящная и совершенно голая Тинави из Дома Страждущих перевесилась через подоконник.

– Ой-й-й-й! – взвыла я-нынешняя, через все качели кидаясь к Берти и невежливо закрывая ему глаза обеими руками.

– Мм, вот это да, – как обычно легкомысленно, рассмеялся он, и одновременно с тем Слепок Заклятия решил, что с нас достаточно.

Смаховый лес, коттедж и звуки музыки вдалеке выцвели, как краски на старом рисунке, и в следующее мгновение мы очнулись на чердаке в доме шаманки.

Какое-то время мы не двигались, молча пялясь на открывшуюся шкатулку. В воздухе всё ещё витал слабый запах лесного лета и

пионов, морской соли и выпечки, вереска и мёда… Удивительный и многогранный аромат, из которого почему-то не хотелось выныривать.

– Знаешь, а это было здорово, – шепнула я и слегка покраснела.

– Да. Я уже передумал убивать Кайлу, – подняв на меня глаза, подтвердил Голден-Халла.

* * *

Шаманка была довольна. Она выдала нам все необходимые травы, предупредила, что через пару часов у нас начнётся «отходняк» (Слепок Заклятия сжирает много сил, лучше сразу пойти спать) и попросила Берти:

– Рыжик, скажи своему Бледному, чтобы он зашёл ко мне, как будет в деревне.

– Зачем? – заинтересовался Голден-Халла. – Не думаю, что он послушается.

– А ты сделай так, чтобы послушался. Он меня терпеть не может, называет пронырой и пьянчужкой, но всякий раз, как проходит мимо, я вижу, что у него болит рука от частого письма. Не даст мне вылечить запястье сейчас – пожалеет годы спустя.

– Я не замечал, что у него что-то с рукой.

– Ну ты ж не знахарка, – сипло расхохоталась Кайла. – А я и знахарка тоже, не только шаманка. Мне видны чужие боли. И дурные мысли, что, как застоявшаяся колодезная вода, гниют с годами. И нерешённые вопросы. Вот ты, – она неожиданно повернулась ко мне, – то, что искала сегодня утром, ты найдёшь на живом существе, а не на предмете.

Ого! Она про карту от Рэндома?!

– На каком именно существе? – Я жадно подалась вперёд, но Кайла только пожала плечами и начала безапелляционно выпихивать нас из дома:

– Не знаю. Третий глаз не даёт конкретики. Всё, идите отсюда! Буду придумывать себе новый Слепок Заклятия.

– Снова пикантный? – поинтересовался Берти.

Шаманка лишь хмыкнула и захлопнула за нами дверь.

19. Время раскрывать карты

Соляные глыбы хотты, которые используются как основные источники тепла в большинстве домов Норшвайна, добывают в Моровых горах к западу от столицы. Их же поставляют в другие государства. Экспорт хоттов – важная статья в экономике графства.

Из путеводителя по Норшвайну

Морган так и не выяснил недостающий ингредиент зелья. На следующий день он заперся у себя в кабинете и на все вопросы о том, как дела, только напряжённо сопел.

– Оставь, его уже не спасти. – Берти ехидно осенил закрытую дверь священным знаком. – Лучше пойдём за волосом из гривы коня-альбиноса.

Это был последний из известных нам на сегодня ингредиентов, и за ним мы отправились к господину Чупке Живари, популярному изготовителю лошадиной упряжи. Как и вчерашняя шаманка, господин Живари назначил весьма экстравагантную цену за свою помощь. Спрашивается, что с ними не так в этих Седых горах?.. Скучно живётся, что ли?

– Почистите конюшню – и по рукам! – провозгласил этот не по годам бодрый старик. – А конюху я дам выходной: давно обещал.

– Может, мы лучше деньгами расплатимся? – с надеждой спросила я.

– Не, этого добра у меня много!

И действительно: интерьер в доме Чупки, где мы вели переговоры, просто бил в глаза неприкрытой роскошью.

Звучно скребя подбородок под бородой, господин Живари продолжил:

– И не вздумайте заплатить кому-то другому, чтобы он вычистил конюшню вместо вас.

Мы с Берти хором застонали.

– Дело в том, – объяснил старик, – что сразу ясно: вы оба – очень состоятельные чужестранцы.

Я непроизвольно окинула взглядом свой наряд. Мои сапоги с колокольчиками потрескались из-за непредвиденного путешествия по зимним зонам, плащ порвался в паре мест после бега в лесу, а выглядывающая из-под него одежда и вовсе была с чужого плеча. Свой единственный комплект (Из Долины Колокольчиков мы уезжали на день! Всего на день, понимаете!..) я отправила в стирку. Сегодня вечером я собиралась купить что-нибудь в деревне, но пока щеголяла в подвёрнутой во всех местах одежде Моргана.

Берти выглядел примерно таким же потрёпанным жизнью.

– По глазам видно, – отмахнулся-объяснил Чупка Живари. – Обычно люди, оказываясь у меня в гостях, смотрят на всё либо восторженно, либо напряжённо. Вам же всё равно: для вас это привычный уровень.

Я лукаво прищурилась:

– А что, если мы просто работаем с богачами?

– О нет. Вы точно состоятельны сами по себе. У вас обоих есть уникальная расслабленность людей, которым не приходится думать о том, где поужинать подешевле… Хотя это не означает, что вы были богаты всегда, – старик в упор посмотрел на Берти.

– Я рос в многодетной семье, конечно, не всегда! – отмахнулся тот. – А вы раньше были детективом, как я смею предположить.

– Да-а-а, тридцать лет службы в столичном округе, – Чупка мечтательно прикрыл глаза, отдаваясь ностальгии. – Но потом я перебрался сюда. Свежий воздух, омолаживающая смена рабочей деятельности и всё такое. Так вот, касательно цены за волос альбиноса… Она должна быть для вас значимой. Иначе вы не почувствуете важность приобретения и воспримете его как данность, потеря которой вас даже не расстроит. А в случае магических ингредиентов очень важно, чтобы вы дорожили ими. Иначе их свойства ослабнут. Поэтому, – господин Живари улыбнулся так хитро, как умеют только очень старые люди, – вас ждёт конюшня. Лопаты и вилы в углу!

* * *

Через несколько часов я была близка к тому, чтобы начать молиться на ещё не полученный ингредиент. Устроить госпереворот в Шолохе и короновать его. Что угодно, лишь бы продемонстрировать мирозданию его важность. Только давайте прекратим эту пытку!..

– Фух! – Я отложила лопату, плюхнулась на свежий стог сена и интенсивно утёрла пот со лба.

Берти глянул на меня, расхохотался, а потом сказал:

– Я всё размышляю о том, с какого боку нам подобраться к загадке Хеголы Тоффа.

– М-да? А я думала, ты решаешь, куда повесить седло.

Голден-Халла действительно озадаченно смотрел на седло в своих в руках. В начале уборки он снял его с какого-то гвоздя на стене, но не помнил с какого.

– Ну, это мне подскажешь ты, да, умничка моя? – нежно заворковал сыщик.

Не со мной. С лошадью, обитающей в конюшне. Милая животинка работала моделью: именно на неё господин Чупка примерял свою превосходную упряжь перед продажей. Лошадь была красивой и, конкретно сейчас, очень несчастной: растерянно перетаптывалась, явно думая, что любимый конюх покинул её навсегда, сменившись двумя пугающими чужестранцами.

Берти в итоге повесил седло совершенно наобум, а я скормила кобылке припасённое с завтрака яблоко. И задумчиво проговорила:

– Пока что наша гипотеза заключается в том, что Хегола стал сознательной нежитью, ведь у них прижизненные заклинания сохраняются в силе после перерождения.

Морган вчера подтвердил нам этот удивительный факт.

– Хегола силён – столько лет прожил… в смысле, просуществовал. И погиб явно прямо там, в Рассветной башне – вряд ли он расстался бы с сундуком по другой причине. Может, нам поискать какие-нибудь легенды о местных личах?

Личами по всей Лайонассе называют нежить, в которую перерождаются сильные колдуны. Правда, обычно она неразумна и агрессивна. По сути, личи являются просто очень опасными монстрами. Но внешне они похожи на людей с пепельно-серой кожей и белыми глазами.

– Давай разделимся, – предложил Берти. – Кто-то поспрашивает людей, кто-то поищет в книгах.

– Согласна. И… Есть ещё кое-что, что неплохо бы обсудить.

Я задумалась о том, как лучше сообщить Берти о недомолвках Силграса Авалати. Рэндом сказал, что альв утаил от нас какую-то важную информацию. Но как мне объявить об этом? Просто сослаться на интуицию или задним числом придумать какой-нибудь подозрительный факт?

…А может, начать потихоньку рассказывать Берти о шлейфе тайн, который тянется за мной невесомой паутиной?

Нет. Пока всё-таки рано, это будет странно. Или уже нормально, даже честно?.. Или я таким образом просто разобью наше растущее взаимопонимание? А-а-а-а! Как же сложно!

Признаться, меня часто терзают подобные сомнения. Рано говорить что-то человеку или уже пора? Нужно вообще или не стоит? Например, когда предупреждать нового знакомого о том, что ты не слышишь одним ухом? В какой момент объяснять, что у тебя, скажем, есть какая-то специфическая болезнь? А если ты сидел в тюрьме – стоит ли вообще когда-нибудь об этом заикаться? И сколько людей покинут тебя после тех и других признаний?..

Погрязнув под шквалом собственных размышлений, в итоге я облизнула губы и протараторила:

– Силграс умолчал о чём-то важном, связанном с нашей миссией. Я не знаю, о чём конкретно, и не могу назвать своего информатора, но нам стоит разобраться с этим вопросом до того, как вернуться в Долину.

Берти удивлённо вскинул брови и, подпрыгнув, сел на перегородку между стойлами.

– Интере-е-сно… – протянул он, оглядев меня с головы до ног так внимательно, будто впервые увидел. – Хорошо. Давай тогда разделимся иначе: я займусь перерождением Хеголы, ты – ложью Силграса. Пойдёт… партнёр?

«Партнёр». Люблю это слово.

– Пойдёт, – улыбнулась я.

Берти сдёрнул со стены рабочие перчатки и кинул их в меня.

– Но сначала придётся закончить с уборкой!

* * *

Мы вернулись домой только вечером. Морган так и сидел у себя в кабинете. Я решила, что самое время возобновить поиски карты: из трёх дней, отведённых мне на добычу гребня, у меня осталось полтора.

Кайла подсказала, что искать нужно на живом существе, поэтому первым делом я совершила жестокое нападение на Корвина. Прикрываясь тем, что ужасно скучаю по своему филину, я поймала ошалевшую птицу и стала всячески её почёсывать, гладить и ласкать. Судя по его взгляду, Кори никогда ещё не испытывал такого стыда и унижения. Впрочем, уже пару минут спустя ворон передумал и с наслаждением раскинулся у меня на коленях. Глаза его подёрнулись мечтательной дымкой. Сомневаюсь, что злючка Гарвус часто его чешет.

Одно печально: карты на Корвине не нашлось.

После этого я начала хищнически кружить вокруг Голден-Халлы. Незаметно подкрутив мощность кристаллов-обогревателей и подкинув лишних дровишек в камин, я добилась того, что в шале стало действительно жарко.

Берти снял кардиган, позаимствованный у друга.

Берти расстегнул верхние пуговицы рубашки.

Берти стянул её, оставшись в майке.

Пристально уставившись на оголённые участки его восхитительного тела, я чувствовала себя извращенкой – особенно после наших вчерашних приключений.

Карты не было. Да что ж такое-то.

– Боги, а я ведь Моргана ледышкой дразню… – растерянно пробормотал сыщик, опёршись спиной о кухонную стойку, где на жаровне ароматно булькал сливочно-лососёвый суп. – Неужели обиделся? Раньше он здесь такую парилку не устраивал.

Лёгок на помине, со второго этажа спустился Гарвус – очень хмурый, с огромными синяками под глазами и с пустой чашкой из-под кофе в руках.

– Морган, душа моя! – Берти вскинул половник в приветственном жесте.

Я помахала от камина, где над углями жарила охотничьи колбаски. Готовить в камине было веселее, чем просто на жаровне – во всяком случае, так решил Голден-Халла. Я не была уверена, что это не противоречит эстетическим пожеланиям хозяина дома, но решила, что, если что, с чистой совестью скину вину на Берти.

– Задолбали, – буркнул Морган, доставая из шкафа бутылку вина.

– Кто, мы?!

– Нет. Идиоты, читающие книги за едой. Или за убийством. Кто бы и чем бы ни облил наш рецепт – чтоб ему в гробу до скончания веков вертеться.

Я присвистнула:

– Жёстко. Если что, я всё ещё готова помочь с…

– Нет.

– Ну ладно, – я миролюбиво протянула в сторону доктора шампур. – Тогда как насчёт того, чтобы съесть сосиску?

– Надеюсь, это не эвфемизм, – поджал губы Морган.

Мы сели ужинать.

Совместная трапеза сближает, но не всех. Гарвус так и продолжал игнорировать сам факт моего существования – если только я намеренно не обращала на себя внимание. Мне вспомнились все те шолоховские знакомые, которые никогда не пишут первыми. Никуда не зовут, не спрашивают, как дела. Когда-то я обижалась на них, думая, что неинтересна им. Потом стопроцентно убедилась в этом – и в итоге продолжила общаться лишь с теми из них, кто всё равно интересовал меня. Без ожиданий. Без потребности в их инициативе.

Морган был мне интересен, так что – не отвертится.

Как шутит Патрициус: если ты хочешь завести друзей во взрослом возрасте, просто поймай их за руку и не отпускай. Рано или поздно они смирятся.

В какой-то момент Гарвус агрессивно отложил вилку. Потом резко стащил через голову свитер с высоким горлом, встал и напряжённо огляделся, будто искал в комнате притаившегося врага.

Наконец он обвинительно уставился на Берти.

– Почему здесь так жарко?

– Потому что так настроены кристаллы-обогреватели, – спокойно отозвался тот.

– И зачем ты это сделал? Спалить нас хочешь?

Морган пошёл к хоттам и стал уменьшать их мощность.

Берти бросил быстрый взгляд в мою сторону, но я не посмотрела на него в ответ. Вместе этого я сидела, вытаращившись на лопатки доктора Гарвуса – там, над каемкой майки, был виден угол нарисованной прямо на коже карты… Эдакая разноцветная татуировка, по качеству исполнения ничем не уступающая картам в туристических путеводителях.

А ещё там имелась надпись.

«Это тебе, конфетка!»

Я подавилась кусочком хлеба и всерьёз вознамерилась умереть от удушья – Рэндом, чтоб тебя! – но мощный хлопок по спине от Голден-Халлы не дал этому плану осуществиться.

Берти как ни в чём не бывало улыбнулся Моргану.

– Прости. Скучаю по нормальному лету! Вот и переусердствовал.

Тот только головой покачал.

После ужина Гарвус снова отправился в свой кабинет, на неравный бой с книгой.

– Ну и что это было? – Берти положил подбородок на сцепленные вместе пальцы и заинтригованно прищурился.

Я не стала отпираться.

– Ты видел рисунок карты у Моргана на спине? Мне надо её рассмотреть. И я просто не придумала другой нормальный способ заставить его снять свитер. Спасибо, что взял вину на себя.

– Всегда пожалуйста. Только у него там нет никакой карты.

– Есть! Прямо над майкой. Вот тут, – я показала на себе.

– Тинави, – Берти покачал головой. – Я много раз видел Моргана в море, термальных источниках и саунах. И сейчас вместе с тобой загадочно пялился на его лопатки. Там пусто. И вообще – что за карта такая?!

– Ой-ой-ой, – только и сказала я.

Берти пожал плечами и подлил нам облепихового чая. В воздухе явственно разливалось его нетерпение, яркое и читаемое, похожее на шелест персиковых деревьев на заре, но сыщик неплохо играл в равнодушие.

А я вспомнила свои дневные размышления на тему «пора – не пора» и осознала: все же пора.

– Берти, – сурово сказала я, жестом приглашая его перейти на диван. – Разговор будет долгим.

– Боги-хранители! – Он сглотнул. – Ни одна хорошая вещь в моей жизни не начиналась с этой фразы.

– Что ж, будем надеяться, я её сейчас реабилитирую… Но не быстро.

– Жги, госпожа Страждущая.

* * *

Мой рассказ о снах с джунглями, о богах, вообще о моём бытии в последние годы занял больше трёх часов и изобиловал оборотами вроде «к сожалению, я не преувеличиваю…» и «тебе придётся поверить мне на слово…»

Услышь кто другой такую историю, обеспокоенно предложил бы собеседнику наведаться в лазарет. Но Голден-Халла не засомневался ни на мгновение, лишь воодушевился.

– Это потрясающе! – воскликнул он. – У меня такое ощущение, что ты сейчас сделала мне невероятный подарок! Что касается карты, то она наверняка видна только тебе… Но давай убедимся в этом. Морган! – заорал он и бросился к лестнице. – Морган, выйди на минутку!

– О боги, он же не будет его насильно раздевать?.. – зашипев от ужаса, вопросила я Кори.

Ворон крайне внимательно слушал нашу с Берти беседу.

– Кар, – хмыкнул он. «Надейся».

Со второго этажа послышался скрип открываемой двери, недовольное «Что тебе?», какая-то возня и вопли: «Совсем сдурел?!» – «Извини, извини!», после чего Берти бодренько сбежал с лестницы и направился напрямик к морозилке – за горошком.

Уже под вторым глазом у него разливался синяк.

– Для меня у Моргана на спине нет карты, – подытожил сыщик. – Значит, завтра придумаем, как обнажить его перед тобой.

– Так, может, стоило это нападение при мне провернуть? – Я всплеснула руками. – Он же теперь настороже будет!

– Я быстро посмотрел, ты бы вряд ли успела изучить её и сопоставить с местностью. Ничего, разберёмся! На крайняк – усыпим и тайно посмотрим.

– Ты меня пугаешь, Голден-Халла.

– И это мне говорит девушка, объявившая о своём знакомстве с хранителями? Ну-ну!

А затем очень довольный собой и жизнью Берти плюхнулся обратно на диван и спросил:

– Ты ещё не хочешь спать? Нет? Отлично. Значит, пришло время и мне рассказать тебе свою историю: об Академии Буре на острове посреди штормового моря, демоне, зеркалах и тайнах древней эпохи. Не только же тебе поражать чужое воображение! Итак, слушай, Тинави…

В итоге спать я уходила в некотором шоке.

И Берти, и Морган – да они же на вес золота. Обалдеть!

20. Тем временем Силграс

Если бы Хегола Тофф не был старостой нашей деревни, я бы сделала всё возможное для того, чтобы он работал в школе. Он надёжен, добр, умён и любит детей. Они тоже его любят, хотя меньше, чем Силграса Авалати: признаться, привязанность моих учеников к этому ленивому колдуну мне совершенно непонятна. Как и привязанность Хеголы к нему же.

Из дневника учительницы Жайны Корохани

– Одинокие тени проникли в сундук?!

Голубые глаза Силграса Авалати пылали холодной яростью. Он мерил шагами свою старую комнату в главной избе деревни, и от его бушующих эмоций мебель, казалось, изо всех сил пыталась уменьшиться в размерах. Снуи сидел на подоконнике и чувствовал себя жутко виноватым, хотя на самом деле ему просто не повезло стать буревестником.

Авалати раздражённо скинул свою чёрную мантию. Застонав от бессилия, он с размаху плюхнулся в кресло. Взвилось облачко пыли: пусть время в Долине Колокольчиков и не шло все эти годы, но ведь и до этого Силграс не особенно тут убирался.

Его старая комната. На кровати не было пледа и постельного белья – Силграс ещё год назад увёз их отсюда в свои апартаменты во Вратах Солнца. Он вообще многое туда перетащил, действуя как очень трудолюбивая сорока.

Снуи неуверенно пискнул, напоминая альву, что в сложившейся ситуации есть и светлые стороны.

– То, что они знают, как вылечить колокольчики, – это хорошо, – вынужден был согласиться Силграс. – Однако сколько теперь их ждать… Впрочем… – Он поднялся и сделал несколько таких стремительных шагов к снуи, что тот испугался. Но Авалати лишь наклонился к духу и мрачно подытожил: – Я ждал триста лет, уж пару недель как-нибудь подожду.

Снуи, набравшись смелости, возразил, что на самом деле Авалати ждал гораздо меньше – если взять за старт тот день, когда он проснулся в Долине ручьёв и трав… Авалати послал снуи в пень. Снуи попробовал вылететь в приоткрытое окно, но Силграс поймал его двумя пальцами, вернул и принудительно погладил по голове, извиняясь.

Снуи вздохнул.

Ну и характер у мастера Авалати…

Посадив феечку на плечо и взяв с тарелки недоеденную половинку кренделя, Силграс отправился в сени. Помимо входной, здесь было две двери – та, из которой он вышел, ведущая на его половину (половину колдуна), и дверь во владения старосты. Хеголы Тоффа.

На стене в сенях висело множество портретов – карандашных, сделанных на скорую руку, чтобы запечатлеть моменты, – и Силграс, мрачно жуя крендель, стал их рассматривать. Это было своего рода самоистязание.

Вот трактирщица Гедвига, смеясь, приподнимает огромную кружку эля, а Пухлый Боршо рядом с ней хлопает по животу, намекая, что сейчас выпьет её в одиночку. Вот селяне танцуют в Ночь Огней. Рога ездового лося по имени Эдвин украсили колокольчиками, лось вздыхает, все счастливы. Все участники междеревенских спортивных игр оделись в одинаковые бирюзовые штаны и майки с вышитой надписью «Долина красавчиков» на спине: каждая деревня тогда выбрала себе цвет и девиз.

А вот – на картине в центре – Хегола одной рукой обнимает Силграса за плечо, а другой – ерошит ему волосы. У Силграса такой взгляд, что, кажется, он несёт бремя всех бед этого мира. Хегола заливисто смеётся. На этом портрете они похожи на братьев: старший умница Тофф и младший вредина Авалати. Ничто не предвещает будущую ссору.

– Блин, – невнятно сказал Силграс, разом запихнув в рот весь оставшийся кусок кренделя. – Ненавижу портреты. Ненавижу воспоминания.

И, вопреки собственным словам, тотчас деловито открыл дверь в бывшие комнаты Хеголы – посмотреть, как там… Он не заходил туда после своего пробуждения в Долине ручьёв и трав.

В спальне старосты до сих пор царила идеальная чистота. Пугающий порядок. Одежда сложена ровными стопочками, книги расставлены по алфавиту. Он вообще человеком был, этот зануда Тофф?..

На подоконнике в ряд стояли глиняные фигурки, изображающие птиц и животных: совсем маленькие, каждая с полпальца размером. Их делал Хегола: он лепил такие в школьные годы, чтобы развлекать младших, а потом изредка занимался этим просто так, для себя – пока размышлял о планах сезонных ярмарок, например. Так фигурки и копились на подоконнике: бессмысленные, кривоватые, но душевные.

А на рабочем столе старосты Силграс увидел амулет с лунным камнем – и содрогнулся. Это украшение Хегола собирался подарить Эльзе, у которой был день рождения через два дня после той злосчастной ночи. Преподнести девушке амулет было не так сложно, как предложить помолвочное кольцо. Хегола тогда почти решился.

Блин.

Блин, блин, блин!

Силграс, смахнув снуи с плеча, с размаху плюхнулся на бывшую кровать старосты, скрупулёзно заправленную, с подоткнутым одеялом, и, свернувшись калачиком, закрыл уши руками.

Я не смогу ничего исправить. Я ошибся. Я ненавижу, я ненавижу,
ненавижу,
ненавижу
себя.

*** * ***

Он уснул, и ему снился тот год, когда в Долине Колокольчиков случилась беда, позже прозванная Ночью Четырёх Улиц. Это произошло уже после того, как Тофф узнал правду о личности Силграса, но задолго до приезда Эльзы и их роковой ссоры.

Всё началось с того, что что-то стряслось с колодцем на главной площади. Однажды утром оказалось, что в нём вместо воды плещется алая жидкость, похожая на кровь. Потом проблема распространилась

на ещё один колодец. На третий, четвёртый… На все. А если селяне топили снег, то он почти сразу превращался в яд.

– История повторяется, – вздохнул тогда Хегола, глядя на портрет своего отца на стене. – Ситуация становится день ото дня хуже, как это было с волкодлаками. Нужно не ждать и не снаряжать экспедиции к дальним рекам, как предлагает Лука, а сразу же разделаться с первопричиной. Силграс, у тебя есть идеи, из-за чего это могло случиться?

Авалати, задумчиво перебиравший пальцами в красной воде, налитой в стакан, кивнул:

– Я думаю, Леший навёл на нас порчу.

– Что?! – Хегола так и подпрыгнул. – Почему?

– Я сломал ему рог тогда в лесу. Это оскорбительно.

– Но… – Тофф нахмурился. – С тех пор столько времени прошло!..

– Для альвов два года – ничто.

Желваки у Тоффа слегка дернулись, когда он услышал последнюю фразу. Силграс сразу же пожалел о ней, но вылетевших слов было не вернуть. «Для обычных альвов, – мысленно поправился он. – Для меня – совсем не ничто». Но вслух ничего не сказал. Лишь с независимым видом набросил куртку и пошёл к выходу из избы.

– Я найду корень проклятия. И на сей раз всыплю Лешему так, что он ещё сотню лет не вернётся.

– Ну давай, – сказал Тофф с непонятной интонацией.

Силграс оглянулся:

– Если хочешь, Хегола, я могу его убить.

Мурашки пробежали по рукам старосты Тоффа.

– Просто сделай так, чтобы наша деревня была в безопасности, – сказал он.

* * *

К вечеру того дня Силграс нашёл источник порчи. Куколка из соломы с торчащими красными нитками вместо глаз лежала в кругу птичьего помёта в пещере среди гряды дальних скал, за лесом.

Авалати уничтожил её и отправился обратно. Он был гораздо сильнее Лешего.

Пока Силграс живёт в Долине, чащобная смерть не сможет нанести ей вред. Надо сказать об этом Хеголе: а то вдруг староста теперь думает, что деревня в опасности. Конечно, очень плохо, что в качестве мести Силграсу Леший решил навредить Долине… Но Авалати справится.

На опушке леса Силграс придержал коня, чтобы полюбоваться тем, как алые отблески заходящего солнца пляшут на острых крышах Долины Колокольчиков.

А потом у него будто сердце оборвалось. Это были не отблески. Деревня горела.

* * *

Оказалось, Леший специально заманил Силграса так далеко от дома, чтобы самому напасть на деревню.

Чащобное зло вышло из леса, зажгло звезду, без объяснений затопило Долину багряным туманом и подожгло несколько домов, после чего удалилось, оставив возле ворот своих чудовищных приспешников, которые бросались на тех, кто пытался покинуть полыхающую деревню.

К тому моменту, как Силграс, безостановочно подхлёстывающий коня, домчался до ворот, сгорело четыре улицы, пал скот нескольких дворов, было с дюжину раненых, но никто не погиб.

– Могло быть гораздо хуже, – утешали друг друга селяне, когда всё закончилось.

Во время обсуждения, как отстроить сгоревшее, они были очень сплочены. И только Силграс вообще не пришёл на собрание. Он долгое время держался поодаль, чувствуя, что всё это его, и только его, вина. Осознавая, как он отличается от них. «Хегола меня выгонит, – думал он. – Он велит мне уйти».

На самого Тоффа в следующие недели и вовсе было страшно смотреть. Было видно: то, что он опять не смог защитить свой дом, придавливало его к земле страшнее любого груза.

«Ну на нас же альв напал, с ним бы никто не справился! – говорили селяне, не догадывающиеся, почему староста так горюет. – Альвы же не люди, они нечто большее… Мастер Хегола, нет смысла осколку стекла жалеть, что он не звезда!»

Хегола не отвечал. Селяне искренне не понимали, отчего его это так задевает. Как можно расстраиваться из-за того, что не смог противостоять чему-то настолько более грандиозному, чем ты?..

Еще они не понимали, отчего вообще Леший решил напасть на них. По деревне ходили самые разные толки, с каждым месяцем всё более удивительные, постепенно превратившиеся чуть ли не в предмет гордости, которым можно было хвастаться перед жителями других деревень. Тофф так никому и не сказал, что Авалати – альв, и месть Лешего была направлена на него. Силграс долгое время ходил замкнутым и взвинченным, пока однажды не сорвался и не утащил друга прямо с праздничной пирушки по поводу окончания очередных междеревенских соревнований.

– Хегола, – резко, с вызовом сказал он. – Скажи прямо: мне уйти из Долины Колокольчиков?

Тот тяжело вздохнул:

– Не надо никуда уходить.

– Это случилось из-за меня, – запальчиво объявил Силграс.

Тофф скрестил руки на груди.

– Да, – после паузы твёрдо произнёс он. – Из-за тебя. Ты дурацкий альв, от тебя одни проблемы – ты это хочешь услышать? Поздравляю, услышал. А если серьёзно, Силграс… – Тофф раздул ноздри и свёл брови в единую линию. – Я надеюсь, ты приложишь все усилия для того, чтобы больше никто из тех, кому ты перешёл дорогу – в этом или прошлых воплощениях, – не посмел даже бросить косой взгляд на Долину Колокольчиков. Раз только у тебя есть для этого необходимый талант и силы – защищай свой дом. Не жалея себя защищай, ясно? Иначе…

Тофф резко втянул воздух ноздрями, а потом, выдохнув, в итоге просто повторил:

– Защищай.

Авалати насупился и сглотнул.

– Наша деревня не пострадает ни от одного из моих врагов. Клянусь.

– Вот и хорошо, – устало потёр лоб Хегола. – Тогда мы закрыли эту тему. А теперь пойдём на праздник: нас ждут.

Силграс сдержал обещание. Ни Леший, ни другие альвы, конфликты с которыми явно тянулись из прошлых жизней (он их не помнил, поэтому не мог в полной мере оценить ярость соплеменников), в последующие годы не смогли навредить Долине. Селяне и Тофф даже не подозревали об ажурных вязях защитных, отпугивающих, запутывающих и предупредительных заклинаний, развешанных вокруг них и ежедневно обновляемых Авалати.

Жаль только, что при всех своих талантах Силграс не сумел уберечь деревню от себя.

* * *

…Луна уже высоко поднялась над безмолвной, заколдованной Долиной Колокольчиков, когда Силграс резко открыл глаза.

Комната Хеголы, в которой он так безнадёжно уснул, тонула в тенях. Казалось, они шевелятся, перетекают одна в другую, подбираясь всё ближе – Силграс вздрогнул и с отвращением почувствовал, как по его рукам побежали мурашки.

Он собирался щёлкнуть пальцами, чтобы зажечь спасительный огонёк, но вовремя опомнился. Магию надо поберечь: она потребуется ему в полном объёме в день, когда его помощники вернутся.

Мимоходом отметив, что снуи спит на книжной полке, укрывшись собственными крыльями и изредка подёргивая ножками в ходе неких волнительных сновидений, Авалати подошёл к окну. Рывком распахнул его, пуская в комнату потоки холодного воздуха и щурясь оттого, насколько яркой была луна.

Деревня вся переливалась в её серебристом свете. Призрак мечтательницы Найры сидел на крыше соседнего дома, подняв к небу лицо и позволяя ветру играть волосами, выбившимися из-под капюшона. Раньше Силграс часто варил для неё зелья, облегчающие боль в глазах – совсем молодая, Найра видела хуже многих старух. «Надеюсь, в реальности звёзды такие же красивые, какими я их представляю», – говорила она.

Силграсу захотелось развеять девушку: она выглядела слишком живой. Но вместо этого, перемахнув через подоконник и прикрыв за собой окно, он развернулся и пошёл в другую сторону.

Кое-что беспокоило его…

Авалати надеялся, что ошибается, но чем ближе он подходил к воротам, ведущим из деревни, тем яснее чувствовал в воздухе запах мокрой шерсти, кислой крови и подгнившей древесной коры.

Это означало лишь одно – на него открыли охоту.

Очень тихо Силграс приблизился к высокому забору и, задержав дыхание, заглянул в неприметную дырку, давным-давно проделанную кем-то из ребятишек.

Далеко на холме сидела тварь, похожая на перекошенного волка с одним круглым выпученным глазом. Короткое и толстое шерстяное тело, когтистые лапы, навострённые уши.

Тварь – одна из приспешниц Лешего – тупо смотрела в сторону деревенских ворот, будто надеялась, что они распахнутся и Силграс сам выбежит оттуда ей прямо в открытую пасть.

Впрочем, это существо прислали не для убийства. Это была тварь-разведчик, прямо сейчас пытающаяся понять, стоит ли приближаться к заколдованной деревне, или Силграса здесь нет и можно идти дальше. Несмотря на звериную форму, у нее явно было паршивое обоняние. И не слишком-то развитая интуиция. А уж интеллект…

– Слуги Лешего никогда не отличались талантами, – скривился Силграс, отступая от забора обратно в деревню.

Со стороны его лицо выглядело таким же дерзко-самоуверенным, как обычно, но внутри у Авалати всё клокотало.

Он никак не ожидал, что эта чащобная скотина вновь захочет прийти по его душу. Даже теперь?.. Ведь Леший и так почти убил его в тот раз! Неужели какой-то там потерянный рог стоит того, чтобы попытаться уничтожить Силграса окончательно?

Убить альва очень непросто – но возможно. Когда-то их было больше, но некоторые всё же погибли. Кое-кто – без последствий. А кое-кто – так, что мир чувствует эффект до сих пор…

Силграс нервничал.

В любой другой ситуации он бы просто развесил вокруг Долины отпугивающие и запутывающие талисманы: этого хватило бы на то,

чтобы некоторое время водить приспешников Лешего за нос. Но сейчас каждая капля магии была на счету.

Придётся сделать хорошую мину при плохой игре и просто положиться на слабый нюх приспешников. А затем – на тот факт, что Леший считает его до пепла умным (и небезосновательно. По сравнению с Лешим все – интеллектуалы). Узнав, что Авалати в деревне, но при этом не колдует и не выходит на бой, чащобный урод может решить, что хитрый Силграс подстроил ему ловушку.

И тогда будет идти сюда медленно, прощупывая каждый шаг. Так медленно, что Силграс всё-таки успеет совершить, что должен.

*** * ***

Авалати вернулся в комнату Тоффа.

– Хей, мелкий, – он склонился над вздрогнувшим снуи. – Не вылетай пока за пределы Долины.

– Пип? – удивился разбуженный дух.

– Сожрут.

Силграс снова лёг на кровать, отвернулся к стене и свернулся в калачик. Сон – лучшее успокоительное. Для всех вообще, а для него особенно.

Но сон всё не шёл.

Авалати поковырял пальцем картинку, прибитую над кроватью Хеголы: летний лесной пейзаж с убегающей прочь прекрасной девушкой, оглядывающейся на зрителя через плечо. Её лицо нельзя было разобрать из-за теней, падающих от широкополой соломенной шляпы.

В отличие от него, Хегола всегда любил лето и каждый раз явственно наслаждался поездками в тёплые зоны.

– Ну и переехал бы, – вяло предлагал Силграс.

Тофф только фыркал и даже не разменивался на объяснения, почему нет.

Пейзаж на картинке чем-то напоминал Долину Ручьёв и Трав. Такие же светлые краски, танцующие в чаще солнечные лучи, прозрачная вода в журчащем источнике…

Силграс сглотнул, вспомнив своё пробуждение на берегу звенящей лесной речушки. Он спал так долго, что плющи оплели его, будто камень, а лисы вырыли нору возле его живота.

Когда властвующая там зелёная госпожа Маоша – ещё одна альва, хозяйка изумрудной звезды – сказала ему, что прошло триста лет с момента его ранения, Силграс ответил лишь:

– Вот оно как. Понятно. Пойду умоюсь.

А оставшись в одиночестве в пронизанном светом лесу, он горько разрыдался. Он плакал впервые в жизни – не то что Хегола, который всегда был изрядным плаксой. То весь из себя такой крутой и надёжный, ведёт за собой сто пятьдесят человек, верящих ему всем сердцем, то утирает слёзы на чьей-нибудь свадьбе или при виде цыплят, ковыляющих к курице-маме…

Силграс взвыл ещё громче. Ему хотелось набить рот землёй, расцарапать себе лицо, пустить кровь. Как угодно вынудить вселенную обернуть время вспять.

Но вселенная равнодушно молчала, прячась за веером пронзительно-синего неба.

– Ты можешь пробыть в моей долине столько, сколько понадобится, – сказала Маоша. – Я бы предпочла, чтобы ты исцелился полностью.

– Я и так полностью исцелился. Я слабее, чем прежде, потому что моё время истекает.

– Я имею в виду душевные раны.

– Пф!

Развернувшись на пятках, Силграс пошёл прочь, в сторону горы Осколрог – она уже звала его, ощущалась явственно и болезненно… У него осталось – сколько? Лет пять, десять, двенадцать?

Надо во что бы то ни стало успеть исправить хоть что-нибудь.

– Спасибо за помощь, – обернулся Авалати, прежде чем покинуть Долину.

Он всё-таки знал, что такое вежливость. Зелёная госпожа, самая мудрая и спокойная из альвов, лишь кивнула в ответ:

– Не за что. Но постарайся больше не умирать так мучительно, Силграс Авалати.

21. Что случилось с горой Цоревой

«Хей, Бруно, а ты уже видел этого новенького аспиранта на кафедре ТММ? Который приехал из Саусборна?».

«Да».

«И как он тебе?».

«Ну… Скажем так: выпить после работы я его не позову. Страшно».

Из переписки двух преподавателей Башни магов

Берти Голден-Халла

Берти проснулся очень рано.

Он выпрыгнул из кровати и стал, незатейливо насвистывая, делать зарядку. Ворон Кори, дрыхнувший в его комнате, в ответ на это недовольно клекотнул со шкафа. Но Берти никогда не был чувствителен к критике, а потому не особенно среагировал.

Он оделся, скрутил волосы в пучок на затылке и на цыпочках вышел в коридор. Следующим после спальни Голден-Халлы располагался кабинет Моргана, на двери которого висела табличка «Не беспокоить».

– Интересно, когда он один, он тоже её вешает?.. – пробормотал Берти.

А потом беззвучно повернул ручку и заглянул внутрь.

Гарвус крепко спал прямо за рабочим столом, среди бумаг. Ох, да у него на лице точно отпечатается след от лежащего под щекой писчего пера! Рот открыт, любимый ободок отброшен, волосы растрёпаны, пальцы в чернилах – ну, краса-а-авчик…

Берти тихонько подошёл и, заложив руки за спину, наклоняя голову то вправо, то влево, как птичка, изучил содержимое записей, живописно раскиданных вокруг Моргана.

Судя по ходу работы, доктору Гарвусу и его расчётам нужен ещё как минимум год на вычисление недостающего ингредиента.

– Нет, так не пойдёт, – цокнул языком Берти и осторожно потянул из-под безвольно лежащей руки друга фолиант с рецептом.

Один момент был опасным: Морган чихнул во сне и шевельнулся. Берти замер, не дыша. Гарвус что-то пробормотал и – аллилуйя! – сам скинул руку со стола, каким-то чудом не попав ею по стоящему рядом Берти. Со своим трофеем Голден-Халла шустро-шустро вышел из кабинета.

Ещё по пути к лестнице была комната, в которой спала Тинави. Повинуясь странному порыву, сыщик ненадолго остановился перед ней – ему вдруг остро, до сладкой боли в сердце, захотелось увидеть Страждущую. Необъяснимое ощущение близости, возникшее у Берти еще при знакомстве с этой удивительной лесной госпожой, со временем находило подтверждения, становясь тем самым сильнее. Он потянулся к дверной ручке, но…

– Кар? – вопросил подкравшийся сзади Кори с интонацией тилирийской бабки-дуэньи, следящей за тем, чтобы вверенных ей девиц никто не опорочил.

Берти отдёрнул руку.

– Иди и спи, – вскинув брови, строго сказал он ворону. И зачем-то стал оправдываться: – Я просто собирался убедиться, что у неё всё в порядке. И взять её с собой.

– Кар-р-р? – «Куда?»

– Я хотел, чтобы мы попробовали сами разгадать, какого ингредиента недостаёт в зелье. Хотя, знаешь, действительно займусь-ка я этим один. Я уже несколько дней безостановочно с ней общаюсь. Это чересчур, стоит отдохнуть друг от друга.

Помедлив под внимательным взглядом Кори, Берти с некоторой досадой отвернулся от двери.

*** * ***

Тинави из Дома Страждущих

Утром на террасе, любуясь зимними горами и попивая кофе, мы снова болтали с Хэвором, принёсшим свежую газету.

Как выяснилось за прошедшие дни, в Соловьиной Песне все постоянно подшучивали над этим смешным круглолицым парнишкой, потому что он верил, что вокруг плетутся разнообразные интриги и готовятся преступления. Он действительно слегка перебарщивал. За десять минут нашей беседы успел сообщить мне о двух своих главных подозрениях: что флейтистка Лирия мелодиями вынуждает мужчин отдавать ей последние деньги и что фермер Бонк, перегоняя овец, в их желудках развозит по Седым горам запрещённые вещества. Чтобы вы понимали, вчера у Хэвора были другие подозрения. А в день нашего знакомства – третьи.

– Но в газете ты публикуешь только подтверждённые факты, верно? – на всякий случай уточнила я.

– Да, – скорчил кислую мину Хэвор. – К сожалению. Хорошего дня, Тинави!

– Хорошего дня! Хотя нет, погоди, – я спохватилась. – Подскажи, а в Соловьиной Песне есть библиотека? Или кто-то, кто много знает об альвах – в частности, о Силле, владыке горных дорог?

Хэвор подсказал. Мы попрощались, я вернулась в кухню-гостиную, где наткнулась на только что спустившегося Моргана.

Он был очень зол и до крайности взъерошен, а на лице его красовалась длинная вмятина. Оказалось, что пока наш высокомерный бедняжка дрых, кое-кто рыжий спёр у него книгу с рецептом и свалил из дома. Куда, зачем, когда вернётся – всё было покрыто таким же мраком, как и дальнейшая судьба Голден-Халлы: потому что Морган, кажется, собирался его закопать по возвращении.

– Он часто уходит без предупреждения? – спросила я, за обеденным столом тонкими ломтиками нарезая персик себе в кашу. Морган ел свою порцию, мрачно расхаживая вдоль окна.

– Постоянно. Тот единственный раз, когда он оставил записку, оказался ловушкой, подстроенной нашим врагом.

О, а эту историю я теперь знаю.

– Значит, молчаливое исчезновение – это норма?

– Да. Но всё равно бесит.

– Понимаю. У меня тоже есть такой друг. Ну как друг – мой старший напарник, Полынь. Он не любит предупреждать о своих

планах касательно чего-либо. Причём даже в тех случаях, когда планы касаются непосредственно меня. Иногда мне кажется, что в этих случаях он особенно любит молчать! – посетовала я и зубами сняла дольку персика с ножа.

– Например? – Устав ходить туда-сюда, Гарвус опустился на стул.

Синяки под глазами у него сегодня – просто жесть. Я даже у Дахху таких не видела.

– Ну, например, как-то после работы мы пошли в бар. Я думала, мы идём просто поесть и поболтать, а оказалось, что там проходила масштабная сделка между чёрными торговцами и контрабандистами. Полынь они пригласили как подкупленного (якобы) детектива, который обещал обеспечить им безопасность, а я должна была сыграть роль эксперта по алмазам. Очень быстро всё переросло в эпичную заварушку с применением боевых заклинаний высшего уровня… Сказать, что я тогда опешила – ничего не сказать! Полынь потом объяснил, что это был самый простой способ засчитать мне ежегодную аттестацию: безо всяких тестов и так далее.

– Я бы его убил на твоём месте, – резюмировал Морган.

Гарвус мне сочувствует? С ума сойти!

– Верю, – кивнула я. – А ты долго жил в Шолохе?

– Семнадцать лет.

– Ух ты! – Я обомлела. – Значит, ты переехал к нам ещё студентом?

– Угум.

Разговор увял, не начавшись. Гарвус глубокомысленно смотрел в свою чашку с чаем, кажется, засыпая.

– А каково тебе было… – услышав тяжкий вздох Моргана, я чуть было не передумала задавать вопрос, но всё же закончила: – …после переезда?

– А что? – нахмурился он.

– Насколько я знаю, обычно люди сначала чувствуют эйфорию, свободу, погружение в приключение. Потом падают духом, им плохо, хочется вернуться. Где-то год спустя – снова эйфория, а дальше… У всех по-разному. Интересно, как это было у тебя.

– Так и было. Лично я «дальше» работал. Не до сантиментов. Я мастер тайн, а эта профессия требует полной самоотдачи, если ты

хочешь хоть когда-нибудь перейти от теоретических исследований к практике…

Я рассмеялась:

– О да, знаю! Я тоже хотела стать мастером тайн. Собиралась в Башню на стажировку после окончания ученичества.

Моргана как подменили. Он поднял на меня изумлённый взгляд, и, ей-небо, его глаза впервые с момента нашего знакомства отображали заинтересованность.

– Серьёзно? – Он поправил ободок в волосах и распрямил плечи.

Я кивнула:

– Да. Но потеря магии перечеркнула эту мечту. Так я стала Ловчей, и, знаешь, сейчас я дико счастлива: обожаю свою работу.

Морган задумчиво покивал.

– Работа детектива и работа мастера тайн чем-то похожи, – сказал он. – И вы, и мы пытаемся докопаться до истины. Вопрос только в мотивации. Вы действуете, чтобы наказать виновных. Мы – ради познания.

– Я не хочу никого наказывать, – резко перебила я. – Это точно не моя мотивация! И, готова поспорить, если ты скажешь так Голден-Халле – он тоже возмутится. Раскрывать преступления, чтобы сделать мир безопаснее – да. Чтобы выяснить правду для тех, кому она важна – тоже да. Но точно не для наказаний. Возмездие, месть – это понятия из словарика, к которому я не хочу иметь никакого отношения.

Морган нахмурился.

– Справедливое замечание, – признал он.

– А вот раскрытие тайн ради познания мне тоже откликается. Хотя… – я задумалась. – Если честно, в момент, когда я встречаю тайну, я испытываю даже большее удовольствие, чем в тот, когда её разгадываю. Мне нравится этот флёр загадок, романтика непостижимого, трепет при понимании того, насколько мир больше меня.

Морган неожиданно легкомысленно прыснул.

– Ты сейчас сказала ровно то, что я всегда привожу своим студентам как пример совершенно неподходящего для мастера тайн образа мысли, – фыркнул он. – Мы должны не любить тайны, а развеивать их. Иначе мы будем лишь восторженными зрителями, а не

толковыми учёными. В общем… Сразу было ясно, что мы с тобой идейные враги.

– Ой, да ладно! Ты же сам обожаешь тайны.

– Нет, я люблю их раскрывать.

– Ври больше.

Гарвус аж задохнулся от негодования. Потом поднялся из-за стола – я уж думала, он сейчас молча уйдёт, окончательно поставив крест на моей личности, – но Морган лишь пошёл налить себе ещё чая. И спросил, захватить ли мне что-то из еды. Ух ты. Вот это я понимаю: внезапный прогресс в отношениях!

Настенные часы пробили десять утра.

Так. Вообще, у меня на сегодня есть два больших дела: разобраться с ложью Силграса и найти гребень от Рэндома. Второе даже важнее, ведь сон сегодня ночью будет уже без защиты хранителя…

Возможно, мне всё-таки стоит ослушаться Рэнди и позволить джунглям ещё раз утащить себя. Рэндом говорит, я слишком слаба для того, чтобы противостоять Минотавру: но как я стану сильнее, если не буду тренироваться?.. Что, если во снах мне всё же надо не бежать, а наращивать свою силу так же, как я делала это наяву, когда мы с Анте начали подбирать для меня заговоры и ритуалы на искру? По ощущениям эта магия очень сильно отличалась от той, которую я знала прежде, и, чтобы разобраться с ней, я повторяла одни и те же обряды до тех пор, пока не падала в обморок от усталости. Постепенно меня начинало хватать на всё большее количество повторений.

В жизни всё всегда так и работает: ты тренируешься – ты становишься сильнее. Не важно: в спорте, в науке или даже в умении общаться. Рецепт максимально прост. Так, может…

Нет, ладно. Сейчас столько всего разом навалилось: лучше я действительно пока буду пользоваться гребнем. Но для этого его надо найти, а значит, прочитать карту, нарисованную у Моргана на спине. Берти говорил, мы придумаем вместе, как это сделать, но Берти исчез. А Морган – вот он, рядышком. А время – тик-так, тик-так.

После вчерашнего рассказа об Академии Буре я знаю, что Гарвус, несмотря на кислую физиономию, вообще-то свой, если под «своим» иметь в виду тех бешеных искателей неизведанного, оголтелых

мечтателей с распахнутыми глазами, к которым я причисляю себя и своих близких.

Так что… Набравшись духу, я окликнула Гарвуса, который, откланявшись, уже всё-таки пошёл к себе наверх.

– Морган, подожди! У меня к тебе просьба. Немного странная. Ты можешь, пожалуйста, раздеться? До пояса, ниже не надо.

Я едва ли смогу описать сложнейшее выражение, появившееся на лице блистательного доктора Гарвуса после этих слов. Наверное, даже если бы я сказала ему, что вся его жизнь – лишь устроенный богами психологический эксперимент по выращиванию страшного сноба, Морган не был бы настолько удивлён.

– …Зачем тебе это?

На секунду у меня мелькнула шальная мысль похлопать ресницами и заявить: «Потому что ты очень красивый, и я бы хотела увидеть больше». По статистике, которую мило предоставляют Ловчим в Иноземном ведомстве, такой грубый подход срабатывает практически на всех. Но я устану разгребать его последствия, поэтому…

– Сейчас объясню, – вздохнула я. – Вообще, причина этому совершенно дикая, и ещё вчера я бы ни за что не осмелилась тебе о ней рассказать, но… Берти поведал мне о ваших приключениях на острове Этерны. Мне кажется, ты поймёшь.

Признаться, я думала, что мне ещё долго придётся его уламывать. Но, как ни странно, Морган без возражений флегматично пожал плечами и разделся. Возможно, он хотел похвастаться фигурой: Гарвус оказался сложён, как молодой бог.

Через полчаса у меня на руках была карта с отмеченным на ней местоположением гребня, а у Моргана в голове – сокращённая версия моей биографии. Чинно поблагодарив его за содействие, я с дикой скоростью улепетнула из шале на поиски гребня.

Мне всё-таки было ужасно неловко.

*** * ***

Нычка Рэндома находилась в часе ходьбы от дома. Раскапывая в снегу шкатулку, в которой, помимо гребня, обнаружилась горка

золотых монет, чьи аверсы и реверсы постоянно менялись местами, я не могла не задуматься: а как много у Рэнди таких тайничков по Лайонассе? Наверняка целая прорва!

Гребень был красивый: золотой и инкрустрированный нежным лиловым камнем. На ощупь он казался очень тёплым, хотя и пролежал в снегу неизвестно сколько лет. Я положила его в сумку, получше обмоталась шуфой и пошла в сторону Соловьиной Песни.

В местной библиотеке – или, вернее, читальне, как гласила её вывеска, – я была совсем одна. Заведующая ею старушка в круглых очках смотрела на меня из-за своей стойки, как на любимую внучку: сюда никогда прежде не заглядывали путешественники.

Набрав книг об альвах, я устроилась за массивным библиотечным столом.

На сегодняшний день в Седых горах проживало двенадцать альвов. Общего у них было лишь одно: огромные драгоценные звёзды, источники их силы. У каждого альва звезда была своего цвета и соотносилась с одним из камней. Так, нашему Силграсу соответствовал голубой сапфир; ледяной леди Фионе – сиреневый аметист, чащобной смерти Лешему – красная яшма, повелителю подводных течений Найоху – белый селенит и так далее.

Считалось, что первые альвы появились из урагана, поднявшегося над Седыми горами, когда сюда на заре времён прилетели драконы. Хотя, согласно некоторым другим мифам, изначально они были людьми и просто попали в тот ураган. Вместо того чтобы погибнуть, эти люди преобразились.

Они все являлись очень сильными колдунами. У большинства из них были свои особенности: так, Авалати вынужден был снова и снова засыпать в горе Осколрог, а просыпаться с новой личностью. Леди Фиона не могла применять никакие заклинания, кроме вызова своей цветочно-снежной бури. Леший – единственный, кто был похож на монстра, а не на человека.

Испокон веков с именами альвов связывались и народные праздники, и огромное количество ритуалов и примет. Согласно мнению исследователей, популярность альвов превышала их могущество, однако…

Однако, когда один из них использовал всю свою магию разом, произошёл колоссальный взрыв – гора Цорева лопнула и обрушилась,

погребя под собой несколько деревень, а всего через несколько суток после этого произошло знаменитое исчезновение жителей Асулена.

Что-о-о?!

Я вгрызлась в сложный текст на норшвайнском, как бешеная землеройка. Пару раз прибегала к помощи библиотекарши, чтобы перевести совсем уж непонятные пассажи. Металась от книги к книге, и, будь рядышком моя детективная доска и красные ниточки, на ней бы уже царило такое кружево гипотез, что у свидетелей бы отвисли челюсти.

Оказывается, сила каждого альва являлась ограниченным ресурсом. Он мог использовать её понемногу, но должен был обязательно восполнять. Наш Силграс для этого спал и менял воплощения. Ледяная леди набирала новых мертвецов в свою свиту. Рыбьехвостый Орэй усиливался, если ему поклонялись и приносили дары. Леший жил за счёт поедания почвы и мёртвых зверей.

Мои глаза жадно бегали по строкам книги.

Когда альв колдовал на полную мощность, в небе над ним зажигалась огромная магическая звезда, которую было видно издалека. Если альва убивали, его звезда просто рассеивалась. Но если он использовал слишком много своих сил зараз, переходил грань своих возможностей, то эта звезда взрывалась, сея повсюду магические разрушения.

Так и произошло тогда с альвом по имени Криспас. Каждая легенда называла разные причины, которые толкнули его к единомоментному осушению собственных сил, но итог был очевиден: его звезда затряслась и стала крошиться, а затем – беззвучно лопнула в небе. И пусть её осколки никого не ранили, но одновременно с её взрывом раскололась гора Цорева, бывшая резиденцией Криспаса. Из-за этого погибли деревни, находящиеся на её склонах, и, что ещё страшнее, во все стороны от горы волной разошлись странные магические эманации… Именно из-за них исчезли жители Асулена – куда, мы не знаем до сих пор. (Умерли? Перенеслись в другой мир? Обратились тенями?) Эти же эманации на долгие годы исказили энергию унни в Седых горах. Населили их нежитью. Создали погодные разломы. Привели с собой страшные болезни, о которых не знают в других краях Лайонассы…

В общем, взорвавшаяся звезда Криспаса стала настоящей катастрофой. Тем самым Катаклизмом, о котором в Норшвайне не знает только ленивый. А что касается самого Криспаса, то несколько дней после этого он прожил как обычный человек, а затем тихо угас. Умер. Навсегда. Я устало потёрла глаза и откинулась на стуле, заставив его раскачиваться на задних ножках.

Так вот в чём проблема. Вот что скрыл от нас Авалати.

Кач вперёд. Кач назад.

Силграс же говорил, что с каждым годом его силы уменьшаются, его гора уже ждёт его, и сейчас он держится на еде и упрямстве. Тогда, триста лет назад, он был бодр и свеж после долгого сна, и зачарование Долины Колокольчиков не потребовало от него много энергии.

Но сейчас… Он истощён. Его сила вытекает из него, как вода из-под треснувшего камня, и когда он соберёт её остатки для расколдования деревни – его звезда лопнет.

И баланс нарушится. Стихийное бедствие. Смерти. Неизвестные магические последствия огромного масштаба.

А ты, оказывается, готов на всё ради своей деревни, упрямый альв?..

– Поняла теперь, конфетка?

На библиотечном столе передо мной, раскинув ноги в разные стороны, умостив костлявую задницу прямо на книгах, сидел Рэндом в своих новеньких темных очках. Я оглянулась на библиотекаршу: для неё тут явно не было никакого хранителя.

– Поняла. – Я вытянула из-под колена Рэнди свой блокнот. – Мне нельзя допустить, чтобы Силграс расколдовал Долину ценой сапфировой звезды.

– Именно. Потому что в этом случае пик Осколрог лопнет и обрушится на Врата Солнца. Про непредсказуемый магический кавардак я вообще молчу.

– Но что, если Силграс просто уйдёт спать в свою гору? – нахмурилась я. – Чары не развеются сами по себе?

– Любые другие развеялись бы, – хранитель развёл руками. – Но Силль запихнул селян в свои колокольчики. А колокольчики – это то, что переносится под гору вместе с ним и, так сказать, по умолчанию опустошается во время его нового сна… Высыпается ему прямо в

черепушку. В общем, в этом случае селяне превратятся в сны и в мир живых никогда больше не возвратятся.

Я поёжилась. Потом вздохнула:

– Так, хорошо… А кто-нибудь ещё может снять заклинание с Долины? Например, другой альв?

– Ноуп. Нихте. Не-не-не, – Рэндом наклонил голову, то ли сочувственно, то ли заинтригованно. – Такое заклятие может снять только тот, кто его наложил. Мне жаль говорить это, конфетка, но в этой истории не будет счастливого конца. А каким из несчастливых он окажется – выбирать тебе. Вся информация у тебя уже есть. Признаюсь: мне жутко интересно, что ты решишь. – Рэндом прищурился, лиловые глаза блеснули под длинными ресницами. – Главное, помни: отказ от выбора – это тоже выбор. О да, вижу-вижу, как ты злишься… Но если бы я не предупредил тебя, было бы ещё хуже, верно? Точнее, не так. Я не мог не предупредить. Я сейчас в Хаосе и не могу помешать Силграсу Авалати нарушить баланс, принести вред моей любимой Лайонассе. А вот ты – можешь. Разберись, пожалуйста, и сочти такое доверие за комплимент. И да. Я рад, что ты всё-таки добыла гребень. Весело было, не правда ли?

Телепат осклабился и, щёлкнув меня по лбу, исчез. Видение это было или нет, а лоб заболел по-настоящему.

* * *

Я вышла из библиотеки и стала наворачивать бездумные круги по деревне. Всякий раз, стоит мне узнать плохие новости, мой первый рефлекс – это начать двигаться, идти куда-то, и не важно, куда именно. Кажется, в такие моменты я всерьёз пытаюсь сбежать от проблемы, хотя ни разу пока подобная тактика не приводила меня к успеху. Моё сознание при этом врубает пронзительную сигнализацию и одновременно отключает все органы чувств: я хожу, как лунатик, полностью погружённая в мир собственных переживаний, и если кто-то спросит меня о чём-то в такие моменты, то рискует получить поразительный набор совершенно неразъяснимых пророчеств.

Слегка успокоившись, я с удивлением обнаружила себя с берестяным стаканчиком кофе в руках – когда я успела его взять и где,

оставалось для меня загадкой. Я удручённо посмотрела на маслянистую поверхность остывшего напитка – ещё и без молока? Боги, Тинави, это просто стыдно! – сделала глоток, не ощущая вкуса, и, увидев на берегу озера несколько смеющихся селян, устроивших пикник, вдруг с облегчением вспомнила, что перед этим страшным выбором я стою не одна.

Я залпом осушила стаканчик и быстро пошла домой.

22. Непростой выбор

Шансы будут ровно до тех пор, пока ты не сдашься.

Принц Лиссай из Дома Ищущих

В шале меня ждала мирная картина.

Закат проливался в панорамные окна нежнейшим потоком, в своих персиково-коралловых горстях баюкая каждый предмет в гостиной. Берти, напевая и расслабленно потирая одной босой ногой другую, готовил зелье: флаконы и мисочки, котелки и ступки были расставлены тут и там, и по комнате полз остро-прохладный травяной аромат, навевающий воспоминания о вечерних улочках в квартале Постскриптумов в Шолохе.

Морган сидел у себя в кабинете, так как обиделся, что Берти разгадал последний ингредиент вместо него.

– Плюс из-за тебя он пережил стресс, – проникновенно сообщил мне Голден-Халла. – Ты раздела его! Бесчестная! Это глубоко ранило его хрупкую душу.

– О нет, он пожаловался? – Я рассмеялась.

– Ну, это скорее было похоже на донос. По-моему, он рассчитывал, что я немедленно паду перед ним ниц, извинюсь за такую гостью, а потом выгоню тебя на мороз. Босиком и с головой, безжалостно посыпанной пеплом.

– Страсти какие! А ты что?

– А я не смог удержаться от совершенно непочтительного гогота. Вот такой я бессердечный, представляешь… А сейчас хочу знать подробности!

Я, не стесняясь сгущать краски и преувеличивать, пересказала ему дневную сцену, которая в моём изложении превратилась в нечто невообразимое и эпичное. Голден-Халла ржал как ненормальный, да и у меня самой лицо едва не трещало от слишком широкой улыбки. Параллельно мы продолжали готовить эликсир для колокольчиков, и, ей-небо, если бы смех умел лечить опосредованно, то мы бы зарядили наши травки целительской силой на сто лет вперёд.

А потом спустился Гарвус, и хотя в первый момент его высокомерная и чуть-чуть оскорблённая физиономия вызвала у нас ещё один взрыв хохота, потом меня как ледяной водой окатило.

Точно. Я же пришла с плохими новостями, просто этот уют – и этот сыщик – с порога выбили всю ту боль из моей головы…

– Ребят. Мне надо вам кое-что рассказать.

И я поведала им всё, что узнала в библиотеке.

* * *

Стемнело. Да так быстро, что мы забыли зажечь свет – и теперь сидели во мраке, как нельзя более соответствующем настроению. Только танцующее в камине пламя отделяло нас от непроглядной черноты.

Запах трав сменился на тревожный запах дыма, которым нужно было окуривать ингредиенты зелья и который сейчас тонкой струйкой поднимался над тлеющим на специальной подставке бруском дерева сато.

– Итак, получается, у нас с вами два варианта. – В сумраке черты лица Берти казались острее, чем обычно. – Первый: мы просто не привозим Силграсу колокольчики. Или позволяем им умереть из-за одинокой тени – и отдаём уже мёртвые. Выдерживаем гнев Авалати и смиряемся с тем фактом, что это именно мы приняли решение о том, что Долина Колокольчиков никогда не вернётся.

Я застонала и закрыла лицо руками.

– Второй вариант, – безэмоционально, как на докладе в зале суда, продолжал Берти. – Мы можем объявить, что его ответственность – это его ответственность: пусть делает что хочет. И тем самым позволим новому Катаклизму случиться.

– Не подходит, – резко сказал Морган. – Даже не обсуждается.

– Значит, мы с тобой берём и убиваем целую деревню? – вскинул брови Берти.

– А ты посчитай жертвы, Голден-Халла, – огрызнулся доктор, в вопросе друга явно услышав возражение, хотя, на мой взгляд, он был просто размышлением вслух. – Да, выбирая первый вариант, мы выбираем деятельное творение зла против попустительства и

фатализма второго варианта, и на это тяжело решиться, но это куда более логичный вариант. По сути, мы с вами оказались просто в классическом этическом эксперименте. В реальности с ним стоит обходиться так же, как на семинарах по философии: вволю подискутировать, но потом чисто математически выбрать вариант, приносящий наименьший ущерб.

Я вскочила и экспрессивно взъерошила себе волосы.

– Нет, Морган, мы всё-таки не в эксперименте. Должен быть третий путь! Однозначно. Во-первых, потому что он есть всегда – это, считайте, одно из правил вселенной, просто большинство людей слишком ленивы для того, чтобы этот путь отыскать… Во-вторых, не будь такого пути, Рэндом бы не сказал, что мне придётся сделать выбор и взять за него ответственность. Он бы, как и Гарвус, просто просчитал всё, поделился этим со мной и подытожил: конфетка, грохни колокольчики, потому что Катаклизмы нам ни к чему. А ещё скорее нашептал бы кому-нибудь, что их надо уничтожить, и всё, безо всех этих милых бесед во снах. Он всё-таки телепат, может себе позволить грубые методы в экстренной ситуации.

Морган нахмурился и перевернул травы в специальном гамаке для окуривания. Берти побарабанил пальцами по губам и задумчиво протянул:

– Вообще, да. Если ты правильно пересказала свой диалог с хранителем Рэндомом, то он подчеркнул, что все данные для принятия решения у тебя уже есть. Возможно, в тех книгах имелась какая-то подсказка?

Я вспомнила все прочитанные истории об альвах, жёсткие ответы Рэнди на вопросы о возможной передаче магии или заклятия и уже хотела сказать «не думаю», но тут меня осенило.

Порядок произошедшего в той ситуации с Криспасом. Сначала он произнёс заклинание. Потом его звезда затряслась и пошла трещинами. И лишь затем лопнула, одновременно с чем раскололась гора альва, от которой и пошли все эти магические пертурбации…

– Там ещё была информация о том, что если убить альва, то его звезда просто рассеется, – я сглотнула, собираясь с силами для следующей фразы. – Поэтому… Что, если Силграс умрёт в промежутке между произнесением заклинания и разрушением звезды?

Долина уже будет расколдована, а взрыв так и не осуществится. Это и есть… третий вариант.

Договорив, я почувствовала, как бешено у меня заколотилось сердце. Мой взгляд столкнулся со взглядом Моргана Гарвуса.

– Он отличный, – наконец сказал доктор. – Всего одна жизнь в обмен на все остальные. Особенно с учётом того, что Силграс, как я понимаю, так и так погибнет вскоре после взрыва звезды. С рациональной точки зрения несколько лишних дней жизни не настолько важны. Вопрос лишь в том, кто из нас убьёт его. Потому что вряд ли фортуна будет так мила, что пошлёт ему инфаркт в нужный момент.

Я коротко, нервно хохотнула. Потом потёрла точку межбровья:

– Несколько дней жизни ещё как важны, – глухо перебила я. – Потому что если мы убьём его сразу после прочтения заклинания, он не успеет увидеть, что у него всё получилось: что он сумел исправить свою ошибку, что его близкие снова живы…

Берти тяжело вздохнул.

– Стражди, не сочти это оправданием третьего варианта, но, думаю, Авалати так и так не умрёт с чистой совестью. Он собирается взорвать пик Осколрог, уничтожить этим Врата Солнца, вдумайся!.. Едва ли после этого он отойдёт в мир иной с улыбкой на устах.

Я сглотнула. «У этой истории не будет счастливого конца», – сказал Рэнди. Да какого праха! Я не хочу в это верить!

Какое-то время мы молчали: я угрюмо попивала кофе, опёршись о кухонную стойку, Берти полулежал на диване, хмурясь и глядя в потолок, Морган водил пальцем по столешнице, рисуя невидимые вензеля.

Потом мы вновь стали обсуждать ситуацию. Ещё и ещё. По кругу.

Чем больше говорили, тем более поганой она казалась, хотя с точки зрения математики – о да! – это был «почти идеальный вариант». Всего одна жизнь за спасение всех остальных.

Но как же не хотелось, мучительно не хотелось соглашаться!..

– В конце концов, это Силграс и заварил всю эту кашу, – сказал Морган, помрачневший так сильно, что на него было тяжело смотреть. – Естественно, надо выбирать третий вариант. Бесспорно и несомненно. Да, он жесток, но справедлив: ведь события жизни нельзя просто откатить назад, изобразив, что их не было, тем более столь

масштабные. Вы же оба маги. – Гарвус кивнул сначала на меня, потом на Берти. – Да, грёбаные оптимисты, но в первую очередь – маги. И как никто другой, вы должны осознавать, что у всего есть цена, не расплатиться – не получится. Вопрос только: кем и чем.

Какое-то время мы молчали. Затем Берти встал и хлопнул ладонями по столу.

– Так, ладно! Это всё надо обдумать. Пойдёмте спать. Утро вечера мудренее. Тинави, гребень с тобой, всё в порядке? Я могу тебя покараулить, если нужно.

– Всё хорошо, – отрицательно покачала головой я. – Спасибо.

Но когда мы разошлись по комнатам, я не смогла заставить себя лечь – это казалось каким-то предательством. Какое-то время помаявшись, я спустилась обратно на первый этаж.

А полчаса спустя туда также с тяжким вздохом вернулся Берти.

Что касается Корвина – он как тихонько сидел на первом этаже весь вечер, так там и оставался. Более того, ворон предугадал, что мы вернёмся: и умудрился когтем нажать кристалл, зажигающий огонь в жаровне, на которой стоял чайник.

Боги, ну какая же мудрая птица.

Не сговариваясь, мы с Берти устроились на диване напротив окна. В доме лишь тлели угли в камине и слабо светились тёплые соляные камни, и эта мягкая темнота позволяла в полной мере оценить снежную сказку, царившую за окном.

– Конечно, Морган прав, – вздохнула я. – У всякого действия есть последствия, и мы не можем не признавать этого и отказываться платить по счетам просто потому, что нам очень хочется поиграть ещё и бесплатно. Системы так не работают. Это знают все. С этим невозможно спорить. Но в то же время, – я покачала головой, – мне кажется, должна существовать какая-то другая, более гуманная цена…

Берти только задумчиво слушал меня, не перебивая.

– Да, Силграс всё это затеял, – продолжала я, споря с невидимым оппонентом. – В этом смысле третий вариант звучит справедливо. Но, Берти, я не могу перестать думать о том, что, будь это не Авалати, а кто-нибудь из моих близких, я бы в лепёшку разбилась, чтобы не допустить такого расклада. И плевать: виноват человек в чём-то или нет. Я бы нашла способ. Не сдалась! А у Силграса нет никого, – в моём голосе зазвучала ярость. – Одиночество стало его проклятием ещё

тогда, триста лет назад, и сейчас лишь усугубилось. Никто в целом мире не собирается врываться к нам с криком: «Постойте! Что бы вы там ни считали, его нельзя убивать!» Такая цена никому, никому не кажется слишком высокой, и у меня просто разрывается сердце оттого, что никто не планирует защищать его, безрассудно выступая против беспощадной логики! Никто, Берти!..

Мой голос сорвался. Я не знала, как продолжить, потому что мои следующие слова должны были прозвучать ужасно наивно.

Голден-Халла догадался:

– Ты хочешь сама стать таким человеком, да?

– Да. Именно так! Защитником последнего рубежа для Силграса. Считай, адвокатом из Правого ведомства, который берёт под опеку человека, совершившего преступление, и всё же борется за него до конца. Я уверена, что существуют ещё пути, не такие кровавые. И я буду искать их до последнего – и сделаю всё, чтобы ты или Морган не убили Силграса. Прости, если стану тебе врагом.

Голден-Халла пристально всматривался в меня своими ярко-синими глазами. Потом улыбнулся уголками рта и кивнул:

– Я за. Будь его защитником, Стражди. Но не надейся, что в этом деле я стану твоим противником-прокурором. Было бы интересно, конечно, однако я разделяю твою позицию – и потому буду играть на той же стороне. Я собираюсь сделать всё возможное для того, чтобы жизнь победила смерть, потому что знаю: вселенная, хоть и любит правила, не увлекается садизмом. Возможно, в нашей ситуации есть ещё выходы. И если есть – мы их найдём.

От того, каким спокойным и уверенным тоном Берти сказал это, я почувствовала, что с моего сердца упал какой-то очень тяжёлый камень.

Да, именно так. Не максималистичные лозунги в стиле «мы всех спасём», но и не смиренное «подписываемся под условиями». Мы прощупаем и изучим эту игру со всех сторон, заглянем под крышку, повертим, покрутим, мы будем дерзкими и упрямыми, хитрыми и лукавыми, непредсказуемыми, шустрыми, наглыми… Мы сделаем всё, что можем, держа перед внутренним взором высокую цель – и лишь затем, если вариантов всё-таки не окажется, признаем нынешний расклад. Ведь лучше верить – а потом проиграть, чем изначально готовиться скорбеть.

Почувствовав облегчение от принятого решения, я вздохнула и, расслабленно откинувшись на спинку дивана, робко улыбнулась Голден-Халле, радуясь, что он *понимает*. Из-за леса на небо поднималась луна.

В её молочном свете пейзаж за окном проступил во всей красе. Вспыхнули белым барханы искрящегося снега, стал очерченнее и строже лес, дремлющий под своим сахарным одеялом. Пляшущие магические огоньки с любопытством потянулись из чащи на опушку.

А наверху озарилось небо: манящее, бездонное, полное обещаний. То же самое небо, на которое, возможно, сейчас смотрят мои друзья в Шолохе. Летнее небо – во что совершенно не верится здесь, в вечной зиме – со звёздами, крупными, как бриллианты в диадеме эльфийской владычицы. Перламутровая тропа Млечного Пути так и шепчет: вперёд, вперёд… Что бы ни случилось – вперёд.

Вселенная открыта для тебя, искатель.

Последние слова я едва слышно шепнула вслух.

– Да, – так же тихо ответил Берти и улыбнулся.

23. Князь Нежити

Я помню своего подчинённого Берти в те времена, когда он ещё был юным хулиганом и крайне жёстко давал отпор обидчикам. Он и сейчас умеет делать это, но… только после того, как даст противнику несколько шансов одуматься. Боюсь, такое милосердие не доведёт его до добра.

Моди Шибу, сотрудник Жандармерии Саусборна

Берти Голден-Халла

Утренний свет в горах был похож на лисицу: тёплый и рыжий, он стремительно пробежал по лесу, по снежной пустоши, по холму, на котором стоял дом Моргана, затем с любопытством заглянул в окна и, рассудив, что это хорошее место, обосновался внутри.

Млея под тающими, будто тёплое масло, лучами солнца, Берти заварил чай, пахнущий мёдом и ромашкой, погладил на прощанье Корвина и отправился в Соловьиную Песню. На этот раз он честно предупредил Тинави и Моргана о своём уходе. Они вроде как даже поняли, о чём он, хотя тот и докладывался им, пока они бессовестно дрыхли: Моргану – стоя прямо над ним, но на сей раз не шёпотом, а громко и чётко (чтобы тот опять не решил, что Берти – призрак), а Тинави – вежливо от порога, приоткрыв её дверь.

На всякий случай на первом этаже Голден-Халла оставил ещё и записку: «Мой план на день: добиться значительного прорыва в деле о Хеголе Тоффе. Вернусь вечером». А потом, подумав, добавил ещё одну: «Вы классные. Пожалуйста, не поубивайте друг друга!» И – для красивого числа – третью: «Морган, ты не в курсе, но тебе Тинави расскажет: мы с ней поклялись на мизинчиках, что до самого конца будем искать ещё идеи касательно Силграса. Здорово, если ты, со всей

мощью своего интеллекта, присоединишься к нам. Без обязательств: третий вариант никуда не девается».

В деревне Берти первым делом направился в булочную «Гвоздика и кориандр» – эпицентр слухов по утрам, когда добрая половина жителей забегала туда за свежими булочками и багетами.

– Господин Берти! – ахнула Патти. – Вы всё-таки вернулись! А я догадывалась, что так и случится. Доктор Морган передал вам трдельник от меня?

– Ого, а должен был? Вот зараза. Не передал. Сам сожрал, наверное. Как твои дела, милая?

Берти прихватил такую же, как принято у местных, крохотную чашечку кофе – он любил мимикрировать – и устроился на высоком табурете. В ходе лёгкой беседы с госпожой Вареши он с некоторым удивлением выяснил, что его друг-мизантроп недавно приходил поболтать с булочницей.

«Обалдеть, – подумал Голден-Халла. – Он послушался моего совета! Боги-хранители. Я что, власть над ним имею?»

– Слушай, Патти, – решив, что пора перейти к делу, сыщик слизнул сливочные усы, оставшиеся после поглощения ванильной трубочки, и понизил голос: – А ты что-нибудь знаешь об отшельнике-колдуне по имени Голат?

Госпожа Вареши не успела и рта открыть, как сзади, от витрины, у которой сидело двое местных охотников, раздалось важное:

– Мы знаем! Ещё как знаем! Как не знать Голата?

«Так я и думал, – про себя хмыкнул Берти. – Подслушивают – и даже не стесняются этого. А ещё скучают. Идеально!».

С благословения Патти он пересел к говорливым охотникам. Булочнице всё равно нужно было заняться клиентами, которые потянулись нескончаемой зевающей вереницей, едва колокол на часовой башне пробил девять утра.

– Этот отшельник раньше жил здесь неподалёку, – неспешно докладывал пожилой охотник с окладистой курчавой бородой. Его звали Лоччо. – Лет десять назад, наверное, переехал.

«Ура! – Берти мысленно улыбнулся. – Я так и знал, что деревня, о которой рассказывала Нив, окажется именно Соловьиной Песней. Весенних зон в Седых горах не так уж много, а эта – неподалёку от телепорта, что было удобно для Голата. И, в конце концов, всем

известно, что мир тесен. А горы ещё теснее, как бы оскорбительно для них это ни звучало…»

– Мутный он был, конечно, нелюдимый, – обстоятельно продолжал Лоччо. – Приходил в деревню дай небо раз в дюжину дней, чтобы еды купить. Всё молчал, всегда в низко опущенном капюшоне, дружбы ни с кем не водил.

– Одно слово: затворник! – бойко встрял второй охотник по имени Крафи. – Только нежитью своей и интересовался.

«Ну, я бы скорее удивился, скажи они, что он был местным заводилой… – подумал Берти. – Хм. Всегда в капюшоне. Может, он бывший преступник, убийца, поэтому скрывал лицо? Его погоня за нежитью слишком уж маниакальна. Он просто любит убивать? Или он раскаивается, пытается замолить страшный грех, потому и отдал всего себя этому грязному делу? Или и то и другое сразу, хм…»

Вслух Голден-Халла спросил:

– А где именно жил Голат?

– Да в пещере у Медового луга: говорим же, отшельник истинный. И как он там не мёрз ночами!

Крафи заговорщицки наклонился к сыщику:

– Но ты туда не ходи, чужестранец! После того как Голат уехал, её как будто что-то охраняет.

«Идеально. Ещё одна теория подтверждается».

– Школьники как-то раз устроили себе проверку смелости в этой пещере, так потом их Кайла еле привела в порядок!

– А что с ними случилось?

– Нервное потрясение! – со значением сообщил Крафи и завращал глазами. – Что-то их там так перепугало и прокляло, что у них зубы стучали несколько дней подряд, а ещё они все сыпью покрылись. Некрасиво было.

– Больше никто в ту пещеру ни ногой, – степенно подытожил Лоччо. – Не стоит наглеть, вот как мы рассудили. Не наше дело, с какими тёмными силами этот Голат договор заключил. Нам он пользу принёс, а потому не будем его попрекать и в его бывший дом соваться. Он всю опасную нежить в округе перебил, за что ему спасибо огромное.

– А вот и не всю! – возразил Крафи. – Князя Нежити он так и не выследил.

– Так его, может, и не существует вовсе, – Лоччо развёл руками.

Берти подобрался.

– Что за Князь Нежити?

– Ой, чужестранец, это лучше старуху Майру спрашивай. Никто, кроме неё, о нём никогда не слышал, может, она и выдумала его. А ты, Крафи, головой подумай. – Лоччо повернулся к товарищу и недвусмысленно постучал пальцами по виску. – Да если б Голат Князя и отловил, мы б откуда о том узнали? Он нам что, докладывался, что ли, кого, где и как упокоил?

– Да уж таким бы похвастался, думаю! Не нам, так Майре – с ней одной Голат изредка беседовал, она большая путешественница прежде была да собирательница сказок, много о нежити знала. А она уж весть бы по деревне разнесла! Хоть из дому давно не выходит, а болтливым языком своим всюду дотягивается!

– А где я могу найти Майру? – спросил Берти и, получив адрес, отправился прямо туда.

* * *

Майра была слепой и согбенной, прожитые годы оставили рунопись морщин на её коже, но память старухи оставалась ясной. Прежде чем пустить Берти в избу, она потребовала, чтобы он наклонился к ней. «Хочу посмотреть на тебя», – проскрипела Майра и, как паук, пробежалась пальцами по его лицу: ведь слепые смотрят руками.

– Князь Нежити, да… Был такой, – вздохнула она, усевшись в кресло-качалку и накрыв колени лоскутным пледом. – Когда я была ребёнком, о нём многие знали, и некоторые – встречали. Матушка моя его как-то раз видела: была полнолунная ночь на макушке лета, и она шла на Лютиковую гору, чтобы собрать там целебный мох. И вот идёт она меж сосен, луна выходит из-за туч – чу!.. А на поляне стоит юноша. Высокий, темноволосый, осанистый; в егерском костюме, в перчатках с обрезанными пальцами и с луком за спиной. Точь-в-точь человек, но глаза – что красные угли, кожа белее снега, и будто багряное сияние исходит от него при свете луны. И горечью от него так и веет, ей-ей, на луну сейчас завоет, будто волк какой. Заметил он

её, отругал за то, что она одна в такой путь ночью отправилась, развернулся и быстро пошёл прочь. А матушка ещё долго ему вслед смотрела, шелохнуться боялась: как-никак, мертвец…

У Берти быстрее забилось сердце. На парадном, маслом написанном портрете в Долине Колокольчиков Хегола был изображён именно так: в кожаном костюме, перчатках и с луком за спиной. Это вполне может быть Тофф!

– А почему его назвали Князем Нежити, госпожа Майра? Он управлял другой нежитью?

– Нет, милок, не было такого. Князем его из-за красоты да из-за щедрости княжеской прозвали: ни разу ни на одного человека не напал, пусть и мертвяк. А что касается другой нежити, так наоборот: говорили, он её ловит и ест, чтобы силой её напитаться.

Голден-Халлу против воли слегка передёрнуло.

– Ох. Получается, людям он никогда не приносил зла?

– Да, никогда! И тихий был, что овечка: все, кто его видели, сами на него натыкались. И поэтому я Голату, отшельнику нашему, что лет двадцать назад у нас тут рядышком поселился, сразу сказала: не нужно Князя Нежити выслеживать. Нехорошее это дело – убивать того, кто человеку не вредит, пусть хоть трижды сердце его не бьётся.

– А Голат что ответил?

– Согласился со мной.

– А как думаете, в теории он мог бы выследить Князя?

– Думаю, да. Вот только Князь, говорю, уже давным-давно исчез, лет восемьдесят о нём ничего не слышно… То ли и на него управа нашлась, то ли покинул Седые горы, то ли сам решил прекратить свои муки.

Берти задумался.

Первое и последнее – точно нет, иначе бы заклинание на сундуке растаяло. Покинул горы… Всё может быть, конечно, но лучше надеяться, что он всё ещё где-то неподалёку. И что Голат согласится его найти.

– Как вы считаете, Майра, – на прощанье спросил Берти, – каковы шансы того, что Князь Нежити помнит свою человеческую жизнь?

Старуха пожевала губами.

– Думаю, они велики. Иначе бы у него не было такой горечи во взгляде.

«Только бы помнил, – думал Берти, на сей раз отправляясь в пещеру Голата. – И тогда я постараюсь привести Хеголу в Долину Колокольчиков до того, как заклинание будет произнесено».

* * *

Пещеру отшельника было видно издалека: тёмная дыра, разверзшаяся посреди горы, будто раззявленный рот гигантского беззубого существа. Долгие годы здесь никто не ходил, и теперь густая зелёная трава перед входом достигала колен. От пещеры действительно исходило смутное ощущение угрозы.

Голден-Халла наклонил голову, подныривая под низкий вход, и, наколдовав огонёк на ладони, пошёл вглубь. Довольно скоро стало немного теплее… Запахло кожей, деревом и книгами, как в доме учёного.

За очередным поворотом взору сыщика открылся уютный каменный зал с куполообразным потолком. Там стояло несколько сундуков и ящиков, основа кровати со снятым матрасом, зеркало, платяной шкаф и письменный стол. Свет проникал сквозь дыру-колодец в потолке, перекрытую стеклом.

На вколоченных в камень полках лежали кое-какие магические кристаллы, алхимические приборы, свитки в колбах и прочий магический скарб. И, конечно, чьи-то кости: видимо, для отшельника это было обязательным элементом уюта.

Чувствуя, как чей-то пристальный взгляд буравит ему спину между лопатками, Берти по кругу обошёл пещеру. Ему было очень интересно, какой окажется реакция на его внезапное появление. Сам он на месте обитателя пещеры наверняка был бы сбит с толку. Но тот лишь упорно молчал. Может, настолько в шоке?

Устав играть в молчанку, Голден-Халла сел на пол в середине пещеры и подпёр подбородок кулаком.

– Мне всегда было интересно, что происходит с теми случайными прохожими, которые спросили у меня дорогу куда-то! – лукаво начал он. – Добрались ли они до своей цели? Всё ли у них хорошо? Особенно волнующим этот вопрос становится, если я вдруг понимаю, что умудрился неверно указать им путь. В общем, спешу доложить:

у нас с Тинави всё хорошо, и нас – позволю себе похвастаться – даже не расщепило!

Позади Берти раздался призрачный смешок. А затем послышался тихий серебристый голос, доносящийся будто издалека.

– Когда я поняла, что Голат вернулся домой не из Асулена, я действительно стала переживать за вас. Спасибо, что сообщил, как у вас дела.

Сыщик расплылся в улыбке и развернулся лицом к зеркалу.

– Снова привет, Нив! С того момента, как селяне подсказали мне бывший дом Голата, я был уверен, что встречу тебя здесь.

Призрачная девушка, появившаяся внутри, улыбнулась в ответ, а затем непонимающе наклонила голову:

– Но откуда?..

– Потому что ты была слишком слаба для привидения. Тебе приходилось брать энергию у нас с Тинави, да ещё и спать по много часов – твои силы явно уходили на что-то ещё… Сначала я предположил, что ты тратишь их на то, чтобы постоянно вынюхивать нежить вокруг избушки, но потом вспомнил, как ты сказала, что тебе нравится находиться в пещере, в которой раньше жил Голат. Не нравилось, а нравится: в настоящем времени. Это неплохо сочетается со словами селян о том, что пещеру кто-то сторожит! Я правильно понимаю, что Голату было просто лень перевозить с собой вещи? Он оставил здесь всё, кроме необходимого, а ты вот так, через зеркало, приглядываешь за хозяйством?

Нив слабо кивнула. Потом легонько нахмурилась.

– Но мне это по душе, знай! Голат меня ни к чему не принуждает.

– Не переживай, я уже понял, что он мировой дядька. Местные до сих пор поминают его добрым словом, хотя и поражаются тому, сколь нелюдимым он был. Слушай. Тут такое дело. Не люблю наглеть, но мне очень нужна ваша помощь в одном деле.

– В каком?

– Пожалуйста, помогите мне найти Князя Нежити.

И тут Нив, до того милая, улыбчивая и спокойная, с перекошенным лицом отшатнулась. Её пальцы судорожно смяли подол платья, а раны на теле как будто проступили ярче. В пещере резко стемнело, зубы холода заклацали вдоль шеи Голден-Халлы.

– Что-то не так? – Берти удивлённо вскинул брови, но уже мгновение спустя с прищуром подался вперёд. – Отчего тебя так испугало это имя?

– Почему ты спрашиваешь о нём? – Глаза Нив потемнели, став похожими на два провала.

– Я обещал одному человеку узнать, как он умер и где он сейчас. Это очень важно, Нив. Поэтому если ты что-то знаешь…

– Я ничего не знаю! – крикнула она.

Голос привидения странно двоился. Едва слышимый, но неприятный высокий гул поднялся от пола и стал отражаться от стен пещеры, дробясь и отдаваясь в ушах. Берти мотнул головой, прогоняя этот звук, похожий на комариный писк, и внимательнее вгляделся в лицо Нив.

– Хм. В первый момент я подумал, что ты боишься Князя Нежити, но теперь я понимаю, что ты боишься… меня? – задумчиво протянул он.

– Уходи! – завизжала Нив и вдруг силовой волной отшвырнула Берти в дальнюю стену.

Он не ожидал этого. Должен был – он же действительно вечно кичится своей наблюдательностью, дурачина, – а всё-таки не ожидал.

Удар о камень оказался до пепла сильным. Голден-Халла не сразу смог подняться – и в эту секунду промедления, заполненную острой вспышкой боли и водопадом звёзд перед глазами, в него прилетело фиолетовое облачко проклятия.

Прах! Нив!..

Игнорируя боль, Берти вскочил на ноги и, одной рукой придерживаясь за стену, другую вытянул вперёд, готовясь выставить против призрака щит. В глазах всё плыло, хотелось кашлять.

Нив была в бешенстве.

Поверхность зеркала пошла волнами, всё больше походя на ночной омут, в который бросили камень. Темнота окончательно заволокла пещеру, и раскидывающая её чёрные сети Нив внезапно шагнула наружу из отражения. Она схватила эту тьму за край и широким махом бросила её в Голден-Халлу. Но на сей раз он был наготове: перед Берти выстроилась прозрачная защитная стена, о которую тьма расплескалась жгучими кляксами.

Затем Берти резким хлопком снёс собственную стену, и, прежде чем Нив успела напасть на него заново, швырнул в озверевшего призрака вспышку света.

– Ты же…

Сплюнув кровь, он шагнул вперёд.

– Говорила…

Ещё вспышка. Нив закрыла лицо рукавом и яростно взвыла. Новый шаг.

– Что вы с Голатом защищаете… людей! – рявкнул Берти, отбрасывая ещё одну её чёрную сеть и швыряя в ответ белый шар.

Всю пещеру трясло от попеременно раздирающих её тьмы и света.

– И что теперь?! – зарычал Берти, вплотную приблизившись к привидению. – Ты хочешь убить меня? Легко же ты отказываешься от своих принципов! Или ты лгала нам – с самого начала, а, Нив?!

Её лицо исказила мука. Из тёмных глаз полились слёзы, а плечи, ключицы, колени, кисти – всё это внезапно, обессиленно растаяло, оставив в воздухе мерцать лишь отдельные части тела.

Нив попыталась шагнуть обратно, в зеркало, скрыться там, захлёбываясь в рыданиях, но так же, как она прежде касалась Тинави, чтобы набрать энергии, теперь Берти коснулся её. Рука сыщика легла туда, где должен был находиться невидимый и неощутимый локоть Нив, и она стала стремительно проявляться обратно. Другая рука Берти поверх плеча Нив дотянулась до поверхности бурлящего зеркала, фиксируя его и закрывая проход.

– Ответь мне, госпожа Кройшпаль, – совсем иначе, тихо и грустно, попросил её Берти. – Что ты знаешь о Князе Нежити и почему так боишься, что я найду его? Правильно ли я полагаю, что…

– Пожалуйста, замолчи, – перебив его, одними губами прошептала Нив.

И снова напала, вложив в удар и свою, и его, только что им подаренную энергию.

Как же так.

Он не стал выставлять щит, вместо этого просто отразив удар, – и не ожидавшая этого Нив с криком упала в своё зеркало, исчезая в его глубине. Берти вновь коснулся его кипящей поверхности и заклинанием ненадолго запечатал её, чтобы успеть спокойно уйти.

– Вот так милое привидение… – пробормотал он, когда, отойдя от пещеры на приличное расстояние, сел на обочину дороги и начал ощупывать свою спину и затылок, которыми так сильно приложился о стену.

М-да, больно. А что это за проклятие было во втором ударе? Так-так, судя по остаточным следам, не смертельное, к счастью, и вполне излечивается одним лекарством…

До тех пор, пока его магические браслеты почти полностью не опустели, Берти залечивал свои многочисленные ссадины и ушибы. «Что ж, теперь я обязательно найду тебя, Хегола Тофф», – мысленно пообещал он, устало бредя домой.

24. Фальшивый педант

Сегодня пойду на матч по тринапу: надеюсь понять, за что в Шолохе так любят этот вид спорта. Раз я теперь живу здесь, стоит попробовать приобщиться к лесной культуре.

Из дневника Моргана Гарвуса, который он вёл в первый месяц после переезда в Лесное королевство. А потом – выбросил.

Тинави из Дома Страждущих

Весь день я безрезультатно провела в библиотеке, а вечер – общаясь с Кайлой, которая больше всех в Соловьиной Песне знала об альвах. Шаманка как-то очень ловко умудрилась припахать меня к работе в своём саду, располагавшемся на отдельном клочке земли у озера. При неверном свете фонаря с осомой мы возились с волшебными цветами, которые можно было сажать только за четыре часа до полуночи и ни в какое другое время, а то они завянут, на прощанье испустив мерзкий газ. Увы, разговор с Кайлой не принёс пользы делу о спасении Силграса. Ну, хоть цветочкам помог, что в принципе тоже неплохо!

– Синеглазка, а ты нашла, что искала? – утирая пот со лба, под конец спросила Кайла.

– Ой, да! Спасибо за совет про живое существо. Оно даже почти не сопротивлялось осмотру, представляете?

– Вот и славно! Передавай привет Рыжему и Бледному.

С гребнем всё было хорошо. Вчера перед сном я послушно запихнула его под подушку, но всё равно засыпала с моральной готовностью вновь оказаться в джунглях. Признаться, из-за того, что во мне бурлила ярость по поводу ситуации с Силграсом (от самого факта существования таких выборов!..), малая часть меня – эдакая боевая, расправившая крылышки за последний успешный год – даже

хотела столкнуться с Минотавром на узкой дорожке. Отметелить его как следует.

Возможно, в одну из ночей я всё же ослушаюсь Рэндома и пойду спустить пар в пространство непостижимого…

Едва я подумала эту ух какую бравую мысль, как один из двух идущих мимо прохожих рассмеялся:

– Не зазнавайся! – и потрепал свою спутницу по плечу.

Он был невысоким и щуплым, а в руке подбрасывал игральные кости. До ужаса очевидный намёк!

– Поняла-приняла, – покорно вздохнула я. Рэнди становится изобретательнее.

Дома я с удивлением обнаружила Берти спящим на диване, да ещё и в жутко неудобной позе. Я осторожно разбудила его.

Садясь и собирая волосы в хвостик, Голден-Халла слабо улыбнулся:

– Как твои дела?

– Увы, ноль полезной информации! Морган тоже ничего не нашёл о том, как снять заклинание альва без его участия. Но, может, ещё отыщет: он до сих пор в библиотеке, представляешь? Уломал госпожу Виверайю отдать ему ключи на ночь! Оказывается, твой друг умеет быть обходительным, когда приспичит. А у тебя как успехи?

Берти выглядел очень уставшим, но тем не менее его голос полнился привычным задором, когда он заявил:

– А вот мне есть чем похвастаться! Я шагнул так далеко в поисках Хеголы Тоффа, что в некоторой степени даже растерян.

– Да ладно? – Я округлила глаза. – О, великий Берти! Будь в этом доме корона лучшего детектива, я бы безропотно поднесла её тебе!

Он одобрительно закивал. Потом поморщился:

– Только я расскажу всё утром, сейчас слишком вялый. Процесс добычи информации оказался неожиданно напряжённым, и меня слегка потрепали.

– Ого. Ты подрался с кем-то?

– Да, в меня швырнули проклятием, представляешь? И самого меня тоже швырнули… Но всё хорошо. Осталось только дождаться восстановления магии, – Берти указал на свои почти пустые маг-браслеты.

– Тебе точно не нужно к лекарю?

– Точно. Ссадины и ушибы на мне заживают как на собаке, а что касается проклятия – я нашёл у Моргана нужный порошок и уже нейтрализовал его. Скоро подействует, не беспокойся. Надо просто отоспаться.

Несмотря на это разумное намерение, в итоге Берти продолжал беззаботно болтать со мной до тех пор, пока я насильно не вытолкала его в сторону спальни.

– Обожаю наши беседы, но: собирался спать – спи!

– Какая же она грозная, ох!.. – пожаловался он Корвину, уходя.

* * *

Но на следующий день всё оказалось плохо.

Утро я провела у себя в комнате, разучивая новый заговор, который позволял замедлить, а то и остановить противника. Как и у большинства древних, никому не известных ритуалов на искру, у него не было названия, поэтому я нарекла его в привычном стиле классических заклинаний.

– Да будешь ты Промедлением Люффа, аминь! – торжественно объявила я, глядя на пёрышко, которое использовалось для заговора. Понятия не имею, кто такой Люфф, но мне понравилось это имя.

В итоге я так увлеклась тренировкой, что совсем забыла про время и спохватилась, лишь когда часы пробили полдень. Тогда я чуть ли не кубарем скатилась на первый этаж в поисках воды и общения. На кухне нашёлся Морган. Со своим золотым ободком в таких же золотых волосах он выглядел как сказочный принц, но у этого принца явно был хронический недосып и диагностированная мизантропия. Судя по количеству разложенных вокруг него книг, ночью Гарвус успешно обворовал библиотеку.

– Привет! А где Берти?

– Спит.

Шелест переворачиваемой страницы.

– Странно… Он обычно рано просыпается. А ты к нему заглядывал?

– С чего бы это? В отличие от него, я уважаю чужие границы.

У меня внутри заворочалось смутное беспокойство. Вернувшись на второй этаж, я отправилась к спальне Голден-Халлы. Постучалась. Никто не откликнулся.

– Берти! Ты там? У тебя всё нормально?

Тишина. Я потянулась к дверной ручке, но меня опередили чужие пальцы: Морган Гарвус беззвучно подобрался сзади и теперь, буркнув в затылок «Я сам», отодвинул меня в сторону.

В спальне было душно. Горячий воздух пах мёдом и молоком из стакана на прикроватной тумбочке. Берти лежал на краю постели, прижимая кончик одеяла к груди. Его колотило. Зрачки под опущенными веками беспокойно бегали, кожа была алебастрово-белой, и лишь на щеках плясал лихорадочный румянец. Волосы спутались и казались лужей крови на светлой подушке.

Мы попробовали разбудить его, но он не просыпался. Пока Морган осматривал Берти, я пересказала наш вечерний разговор.

– Понятно. Что ж, я вижу, каким проклятием его ударили: Сага-Раветри, – бесстрастно резюмировал Гарвус и показал на симптоматичные фиолетовые точки, появившиеся за ушами Голден-Халлы. – До крайности поганая штука. Болезненная и опасная. Он сгорит за три дня, если ничего не сделать.

– Но… – Я растерялась. Не из-за информации о том, чем грозило проклятие: ведь оно, как бы сказать, популярное, его каждый шолоховец знает (к сожалению), а из-за следующей нестыковки: – Сага-Раветри же мгновенно нейтрализуется порошком Огилла! А Берти сказал, что выпил его.

Морган нахмурился:

– А где он нашёл порошок?

– У тебя на кухне.

Ледяное спокойствие Гарвуса разом слетело с него.

– Пепел!! Да у меня там всё просроченное! – Он схватил бессознательного Берти за плечи и затряс. – Твою ж мать, Голден-Халла, ты правда думал, что у меня свежие лекарства?!

Я охнула и стала оттаскивать Гарвуса.

– Ты так добьёшь его, Морган!

– Лучше я, чем это!

– А ну отцепись от него! – Я поднажала. – Кто мне про личные границы заливал?! И вообще: вспомни, как Берти был поражён тому,

что у тебя дома есть оторванные пуговицы, так что… Естественно, он и лекарствам твоим доверял, ты, мистер фальшивый педант!

– Вот именно: фальшивый! Ему ли не знать, сколь мало меня интересует быт!

Берти, как ни странно, после встряски парадоксально успокоился: сон стал глубоким, он даже, кажется, улыбнулся. Мы с Морганом переглянулись. В глазах Гарвуса мелькнуло самодовольство, я вздохнула и перестала тянуть его, как репку, прочь от кровати больного.

– Так, ладно. – Я сложила руки на груди. – Чем ругаться, лучше скажи, где в округе можно купить порошок Огилла? Сгоняю за ним, и дело с концом.

– Да нигде нельзя! – Морган поправил свой сбившийся ободок. – Придётся самим добывать цемину лофкачи.

Цемина лофкачи – это название магической водоросли, из которой и делают порошок.

– Я знаю, что она растёт в одной тёплой зоне недалеко отсюда, – продолжил Морган.

Я возликовала:

– Идеально! Я сейчас съезжу.

– Не вариант, – Гарвус покачал головой. – Зона, о которой я говорю, представляет собой маленькое хорошенькое местечко, спрятанное между горами. И его, увы, давно облюбовали тролли, у них губа не дура. Они крайне агрессивны, и я категорически против того, чтобы моя гостья совалась туда в одиночку.

О-о-о, у кого-то опять включился режим идеального хозяина.

– Но и мне одному нельзя ехать, – помрачнел Морган. – Потому что я не смогу сорвать цемину лофкачи. Мне нужно объяснять почему?

Ого! Надо же. Я покачала головой: объяснения не требовались, хотя я и удивилась. Дело в том, что эта водоросль давалась в руки лишь тем, кто когда-либо ломал какие-то кости. В смысле, свои – а не чудовищ или жареной курочки. Поразительно, что Гарвус, при его-то магической карьере и работе в шолоховской Башне магов, остался таким… неповреждённым.

– Не переживай! – деловито сообщила я. – Моих травм – привет тринапу – хватит на то, чтобы нарвать нам цемины на год вперёд.

– Это хорошо. Мне дорог Берти, но я не хочу ради него ломать себе пальцы.

– Я обязательно передам ему это. Значит, едем вдвоём! Пришло время нам с тобой подраться плечом к плечу, а, доктор Морган? – Я подмигнула.

Он только проворчал в ответ что-то невнятное.

* * *

А затем нам дико повезло! Едва мы договорили, как снизу раздался мелодичный звон дверного маг-звонка.

Я удивлённо покосилась на Гарвуса. Он ответил мне точно таким же непонимающим взглядом.

– Господин доктор! – Девичий голос, послышавшийся с улицы, был громким, но удивительно нежным. – Это Патти! Вы здесь?

– А она что тут делает? – вскинул брови Гарвус, и Патти, будто услышав, поспешила объясниться:

– Оказывается, вы съели тот трдельник в одиночестве! Поэтому я принесла ещё! И вам, и Берти, и Тинави!

– Благослови её небеса! – так и подпрыгнула я.

– Хм. Ты настолько любишь трдельники?

– Да нет же, хотя за хороший трдельник и душу в иной день продать можно! Слышишь ржание? Патти приехала на лошади! А мы сделаем что? Правильно, отожмём её! И попросим госпожу Вареши посидеть с Берти! – Я уже с топотом бежала вниз по лестнице. – Давай, Гарвус, врубай своё обаяние, я слышала, что ты ей нравишься!

– Ты… – поразился Морган, которого я за рукав тащила за собой, – …ведёшь себя неожиданно цинично.

– Напарник научил. Ну, в смысле, нет: не надо никого охмурять ради выгоды, это жестоко и отвратительно, но просто побудь нормальным человеком, ты же умеешь! Умеешь, ведь да? Мне не показалось?..

– Боги, замолчи, пожалуйста.

Я оставила Моргана перед уличной дверью и так же быстро умчалась обратно. Какое-то время снизу доносился милый диалог

«добрососедского» типа, а потом Гарвус сухо объяснил нашу ситуацию и пригласил охающую Патти наверх.

– Привет! – огорчённо глядя на Берти, сказала она. – Как его жаль… Надеюсь, вы быстро найдёте лекарство.

А я вдруг, в свою очередь смотря на Патти, подумала: небо голубое. Да внешне она со всеми своими светлыми кудряшками и общей округлостью чем-то похожа на госпожу Пионию, лучшую в Шолохе чаёвницу, какой я себе представляю её в молодости! Правда, Пиония у нас явно была женщиной с огоньком и себе на уме, а Патти, скорее, робкая добрая душа. Так или иначе моя симпатия к ней выросла до уровня «Всё! Я дружу с тобой!».

Морган между тем стал настойчиво толкать госпожу Вареши к креслу у окна.

– Так, – сказал он. – Насколько я помню, у тебя есть пара младших братьев. Патти, ответь: что ты делаешь, когда у них жар и лихорадка?

– Я сижу с ними, сбиваю температуру обтираниями, даю воду. Если просят – рассказываю сказки…

– Прекрасно. Обтирать Берти ни в коем случае не надо, без сказок он тоже обойдётся. Если замечется, дай ему вот это. – Морган достал из ящика стола успокоительные травки.

– А они-то не просроченные? – встряла я.

– Нет, – гневно сверкнул очами он. И, направив палец на Вареши, сурово добавил: – Надеюсь, ты справишься. Мы вернёмся вечером.

После чего утопал.

– Позаботься о нём, пожалуйста! – одними губами шепнула я булочнице, убегая вслед за Морганом. – И… держись.

– Буду, – наморщив лоб, растерянно пообещала она.

25. Так себе команда

Череда неприятностей, которая закончилась хорошо, называется приключением.

Лесная мудрость

Потаённая и притягательная – вот какой оказалась тёплая зона, в которую мы с Морганом приехали за водорослями.

Чтобы попасть в неё, нужно было пройти сквозь узкую расщелину в горе, незаметную с дороги и никак не обозначенную на картах. Внутри было холодно, сыро и темно; мы с Морганом шли, придерживаясь руками за влажные стены, пока впереди не показался молочно-серебристый погодный разлом с огоньками внутри. Вроде бы обычный, он в то же время выглядел странно-текучим из-за того, что его стискивали немилосердные рамки ущелья: словно дым заключили в маленький пузырёк, и он ускользает оттуда, стоит только приоткрыть крышку.

Едва мы преодолели разлом, как скалы расступились, будто корабли, и перед нами вырос изумительный летний лес: настоящее царство изумрудных, бирюзовых и сиреневых цветов, воздух в котором был настолько пропитан ароматами зелени и воды, что его хотелось испить, словно драгоценный нектар.

– Как красиво! – ахнула я. – Могу понять троллей: я бы тоже прибрала себе эту рощу, будь у меня такая возможность!

Отовсюду слышались птичьи голоса и шелест листвы. С цветущих скал ниспадали звонкие водопады. Кроны деревьев переплетались, как пальцы, а в густой траве покачивали головами тюльпаны и гиацинты.

– Нам нужно добраться до главного водопада, – Гарвус цепко оглядывался. Одновременно с этим он забавно скакал на одной ноге и снимал сапог с другой: нахлынувшая жара заставила нас обоих экстренно срывать с себя всё, кроме штанов и маек. – На озере возле него есть островок, у берегов которого и растут цемины.

– Ты знаешь, куда идти?

– Нет.

– Ну, тогда следуй за мной! Я тоже не знаю, но, как и любой шолоховец, не способна заблудиться в лесу. Нужные места просто прыгают под ноги.

Как всегда в магических лесах, моё сердце билось легко и влюблённо, будто птица, выпущенная на свободу, и потому я, чуть ли не насвистывая, пошла вперёд.

– Но я ведь тоже почти шолоховец… – едва слышно проворчал Гарвус, заставив меня резко обернуться.

– Что ты сказал? – широко улыбнулась я.

Он сделал вид, что увлечённо рассматривает цветущую магнолию.

– Значит, ты всё-таки любишь наше королевство – иначе не стал бы так говорить про себя!

Молчание.

– Доктор Морган Гарвус! – торжественно воззвала я. – Ты можешь признаться мне в этом. Не стесняйся. Я вся внимание.

– Иди уже, а, – закатил глаза он.

Мы шли, и птицы вспархивали перед нами из кустов, а с деревьев то и дело свешивались любопытные мордочки каких-то местных зверьков. Наконец я поднырнула под ветви плачущей ивы, спугнула двух кроликов, притаившихся под древесным сводом, а вынырнув с другой стороны, обрадовалась:

– Мы на месте!

И действительно: впереди показалось озеро с огромным водопадом. Под его тугими струями, переливающимися в свете солнца, я увидела нимфу, наслаждающуюся уединением, но и она заметила меня – тотчас безмолвно отступила назад, скрывшись за стеной воды.

В центре озера виднелся искомый островок, возле которого в воде росли цемины.

По плану Морган должен быть ждать меня на берегу и прислушиваться, не идут ли тролли по наши души. Если идут, то ему следует отвлечь их на что-нибудь в другой стороне рощи, жестами показать, какой я тормоз, дождаться моего возвращения и вместе вприпрыжку беззвучно умотать прочь, отплёвываясь маг-формулами.

Таким был план. Да. Но, конечно, всё пошло наперекосяк.

В заранее надетых шортах и майке я плыла к островку, наслаждаясь тем, какая тёплая, лазурная и прозрачная вода в озере. Сквозь неё ясно виднелось далёкое дно: белый песок перемежался

огромными валунами, тут и там сновали разноцветные рыбы, раскрывались яркие подводные цветы.

При моём приближении водоросли сначала заволновались, отпрянули, некоторые из них даже со свистом втянулись в песок. Но затем они, видимо, почувствовали мои старые переломы (понятия не имею, как они это делают) и покорно позволили себя сорвать.

Есть! Я победно вскинула руку и помахала Гарвусу, сидящему на далёком берегу. Он расщедрился на то, чтобы показать мне большой палец, и вновь отвернулся, прислушиваясь к звукам в глубине рощи.

Сжав пучок водорослей, я поплыла обратно. «Как же нам повезло с отсутствием троллей, – думала я. – Сейчас свалим так же тихо, как прибыли, и дело с концом». Но тут…

Вода неподалёку от меня забурлила. Мимо огромной стаей скользнули рыбы с такими вытаращенными глазами, что было ясно: если бы они умели орать, они бы сейчас орали. Нимфа вновь выглянула из-за водопада и неожиданно пронзительно, по-птичьи крикнула мне:

– Lere! Lere! – «Уплывай, уплывай!» на норшвайнском – после чего скрылась обратно.

О прах.

Прахов прах!

То, что казалось мне лишь подводными скалами, начало стремительно оживать и разворачиваться. Открывались круглые глаза под водой. Разгибались и сгибались огромные пальцы.

– Быстрее! – с берега заорал Морган, уже сложивший руки для первого заклинания.

Краем глаза я увидела, как один из троллей, распрямившийся полностью, оказался такого роста, что его голова появилась над озером. Недоумённо наморщив каменный лоб – это ещё что за суетливая штука? – Он повернулся в мою сторону и потянул огромную руку, готовую сделать «хряськ» на моей шее.

Мимо пролетела огненная вспышка – Гарвус швырнул заклинание, заставившее тролля оскорблённо взреветь. Поверхность озера пошла сильными волнами – над водой появились головы ещё нескольких его сородичей, спешащих выяснить, что здесь происходит и почему у них выдалось настолько недоброе утро. И снова – вспышка, резкий свист и сгусток жара, пролетевший мимо самого моего уха…

По-моему, Морган рассчитывает исподтишка убить и меня, раз уж выпал удобный случай.

К тому моменту, как я, наглотавшаяся воды и ошалевшая, выбралась на берег, из озера торчало уже около дюжины троллей, уверенно прущих в нашу сторону.

– Водоросли у тебя? – на мгновение прервал чтение заклинаний Гарвус.

– Ещё бы! Погнали отсюда!

Морган швырнул в троллей Замешательство Варвуса, и мы дружно ломанулись в чащу.

Вокруг творился бодренький кавардак: птицы встревоженно метались туда-сюда, лесные духи хватались за головы и, драматично стеная, укрывались в своих деревьях, всюду скакали ополоумевшие красноглазые кролики – и, по-моему, цвет их глаз определялся не природой, а душевным состоянием.

Тролли, гады такие, оказались проворнее, чем я думала. Несмотря на габариты и внешнюю неуклюжесть, они с дикой скоростью бежали за нами, да ещё и кидали здоровенные камни, на ходу поднимаемые с земли. Когда один из таких валунов чуть не снёс Гарвусу голову, мы поняли: безопаснее остановиться и дать бой.

– Морган, я возьму на себя троих ближних! Займись остальными, их больше! – крикнула я, поднимая с земли удачно потерянное там какой-то испуганной птицей пёрышко. Вот не зря я сегодня учила Промедление Люффа!

Гарвус ничего не ответил, но следующее заклинание послушно бросил в многочисленных троллей, бегущих чуть поодаль.

Я же стала в бешеном темпе подвальных чтецов речитативов произносить нужные строчки заговора. Пёрышко так и моталось в моих руках, босые ступни отбивали нужный ритм прямо по лесной подстилке из камней и веток – больно же, аййй! И я чувствовала себя абсолютно чокнутой ведьмой века эдак из пятого, но при этом ведьмой могущественной.

Первый ряд троллей приближался. Уже близко. Совсем близко, но мне осталось произнести всего-то словечко, так что всё под контролем, и…

Гарвус вдруг швырнул свою масштабную замораживающую формулу, которую плёл добрых полминуты до этого, в «моих

клиентов».

– Я же сказала, что займусь ими! – заорала я, поскольку мой заговор, сработавший на мгновение позже, был потрачен впустую: просто лёг поверх моргановой заморозки, бессмысленный и ненужный.

– Ты бы не успела! – рявкнул Гарвус.

«Его» тролли, никем не остановленные, меж тем неслись на нас, как бешеные быки.

– Успела бы!!! А-а-а! Пригнись!

Но пригнуться мы не успели.

Са-а-а-амый тормознутый тролль, маячивший где-то вдалеке, вдруг изо всех сил швырнул в нас силовую волну – тролль-колдун! Прах, но они ведь такие редкие! – и его товарищи в передних рядах поразительно слаженно уклонились от неё.

В отличие от нас.

«Ну зашибись. Тролли обставили нас в командной работе», – уныло подумала я, отлетая назад и отключаясь от удара о землю.

* * *

Я очнулась в сидячем положении, будучи грубо привязанной к дереву возле всё того же озера: тролли трудолюбиво принесли нас обратно. Видимо, это был их дом: тут они спали, отдыхали и, кхм, обедали.

Сейчас половина из их шайки сидела на песке возле костра, у которого уже был приготовлен нехилых размеров вертел, ещё несколько гуляли по берегу, наслаждаясь тёплым деньком и предвкушая блюда из человечинки.

– Морган! – зашипела я. – Морган, ты живой?!

Он был привязан к соседнему дереву. Голова доктора безвольно свешивалась, волосы закрывали лицо. Как и в моём случае, верёвка чуть ли не номинально обхватывала его на уровне плеч – чисто, чтобы не упал, а вот руки были связаны друг с другом намертво: и запястья, и ладони, и каждый палец.

– Гарвус, пожалуйста, очнись! – взмолилась я, пытаясь дотянуться до него ногой во имя живительного пинка. – Быть не может, что такая

глыба, как ты, откинулась от такой мелочи!

Морган вздрогнул и пришёл в себя.

– Я жив, – морщась и моргая, он оглядел обстановку, потом перевёл глаза на меня. – Где водоросли?

– У меня, – я взглядом указала на свои шорты, в которых, собственно, плавала к островку. Во время нашего побега я смяла и сунула цемины в карман, и, к счастью, они до сих пор были там, торча зелёными краешками наружу.

– Что будем делать? – спросила я Гарвуса. – Кажется, пришло время придумать изумительно хитрый план… Вот только я так треснулась об землю, что мне пока в голову ничего не приходит.

– Обойдёмся без планов, – нахмурился Морган и ещё раз оценивающе посмотрел на троллей. – Я просто усыплю их всех.

– Как? Ты вообще видел эти безумные коконы из верёвок на наших руках?

– Я могу сделать это без рук.

Я вытаращилась на него.

– Ты серьёзно?..

Чтобы вы понимали, классическая магия не подразумевает такой опции. Каждое заклинание состоит из формулы, которую ты произносишь вслух, концентрации воли на определённой идее, и плетения, которое создаёшь при помощи пальцев. Есть простейшие заклинания типа зажигания света, у которых от формулы только цоканье языком, а от жеста – щелчок, но нет таких, в которых бы полностью отсутствовал один из пунктов триады.

Точнее, я думала, что нет, а вот Морган поспешил меня разуверить:

– Как минимум одно такое заклинание существует. Я нашёл его в старой легенде о тилирийском рыцаре, собирался доказать, что это выдумка, а в итоге, наоборот, сам научился ему и написал о нём научную статью два года назад. Как обычно, всем, кроме небольшой кучки учёных, на это ровным счётом наплевать, но я рад, что в результате это заклинание пригодится. Пусть даже лично мне, а не науке в целом.

– «Даже»! – передразнила я. – Не худший вариант, знаешь ли.

И Морган действительно сделал это: усыпил троллей, прошептав несколько мелодичных строк на неизвестном мне магическом языке.

Сначала я решила, что оно не сработало: каменные чудища продолжали оживлённо болтать, обсуждая грядущую трапезу, гуляющие на берегу казались воплощением слова «безмятежность», но вот зевнул один, потом второй, а третий – бумс! – и завалился на бок. С громким всплеском ещё один упал в воду, и вскоре вся компания храпела на разные лады.

– Морган, ты крут! – поражённо оценила я, а он лишь фыркнул.

Мы кое-как освободились от верёвок и вскоре уже бежали от озера так тихо и быстро, как это только было возможно. Примерно двадцать минут спустя мы оказались возле ущелья, ведущего наружу, выхватили из-под камня свою припрятанную зимнюю одежду и, рискнув одеться уже только возле самого погодного разлома, свалили из прекрасной рощи со смесью радости (мы вылечим Берти!) и смущения: команда из нас получилась так себе.

Такие крутые маги: а чуть не стали обедом троллей.

Позор.

– Хотя всё же не стали, – саму себя поправила я, уже когда мы ехали на лошади Патти домой. – Да и на втором этапе сработались. Не всё потеряно, да, доктор Морган?

Он только вздохнул и подстегнул кобылку.

26. У кровати больного

Возраст: пятнадцать лет. Волосы: светлые. Глаза: зелёные. Особые приметы: отсутствуют. Пометка: кусался при задержании.

Из перечня арестованных в славном городе Саусборне

Морган Гарвус

Морган сидел у кровати бессознательного Голден-Халлы, переплетя руки на груди и закинув одну ногу на другую.

Берти спал, его лицо было болезненно-бледным, всё с таким же лихорадочным румянцем от жара на щеках. Бисеринки пота собирались в ямке между ключиц. Несмотря на то что ему уже дали разведённый порошок цемины, требовалось время для того, чтобы запущенное проклятие отступило.

Морган зевнул и покосился на часы.

Они с Тинави, этой незваной гостьей, пугающе похожей на женскую версию Голден-Халлы – он что, издевается, приводить ко мне в дом ещё одно чокнутое рыжее существо, никак не желающее повзрослеть? («Кто бы говорил», – ехидно ввернул бы тут Кори, но Кори не было в комнате), – условились, что будут караулить Берти по очереди. Скоро она его сменит, ну а пока – за окном четыре часа пополуночи, неясное время, когда границы реальности размываются, а сердце то замирает, то несётся вскачь, не понимая, какому миру оно принадлежит. В этот час лучше спать, потому что если не спишь – оказываешься уязвимым и обнажённым душой, способным на страшные глупости.

Берти дёрнулся и что-то жалобно забормотал во сне. Морган взял с тумбочки стакан с водой, наклонил его надо ртом Голден-Халлы.

– Пей, не захлебнись. Не захлебнись, я сказал.

Но тот не хотел пить. Он хотел, прах бы его побрал, разговаривать: в бреду, в горячке, прорываясь сквозь сонм неясных пугающих кошмаров. Морган хмурился и кусал губы, слушая неясные бормотания друга о чужих смертях, о собственной неприкаянности, легкомыслии, одиночестве…

– Ох, да хватит уже!.. Нашёлся, тоже мне, сиротка! – в сердцах воскликнул Морган и тотчас прикусил язык: не хватало ещё разбудить Тинави до её дежурства.

И вообще – если Берти пробило на ля-ля, то не стоит пускать сюда Страждущую. Это просто стыдно, в конце концов. Такие монологи не для чужаков, они вообще не рассчитаны на слушателей, и Морган был ужасно зол оттого, что ему приходилось при этом присутствовать.

Наконец Берти затих. Гарвус облегчённо выдохнул, и тотчас открылась дверь в спальню. В светлом проёме чёрными контурами проступила сонная фигура Тинави.

– И снова привет! – зевнула она.

Он приподнял бровь:

– Ты должна была сменить меня только через двадцать минут.

– Мелочи, – она отмахнулась и прошагала к креслу. – Иди спать. Всё равно же моя очередь.

Морган не шелохнулся. Он беспокоился: вдруг Берти возобновит свою исповедь?.. Спать хотелось, но надо было что-то делать. Настоящий джентльмен никогда не позволит своему другу облажаться, выдав перед красивой девушкой какой-нибудь жалкий скулящий пассаж на тему «мы все умрём».

– Хей, – повторила Тинави. – Приём-приём. Морган, вернись в мир живых и уступи мне кресло.

– Нет. Подежурим вместе.

Так, если что, Морган что-нибудь придумает, и постыдные страдания Берти останутся невысказанными. Стражди удивилась и, пожав плечами, попробовала присесть на край кровати, но Гарвус тут же птицей взмыл из кресла и выпростанной рукой указал на него.

– Садись.

А то Тинави первая услышит что-нибудь не то.

Она посмотрела на него как на психа. Он на неё – как на захватчицу. Сели. Тинави в кресло, Морган на постель.

Комнату обнимало дремотное молчание. Лишь за окнами было слышно, как ухают совы в лесу, да на первом этаже потрескивает огонь в камине – тишина в доме была такой прозрачной и невесомой, что эти звуки распространялись всюду, не встречая преград.

Шло время. Берти вдруг снова стал шевелить губами и кривиться от боли, и не успел Морган сделать что-нибудь, как Тинави подошла и положила ладонь на лоб Голден-Халлы. А потом наклонилась и что-то зашептала ему на ухо.

– Какой-то заговор? – подозрительно нахмурился Морган.

– Да нет, – она улыбнулась. – Просто стишок, который мне самой нашёптывали как-то раз, когда я сильно болела.

– В детстве?

– Три года назад.

Тинави потеребила мочку левого уха, на которой у неё была пара шрамов.

– Помнишь, я рассказывала об инциденте, из-за которого потеряла магию? Вот тогда.

Дыхание Берти выровнялось, и Стражди вернулась в кресло.

– Для того чтобы моё тело зажило после взрыва, потребовалось две недели, но у меня жутко снизился иммунитет, и поэтому я умудрилась банально разболеться. Сначала одним, потом другим, всем чем можно по списку лекарского справочника… Целители боялись лечить меня с помощью магии – тогда уже было понятно, что со мной что-то не так, но не было ясно, что именно, и они осторожничали. Поэтому мне давали обычные, немагические лекарства, и процесс затянулся: я провела в этой несчастной палате больше месяца. Скажем так, с учётом всех обстоятельств это не способствовало моему душевному спокойствию.

Тинави откинулась на спинку кресла и, глядя в окно, продолжила:

– Моя семья, друзья и магистр Орлин сидели со мной почти всё время, по очереди. Это было так стыдно, ты бы знал! Я чувствовала себя развалюхой, неудачницей и плаксой, и больше всего мне хотелось остаться в одиночестве – чтобы никто меня такой не видел, но в то же время я чувствовала такое облегчение, когда открывала глаза и понимала, что не одна. Странное сплетение чувств. Так вот, большую часть каждого дня я спала, и мне всё время снились одни и те же строчки:

Где ночи нет, всегда рассвет,
У берега волна идёт волне во след,
И море спит, и пробудит
Его явившийся из звёздной пыли человек,
Что ляжет на песок и, явь поцеловав в висок,
Шепнет: «Я здесь. Всё хорошо. Привет».

– И оказалось, – улыбнулась Тинави, – что это не я сновидец-поэт, а Кадия и Дахху по очереди шептали эти строки.

– Но откуда они? – заинтересовался Морган.

– Из сборника произведений Лавеля Макинаки – это такой лесной поэт, малоизвестный, но неплохой. Я купила его книжку за пару дней до взрыва, не успела прочитать, а ребята прихватили её с собой, когда собирали сумку с моими вещами для лазарета. И там уже как-то случайно изобрели такой странный, но поразительный способ утешения.

Морган помолчал.

– У тебя хорошие друзья, – сказал он наконец.

– У тебя тоже, – подмигнула Тинави, взглядом указывая на Берти.

Гарвус посмотрел на свои руки, покрутил маг-браслеты, поправил ободок в волосах, потёр глаза.

– Я тоже однажды очень много времени провёл в лазарете, – сказал он. – Ещё в школьные годы. Но болел не я, а моя мать. Это был недуг того рода, который приходится лечить месяцами, если у вас нет денег, и который уходит за неделю, если деньги есть. Моя семья всегда была достаточно состоятельной, но как раз накануне этого всего у отца случилась чёрная полоса, и он влез в долги. Помощи было попросить не у кого, и тогда я решил, что я сам добуду лекарство. Украду его.

Тинави поражённо подалась вперёд, но не издала ни звука, явно боясь, что Морган передумает рассказывать. Но он бы договорил в любом случае. Такие истории долго хранишь в себе, а если уж начал делиться – не остановишься, пока не выплеснешь полностью.

– У меня тогда был лучший друг. Ночью я залез в знахарскую лавку на центральной улице Минакора, а его попросил постоять на стрёме. Но он отвлёкся и ушёл, и меня поймали. Это было ужасно: вместо того чтобы помочь матери, я только расстроил её так, что

течение болезни даже ухудшилось. С этим другом мы помирились, но через год случилась похожая ситуация: мы с ним вместе готовили зелья для одного большого заказа в магическом магазинчике, в котором подрабатывали, и, хотя он говорил, что с его частью всё нормально, уже в последний день оказалось, что он всё запорол. Нас обоих выгнали, а мне нужна была та работа. Потом это повторялось ещё пару раз. Только лет в семнадцать я наконец понял, что не стоит на него полагаться. А потом уехал учиться в Шолох – сначала на подготовительные курсы при Башне магов, затем – в саму Башню. Не знаю, что стало с Джуи при учёте его-то характера.

Морган зевнул и устало прикрыл глаза.

– Ты поэтому думал, что я не успею остановить троллей? – тихо спросила Тинави.

Гарвус вздрогнул.

– Естественно, не поэтому, – сверкнул глазами он. – Столько лет прошло. Я вспомнил об этой истории только вслед за твоей. А тролли просто были слишком близко: учитывая, что я понятия не имел, что ты собой представляешь в магическом плане – рассказы не считаются, ведь экстренные ситуации меняют правила игры, – нельзя представить ничего логичнее моего поступка.

Тинави наклонила голову. Гарвус подумал, что сейчас она наверняка начнёт спорить, и что-то там глубокомысленно выводить, и пытаться залезть ему в самую душу без мыла, но, к счастью, Ловчая лишь улыбнулась:

– Хорошо, что всё закончилось хорошо. А возвращаясь к теме Шолоха: когда ты учился, ты жил в резиденции Башни или снимал комнату в квартале Старых Королей?

Именно в этом студенческом районе – сплошь каналы, платаны, узкие домики и гондолы – по сниженной цене можно было арендовать жилплощадь молодым колдунам.

– Второе. Не люблю, когда вокруг ошивается много народа.

– О да, это я заметила!

Пауза. Разговор, не успевший разгореться, потух. По состоянию Берти было неясно, не захочет ли он ещё трепаться во сне, а по хитрой физиономии Тинави – не станет ли она подслушивать.

– А ты где живёшь? – по некотором размышлении выдавил Морган.

– В Мшистом квартале.

– Красивое место.

– И тихое.

– Хм. Не думал, что для тебя это важно.

– Не думала, что ты вообще обо мне думал. Ой, всё, стоп! Не закатывай глаза. Давай дальше разговаривать, Морган. Я не буду дерзить, правда.

– Ну-ну.

И они говорили, и разговор шёл сложно, поначалу медленно и со скрипом, будто давно не используемая тележка в гномьих шахтах, а потом всё разгоняясь, всё глаже идя по рельсам беседы.

Начали со всяких глупостей вроде погоды в Лесном королевстве, а вот продолжили тем, что по-настоящему важно, что заставляет сердце замирать от собственной неловкой искренности, а потом с облегчением биться сильнее, чем прежде – *я не отвергнут, я понят*.

Это был разговор о высоком звёздном шатре и его тёмном отражении в водах Нейрис, о манящих закоулках Башни магов и трепетной зелёной благодати дворцового острова, о мозаичных набережных и пахнущих кофе переулках Верхнего Закатного квартала, в которых к горлу всегда подступает ком – *спасибо за то, что вы есть*. О магии. О тайнах. О старых мечтах и угнетающих провалах на своём пути…

– Мне казалось, я тогда всё потеряла, Морган.

– Я думал, что я совсем ничего не стою.

По душе Гарвуса медленно разливалось тепло.

В какой-то момент он понял, что он уже одной ногой провалился в сон… И несёт какой-то бессвязный бред, а веки такие тяжёлые, что нет никаких сил держать их поднятыми.

– Шёл бы ты спать, великий колдун, – нежным шёпотом рассмеялась Тинави. – А то если ты сейчас плашмя завалишься на Берти и раздавишь его, будет совсем неловко.

Пожалуй, она была права.

– Разбуди меня в восемь.

– Уже восемь.

– Тогда… в десять… – неразборчиво проворчал Морган и чуть не врезался в дверной косяк, уходя.

Войдя в свою комнату, он совсем неэлегантно лицом вниз плюхнулся на кровать.

27. Тем временем Силграс

У снуи нет имён собственных. Однако если кто-то из племени снуи близко сойдётся с человеком, он может попросить того даровать ему имя. Это очень личная просьба, и не многие феи решаются на неё.

Из энциклопедии «Духи, сущности и твари Норшвайна»

Он не мог использовать магию, но были и другие способы запутать врага.

Сжимая в руке свой старый кинжал, найденный в Избе-У-Колодца, Силграс крался по лесу. Красногрудые снегири, завидев его, с любопытством подлетали ближе, и снег искрящейся пылью срывался с потревоженных ветвей. Каждый раз после этого Авалати надолго замирал и цепко прислушивался к тишине рощи.

До тех пор, пока она оставалась живой – полной лесного дыхания, шёпотов и шорохов, стука трудолюбивого дятла – опасности не было. Ведь приближение Лешего и его слуг – как ядовитая плесень, мгновенно затягивает всё задыхающейся чернотой. Какая же ирония, что у остальных народов лешие – это добрые существа! Вероятно, тот, кто прозвал этим именем альва с яшмовой звездой, от души посмеялся.

Вдруг на снегу показалась цепочка крупных медвежьих следов. Силграс облизнул губы и нахмурился ещё сильнее, чем обычно, прежде чем осторожно двинуться дальше.

Ещё не хватало встретить медведя. В зимних зонах Седых гор они не укладывались в спячку, потому что в противном случае им пришлось бы вообще не просыпаться. Тем злее они были по сравнению со своими соплеменниками из других земель.

Авалати вспомнил, как они со старцем Лукой как-то раз наткнулись на бешеного медведя. Бодрый старичок Лука с самого первого дня альва в деревне воспринимал его как своего внука. Буквально назначил таковым – принудительно и безоговорочно. До

того как занять должность колдуна и переехать в Избу-У-Колодца, подросток Силграс жил в его домике на самом краю деревни.

Лука был достаточно настырным в своей заботе, и поначалу Авалати злился на него. Логика подсказывала, что он должен быть благодарен старику за еду и кров, но Силграсу не нравились ни регулярные расспросы, как у него дела, ни длинные лекции о том, как на самом деле устроена жизнь, ни тем более попытки пристыдить его в тех случаях, когда Силграс был не прав – по мнению Луки.

Но когда Авалати переехал в Избу-У-Колодца, их отношения резко улучшились. Осталось только хорошее – а всё плохое скрадывалось расстоянием. Роль ментора и совести Авалати на себя теперь взял Тофф.

Все-то его всю жизнь поучать хотели, да что ж такое. Не зря говорят: маленькая собачка – до старости щенок.

Лука был резчиком по дереву. Для защитных амулетов, которые отгоняли от деревни злых духов, он использовал кору особых буков, и юный Силграс всегда сопровождал его в многодневных походах в зоны, где росли эти раскидистые гиганты.

В тот день, когда они встретили заражённого бешенством медведя, Авалати по-новому взглянул на старика. Ведь когда из чащи неожиданно появился зверь, чьи глаза казались остекленевшими, слюна в пасти пенилась, а движения были одновременно скованными и стремительными, Лука не закричал от страха и не побежал прочь, а вместо этого вдруг перехватил свою клюку на манер боевого посоха.

– Вот так дела, малыш! – расстроенно забормотал он. – Не думал я, что так обернётся! Возьми кору и беги, а я его задержу.

Силграс так удивился этой внезапной тяге к самоубийству, что даже не стал отвечать. Просто бросился в бой, разворачивая сеть заклинания. Для борьбы с медведем требовались достаточно мощные плетения, и Авалати приходилось тщательно контролировать себя, чтобы рефлекторно не зачерпнуть силу из основного резерва. Ведь тогда в небе над ним сразу зажглась бы лазоревая звезда.

Лука не отставал, то и дело подпрыгивая и огревая медведя палкой. Силграс мысленно выл при виде этого: «Вы с ума сошли?! Да если он по вам попадёт, вы рассыпетесь!» – и пытался незаметно оттеснить старичка подальше. Это было едва ли не сложнее, чем завалить зверя: самым действенным способом оказалось самому

маячить в опасной близости от медведя, рискуя в любой момент лишиться головы или ещё чего-нибудь. Хотя колдовать – *вообще-то* – было бы проще с другого конца полянки.

Когда поверженный враг наконец-то упал, Силграс устало рухнул рядом и, поджав колени к груди, опустил голову между ними. Его рубаха потемнела от пота, сброшенная шерстяная мантия грязной тряпкой валялась поодаль.

– Ты как? – участливо спросил Лука.

«Чуть не сдох – вашими стараниями», – подумал альв, но вместо этого только вздохнул:

– Всё нормально. А вы?

Лука не ответил. Почувствовав неладное, Силграс поднял голову и с ужасом увидел, как в уголках старческих глаз собираются слёзы. Лука взволнованно переминался с ноги на ногу, его губы мелко тряслись, пальцы намертво вцепились в клюку.

– Я так боялся, что он убьёт тебя, Силли, – Лука отвернулся. – Я знаю, что ты сильный колдун и, конечно, помню, с какой удалью ты всегда отгонял волкодлаков вместе с Хеголой и мастером Тоффом, светлая ему память. Но всё же – я сейчас так переживал за тебя, мальчик.

Силли.

Так Силграса ещё никто никогда не называл.

Сердце глухо стукнулось о рёбра, потому что альву это – страшное дело! – понравилось. Пусть такая форма имени и звучала, как кличка для крохотной глупой птички, а всё же в ней было что-то, что заставило Силграса подумать о вещах, не имевших к его жизни никакого отношения – и всё же приятных, манящих… Несбыточных. О детстве, например.

– Я тоже за вас переживал, Лука.

– Правда, малыш?

– К-конечно.

Интересно, если бы он промолчал, этот неловкий диалог уже закончился бы?

– Я очень рад, – старик благодарно шмыгнул носом. – Я думаю, тебя ждёт замечательная жизнь, Силграс Авалати. И я очень счастлив, что мы тогда уговорили тебя остаться. Ты многого достигнешь, и мы все ещё будем гордиться тобой, внучок.

Силграс смутился так сильно, что чуть не позеленел. Потом поднялся и неуверенно похлопал старика по плечу. Пока они в молчании шли обратно, Авалати позволил мыслям соскользнуть со смущающих тем на любимые – то есть отстранённо-мечтательные. Думал: жаль, что туши убитых тварей не исчезают сами по себе. Было бы очень удобно. Оставались бы после них только ценные зубы и уже выделанные шкуры… А так – придётся поскорее возвращаться сюда с селянами, чтобы поляна не превратилась в трактир для волков и хищных птиц. Как же лень, а…

Сегодня призрачный Лука, как и остальные жители Долины, повторял по кругу один и тот же сценарий. В его случае это была работа в собственной мастерской. Он обрабатывал кусок дерева, и Силграс, сколько ни стоял возле него и ни следил за перемещениями, так и не понял, что именно мастерил старик.

Может, пару кружек для трактира Гедвиги. А может, ему, Силграсу, ступку и пестик. Старые ведь совсем истёрлись.

* * *

Лес закончился, уступив место снежной пустоши. На горизонте виднелся серебристый туман погодного разлома.

Вот теперь было достаточно далеко от деревни.

Авалати остановился у острой, как волчий клык, скалы, одиноко щерящейся в белом безмолвии. Всё вокруг неё покрывал снег, но, если подойти вплотную, туда, где сейчас царила тёмно-синяя тень, то можно было попасть в ловушку: прямо под скалой находилась глубокая расщелина. Не заметишь её в тени, шагнёшь – и провалишься так глубоко, что сам ни за что не выберешься. Особенно если ты тварь, подобная приспешникам Лешего.

А если учитывать, что с коммуникацией у них так же туго, как и с мозгами, то при хорошем раскладе в этой дыре может переломать шеи и кануть в небытие вся Лешева кодла.

Силграс, сжимая кинжал, приблизился к расщелине вплотную. Склонившись над ней, альв повернул левую руку ладонью вверх и резко полоснул лезвием по белой коже.

– Да что ж так больно-то! – тряся рукой, возмущённо зашипел он.

Алые капли одна за другой срывались вниз, в темноту. С неба падали хлопья снега. Не убирая ладонь – нужно как можно больше крови, чтобы приманка сработала наверняка. – Силграс сбросил со свободного плеча мешок и, присев на корточки и кое-как развязав его, вытащил оттуда несколько своих рубах, штанов и три пары носков. В предыдущие дни Авалати старательно бегал в этой одежде, ходил в ней в растопленную по случаю сауну, спал и один раз случайно облился можжевеловым чаем. Делал всё, чтобы облегчить задачу шерстяным недоумкам. Ведь обычные псины прекрасно выслеживают людей по их одежде. Остаётся надеяться, что и Лешевы всё же справятся, дай им небо хоть немного везения…

Хотя главной в этой ловушке, конечно же, была кровь.

Доигравшись с кинжалом до того, что у него от слабости закружилась голова, Авалати прилёг на снег. Перестарался, кажется. Главное сейчас не упасть здесь в обморок и не очнуться от того, что на него капает кое-чья омерзительная слюна – а то это будет самый несмешной анекдот на свете.

Хотя Хеголе, наверное, он бы понравился.

Достав из кармана мантии заранее припасённый крендель, Силграс задумчиво сжевал его. Потом, сопя, поднялся и привёл себя в порядок.

– Пока, дыра. – Уходя, он оглянулся и помахал забинтованной рукой. – Надеюсь, ты справишься со своей миссией.

Да, он пытался быть дружелюбным. Да, с расщелиной в земле.

Ибо: не преуспел с этим триста лет назад? Что ж, никогда не поздно начать.

* * *

Ночью Силграс проснулся от страшного воя ветра за окном.

Что-то ударило о стекло, и деревянная рама жалобно заскрипела. Авалати сел, потирая глаза руками, пытаясь вспомнить, где он и что происходит, как всегда с огромным трудом и нежеланием возвращаясь в мир бодрствующих. Затем чиркнул спичкой и зажёг свечу, разрывая кромешную темноту спальни.

Снуи, сидящий на каминной полке, трясся, обхватив себя руками.

– Ты чего? – не понял Авалати, зевая во весь рот.

Снуи пискнул, и Силграс скорчил недовольную рожу.

Вот оно что. Пожаловала.

Он встал, потянулся после сна, сжал-разжал голые пальцы ног, наслаждаясь ощущением пушистого ковра под стопами (почему у Хеголы был такой, а у него – нет?) и, подойдя к полке, поставил на неё оба локтя.

– Приспешник Лешего тебя, значит, не испугал, а Фиона – ещё как? – подперев щёки кулаками, с ленивым интересом спросил Силграс у снежной феечки.

– Пи-и-ип!

– Ах, так он тоже был страшный, но ты тогда всё проспал… М-да. Ну ты и трус, я тебе скажу. Никого трусливее я в жизни не видел. Ни в одной из жизней, как мне кажется.

Снуи оскорблённо стукнул Авалати по носу и забился в угол, не переставая трястись. Альв сонно потёр глаза – бли-и-ин, как же он не любит просыпаться – и положил возле отвернувшейся феечки носовой платок – пусть с головой укроется, если так страшно. Потом взял со стола зажжённую свечу и неспешно пошёл на выход.

Улица была погружена в темноту. Прозрачно-чёрная и глубокая, как вода в таинственном ведьмовском колодце, она заполнила всю Долину Колокольчиков. Дома тонули в ней, похожие на обломки кораблей в подводном царстве. В воздухе тонко пахло цветами, и снег, перемешанный с фиалками, не то чтобы падал – агрессивно накидывался, стараясь уколоть как можно больнее. Мимо Авалати то и дело проскальзывали силуэты бледных людей, кружащихся в безмолвном танце. Все они были одеты в изысканные летящие ткани; венцы и диадемы из сверкающих кристаллов украшали их головы – но танцоры оставались безучастны к собственной красоте. Их лица не выражали ничего, кроме равнодушия. Они двигались одновременно притягательно и жутко.

При этом на улице было настолько холодно, что даже почти нечувствительный к перепаду температур Авалати поёжился. Он небрежно смахнул с плеча фиолетовые лепестки, зачесал свои белоснежные волосы от затылка вперёд, пряча под ними глаза, ещё разок зевнул и спустился с крыльца. В него тотчас чуть не врезалась очередная пара танцоров. А потом – ещё одна и ещё. Они окружили

его, будто приглашая присоединиться к своему чарующему танцу в тишине.

– Фиона, зачем мне твои спецэффекты? Хочешь поговорить – явись сама! – раздражённо крикнул Силграс, уклоняясь от чужих локтей и морщась, когда его кто-нибудь всё-таки задевал. – Я и так знаю, что ты крутая!

В отличие от жителей Долины Колокольчиков, слуги Фионы были не призраками, а вполне себе материальными мертвецами, набранными ею среди беспечных норшвайнцев.

Послышался смешок, звонкий щелчок пальцев, и вдруг всё закончилось. Магическая темнота и метель отступили, сменившись простой и в чём-то даже светлой ночью – спасибо пухлым сугробам, блестящим под луной.

От колодца к Силграсу шагнула высокая стройная женщина, чьи длинные чёрные волосы украшал серебряный венец. «Власть» и «роскошь» – вот два слова, приходившие на ум при взгляде на неё. Она куталась в синий плащ, отороченный мехом, под ним виднелся тёмный обтягивающий костюм.

«Ну да, в отличие от своих ребят ты-то тепло одета», – мысленно возмутился Авалати, которому очень не понравилось мёрзнуть. Он забыл, что на встречи с Фионой лучше надевать хоть какую-нибудь обувь, а не выходить босиком и в ночной сорочке.

Пепел, точно, сорочка!.. Что-то он совсем не подготовился к гостям. И сгинь, предатель такой, не напомнил, что стоило сменить наряд на нечто более приемлемое. Силграс с максимально независимым видом поправил рубаху и эдак небрежно упёр одну руку в бок – мол, так и было задумано.

Вблизи Фиона фон Сортерберг, большинству известная как ледяная леди, была ещё прекраснее. Неудивительно, что многие люди выходили к ней, обменивая свою тёплую, но скучную жизнь на холодное мерцание вечности.

Остановившись прямо перед Авалати и загадочно сощурив глаза, Фиона длинным ногтем жемчужного цвета провела по его нижней губе.

– Вот ты снова и дома, упрямый альв. Один среди зеркал, в ограде отражений – и со свечой в руке, чтобы развеять тьму.

– Какая пафосная фраза. Долго репетировала? – вывернулся из-под её пальцев Авалати.

И с Фионы вдруг как ветром сдуло всю её властную холодность. Она задорно осклабилась.

– Скажи, хорошо получилось? Ты же и впрямь со свечой стоишь. Уже потухшей, правда.

И действительно: ветер и цветочно-снежная буря почти сразу расправились с огоньком. Авалати хотел съязвить в ответ, но, вспомнив всё то, о чём так много думал в последние дни, не стал этого делать. Только кивнул:

– Красивые слова, да. Как строка из древней песни.

Зато Фиона не упустила возможность для подкола.

– Боги-хранители, да тебя подменили?! – делано ахнула она. – Признавайтесь, кто украл мою врединку Авалати и подсунул вместо него эту принцесску в ночной рубашке?!

– Да ты!!! – невнятно взвыл Силграс, когда она прижала его одной рукой к груди и хорошенько взъерошила волосы.

– Я скучала по тебе, между прочим! – с укором воскликнула Фиона.

– Я всё ещё не понимаю, как ты можешь по мне скучать, если мы виделись всего пять раз, и то по делу!!!

– Я помню тебя по твоим прошлым жизням.

– А я-то тебя – нет!

– Так наши чувства никогда и не были взаимными. Я же говорю: я скучала. А не ты. Ты мне – друг. Я тебе – непонятная приставучая тётка. Что ж, ничего: бывают ситуации и хуже.

Поразительно, насколько простой она была вне своей колдовской метели.

– Лучше бы порадовался, что тебя кто-то любит, – Фиона вновь посерьёзнела. – До сих пор.

Силграс вздрогнул и отвёл глаза.

– Зачем ты пришла? – после паузы спросил он.

– Хочу спросить, когда ты планируешь провернуть свой ритуал.

– Ну и к чему тебе знать это?

– Спрячу своих слуг от греха подальше. Хочу, чтобы они остались в порядке при любом раскладе… У тебя вообще хватит магии на то, чтобы расколдовать Долину, принцесса?

– Да перестань ты меня так называть!

– Просто тебе поразительно идёт эта ночнушка. Ты уверен, что она мужская?

– …А они разве как-то отличаются?..

– Поня-я-я-тно, – сокрушённо покачала головой фон Сортерберг.

За разговором они неспешно шли по тихим переулкам деревни. Если им на глаза попадались редкие призрачные прохожие, Фиона развеивала их небрежными прикосновениями. Силграс сначала молча скрипел зубами, потом всё же попросил её держать руки при себе.

– Мои силы всегда растут при полной луне – и в момент смены суток, – сказал он. – Так что я собираюсь провести ритуал в полнолуние, в полночь. Надеюсь, что в ближайшее: если мои помощники явятся до него… Если нет – в следующее. Но мне хотелось бы побыстрее. Пока не вмешались какие-нибудь внешние обстоятельства. И не пропала решимость.

Фиона задумчиво кивнула:

– Ты не изменил свой план, я так понимаю?

– Нет. Он остался прежним.

Ледяная леди покачала головой.

– Подозреваю, твои помощники – те, что отправились за сундуком – будут в ярости.

– Ярость – это нормально. Главное, чтобы они сыграли свою роль до конца.

– Вот-вот. Я бы на их месте заартачилась.

– Ничего. Я сильнее. Не смогу уговорить – заставлю.

– Авалати, это не моё дело, конечно, но, по-моему, ты совершаешь ошибку.

– Ты права – это не твоё дело.

И снова повисло долгое молчание.

Когда они дошли до трактира Гедвиги, чьи окна, как всегда, приветливо светились в ночи, Силграс указал на него рукой:

– Я могу угостить тебя грогом, если ты не будешь уговаривать меня изменить решение или же мучить рассказами о моих прошлых воплощениях.

– Ты всё ещё не хочешь знать о них? – Фиона оперлась плечом об угол ближайшего дома. – Даже сейчас?

– Тем более сейчас.

Фон Сортерберг задумчиво пожевала губами, затем плотнее закуталась в свой синий плащ.

– Знаешь, я, наверное, пойду, – наконец невесело сказала она. – Полночь полнолуния, значит.

Перемена в ее настроении напрягла Силграса.

– Не вздумай вмешиваться в ритуал, – нахмурился он. – Он тебя не касается! Всё это – только моя ответственность.

– У меня и мысли не было тебе мешать, Силграс, – она печально покачала головой. – Просто мне грустно, мастер Авалати. Как я уже говорила сегодня – ты мой друг, пусть и не хочешь вспоминать об этом. Знаешь, бывает очень сложно принять судьбу своих близких. Признать, что всё, что с ними происходит, каким бы неправильным оно тебе ни казалось, – это их выбор. Зачем-то они для себя решили так. И твоё дело – не лезть, если не просят. Уважать их право на жизнь, их право на смерть, право на ошибки и глупости… Сколько ни живу на свете – а мне всё никак не даётся это смирение, – Фиона рассеянно хмыкнула. Потом повторила: – Я не буду мешать тебе, клянусь.

Авалати почувствовал, как внутри у него что-то тоненько завывает – будто карманная метель, проскользнувшая в самое сердце. Он хотел что-то сказать, но никак не мог понять, что именно – что это за неясное чувство, смутное желание, ощущение необходимой правильности нагнетается в мехах его лёгких?

Выражение лица Фионы вдруг стало более строгим, сочувствующим.

– Но есть и другие альвы, Силль. И, как мне кажется, они могут захотеть остановить тебя.

– Про Лешего я знаю, – поморщился Авалати.

– Не только он. Также Найох.

Силграс невольно распахнул глаза и неверяще подался вперёд.

– С чего бы господину подземных рек мешать мне?!

– Ты однажды перешёл ему дорогу. Давно, ещё пару твоих воплощений назад… Ты не помнишь этого и, как у тебя водится, не хочешь вспоминать. Впрочем, я всё равно не знаю деталей, но знаю другое: однажды Найох уже помог Лешему выступить против тебя. Помнишь, как-то раз эта деревня, – Фиона обвела улицу рукой, – горела? Когда Леший напал на вас, и ты после этого отталкивал отсюда

любых альвов, в том числе меня, из-за чего в этой жизни я не смогла стать тебе другом?

– Конечно, помню!

Укор, которым полнились последние слова Фионы, Силграс проигнорировал.

– Так вот, – продолжила ледяная леди, – в тот раз именно Найох по просьбе Лешего наполнил колодцы красной водой и выманил тебя в дальние скалы. Поэтому я подозреваю, что сейчас он тоже может оказать чащобной смерти поддержку. Будь готов.

Авалати выругался сквозь зубы.

Они долго молчали, и под ногами у них расцветали незабудки – порождения силы, исходящей от госпожи фон Сортерберг. Медленно падал снег. Фиона из-под ресниц смотрела на Силграса, зная, что скоро потеряет его навсегда.

«Может, и хорошо, что мы сейчас не пошли пить и говорить о былом, – подумала она, бросив взгляд на уютный трактир, а потом – на такое изящное и взволнованное лицо Авалати. – Может, без этого будет и не так больно».

Ну да, конечно, лги себе, дорогая.

Силграс тряхнул головой, выныривая из своих мыслей, и затем, поджав губы, твёрдо протянул руку ледяной леди.

– Вряд ли мы ещё увидимся. Прощай, Фиона.

– Прощай, Силграс.

Она призвала своего колдовского коня, чёрного, как вороново крыло, и уже готова была запрыгнуть в седло, когда Авалати внезапно схватил её за запястье. Прежде чем она сказала что-либо, он развернул её к себе и порывисто поцеловал. Губы у Силграса были холодными, на вкус – пшеница и соль, а губы Фионы – будто засахаренные фиалки во льду. Быстрый поцелуй едва ли мог согреть хоть кого-то из них.

– Прости, что я не стал слушать о своих прошлых воплощениях, – выдохнул Силграс, когда они отстранились друг от друга. – Сейчас это было бы неуместно. Но если ради чего-то и стоило бы о них узнать – то это ради нашей с тобой истории.

Фиона посмотрела на него внимательнее и… вдруг расхохоталась:

– Ну ты и ловелас! Мы всегда дружили, Авалати. Не больше! Хотя… – она прищурилась. – Что, если я скажу, что под конец ты каждый раз пафосно проворачивал этот внезапный трюк с поцелуем?..

– Я решу, что я ужасно предсказуемый, – поморщился он.

– Так и есть, милый, так и есть.

* * *

Вернувшись в Избу-У-Колодца и успокоив перепуганного снуи, Авалати снова завалился спать. Он всегда любил сон – просто в силу своей природы, – а в последний год спал совсем жадно, чуть ли не с исступлением.

Причина была простая: в его снах Долина Колокольчиков оживала. Он сбегал туда от реальности и с радостью встречал тех, кто сейчас представлял собой лишь бледные тени. И, конечно, Хеголу.

В сегодняшнем сне они с Тоффом загорали на берегу реки в ближайшей из тёплых зон. Хегола грыз сорванную травинку.

– Вообще-то тебя многие любят, – задумчиво говорил он. – Не только Фиона. Просто сейчас в силу обстоятельств они не могут об этом сказать. И раньше – любили. Всегда любили! Все, кроме одного.

– Кроме тебя? – попробовал угадать Силграс.

– Тьфу ты, боги-хранители… Кроме тебя, Авалати. Ни праха ты себя не любишь. В том и беда.

Изгрызанная травинка улетела в кусты. Хегола хрустнул пальцами и широко улыбнулся.

– Ладно, пойдём искупаемся! Или вы, нелюди, не умеете плавать? – подмигнул он.

28. Эти странные лесные взгляды

Знаешь что, Флюи? Мне надоело носить почту в пекарню Коби Ориандра! У него снимает мансарду этот д'гарров сыщик, и минимум трижды в неделю кто-то шлёт ему любовные письма! Они пахнут духами, они полны отпечатков помады, они написаны на дорогой бумаге! Я завидую, я так больше не могу! Давай поменяемся участками!

Из записки одного саусберийского почтальона другому

Тинави из Дома Страждущих

Это случилось одновременно: Берти очнулся, полный сил и здоровый, а зелье для колокольчиков – поспело.

Оба этажа шале, до того погружённые в дремотную тишину, огласились воплями: я восторженно взвизгнула, увидев, что Голден-Халла очухался, он радостно закричал, узрев меня на краешке своей кровати, а Морган снизу заорал, пытаясь выяснить, что происходит, и заодно докладывая о ситуации с эликсиром. Даже Корвин присоединился, растопырив крылья и заклекотав.

– Я считаю, моё воскрешение и успех с зельем – это отличный повод для вечеринки, – безапелляционно заявил Голден-Халла, оглядывая нас с поднявшимся в комнату Морганом. – Так что сейчас мы сделаем одно важное дело, а потом отложим все страхи и сомнения по поводу неопределённого будущего и до завтрашнего утра будем кутить. Возражения не принимаются.

Я уважительно присвистнула.

– Вы посмотрите на него: только проснулся, а уже командует! Я впечатлена. Но как насчёт того, чтобы добавить в твой план ещё один пункт, а именно: рассказ о том, что довело тебя до жизни такой? – я указала на тумбочку с порошком от проклятия.

Морган скупо кивнул, присоединяясь к моим словам.

– А, это. – Берти легкомысленно улыбнулся и с удовольствием потянулся, не вылезая из-под одеяла. – Ну да, тут есть что сообщить… Дело в том, что наш Хегола Тофф, судя по всему, переродился в существо, которое в Седых горах величают Князем Нежити.

Голден-Халла пересказал информацию, полученную от деревенских охотников и старухи Майры, а также поведал о своей схватке с Нив. Призрачная госпожа Кройшпаль вновь поразила меня тем, какой жуткой она становилась в иные моменты, в другие выглядя как несчастнейшее и слабейшее из существ. Такие личности – про себя я называю их оборотнями, хотя речь идёт просто о складе характера – всегда казались мне самыми опасными. Я даже не о тихонях вроде нашего Дахху, который умеет в нужные дни отрастить невиданную силу воли, а именно о тех, кто плачет, и тоскует, и заламывает руки, а потом – бац! – и ты уже растерянно смотришь на воткнутый тебе между рёбер кинжал. А потом всё повторяется снова: слёзы, жертвенность, стыд, просьбы о прощении – и акт невиданной жестокости.

Услышав, после каких именно вопросов и предположений Нив напала на Голден-Халлу, я нахмурилась.

Мне сразу вспомнилось, как при нашем знакомстве она боялась, что мы навредим Голату или заберём его у неё. Затем – тот факт, что отшельник знает и умеет слишком многое для обычного колдуна. Что ни с кем не общается, всегда ходит в капюшоне. Зачем-то регулярно путешествует в Асулен, где ему не страшны даже одинокие тени, партнёрствует с лютым привидением и при этом крайне озабочен проблемой спасения людей. Не убивает тех, кто не приносит жителям Седых гор зла, а с Князем Нежити так и не пересёкся, ведь тот исчез задолго до появления Голата… И, наконец, у меня перед глазами промелькнули многочисленные вываренные кости в подземелье отшельника.

Все знают: нежить поглощает другую нежить, становясь тем самым сильнее. Например, затем, чтобы всё-таки суметь однажды снять кое-чьё заклинание. Или хотя бы не дать сундуку, полному человеческих душ, остаться без наложенной некогда защиты перед сонмом одиноких теней…

Я вдруг обнаружила, что Берти замолчал и смотрит на меня хитро-хитро. «Ну давай, – так и говорил его пронзительно-синий взгляд. – Не стесняйся произнести это вслух. Я же вижу, что ты тоже догадалась».

И тогда я неверяще проговорила по буквам:

– Х-е-Г-О-Л-А-Т-о-ф-ф. Это всё одно и то же лицо – отшельник, нежить, колдун.

– Да! – Берти торжественно вскинул кулак. – Умничка.

А я взвыла, схватившись за голову:

– Да мы же были у него дома, боги-хранители! Настолько близко, а-а-а-а!!! Я бессовестно дрыхла на его печи и даже подумать не смела, что его мы и ищем!

– Ну вы даёте, – Морган хмыкнул. – Как в анекдоте: собрались как-то в таверне Голат, Князь Нежити и Хегола Тофф – и впали в экзистенциальный кризис…

– Какие-то у тебя несмешные анекдоты, – рассмеялся Берти. – Зато жизненные. Так, друзья мои. Я сейчас собираюсь вернуться в пещеру к Нив и попросить её передать Голату информацию о том, что Долина Колокольчиков скоро будет расколдована, в связи с чем мы очень хотим побеседовать с ним.

– Ты серьёзно думаешь, что она согласится? – изумилась я.

– Ага, – Голден-Халла наклонил голову набок. – Нив не может отменить расколдовывание Долины. И не сумеет скрыть этот факт от Голата: уверен, все Седые горы содрогнутся от такого… чуда. Более того, сам Голат в день после Искристого Перепляса наверняка вернулся домой в крайне странном настроении. Ведь он, дикое дело, встретил в Асулене хищные тени, но при этом не нашёл то, что всегда проверял, оказываясь в Городе Ста Колоколен. То, ради чего и селился рядом с телепортами: чтобы в первую очередь иметь возможность следить за своим сундуком в Рассветной башне, а потом уже – ради удобства путешествий по горам. Жить в самом Асулене он бы явно не смог, – задумчиво продолжил Берти. – Думаю, для него это место – квинтэссенция боли. Ведь чтобы стать настолько необычной осознанной нежитью, человек должен погибнуть в по-настоящему страшных муках, не так ли?.. Даже боюсь представить, как именно триста лет назад умер Тофф.

Голден-Халла сделал паузу, позволив этим словам отзвучать, а молчанию после них – отдать дань погибшему Хеголе. Да, переродившемуся. Да, ставшему кем-то, с кем нам ещё только предстоит познакомиться. Но не могло быть никаких сомнений, что между тем энергичным юношей, о котором нам рассказал Силграс, и хладнокровным отшельником Голатом – пропасть, через которую будет очень сложно перекинуть хоть какой-нибудь мостик.

– В общем, – подытожил Берти, – как только мы введем её в курс дела, Нив окажется в ловушке. Уроженка скал, она не может не понимать, что, раз первый камешек перемен уже покатился, быть оползню. Как бы она ни сопротивлялась этому. А значит, ей будет выгоднее остаться на стороне Голата и помочь ему быстрее узнать правду. Поэтому она согласится передать наше сообщение – не с первой попытки, так со второй.

* * *

Берти оказался прав.

В пещеру мы пошли вдвоём, и она встретила нас насторожённой тишиной. Я ощущала бесплотное присутствие Нив, выраженное в явном холоде, то подкрадывающемся со стороны спины, то беззвучно и незримо удаляющемся. Казалось, призрачная госпожа Кройшпаль не может решить, что делать: поговорить, извиниться, просто проигнорировать? Не чувствовалось лишь одного: враждебности, и это было хорошо.

Наконец раздался её шелестящий голос:

– Прости меня, Берти.

Судя по мурашкам, побежавшим по шее Голден-Халлы, и по качнувшейся прядке волос у его лица, призрачная Нив шепнула ему это в самое ухо.

– Я так испугалась, что не смогла контролировать себя.

– Понимаю. Хотя это было подло, Нив. А сейчас нам надо кое-что обсудить.

Конечно, услышав всё то, что мы ей рассказали, Нив надолго замолчала. В пещере резко похолодало. Я на всякий случай держала в

кармане заранее открытую баночку со смесью, позволяющей отогнать призрака, а Берти в любой момент был готов наколдовать щит.

– Хорошо, – тяжело согласилась Нив и, поколебавшись, проявилась в центре пещеры. – Я передам ему.

– Отлично! – Берти зашагал вдоль стены, заложив руки за спину. – Пожалуйста, пусть он встретится с нами у поселения Сонное Облако в ближайшую пятницу. Там тоже неподалёку есть телепорт, так что это должно быть удобно. И будет очень здорово, если Голат подтвердит свой приезд.

– Вот. – Я уколола палец иглой, нанесла выступившую каплю крови на осколок сердолика, взятый у Моргана, и положила его перед собой. – Ты сможешь протащить это через зеркало, Нив?

Глядя на меня исподлобья, она подозрительно кивнула.

– Эта штука поможет Голату отправить мне сообщение, где бы я ни была, – объяснила я. – Мы просим его дать нам ответ о том, что он согласен приехать и всё такое.

Нив долго стояла, теребя подол платья, и её лицо становилось всё более мутным – она теряла облик. Наконец она прошелестела:

– Хорошо. Я скажу ему.

Мёртвая скальница дотронулась до меня, чтобы восполнить силы (уже привычный удар холода в сердце) и, с трудом подхватив сердолик, исчезла вместе с ним, оставив после себя лишь тонкий запах ладана.

Мы с Берти, бросив последний взгляд на пещеру, пошли назад, сквозь светло-зелёные горные луга, по которым вилась, огибая редкие раскидистые деревья, песчаная дорога.

– Ох, надеюсь только, Хегола Тофф не сорвётся в Долину Колокольчиков сегодня же, вместо того чтобы встретиться с нами через три дня, – прикинула я, пнув случайный камешек.

Берти покачал головой:

– Не должен! Даже если Нив сразу передаст ему сообщение, представляешь, каким будет его смятение? Скорее всего, поначалу он впадёт в ступор. Потом буквально оглохнет от лавины нахлынувших чувств: и страх перемен, и ностальгия, и подозрение, что это какая-то шутка, и ярость… Затем, согласен, у него наверняка мелькнёт мысль броситься в Долину (при условии, что он вообще может туда попасть, мы же с тобой этого не знаем), но, обдумав её, он поймёт, что у него

слишком мало информации: сначала надо встретиться с нами. Так что всё будет тип-топ, Стражди.

Под синим небом, разукрашенным грандиозными кучевыми облаками, было пусто: в траве стрекотали одуревшие от жары кузнечики, на дороге впереди шуршало перекати-поле, а вдалеке, на холме, мерцала таинственная стена погодного разлома, ведущего в зиму.

Я прикрыла глаза и подставила лицо сухому горячему ветру, стараясь получше запомнить этот момент, аккуратно сложить его в шкатулку воспоминаний.

Мы решили, что послезавтра покинем шале Моргана. Да, я до сих пор не нашла способ сохранить жизнь Авалати, но оставаться в Соловьиной Песне не было никакого смысла: в деревенской библиотеке не появится новых книг, местные жители не станут гениями по части невозможного, а на меня не снизойдёт озарение только потому, что я сижу в полюбившейся мне гостевой комнате. Скорее уж, можно надеяться, что по дороге появятся новые данные или же Хегола Тофф обладает некоей полезной информацией.

Поэтому с шале мы вот-вот попрощаемся. А вот с Морганом – нет! Перед тем как мы ушли в пещеру, он чинно выразил желание вместе с нами отправиться в Долину Колокольчиков.

Признаться, меня удивило, что Гарвус подал это решение как какую-то невероятную новость. С самого начала я была уверена, что так и будет – а как иначе-то? Он же по уши увяз в этой истории, какой нормальный человек захочет бросить подобное дело на полпути, не говоря уж о том, чтобы добровольно попрощаться с такими лапочками, как мы с Голден-Халлой!..

Но, как мне объяснил Берти, все эти дни Морган взвешивал, мучился и сомневался.

– На второй чаше весов у него была диссертация, Тинави, вдумайся! – рассмеялся Голден-Халла, лихо развернувшись на пятках и идя по дороге задом наперёд. – Где мы – а где она!.. Да у Моргана с этим несчастным исследованием настолько эпичные отношения, что весь остальной мир меркнет, сильнейшие романы о любви, долге и ненависти стыдливо уползают в дальний угол библиотеки, а матёрые магистры магии утирают скупые слёзы умиления. Чудо какое-то, что он выбрал нас с Авалати!

– Ух ты. Так это повод для гордости, а не что-то в порядке вещей? – восхитилась я.

– А то! Не забудь включить этот пункт в список своих достижений. В вашей Башне магов точно оценят, они, как мне кажется, нехило так настрадались от нашего потрясающего доктора в прошлые годы.

– Тогда это будет мой тайный список. Не хочу делать людям больно посредством жутких воспоминаний. Все в Башне и так слишком часто осеняют себя защитными знаками при виде меня.

– Да ладно? Я был уверен, что у тебя замечательная репутация!

– У меня – да. Но следом за мной обычно появляется Полынь, а это, знаешь ли, не каждая психика может выдержать. В общем, Берти, спасибо за объяснения того, что стоит за утренним заявлением Моргана Великолепного! Теперь я прониклась и преисполнилась, и совершенно согласна с тобой: нам нужна вечеринка.

– Ура! – обрадовался он.

* * *

По дороге домой (сама не понимаю, в какой момент я начала так нагло величать шале Гарвуса домом) мы заглянули в Соловьиную Песню и там заказали навынос чуть ли не половину главного трактира.

– Сегодня в девять вечера у нас начнётся традиционный летний фестиваль возле озера, – вежливо сообщил официант, пытаясь заглушить доносящиеся с кухни вопли в стиле: «Ско-о-о-олько блюд надо приготовить?! Что за прожорливые иноземцы!» – Приходите, будет красиво.

– Ох, точно! Обязательно! – воодушевился Берти. И пояснил мне: – Я облизывался на афиши о фестивале, ещё когда уезжал отсюда, и раз уж волею судеб я снова тут, то не собираюсь это пропускать. Поэтому начнём праздновать у Моргана, а потом двинем к озеру.

– Отличный план, – одобрила я. И, прислушавшись к бурному монологу повара, чьи интонации мотались между воодушевлением и ужасом перед предстоящей готовкой, добавила: – А пока, чувствую, нам стоит завести какой-нибудь длиннющий философский разговор… Ждать явно придётся долго.

Берти встрепенулся:

– У меня есть тема! Уже несколько дней о ней думаю, с тех пор как мы с тобой погуляли в Слепке Заклятия.

– Боги-хранители! Звучит опасно. Предупреждаю: на слишком личные вопросы я отвечаю только в присутствии Мелисандра Кеса.

– Э. Почему его?..

– Потому что тогда отвечает он. Про себя. Не затыкаясь и не интересуясь тем, кого вообще-то спрашивали.

– Какими ужасными людьми бывают мои соотечественники!.. Так, ладно, а если к делу: Стражди, расскажи, как шолоховцы воспринимают любовь? Кого ни послушаешь – получается, что вы какие-то психи в плане романтики, отвратительно бездушные. Хочу воспользоваться шансом и разобраться, раз уж передо мной сидит живой лесной экземпляр!

– Ух. – Я отпила принесённый официантом ежевичный лимонад. – И впрямь философский вопрос. Жутковато будет выступать за целую нацию: не то чтобы у нас есть кодекс романтики, под которым мы расписываемся кровью. Впрочем, традиционные взгляды всё же существуют, и я их разделяю.

– Вот и расскажи! – обрадовался Голден-Халла.

Я откинулась на спинке деревянного стула.

– Так, ну, как и большинство шолоховцев, я выделяю три категории романтических чувств. Во-первых, самое частое и стойкое – интерес или привязанность: приятное состояние, когда у тебя внутри что-то расцветает при взгляде на человека и тебе хочется проводить с ним много времени. Во-вторых, влюблённость. Она делает тебя немножечко долбанутым, непредсказуемым и очень счастливым, её можно подхватить, как заразу, потом пройдёт. Например, я очень часто влюбляюсь, но стараюсь по возможности не показывать это на людях.

– Не показывать? – опешил Берти. – Почему?

– В Шолохе это считается хорошим тоном. Для нас влюблённость действительно сравнима с воспалением. Если чешется, почеши, но не расчёсывай до крови прямо на улице. В общем, если влюблённость взаимная и вы оба решили её открыть – это восторг, очень весело, очень запоминается, но нередко быстро прогорает. Если затем влюблённость становится привязанностью, всё отлично. Но чаще после неё остаётся лишь выжженное поле. Поэтому если у тебя с кем-

то очень хорошие отношения, ты сто раз подумаешь, прежде чем демонстрировать свои чувства. А то всё может пойти прахом. Легче переждать острый период.

Берти вскинул бровь:

– А что, счастливого конца влюблённость вообще не подразумевает?

– Счастливый конец влюблённости – это переквалификация в любовь. – Я назидательно подняла палец. – Самую редкую и самую сложную категорию романтических отношений.

– Ну-ка?

– Если она случилась – это счастье, и это надолго, но над ней надо работать, не то она умрёт. В Шолохе не принято искать и растить свою любовь, пока ты молод: ведь потом ты от неё, кхм, не избавишься. Эта штука будет торчать посередине твоей жизни, как второй хребет, – и всё… Помнишь, Силграс говорил, что всегда чувствует гору Осколрог? Вот так ты всегда будешь чувствовать свою любовь. Любовь – сокровище. Её берегут, но о ней не говорят с чужими.

Я допила лимонад, поскребла соломинкой о дно стакана.

– Что ещё добавить, хм. Ну, надо учитывать, что брак в Шолохе – это в первую очередь чисто социальное партнёрство. Хорошо, если он построен на привязанности, опасно – если на влюблённости, потрясающе – если на любви. Собственно, поэтому большинство и стремится заключать браки как можно позже (королевской семьи и политиков это не касается): чтобы они были не просто сделкой.

Голден-Халла хотел что-то сказать, но я подняла ладонь, останавливая его.

– Но учитывай, Берти: несмотря на то что описанное мной деление на «интерес», «влюблённость» и «любовь» общепринято, на словах некоторые шолоховцы могут смешивать эти понятия. Не потому, что они дурачки, а просто потому, что ваши, других народов, книги, нередко называют любовью всё подряд. Вот мы и повторяем. К тому же, знаешь, на самом деле очень мало людей в мире серьёзно обращается со словами… С магическими наречиями мы осторожничаем, подбираем формулировки как следует, а вот с повседневной речью ведём себя как истинные раздолбаи. Не надо далеко ходить: моя Кадия из тех, кто любовью называет всё подряд – хотя чувствуем мы с ней одинаково. Для меня «любовь» – это чуть ли

не священное слово, а для нее – элемент обычного дня. Так что, если однажды какая-нибудь чудесная жительница Лесного королевства внезапно скажет тебе, что любит тебя, не обольщайся: это не обязательно будет означать весь тот массив смыслов, о котором я поведала. Возможно, она просто из «не заморачивающихся».

Берти был доволен.

– Небо голубое! – ахнул он. – Да вы те ещё систематизаторы. Я в восторге. А вообще, мне всё это очень близко. И ты даже не представляешь, как я однажды попал с этими определениями слова «любовь».

– Так-так? – Я наклонила голову.

Голден-Халла достал свои карманные часы, которые, бывало, подбрасывал и ловил в минуты задумчивости, и отщёлкнул крышку. С крохотной картинки на меня смотрела миловидная блондиночка с такой упрямой улыбкой, что было видно – если ей приспичит, она горы свернёт.

– Её звали Линда, мы встречались совсем недолго, но наши отношения оставили мне на память часы, тонны вопросов и вот этот шрам… – Берти провёл пальцем по узкой белой полосе на шее. Я приметила этот шрам ещё в день знакомства, но постеснялась о нём расспрашивать.

Заказав ещё лимонада и выяснив, что наши блюда навынос всё ещё не готовы, Голден-Халла обстоятельно поведал мне историю о продажном епископе Гриди Ликерише, по несчастному совпадению бывшем отцом этой самой Линды.

– Наша с ней главная проблема как раз и заключалась в том, что мы называли «любовью» совершенно разные вещи. Линда не понимала, почему мне «жаль для неё» таких простых слов. А я не понимал, как она может говорить о любви, имея в виду лёгкую влюблённость. Мне было очень сложно решить, как поступить после её признания. Вот она говорит: «Я люблю тебя». А я не могу ответить тем же. И при этом понятия не имею: я не могу ответить пока что, ибо медленно привязываюсь к людям, или не могу вообще? И Линда ждёт, а я мучительно размышляю, как в данной ситуации повести себя максимально честно. Признаться в ответ, солгав?

– Точно нет! – выпалила я. – Это никогда ни к чему хорошему не приводит.

– Тогда что: расстаться из вежливости, от греха подальше? Или продолжать встречаться, ожидая у моря погоды, а у сердца своего – таких ударов, по которым поймёшь: это она… Что из этого – правильный выбор, мм, Тинави?

Берти умолк, вопросительно глядя на меня и перебирая пальцами цепочку от часов.

– Я не знаю, – по некотором размышлении сказала я. – Как ты поступил?

– Я продолжил встречаться с ней. А вскоре разразился мой конфликт с Церковью, меня осудили и изгнали как еретика. Почти месяц я находился без связи с внешним миром и, только прибыв на остров Этерны, вновь обрёл свободу. Там я несколько дней пытался подобрать слова для письма Линде. И вот, пока я думал, мне пришла весточка от неё. Весьма неожиданная.

По усмешке Берти я догадалась, что могло быть в той записке. Голден-Халла подтвердил мою мысль:

– Она писала, что ей невероятно больно, что я навсегда останусь в её сердце, но она внезапно полюбила другого, и на сей раз ей кажется, что это по-настоящему… (Если что, они расстались через год.) Я испытал дикую смесь эмоций. С одной стороны – колоссальное облегчение. С другой – острую боль, ведь я всё-таки был влюблён в неё. Впрочем, это чувство сошло на нет за несколько месяцев. Не зря говорят: с глаз долой – из сердца вон.

– Почему же тогда ты носишь часы с её портретом? – Я снова посмотрела на рисунок улыбающегося женского личика.

– Потому что Линда спасла мне жизнь. – Берти вздохнул и закрыл крышку. – Мне бы действительно перерезали горло, если бы она не ворвалась в ту допросную с отчаянными криками и мольбами меня не трогать. Что бы ею ни двигало, я обязан ей и невероятно благодарен. А на мой взгляд, благодарность – это та самая вещь, о которой нельзя забывать никогда! Ты можешь изредка поддаваться любому другому греху – хоть гордыне, хоть гневу, хоть зависти… Но отсутствие благодарности – оно же уныние – это самое страшное преступление перед самим даром жизни. И сейчас, когда я смотрю на портрет Линды, то вспоминаю о том дне, когда остался жив, а не о наших пылких свиданиях. Возможно, начнись наши отношения с дружбы, а не с романа, мы бы общались до сих пор.

– Думаю, для вас все сложилось единственно возможным способом – как это всегда и происходит в жизни. По-другому нельзя было.

– Согласен. И по прошествии времени я счастлив, что приобрёл этот опыт. Ведь каким красивым шрамом я теперь могу хвастаться! Хороший, да? – рассмеялся Голден-Халла и маняще-порхающе пробежался пальцами по своей шее.

– Хороший, но и мои ничего так! – Я игриво потрепала себя за ухо.

– Аминь. Мы лучшие.

Не успели мы выпить за это, как из кухни всё-таки принесли нашу еду. Подхватив грандиозное количество пакетов – перестарались, м-да, – мы направились к Моргану.

29. Вечеринка

Как людям хватает смелости говорить другим, что они им нравятся? Разве они не боятся, что их отвергнут?

Из старого тайного дневника Силграса Авалати

Веселиться в компании Берти и Моргана было сплошным удовольствием. Честное слово – так комфортно я чувствовала себя только с Дахху и Кадией, и восторженная часть меня тихонечко верещала: давай! Хватай эту парочку колдунов, тащи в Шолох и хвастайся ими перед всеми, кого увидишь!

Ведь когда мне что-то нравится, я хочу, чтобы об этом узнали все. Хочу разделить это чувство со всем миром – нет, со всей вселенной! Меня буквально распирает, и кажется, что если я не выражу это через какое-то действие, то просто лопну к праховой бабушке. Поэтому со мной опасно общаться в те дни, когда меня кто-то или что-то вдохновляет.

Выяснив, что у Моргана дома есть куча неиспользованных имаграфов, я попросила его подарить мне три штуки. Он согласился, а потом, кажется, сразу пожалел, потому что я заявила:

– Сейчас будем делать кадры на память!

В итоге первый имаграф изображал только нас с Голден-Халлой в обнимку, лучащихся неприкрытой радостью, а поджавший губы Морган улепётывал из комнаты где-то на заднем плане. А вот для второго кадра мы поймали его и принудительно поместили в центр, зажав между собой. Лицо у Гарвуса было таким недовольным – фантастика!

Третий имаграф я сохранила на будущее.

Потом мы ели. Воздушные паффы с паштетом, зажаренная индейка, салат с рукколой и кедровыми орешками, благоухающий, как тайный сад травника в ореховой роще… Сообразно тому, как пустела сначала первая, а потом вторая бутылка сладкого вуххского вина,

которое делают из подмёрзших на первых морозах виноградин, мы трепались всё веселее.

Берти и Морган беспрестанно травили друг про друга байки, и мои щёки готовы были треснуть от хохота.

– А как же та история, когда ты пообещал второкурсникам Бури практикум по теме «Астрология – враг или помощник для Сыскного дела?», а потом забыл его подготовить? – сощурил глаза Морган. – И, поскольку он стоял первой парой, ты решил в ночи заползти в окно астрологини Фреи Галли, чтобы, не будя её, забрать какие-то там демонстрационные образцы… А по пути к ней, аккурат напротив комнаты, в которой я тогда ночевал, столкнулся на узком карнизе с мастером артефактором, возвращающимся оттуда же.

– Что-о-о-о?! – расхохоталась я.

– Ох не вспоминай… – простонал Берти, хватаясь за голову.

– Да-да! – Ставший потрясающе говорливым и живеньким Гарвус энергично повернулся ко мне: – Хьюго-артефактор, не разобравшись в ночи, что к чему, шарахнул Берти заклинанием, приняв его за какую-то потустороннюю хрень. Между прыжком с шестого этажа и вваливанием в моё открытое окно Голден-Халла выбрал второе. Но беда в том, что я спросонья тоже первым делом подумал о чудовищах…

– Он меня чуть не поджарил! – пожаловался сыщик.

– Ага, только ты увернулся. А вот Хьюго… – разошедшийся Морган зацокал языком и приподнял бокал. – Помянем.

– О нет! – ахнула я, в мгновение ока перейдя от восторга к ужасу. – Вы бы не смеялись над таким! Не смеялись бы, верно?!

Берти и Морган пару секунд серьёзно смотрели на мою ошарашенную физиономию. Потом хором заржали.

– Всё с ним было нормально, с этим недоделанным ловеласом всея академии. – Гарвус обаятельно хмыкнул. – Он успел поставить блок. Однако ударной волной его сбросило с карниза.

– Небо голубое!..

Берти изобразил пальцами что-то вроде щепотки и пожаловался:

– Я почти поймал его за взметнувшую полу мантии, представляешь?! Но тут Морган, всё ещё не в адеквате, дал мне пинка под зад. И тогда я тоже вывалился.

– Два тела летели вниз в ночи, – кивнул Гарвус. – Свет зажигался в окнах академии. Вдалеке выли волки…

Прежде я не замечала за Морганом тяги к художественным описаниям.

– И чем всё закончилось?

– Я понял свою ошибку и, естественно, успел наколдовать щит у земли. – Он эдак небрежно пожал плечами.

– Я тоже создал такой, минуточку! – возмутился Берти. – Правда, у меня он получился прямо подо мной, то есть между нами с Хьюго. Поэтому, когда артефактор понял, что почему-то до сих пор не стал лепёшкой и осторожно открыл глаза, чтобы разведать обстановку, то увидел в двадцати сантиметрах над собой мою расплющенную о прозрачный щит физиономию. Воплей было-о-о-о… Причём неясно, кто орал громче: перепуганный Хьюго, абсолютно не врубающаяся в ситуацию Фрея, матерящийся Морган или Элайяна, выглянувшая из своего кабинета и уже красочно расписывающая, что и куда она всем нам завтра вставит…

Морган хохотнул и поднял бокал:

– За Элайяну.

– За Элайяну, – поддержала я, уже знавшая историю леди-ректора, однажды ступившей на тёмную тропу своих желаний и, к сожалению, ушедшей по ней слишком далеко, чтобы суметь вернуться.

– За Эл, – Берти вздохнул.

Черты его лица смягчились, взгляд, казалось, обратился куда-то в прошлое, а губы тронула нежная улыбка. После короткой паузы он усмехнулся:

– Знаете, а ведь…

Голден-Халла явно хотел рассказать ещё какую-то историю, может быть, более грустную, но всё же светлую – это было видно по его глазам, – но тут Моргана неожиданно, непредсказуемо, непредвиденно прорвало.

Он вдруг взял и бахнул своим фужером об стол – чудом не разбив его, – и, резко встав, обвинительно ткнул пальцем в сторону Берти.

– Даже не вздумай!!! – рявкнул он так внезапно и громко, что мы с Голден-Халлой аж подскочили вместе со стульями.

Полное непонимание было написано на лице сыщика, когда Морган ни с того ни с сего начал жёстко его отчитывать.

– Даже не вздумай, – повторил он, – сейчас впадать в депрессию, кататься по полу, рыдая, или что-то такое! Не любил ты её, вот не надо ля-ля, так что даже не смей раскрывать варежку на эту тему!

У меня отвисла челюсть.

– Ты просто мечешься, как дурацкая белка, потому что впервые в жизни потерял кого-то настолько близкого, – продолжал Морган. – Но не надо приписывать прошлому то, чего там не было! Возносить свои чувства к Элайяне на пьедестал только потому, что она в ответ не может покрутить пальцем у виска, а твоей дурацкой романтичной душонке вечно требуется повод для великих чувств. Всё это – бред! Последний раз говорю: хватит биться в этой тихой истерике, ясно?! Ещё раз услышу твой скулеж об Элайяне – этими самыми руками тебя убью, чтобы не мучился!

Во время этого монолога лицо Берти вытягивалось всё сильнее. Он выглядел максимально сбитым с толку и честно несколько раз пытался прервать речь Гарвуса, но тот говорил так яростно и так бурно жестикулировал, что ободок чуть не слетал у него с волос. Остановить этот поток ошарашенному Голден-Халле было не под силу.

Но в комнате имелась ещё и я.

– Морган! – кое-как отойдя от шока, воскликнула я. – По-моему, Берти…

– Молчать! – гаркнул Гарвус, переводя указующий перст на меня.

Жесть как я вздрогнула.

– Ты согласна со мной?!

– Я, э-э-э…

– Согласна или нет? Глобально?! – Его глаза сверкнули, желваки заходили на скулах. – Мы должны разобраться с этим сейчас, больше тянуть нельзя! Говори, Тинави!

Честно говоря, я не ожидала, что Морган в принципе способен на такое бурное проявление чувств. Но, готова поспорить, не только выпитое вино стало тому причиной. Было видно: кому-кому, а Гарвусу его собственные слова до пепла важны. Он явно долго молчал, и вот – щеколду сорвало, и теперь эту дверь так просто не закроешь.

Я посмотрела на Берти. Тот явно пребывал в шоке от происходящего и молча таращился на друга, внезапно открывшего в себе талант обвинителя.

– Я согласна, – кивнула я. – НО! – На сей раз уже мой палец ткнул в сторону начавшего было торжествовать Гарвуса. – Я сейчас говорю не о Берти, потому что ни праха по-настоящему не знаю его ситуацию, а, как ты и попросил, глобально. Так вот, глобально люди только тем и занимаются, что наделяют прошлое неким волшебным и недостижимым золотым сиянием, а потом опускают руки, думая, что раз там что-то упущено, что-то зрело, но не сбылось, то в будущем им вообще ловить нечего. В итоге этот грёбаный пессимизм становится оправданием для того, чтобы вообще ничего не делать. И дико бояться конца, да. Так что: долой романтизацию прошлого.

– Вот! – вскричал Морган. – Она согласна со мной, Голден-Халла! Ты идиот!

Я вспыхнула:

– Я же ясно сказала, что я не про Берти!

– Тем не менее твои слова полностью отражают происходящее и вступают в противоречие с его точкой зрения!

– Да не хочу я ему противоречить!

– Ну конечно, не хочешь! – Морган упёр руки в бока и, фыркнув, посмотрел на меня сверху вниз. – Ведь для тебя так важно быть милой, вежливой и хорошей, да?! Это твоя любимая маска – лапочка Стражди: из любого конфликта выходит шуткой, любую неловкость не замечает, любое потенциально опасное желание прячет! Я знаю тебя всего ничего, – сделав ко мне шаг, яростно продолжил орать Морган, – а уже бешусь от контраста! Законы магии ты готова попирать так, что от твоего бесстыдства дрожь берёт; в жизнь вгрызаешься, откровенно наглея; амбиций – до неба, энергии – до задницы; но при этом вокруг людей ты ходишь на цыпочках и демонстрируешь им только свои мнимые плюсы, которыми отчего-то считаешь светскую улыбку и покладистость! Что это за хрень?! Зачем тебе эта маска?!

Сказать, что я обалдела от таких неожиданных претензий – ничего не сказать.

– А с какой радости ты вдруг решил читать мне нотации? – рявкнула я в ответ. – Что хочу, то и демонстрирую, а ты бы последил лучше за собой, Морган! Если я, по-твоему, хожу вокруг людей на цыпочках, то ты либо игнорируешь их, либо бьёшь наотмашь – и это ничуть не лучше! Да и вообще, посмотри на себя со стороны: высокомерная ледышка, зажатая собственноручно придуманными

правилами, а внутри, оказывается, кипит столько ярости – и ты меня обвиняешь в ношении маски, серьёзно?! Если я, по-твоему, спускаю свои желания на тормозах, то ты свои в принципе каменной кладкой заложил! С чего ты вообще сейчас ко мне прикопался?!

– С того, что реальная ты мне нравишься! Поэтому прекращай уже в моём доме эти вежливые танцы с бубном: говори всё как есть и не прячься от споров!

– Да кто тебе сказал, что я именно прячусь от них, Морган?! Я просто их не люблю, прах побери, и в большинстве случаев не считаю важными! Постоянно ходить на надрыве, тыча всем в лицо своим до хрена важным мнением и полыхающими чувствами – по мне, так это бред какой-то. Да и не полыхают они всё время, мы же не свечки! – Я стукнула ладонью по столу. А потом… – Подожди. Стоп. Я тебе нравлюсь?!

– А что, не видно?! – зарычал Гарвус, подходя уже вплотную и нависая надо мной со сверкающим гневом взглядом. Впервые за время нашего знакомства я почувствовала парфюм Моргана: что-то элегантное с нотками кожи, бергамота и ветивера. На мгновение совсем растерявшись, в следующую секунду я уже язвительно всплеснула руками.

– Ты орёшь на меня без причины: ясное дело, не видно!

– Так ты вслушайся, о чём именно я ору! Можешь выкинуть к праху свою осторожность в общении: ни Берти, ни я не сбежим!

– Нет, серьёзно: нравлюсь?!

Морган побледнел и замер, затем с шумом выдохнул – только дыма из ноздрей не хватало. А потом, зажмурившись, взвыл:

– Да! Как человек!.. Только не говори, что я дал тебе напрасную надежду!

Ох, вот последнее он зря добавил. Я почувствовала, как стремительно заливаюсь краской.

– Я, конечно, знала, что ты самоуверен, но чтобы настолько?! – ахнула я. – Так, Морган, ты ратуешь за открытые чувства и смелость? Отлично. Признаюсь: ты меня сейчас дико взбесил своими двойными стандартами и провокациями посреди уютного вечера! Поэтому я сейчас просто вырублю тебя, психолог прахов, в своём глазу бревна не видящий, и дело с концом, – я решительно закатала рукава. – Вчера ты отказался увидеть, как шикарно я колдую, так вот – оценишь сейчас!

Я хотела вспомнить какую-нибудь формулу наугад – без применения реальной магии, чисто чтобы спровоцировать этим Гарвуса на колдовство, ведь из рассказов уже ясно, что он слишком скор на расправу и всегда бьёт первым. А потом – просто уклониться и мстительно посмотреть на то, как вытянется его лицо, когда он собственноручно разнесёт что-нибудь у себя в гостиной.

Но не успела я провернуть всё это, как магией остудили меня.

Вот только сделал это не Морган, а Берти. Два больших глиняных кувшина, прежде стоявшие на столе, взлетели и бойко выплеснули своё содержимое нам с Гарвусом в лица. Под потоками безжалостной холодной воды мы отпрыгнули в разные стороны: я с грохотом сбила стул, Морган стукнулся коленом о стол и взвыл.

– Прекрасно, – обвёл нас пронзительно-синим взглядом Берти. – Я всегда мечтал так разнять каких-нибудь оголтелых спорщиков – и вот час наконец-то пришёл.

Он так и сидел за столом, закинув ногу на ногу и покачивая носком ботинка. Его тон казался таким же дружелюбным, как и всегда, но мысли о только что случившемся некрасивом споре заставляли меня искать в словах Голден-Халлы некий опасный металлический отзвук, признак недовольства.

Его не было. Вроде бы. Не уверена.

Или был?..

Между тем Берти продолжил, с любопытством наблюдая за тем, какими пристыженными скульптурами застыли мы с Морганом:

– Надо сказать, вы оба оказались весьма непредсказуемы. Меньше всего я ожидал, что наша вечеринка превратится во внезапное разбирательство с мордобоем. Да ещё что к последнему возжаждет перейти именно Тинави, боги хранители! Хотя нет. Ведь реально перешёл я, кхм. Забыли.

Берти встал и прошёл к окну, затем задумчиво обернулся. За спиной у него было звёздное небо и луна, всплывшая аккурат над головой, будто какой-то нимб.

– Вы оба сейчас были правы, – хрустнув пальцами и намеренно сладко потянувшись, сказал Голден-Халла.

Вот сейчас я воочию убедилась в том, о чём подозревала всю дорогу – этого радушного парня тоже иногда стоит бояться.

– Морган – когда как следует раскатал меня за истерики после гибели Элайяны. Было дело. Хотя мне кажется, сейчас это уже в прошлом. Время лечит – такая скучная, затёртая фраза… Я бы добавил к ней: время вправляет мозги. Ну, если ты сам что-то делаешь в этом направлении. В какой-то момент я действительно понял, что награждаю Эл и нашу с ней историю тем, чего там не было. И я перестал так делать. Теперь мало-помалу горе трансформируется в светлую печаль, но это не происходит мгновенно. Самое забавное, что сегодня я действительно вспоминал её только с теплом, поэтому, когда ты начал свой внезапный монолог, я, как говорят алхимики, натурально выпал в осадок.

Берти продолжил:

– И Тинави тоже была права – когда сказала, что всё время ходить с сердцем нараспашку не вариант. По мне, так маски нужны, даже дурацкие. И да, нам всегда нравится именно то, что под ними – мы же не идиоты, ведущиеся на подделку. (Хотя такие тоже встречаются.) В этом-то и кайф. Ты начинаешь по-настоящему проникаться к человеку, когда тебе удаётся догадаться, что у него внутри. А потом, когда тебе доверятся, увидеть это наяву. Душевный стриптиз – вот оно, настоящее удовольствие. Можно, конечно, делать как ты, Морган: нахально срывать с чужой души одежду, но это как-то… э-э-э… не универсально, не находишь? Ну и заодно в ту же тему: я долгое время пытался жить именно так – без маски. И хотите узнать, к чему это привело? – Голден-Халла наклонил голову набок.

Я кивнула. Вероятно, Морган тоже, потому что Берти развёл руками:

– Она всё равно выросла, эта маска. Сама. И на сей раз такая толстая, что до себя настоящего я потом еле достучался. Всё казалось фальшивым. Короче. Апельсины не растут без кожицы. И это хорошо. И наконец…

Он улыбнулся. И вот эта улыбка уже снова была привычно-греющей, солнечной, истинно голден-халловской.

– Тинави! – Он наставил на меня указательные пальцы. – В нашей сомнительной компании ты действительно можешь больше не притворяться, хотя, ей-небо, по мне, так ты этим и не занималась. Просто кое-кто, видимо, меряет всех по себе и прикидывает, что сам бы на твоём месте круглыми сутками бушевал от такого невыносимого

соседства. – Берти хитро прищурился: – Морган, а ты что, правда её одобрил?

Тот лишь раздражённо закатил глаза.

Я напряглась:

– Э-э-э, а что именно в данном случае означает глагол «одобрить»?

– Ничего ужасного, скорее наоборот: готовность считать кого-либо «своим». Поздравляю, Тинави! Ты прошла отбор, о котором и не подозревала. – Берти подмигнул мне и вновь обернулся к Гарвусу: – А кто-то, кроме меня, вообще удостаивался этой великой чести в последние годы?..

– Да иди ты, – холодно бросил тот, высокомерно вскинув подбородок и неспешно садясь обратно за стол, где чинно, будто ничего и не случилось и по лбу у него сейчас не стекает вода, стал накладывать себе в тарелку козий сыр и виноград.

Берти рассмеялся:

– Значит, не удостаивался.

А до меня вдруг стало потихонечку доходить, что это была вовсе не ссора, или как минимум точно не ссора из тех, что портят отношения. Что Морган, может, и промахивается в своих предположениях насчёт чужих чувств, но при этом очень старается в них разобраться. Что Берти, хоть и выглядит ходячим сплавом из наблюдательности и радушия, а всё же иногда бывает и обескураженным, и раздражённым. И что я сама – какой бы ни казалась себе уверенной и независимой – а где-то там, внутри, постоянно боюсь не понравиться.

Надо же, сколько открытий!

Берти и Морган уже активно обсуждали, что неплохо бы нам высушиться, а потом разделать огромную, покрытую хрустящей корочкой индейку, которую мы с Голден-Халлой так самоотверженно притаранили из деревни. Одновременно Берти поражался тому, как же неожиданно эмоционально сейчас выступил Морган, а Морган морщился и говорил, что присутствие в доме двух поехавших головой сыщиков кого угодно доведёт до ручки и он ещё долго держался. Берти побился об заклад, что Морган будет скучать, когда мы уедем. Морган сказал, что подобные вещи, конечно, случаются в силу несовершенства

человеческой психики, но не стоит обольщаться – это не продлится больше недели.

– Ведь у меня есть она… – загадочно двинул бровями он.

– ДИССЕРТАЦИЯ! – хором закончили мы все втроём и так же дружно расхохотались.

Что бы там ни было дальше, а отпуск уже прошёл не зря.

«Озарения. – Как всегда говорит Полынь. – Слаще всего в жизни: победы и озарения».

Я бы ещё добавила: ощущение близости. Каждый новый шаг в её сторону. Когда сердце твоё растёт, находя местечко новым прекрасным людям и углубляя его для старых.

Короче: победы, озарения и любовь.

30. Даже сломанные часы дважды в сутки…

Продав всего десять граммов экаина, можно купить осла. Но надо самому быть ослом, чтобы заняться таким поганым делом.

Из старого напутствия детектива Чупки Живари своим стажёрам

Насидевшись дома, мы отправились в Соловьиную Песню и присоединились к полуночной ярмарке, раскинувшейся на берегах озера. Над водой далеко разносились старинные мелодии лютни и флейты, скользили сорванные ветром розовые лепестки абрикосовых деревьев. Мы гуляли среди других таких же беспечных мечтателей, сладко пахло яблоками в карамели, ночь была поразительно тёплой и тёмной – в деревне отключили уличные фонари, и нас освещали лишь звёзды, озёрные светлячки и цветы на пригорке, которые на днях сажали мы с Кайлой.

Потом мы отправились на горячие источники. Небольшая гостиница с дюжиной уличных бассейнов, вода в которых менялась от бирюзового до тёмно-синего, находилась на возвышенности над Соловьиной Песней, и оттуда открывался восхитительный вид и на деревню, и на террасы цветущего миндаля, и на переливающийся вдалеке погодный разлом. Я думала, что из-за праздника тут будет не протолкнуться, но людей оказалось немного, и поэтому у нас повторно наступило время Потрясающих Историй. Сидя на камнях в клубах горячего пара, неподражаемый Морган в лицах поведал о том, как Берти позорно пришёл к нему плакаться после того, как в День Всех Влюблённых очередная первокурсница призналась ему в любви, стоя на крыше самой высокой башни академии, а тот в ответ крикнул, чтобы она лучше пошла и сделала несданную домашку, из-за чего его на некоторое время предали остракизму как «жестокосердного лицемера».

Берти с пеной у рта доказывал, что такого никогда не было, пока я не сказала:

– Вспомни артефакт поиска. Вот что было его ценой.

– Ох ты ж пра-а-а-ах… – сообразил Голден-Халла.

Мы шли домой, а за нами мягко, как на кошачьих лапках, кралось шёлковое серое утро. Берти стало совсем срубать: он по большей части держал глаза закрытыми, на любые замечания возражая, что он просто медленно моргает. Но когда Морган вслух обсмеял его, Берти воскрес, будто феникс, притопил Моргана в сугробе и потом первым вприпрыжку добежал до крыльца.

Мы разошлись по комнатам, и в моей душе царил мир. Казалось, у меня всё непременно получится: и в Седых горах, и вообще в жизни. Уже привычным жестом я сунула гребень под подушку и заснула.

* * *

А разбудил меня громкий стук в дверь.

Где-то там, внизу, по ней колотили так, что окна в шале дребезжали. Сквозь сон мне сначала подумалось, что я у себя дома, в Мшистом квартале, и, наверное, произошло очередное страшное преступление, поэтому по мою душу явился Полынь – и сейчас я шустро проснусь и получу от него привычный шутливый нагоняй, вслед за чем нас будет ждать бешеная скачка с применением теневых Умений…

Но нет: я была очень, очень далеко от дома. Хотя с причиной стука угадала.

– Здравствуйте! Вы видели сегодня Хэвора?! – буквально набросилась на меня какая-то круглолицая женщина, едва я открыла дверь.

– Нет… Он не приносил газеты уже пару дней, – я удивилась. – Я думала, у него выходные или что-то такое.

– У него не бывает выходных! – отрезала женщина. И вдруг, закрыв лицо руками, горько разрыдалась. – Мой бедный мальчик! Он пропал. Позавчера вечером он сказал, что у него есть важное дело – ушёл и… не вернулся. Никто в деревне его не видел, они успокаивают меня, мол, наверняка он поехал в город, но я не верю, что он бы просто

так пропустил ярмарку у озера! Это же Хэвор! Он без новостей жить не может!

– Вы его мать?

– Да! И я чувствую, чувствую – что-то не так, как бы меня ни успокаивали остальные! – Она обессиленно рухнула на шезлонг на террасе. – Хэвор – он же такой непоседливый. Вечно всюду свой нос суёт, так и рыскает по округе, всё какие-то заговоры видит, а я говорила ему: тебя это до добра не доведёт! Напорешься в итоге на настоящих преступников, и что?

Стоя над несчастной женщиной, я думала о том же самом, ведь даже сломанные часы дважды в сутки показывают верное время. Одновременно с тем я понимала, что зачастую матери – существа излишне трепетные, нервные, переносящие на своих детей невероятное количество никак не связанных с реальностью, своих собственных страхов, комплексов и переживаний. Возможно, слова и эмоции этой дамы стоит делить как минимум на десять.

Но всё же…

– Давайте я налью вам чаю, а вы расскажете мне обо всём подробнее. Плакать на морозе – дурацкая идея, поверьте моему обширному опыту. Пользы не принесёт, только кожа потрескается и голова разболится. Заходите.

Под пронизывающими порывами ледяного ветра, разгулявшегося по горам, издевательски треплющего мою клетчатую пижаму, я пригласила маму газетчика пройти в дом.

*** * ***

Чем больше рассказывала госпожа Пушшентай – такая фамилия оказалась у Хэвора, – тем сильнее мне казалось, что она переживает на пустом месте.

Но в то же время интуиция никогда не была моей сильной стороной – особенно не стоило доверять ей наутро после лихой вечеринки. Во рту у меня пересохло, яркий свет делал глазам больно, но при этом, судя по тому, что ни Берти, ни Морган так и не спустились, я ещё была самой бодрой из нас. Только ворон Кори

вместе со мной внимательно и вежливо слушал маму Хэвора, хотя она не была ему рада.

– Чёрный ворон и зеркало – к беде! – испуганно воскликнула она, увидев Корвина, чистящего пёрышки на каминной полке.

– Ничего подобного. К благополучному разрешению якобы безвыходной ситуации и к невероятной куче денег.

– Правда?..

– Да.

Я придумала это только что. Я всегда считала великой глупостью то, что люди верят сочинённым кем-то унылым суевериям и при этом не пользуются шансом изобрести свои. Если уж вы полагаете, что вера влияет на реальность, то почему бы не обратить её в свою пользу?

Налив госпоже Пушшентай ещё ромашкового чая и выдав кусок отменного пирога с вишней, я пошла наверх переодеваться. Лучше я сама быстренько схожу по трём сомнительным адресам, подцепленным из рассказов матушки Хэвора, чем буду вместе с ней переживать о судьбе газетчика. На прощанье я нацарапала записку ребятам: не хочу стать следующей в череде загадочных исчезновений.

«Знаете, я подумала, что нам с вами надо расстаться. Моя цель выполнена: и теперь я ухожу навсегда. Не вздумайте соваться в Шолох, это мой город».

А на обратной стороне: «Шучу. И заодно признаю, что с чувством юмора по утрам у меня не очень. Буду там-то и там-то, ищу заплутавшего Хэвора. Свежий кофе на жаровне».

К двум часам пополудни я успела пообщаться со скорняком, которого газетчик подозревал в использовании человеческой кожи для своих слишком уж качественных изделий, и осмотреть место, где недавно бушевал лютый тёмный дух – Хэвор полагал, что его призвали специально.

Всё было чисто. А вот с третьим адресом ситуация вышла из-под контроля…

*** * ***

По сухой летней зоне – каменная крошка под ногами, пахучие сосны, кусты жёлтого багульника – я карабкалась в гору по

завивающейся узкой лентой дороге. Там, на далеко выступающем над плато утёсе, похожем на троллий язык, находились угодья фермера Бонка. Он разводил овец и, по мнению Хэвора, с их помощью распространял по деревням и городкам Норшвайна запрещённые вещества.

Эта теория газетчика была самой невероятной из всех – в ней напрочь отсутствовал элемент магического, но мне не верилось, что в такой глуши, как Седые горы, могут жить наркоторговцы. Тем не менее именно здесь шустрый господин Пушшентай умудрился попасть в яблочко.

Я приблизилась к изгороди, окружающей ферму, и окликнула краснолицего мужика в соломенной шляпе, сидевшего на бревне на лужайке и курящего трубку. Он подозрительно выслушал меня.

– Так вы путешествуете одна? – переспросил под конец Бонк – это был именно он.

– Да, – я беззаботно разулыбалась. – Сегодня вечером уже уезжаю, со всеми попрощалась. Вот только Хэвора найти не могу, а мне сказали, что вчера он поднимался к вам. Ну и на верхотуру вы забрались, конечно, уф! Я подумала, может, он остался у вас на ночь, чтобы сверху понаблюдать за праздником у озера? Вид тут потрясающий! И овечки такие милые. Он, правда, говорил, вы в них экаин развозите, но это же Хэвор, глупыш такой! Так неловко, что он всех во всём подозревает. Завтра встречусь со своим приятелем-детективом в Сонном Облаке, расскажу ему, чтобы он, если его в ваши края занесёт, не вздумал Хэвору верить. А то он мнительный, жуть! Всё-то проверяет. А по вам видно – честный человек, не хочется, чтобы у вас были неприятности. Можно мне стакан воды, пожалуйста?

Бонк поддакнул: умора, смех, да и только. Попросил подождать и ушёл в дом.

А вернулся он без стакана, зато с арбалетом, нацеленным туда, где только что сидела я, подставив лицо яркому солнцу. После чего, не успев начать озираться, он рухнул как подкошенный: это я воспользовалась его двухминутным отсутствием, чтобы подготовить заговор усыпления, наречённый мной Дрёмой Дахху (на нём я тренировалась – с его позволения).

Ни один нормальный землевладелец не посмеётся в ответ на планы какой-то девицы рассказать о нём служащим закона. Чист он

или нет, а зашедшие в гости ищейки никому не сдались.

– Ах ты сволочь, – прошептала я, крепко связывая Бонка захваченной в сарае верёвкой. Дрёма действует около часа, но всё же лучше перестраховаться.

– Хэвор! Хэвор, ты здесь?! – кричала я, осматривая комнаты и, конечно же, подвал дома. В руках у меня был нож, снятый с ремня фермера.

Но дом был пуст.

Тогда я выбежала обратно на улицу, встала на краю утёса и, закрыв глаза, воспользовалась тем же трюком с монеткой, что проворачивала в Асулене.

Темнота под закрытыми веками расцветилась медленно проступившими золотыми шариками. Всё вокруг было живым, живым: мириады огней там, где толпились заинтригованные овцы, вспархивающие души птиц на сосновых ветвях, гораздо крупнее – человеческая искра Бонка… Хорошо хоть, что заговор не показывал души кишащих в траве муравьёв, а то бы я свихнулась от полной иллюминации.

Где же ты, Хэвор…

Я задержала дыхание и сосредоточилась, стараясь распространить своё видение как можно дальше. Вьющийся на утёсе ветер шумел, трепал мои волосы и рубашку. Прохладная монета остужала мои тёплые пальцы. Впереди стремительно пролетело два огонька – ястребы кружили под обрывом…

Ничего.

Я разочарованно опустила голову и уже собиралась открыть глаза, как вдруг – вот оно! Внизу, под землёй, горела золотая искра. А рядом с ней… Я выдохнула и, прервав заклятие, подбежала к самому краю, упала на колени и стала всматриваться в отвесный склон.

В нескольких метрах подо мной имелся узкий уступ. Если наклониться, становится видно: в скале есть пещера! Фермер Бонк наверняка пользовался верёвочной лестницей, которую цеплял за растущую рядом сосну, чтобы спуститься, но у меня не было времени искать и закреплять её.

Потому что рядом с искрой Хэвора была ещё одна. Зелёная искра нежити…

– Прахов прах! – взвыла я и, стараясь не думать о колышащихся где-то бесконечно внизу кронах деревьев, похожих на брокколи, слишком маленьких домиках и будто игрушечных полосах погодных разломов (живот скручивало от высоты), прыгнула вниз.

Каменная крошка опасной струйкой посыпалась у меня под ногами, но я попала на уступ и тотчас бросилась в тёмный зев пещеры.

– Хэвор!..

Вдалеке раздался слабый стон. Я побежала по узкому тоннелю, закрывая то правый, то левый глаз, чтобы быстрее привыкнуть к сумраку после яркого солнечного дня.

– Хэвор!..

И вот я вылетела в небольшой зал.

Пушшентай был здесь. Он каким-то чудом забрался на крохотный выступ под самым потолком и дрожал там, забившись в какую-то дыру, весь покрытый грязью, в разодранной одежде, сжимая в руках крупный камень, которым пытался прикрыться. При виде меня он издал ещё один слабый, полный боли стон, и это был до пепла плохой знак. Камни вокруг дыры почернели и потрескались от явно пущенных в них заклинаний…

Потому что под выступом притаился в тенях мёртвый колдун – лич. Едва я влетела в пещеру, он бросился на меня. Серая кожа, местами повисшая лоскутами, белые, светящиеся в темноте глаза, полуистлевшая длинная мантия, кинжал в одной руке и посох с магическим камнем в другой, которая частично представляла собой голые кости.

Он кинулся на меня, ощерившись. Кристалл в посохе засветился и плюнул длинной молнией, от которой я уклонилась, упав и перекатившись.

Чтоб тебя. Я не смогу использовать свою дурацкую медленную магию в таком маленьком помещении – личу до меня всего ничего в любом направлении. Убежать обратно в коридор, сплетая что-то по дороге?

Ещё одна молния – я снова уклонилась, но стена пещеры над моим плечом треснула и потемнела. А эта дрянь была могущественным колдуном при жизни… Я залезла свободной рукой в карман, чтобы вытащить взятое с собой пёрышко для Промедления

Люффа, но оно исчезло. Видимо, умудрилось как-то выпасть, хотя, казалось бы – ну не пёрышку!..

Кружа с личем по пещере, то и дело всё с большим трудом уклоняясь от разрядов молний, я мысленно перебирала все доступные мне заговоры. И понимала, что ни один из них не подходит для текущей ситуации.

Оставалось одно: с коротким ножом я бросилась на лича. Поднырнула под выставленный посох и… Сама получила удар кинжалом одновременно с тем, как воткнула свой нож мертвяку в живот.

– Прах!.. – я с криком отпрыгнула обратно.

Левой руке стало горячо: кровь потекла по рассечённому плечу. Я переложила нож в правую: хорошо, что Кадия в прошлом году заставила меня тренироваться держать оружие и в ней.

Ещё одна попытка приблизиться. Ещё два удара – мой и по мне. На сей раз лезвие лича полоснуло меня по боку, оставляя глубокую рану, и теперь каждое, даже малейшее, движение вызывало у меня приливы тошноты и каскады тёмных пятен перед глазами.

– Хэвор, ты как там?! – крикнула я, стараясь сосредоточиться на том, зачем я здесь, чтобы не думать о терзающей тело боли.

Я должна защитить его.

Тишина в ответ…

Голова кружилась, от железистого запаха крови ком подступал к горлу. Я снова бросилась на лича. В этот раз вместо того, чтобы пытаться дотянуться до него ножом, я опять переложила лезвие в раненую руку, а здоровой изо всех сил схватилась за посох и попыталась выдернуть его, отскакивая назад, стараясь держаться как можно дальше от мелькающего перед лицом кинжала.

Белые глаза нежити полыхнули гневом. Он взревел впервые за всё время боя, и посох вновь выпустил молнию, куда более мощную, чем прежде. Я едва не выпустила древко. Молния гадюкой впилась в камни над входом, они почернели, затрещали, вся пещера пошла ходуном и… Вход начал обрушиваться. Отдельные камни со страшным грохотом падали вниз, громоздясь горой.

Лич отвлёкся, вскинув голову, а я, не позволяя себе думать о том, что происходит вокруг, вырвала-таки посох и пнула противника высоким ударом ноги. Он завалился на спину. Я сначала изо всей силы

воткнула заострённый, обитый металлом конец посоха ему в живот, потом выбила из руки кинжал и, упав на колени, вонзила нож ему в горло и провернула. Раздался хруст. Нежить задёргалась. Понимая, что даже со сломанной шеей и древком в подбрюшье он может продолжать своё существование, я, задыхаясь от боли, била его лезвием до тех пор, пока белые глаза не потухли.

Пещеру заволокло каменной крошкой. Больше всего на свете мне хотелось упасть на камни рядом с личем, прикрыть глаза, хоть как-то отдышаться и проверить, что там с моими ранами, но…

– Хэвор!

Я с трудом поднялась и, кашляя от набивающейся в рот пыли, поплелась в угол, где был уступ. Брошенный в сторону тоннеля взгляд заставил меня облиться холодным потом. Выхода из пещеры больше не было. Камни завалили его до потолка.

Из дыры не доносилось ни звука. Я продолжала окликать Хэвора, пытаясь понять, как, на каком адреналине он смог забраться туда, и наконец, чуть не падая от слабости, сумела сделать то же самое.

Газетчик свернулся тугим клубком. Всё его тело покрывали ожоги и глубокие раны. Одна ступня была вывернута под неестественным углом, над ней из разорванной штанины торчала сломанная кость… Всё то, что я издали приняла за грязь, оказалось кровью – и на самом Пушшентае, и на его одежде, и на камнях вокруг.

Боги-хранители.

Хэвор тяжело дышал, с трудом смотря на меня затуманенным взглядом.

– Ты слышишь меня? – Я коснулась его. – Узнаёшь? Это я, Тинави. Лича больше нет. Ты в безопасности.

– Ти… Тинави, – с трудом повторил он и сипло застонал.

– Где больнее всего?

– Везде…

Моё сердце сжалось. Хэвор закрыл глаза, из-под его ресниц текли слёзы.

– Я так больше не могу, – прошептал он. – Я больше не могу так…

– Нужно потерпеть совсем немного. Скоро мы выберемся, обещаю.

– Здесь так темно…

Это была правда. Из-за заваленного входа пещера погрузилась во мрак: всего лишь несколько мутных серых лучей света проникало сквозь щели между валунами.

Продолжая говорить какие-то утешающие вещи, я пыталась осторожно ощупать Хэвора, чтобы оценить его состояние. Он метался в полубреду и беззвучно плакал, мои руки тряслись, он пытался перехватывать их («Больно, больно!..»), и меня колотило почти так же сильно, как его.

Потерпи, мой хороший. Пожалуйста, потерпи…

Всё оказалось гораздо хуже, чем я надеялась. Помимо многочисленных ран, к части из которых я не рискнула прикасаться, чтобы не ухудшить его состояние, у Хэвора, судя по всему, открылось массивное внутреннее кровотечение.

Небо. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как ему помочь.

Мои зубы стучали, всё внутри кричало, и тупое ощущение собственного бессилия соседствовало с яростью и подступающим к горлу комком ужаса.

Не думать. Тинави. Сейчас ни в коем случае нельзя поддаваться эмоциям и паниковать, надо просто действовать.

– Я сейчас вернусь, – сглотнула я. – Посмотрю, как вытащить нас отсюда.

Камни были настолько огромными, что мне в моём состоянии не удалось сдвинуть ни один из них. Я скреблась о них ногтями, кричала и звала на помощь до тех пор, пока не охрипла, потом вновь, шатаясь и держась за стены, вернулась к Хэвору. Теперь я боялась оставлять его: он был настолько плох, что я всё держала руку у него на груди, вслушиваясь в медленный стук сердца, становившийся всё тише.

Боги, пожалуйста, помогите. Я вас очень прошу. Рэндом. Карланон. Нэт. Кто-нибудь, пожалуйста.

– Я не хочу умирать, Тинави.

– Ты не умрёшь, слышишь?

У меня зуб на зуб не попадал. Ни один из моих заговоров не мог лечить людей. *Да зачем мне вообще нужна эта идиотская магия на искру, если она не способна на главное?!*

– Тинави, это правда, что после смерти мы попадаем в свои мечты?..

– Хэвор, ты не умрёшь. Нас спасут. Мои друзья знают, где мы, и вот-вот придут.

– Я надеюсь, что правда… Я очень хочу… туда…

– Хэвор, останься со мной. Я здесь. Чувствуешь мою руку?

– Мне всегда хотелось…

– Хэвор!

– Побывать…

– Посмотри на меня.

– На море…

Меня трясло. Я ни праха не видела из-за слёз. Я сжимала пальцы Пушшентая, пыталась утешить его, мучительно старалась придумать, что, *что* я могу сделать, чувствовала, как меня потихоньку отключает, не понимала, сколько прошло времени – казалось, уже много часов, много дней, мысли путались, глаза закрывались, оставался лишь собственный осипший голос и почти бестелесный шёпот Хэвора, пунктирный, затихающий стук в его груди…

– Всё будет хорошо.

– Я не хочу…

– Хэвор! Останься со мной, Хэвор!

– Умирать…

Его глаза закрылись. Сердце перестало биться.

– Хэвор!..

Я потеряла сознание.

*** * ***

Всё смешалось. Сначала был какой-то бред, вихри из пыли и крови, засасывающая в себя темнота, содрогающееся из-за рыданий тело. Потом – джунгли.

Изумрудные заросли. Сладкий запах цветов. Бьющий в глаза закатный свет.

Я лежала на знакомой тропинке и безразлично смотрела туда, на деревянный указатель, увитый лианами. Земля глухо затряслась – бум, бум, бум, – и появился Быкоголовый.

Он шёл ко мне. Я не шевелилась. Мне было всё равно. В голове обрывками крутились недавние мысли – я справлюсь, я смогу, я же

такая крутая… Надо тренироваться, победа точно будет за мной, я уже не та, кем была раньше, я сильная, опытная, смелая…

Я хрипло хохотнула.

Какая же ты дура, Тинави.

Минотавр подходил ближе. Его облик двоился у меня перед глазами. Я не могла двинуться от слабости. Ещё ближе. Мутным взглядом я смотрела на морду твари.

Ему оставалось до меня всего несколько шагов. И вдруг, когда я увидела бездонную, безжалостную, тупую и холодную тьму его глаз, я будто очнулась.

Меня со всей силой ударили в грудь недавние слова Хэвора. «Я не хочу умирать, – зазвучала отчаянная мысль уже в моей голове. – Не хочу, не хочу. *Не хочу*!»

Сцепив зубы, я перевернулась на спину и попробовала подняться на колени – ноги не держали. Мотаясь из стороны в сторону, рискуя завалиться на бок, я поползла по дорожке – у меня не получилось встать. Сердце начало лихорадочно биться.

Как я могла не воспользоваться этим шансом сразу же!.. Как я смела подумать о том, чтобы предать саму жизнь, отказавшись от неё!..

Ведь нет на свете большей ценности. Нет счастья большего, большей удачи – быть живым в этой бескрайней вселенной, полной пустоты и праха, пыли и пепла, черноты и неподвижности небытия. Как я – счастливейшее из существ, получившее от неведомой силы возможность дышать, выбирать, действовать, мечтать – смела подумать о том, чтобы сдаться?

Никогда – никогда я не встану на сторону смерти. Дар жизни я ни за что не предам.

Сзади раздался низкий голос чудовища:

– Hooro. Neverrara! – В нём слышалась насмешка.

Я всё-таки сумела подняться. Шатаясь и хромая, подволакивая ногу, с повисшей плетью рукой я побежала прочь, цепляясь носками сапог за землю, чувствуя, как силы возвращаются ко мне – отчаяние уступает место упрямству, твёрдому намерению справиться, не сдаться, дойти, добежать, выкарабкаться – во что бы то ни стало!.. Длинная тень чудовища издевательски следовала за мной. Как бы я ни бодрилась, а Быкоголовый не спеша шёл за мной шаг в шаг, уже предвкушая ужин.

Я не сдамся.

Всё кончено.

Нет, я не сдамся!..

Это конец.

Я не…

Рука Быкоголового вцепилась мне в раненое плечо, и я заорала. Зловонное дыхание коснулось шеи, острый коготь стал медленно раздирать кожу.

И тут… Что-то тёплое и невидимое прижало меня к себе, я почувствовала касание чьих-то губ, и мягкий голос шепнул мне на ухо:

– Проснись, Тинави. Проснись.

*** * ***

Я распахнула глаза. Звёздный свет, бесконечное бархатное небо. Всё те же сосны, ферма, блеяние овец и – полное боли и нежности лицо Берти надо мной.

– Всё хорошо, – сказал он. – Мы вытащили тебя.

– А Хэвор?..

Глаза Голден-Халлы потемнели. Он промолчал. Меня качало, и я не сразу поняла, что он несёт меня на руках. И что вокруг – куча суетящегося народа. Как сквозь туман проступали Морган, Кайла, деревенские жители… Бесчисленное множество фонарей в их руках, из-за которых всё расплывалось у меня перед глазами. Фермер Бонк со скрученными за спиной руками.

– Ты потеряла много крови, – сказал Берти. – Но пока я будил тебя – это было не так-то просто, – Морган немного подлатал раны. Сейчас тебе надо попить и поспать: я принёс гребень, можешь не бояться джунглей.

– Берти, он мёртв? Просто скажи мне?

Я еле ворочала языком.

– Его сердце… перестало биться… Берти, он?..

Голден-Халла облизнул губы.

– Пока неизвестно, – сказал он. – Но сердце бьётся. Кайла пытается сделать что может. Прогноз… не очень хороший, но шансы

есть. Хей! Пожалуйста, не плачь, Тинави!.. – Голос Берти на мгновение сорвался.

– Я плачу, – истерически всхлипнула я, – от радости. Потому что шансы *есть*.

31. Ледяная леди

Любое «никогда» касается только прошлого. Будущее – это «всегда». Всегда возможность и всегда надежда.

Хранитель Карланон

Кайла, собрав всех в деревне, у кого были хоть какие-то навыки целительства, пыталась вытащить Хэвора с того света. Это происходило прямо на ферме и затянулось на всю ночь, которую я сама провела в какой-то комнате в полубреду, то проваливаясь в тягомотную болезненную дрёму, то выныривая с испуганно расширенными зрачками и хрипами: «Берти, как он?!» Периодически приходил Морган и пытался что-то сделать с моими ранами, но я набрасывалась на него с требованиями и мольбами вместо этого помочь Пушшентаю.

– Слушай сюда, Страждущая, – наконец не выдержал Морган, собрав в кулак ткань моей туники и буквально приподняв меня над кроватью. – Всё, что я мог сделать для Хэвора, я уже сделал. И сейчас ты либо дашь мне как следует осмотреть твои раны, либо я уйду, заберу Голден-Халлу и вместе с ним отправлюсь в Долину Колокольчиков. А ты останешься тут, пытаясь не окочуриться под вялым присмотром Кайлы, которая сейчас выжимает из себя максимум ради Пушшентая, после чего долгое время будет просто обессиленной алкоголичкой и обжорой, не способной помочь больным ничем, кроме как парой отваров. Ты поняла меня?

Я кивнула и закрыла глаза. Морган долго что-то делал с моей рукой и правым боком, отчего меня попеременно бросало то в жар, то в холод. Потом Гарвус сообщил, что к следующему вечеру я буду в порядке, и ушёл. Со мной всё порывался посидеть Берти, но я уговорила его заняться расследованием тёмных дел фермы.

– Ты же сыщик. Выясни максимум, пока ты здесь, помоги местным. Одни боги знают, насколько хороши будут стражи порядка, которые приедут из Врат Солнца, и как сильно успеют остыть следы. Бонк явно работал не один, и его подельники, вероятно, ещё не успели разбежаться.

Голден-Халла посмотрел на меня долгим взглядом.

– Тинави… Я, конечно, уйду, но позволь мне сначала сказать кое-что. Я прекрасно понимаю, что, стоит тебе остаться одной, как ты начнёшь безостановочно корить себя за произошедшее. Проигрывать в голове случившееся раз за разом и находить всё больше доказательств тому, что твои решения были неправильными и что кто-нибудь другой на твоём месте смог бы спасти Хэвора магией. Так вот, не слушай эти мысли. Не думай их, они лживы. Ты сделала всё то, что могла, и даже больше – пойти с ножом на лича и победить его, небо голубое… Никто другой не добился бы и этого. Не понял бы, где искать Хэвора. Вообще не пошёл бы его искать. Даже без сослагательного наклонения: никто *действительно не пошёл*. Вдумайся в эти слова, пожалуйста.

Комок подступил у меня к горлу. Не сдержав внезапного судорожного всхлипа, я выдавила:

– Берти… Но если он всё же не очнётся? Просто умрёт?

Глаза Голден-Халлы блеснули в тёплом свете волшебного аквариума с кристаллами, стоящего в углу комнаты и уже привлёкшего к себе пару отчаянных чёрных мотыльков.

– Знаешь, – твёрдо сказал Берти. – Если случится так, то его последними мыслями будет то, что он умер не в одиночестве. А с тобой, с человеком, державшим его за руку, слушавшим его до самого конца. Благодаря тому, что ты была рядом, он, умирая, знал, что где-то жизнь продолжается, и поверь мне, это единственное и лучшее утешение для тех, кто уходит в небытие. Ничего не кончено. И если для тебя воспоминание о пещере останется болью и ужасом, то для Хэвора такой конец был однозначно лучше, чем гибель в пустоте и черноте с нежитью, которая бросится на его останки, как только сумеет до них добраться.

Меня мелко затрясло. Берти поколебался, а потом, перед тем как уйти, крепко обнял меня.

– Ты сейчас не поверишь в это, – вздохнул он, – но я очень горжусь тобой.

А уже на рассвете по всему утёсу стремительно, как пожар, распространилась новость: Хэвор выжил.

Нет: Хэвор! Выжил!

Выжил, выжил! Состояние стабильно. От ожогов, наверное, местами останутся шрамы, и правая нога вряд ли срастётся правильно

– но он будет жить и будет ходить, хотя период реабилитации точно займёт много времени.

Услышав всё это, я повела себя совсем как чокнутая: и рассмеялась, и заплакала, и почувствовала одновременно прилив энергии и колоссальное бессилие. Вновь пришедший в комнату Морган только покачал головой, глядя на то, как я ржу, кулаками размазывая сопли.

– Хорошо, что вы назначили встречу с Хеголой Тоффом на пятницу. – Он прислонился к дверному косяку и сложил руки на груди. – Мы ещё успеем добраться до Сонного Облака, если арендуем лошадей.

– А что, п-п-п-о старому плану мы туда пешком идти собирались? – заикаясь от избытка чувств, поразилась я.

– Понятия не имею, – пожал плечами Гарвус. – Мы вроде это не обсуждали.

Я криво улыбнулась:

– Из нас не очень слаженная команда, да?

– Из нас с тобой – точно. Я иду спать. И тебе советую.

– Прямо здесь? Не дома?

– «Дома»!.. – риторически воскликнул-возмутился Морган. – Да, здесь. Надо дождаться Берти. Ты же за каким-то д'гарром отправила его отбирать кусок хлеба у местных детективов… Ну всё теперь, он просто так его не отдаст. Будет бегать и расследовать, пока не грохнется без чувств от усталости. А с учётом того, что он тот завал в пещере руками разбирал – он запретил мне взрывать его, боясь, что вы под ним, – упадёт Голден-Халла скоро.

– Ох, – опешила я.

– Ничего, – отмахнулся Морган. – Ему не впервой.

*** * ***

К следующей ночи всё наладилось.

Соловьиную Песню наводнили прибывшие из ближайшего города стражи порядка. Голден-Халла оставил им данные вычисленных им подельников Бонка, а также рассказал, что лич в пещере был одним из клиентов-наркоманов картеля, который умер от передоза там же и

которого Бонк оставил как цепного пса, изредка подкидывая ему на съедение тех, от кого нужно было избавиться.

Хэвор был плох, но стабилен. Изредка приходил в себя и тогда безостановочно болтал. Я зашла к нему попрощаться и подивилась тому, насколько ярко горели его глаза при том, сколь слабым и беспомощным он был, весь обмотанный бинтами, погружённый в облако ядрёного запаха лекарств. Возможно, горячка стёрла часть его воспоминаний, но точно не все, потому что в какой-то момент он сказал:

– Когда я выздоровлю, я первым делом поеду к морю. А, нет, сначала я напишу статью-разоблачение. А потом – к морю!

Если честно, от этого моё сердце вновь болезненно сжалось, потому что перед глазами у меня стояла картина того, каким он был в пещере, и, будто цветное стекло, накладывалась на настоящее.

– Как же ты лихо лича завалила! – восхищался Хэвор, а я старательно смаргивала слёзы, пока он не заметил их, чтобы не расстроить его. – И жаль, что вам пора уезжать. Прямо сегодня ночью, да? Так быстро! Точно надо?

– Точно.

– Но зачем?

Я шмыгнула носом и заговорщицки прижала палец к губам:

– За сенсацией. Держи ушки на макушке, господин Пушшентай. Скоро Седые горы содрогнутся от кое-чего небывалого.

– О-о-о!.. – оценил Хэвор и с мечтательной улыбкой на устах вновь провалился в сон.

*** * ***

Берти Голден-Халла

В мутные серые пять утра четверга Берти, Тинави и Морган покинули шале.

Время отбытия было выбрано сообща, но почему-то что Страждущая, что Гарвус напоминали скорее унылых жертв безжалостной диктатуры, нежели свободных людей.

– Пошли, пошли, – Берти подпинывал своё крохотное постанывающее войско к двум запряжённым лошадям, арендованным в деревне. Затем развернулся. – Кори!

– Кар? – ответил ворон, сидевший на пороге.

– Проследишь за домом? Морган уезжает ненадолго.

– Пфкар-р-р-как, – расфыркалась птица. «Ты своему псу небось тоже говорил, что ненадолго уезжаешь? А сам уже больше месяца отсутствуешь».

Берти чуть не умер от острого укола совести, но потом проворчал:

– Я предупреждал его, что меня не будет значительное время. К тому же, поверь, в обществе моих студентов ему хорошо. Несколько недель на просторах острова Этерны никому не помешают. Эй, стоп! Тинави! А ну перестала прислоняться к лошади! Она волнуется!

Наконец они уехали.

Кори немного проводил их: в свете восходящего солнца тень ворона на снегу была на удивление большой и успокаивающей, и Голден-Халле не впервые подумалось, что Корвин – не совсем обычный питомец. Когда-то, очень давно, Берти читал историю о десяти премудрых старцах, живущих на Плачущем Холме, каждый из которых после смерти обернулся чёрной птицей с красными глазами. Может ли быть такое, что это не совсем сказка?..

Голден-Халла бросил прощальный взгляд на ворона, заложившего крутой вираж и полетевшего обратно, потом покрепче прижал к себе уснувшую целительным сном Тинави (гребень ей экспериментально воткнули в причёску, и это сработало). Правда, почти сразу Берти спохватился: прах, у неё же там раны не до конца зажили, наверное! Магия или нет, а времени всего ничего прошло!.. – после чего ослабил хватку. Он перестарался: от излишней свободы Страждущая чуть не съехала с лошади. Голден-Халла кое-как поймал её и попробовал более или менее выровнять. В это время лошадь такого же дрыхнувшего Моргана (а он-то с чего спит?!) свернула с дороги и целеустремлённо попёрла в низину, где росла аппетитная снежная хурма.

– А ну стоять! – сцепив зубы, Берти дотянулся до её поводьев и на всякий случай не стал их отпускать.

Как-то так, в раскорячку, они двигались в сторону Долины Колокольчиков, и Голден-Халла клятвенно пообещал себе дописать на латунной табличке на двери своего кабинета что-нибудь в честь этого

дня. Например: «Частный сыщик Бертрам Голден-Халла. Великомученик. Святой».

Через пару часов впереди открылось восхитительное зрелище: огромная и бурливая горная река. Она была столь величественной, что лёд не мог сковать её.

Серебряная вода, нестерпимо сверкающая под утренним солнцем, скакала на порогах и заворачивалась в небольшие водовороты у валунов. Через реку вёл мост – массивный, деревянный, с резьбой в виде шишек на каждом столбе.

А на мосту стояла высокая женщина в синей мантии с глубоким меховым капюшоном. Положив на перила локти, она обречённо сжимала руками голову и, видимо, мрачно созерцала воду внизу. Кажется, женщине было не очень хорошо: во всяком случае, морально.

Берти нахмурился.

Странно: что она тут делает без лошади? Рядом ни гостиниц, ни трактиров. Следы на свежем снегу указывают, что незнакомка пришла пешком со стороны леса. Возможно, её ограбили или что-то такое?

Голден-Халла хотел уже окликнуть загадочную женщину, как вдруг заметил пару деталей, заставивших его прикусить язык. Возле незнакомки прямо на деревянном парапете моста расцвела крохотная фиалка… И ещё одна – на снегу, под правой ногой. А на голенищах высоких узких сапог госпожи то проступали, то таяли кружевные узоры изморози.

Так-так! Думай, Берти. Как лучше вести себя, при том что ты стоишь перед самой ледяной леди Фионой?

За долю секунды провернув в голове около дюжины возможных исходов ситуации – это суперспособность всех невротиков, – Голден-Халла в итоге сделал то, что и планировал с самого начала.

– Доброе утро, госпожа! У вас что-то случилось?

Презумпция невиновности – наше всё! Не мешай кому-либо повести себя с тобой по-человечески, заранее сочтя его негодяем, и ты удивишься, как много вокруг прекрасных людей.

Ну а если не выгорит… Я же не зря столько лет учился боевому колдовству, верно?

Эта мысль зацепила следующую: зачастую, чем увереннее человек в своих силах, тем он великодушнее – ведь мир кажется ему

отличным и безопасным местом. Именно поэтому стоит всегда начинать с себя.

Между тем могущественная альва, хозяйка мертвецов с горы Совермор, вздрогнула и повернулась к сыщику. Лицо Фионы оказалось ровно таким, чтобы идеально смотреться в сборниках старых сказок – красивое, но немного странное, будто иллюстратор уже так привык рисовать неведомых зверюшек, что просто женщина удаётся ему с трудом. Её лавандовые глаза непонимающе скользнули по Тинави, Моргану и наконец остановились на улыбающейся физиономии Голден-Халлы.

– Вы вообще знаете, кто я? – спросила она не столь оскорблённо, сколь удивлённо.

– Да. А вы – кто я? – лукаво сощурился Берти.

– А разве должна? – Фиона приподняла бровь.

– Да нет, наверное. Хотя тщеславная часть меня надеялась, что в Седых горах уже вовсю сочиняют песни о великолепном Берти Голден-Халле, сыщике, который может помочь даже в самых безвыходных ситуациях…

Бровь альвы поднялась ещё выше. Проснулись Тинави и Морган, и, умнички такие, не стали с ходу влезать в разговор, хотя от Гарвуса явственно исходила аура множества непечатных слов, так и грозящих вырваться наружу. Наверное, потом водопадом хлынут.

Вдруг Фиона сделала кое-что странное. Оттолкнувшись от перил, она в несколько шагов приблизилась к путникам и, поочередно взяв руку каждого… понюхала их. Выглядело это совершенно дико, все трое так опешили, что даже не стали возражать.

– Э, – наконец выдавил Берти. – Это какой-то обычай?

– Можно и так сказать.

– Нам вас тоже понюхать? – с сомнением уточнила Тинави.

– Я не буду этого делать, – тотчас процедил Морган.

– И не надо, – заверила фон Сортерберг, вновь отходя к перилам. – Лучше помогите мне, раз так кичитесь своей репутацией спасателей.

– Это только он кичится, – Гарвус качнул подбородком в сторону Берти. – Лично я предпочитаю, чтобы меня не дёргали почём зря.

– Вы какой-то слишком дерзкий для смертного, нет? – хмыкнула Фиона. – Или ещё не проснулись до конца, раз никак не сообразите, что я могу вас убить?

– Я бы не гордился таким умением. Не то чтобы оно какое-то выдающееся.

– Морган, заткнись, – прошипела Тинави, сделав страшные глаза.

Жестокая правда состояла в том, что невыспавшемуся Гарвусу, да ещё и перенервничавшему в предыдущие дни (что он, конечно же, не показывал), и впрямь море было по колено. И это, увы, не являлось комплиментом.

Берти всё вглядывался в лицо альвы, пытаясь понять, что стоит за её поведением. Как-то не так он представлял себе грозу Норшвайна, о которой сложено столько легенд, которая стольких увела в свой хрустально-цветочный потусторонний двор… В городах вроде Врат Солнца было принято выцарапывать изображения ладоней с горсткой фиалок на дверях домов, из которых *ушли* к Фионе.

Альва выглядела очень по-человечески. Казалось, она недавно пережила нечто горькое, что затем попробовала перекрыть чем-то духоподъёмным, но в итоге облажалась и теперь покачивалась на волнах смятения, раздражения и уныния… «Дай ей стенку – будет биться; дай вина – решит напиться; раз-два-три-четыре-пять – жизнь не жизнь, а тлен опять», – вспомнил подходящую случаю считалочку Голден-Халла.

– Расскажите, что случилось, и я постараюсь помочь вам, – кивнул он, спрыгивая с лошади. Общаться лучше, находясь на одном уровне с человеком.

Фиона вздохнула, вновь поставила локоть на перила и поведала свою историю.

– На прошлой неделе я устраивала Искристый Перепляс, чтобы пополнить свой двор. После этого я двинулась обратно на гору Совермор, но по пути случилось кое-что, что меня очень опечалило. – Она рассеянно покрутила кольцо на пальце. – Мне хотелось как-то поднять себе настроение, и поэтому я решила устроить ещё один бал. Без смертей – моя свита полна, а без надобности я не увожу людей, я же не Леший, помешанный на убийствах. Иногда, если хочется танцевать, я выбираю тихие, забытые всеми места и просто устраиваю своим леди и лордам красивый вечер. Так я и сделала вчера. За теми деревьями – Фиона махнула рукой в сторону леса – находится гора, за ней – погодный разлом, а за ним – низина, полная величественных секвой, растущих на песке. Я решила устроить бал там. Как колонны

храма, секвойи возвышались вокруг моих прельстительных друзей, сочетание простора и тенистого уединения рощи кружило нам головы. Запах сотканного мной ковра из цветов был согревающе-сладким, инистые плющи слабо колыхались, оплетая деревья, а вино из лунного света чистым удовольствием таяло на языке. Музыканты играли, как никогда прежде, леди и лорды были ещё обходительнее, чем обычно, но меня всё равно душила тоска. А потом я увидела его…

Фиона выдержала продолжительную паузу. Берти уж подумал, что сейчас начнётся настоящая драма, но тут ледяная леди вдруг хрюкнула от смеха, а затем, прикрыв рот ладонью, неподобающе громко расхохоталась.

– Ух ты, – шепнула вставшая на стременах Тинави. – Внезапно.

– Простите. – Фиона помахала рукой перед лицом, пытаясь остыть. – Это нервное. Дело в том, что до вчерашней ночи я и не подозревала, что вся та штампованная ересь, которую так любят авторы низкосортной любовной литературы, имеет место в реальной жизни… В общем-то, в какой-то момент между мелодиями я услышала странный стук. Я оглянулась и обомлела: прямо посреди моего бала откуда-то взялся мужик с топором, как ни в чем не бывало рубящий секвойю.

– Что?! – поперхнулся Берти.

– Вот и я так подумала, – кивнула Фиона. – А моей второй мыслью было: «О, камень окаянный, лишний мертвец – лишние расходы!» Потому что стоит смертному узреть наш танец, как его грубая одежда обращается невесомыми шелками, сотканными из птичьих слёз, глаза наполняются звёздным сиянием, кожа становится нежнее лепестков лилий и тэ дэ и тэ пэ – всё как в преданиях. Но этот мужчина не спешил превращаться в моего слугу. Я пошла к нему, собираясь разобраться в происходящем. Чем ближе я подходила, тем сильнее была заинтригована. Дровосек выглядел… как бы сказать… захватывающе: широкие плечи, узкая талия, волевой небритый подбородок и неожиданно чувственный изгиб губ. Когда я увидела, как размеренно и мощно он машет топором, моё сердце пропустило удар – да-да, именно эта пошлая фраза пришла мне на ум! Чужака ничуть не смущал мертвенный холод моего бала: его рубаха была расстёгнута, жар волнами исходил от мускулистого тела. Когда я подошла к нему, он даже не смутился. «О, – сказал он, – ледяная леди! Приятно

познакомиться. Я всю жизнь мечтал вас увидеть». Я неверяще смотрела на него и на то, как вокруг лесоруба таял лёд и колдовские цветы. Он был слишком горяч для моей фиалково-снежной бури! Такого не случалось никогда прежде. Стыд и позор.

Фиона прервалась для того, чтобы, закрыв лицо ладонью, обескураженно покачать головой.

– В общем, – продолжила она, откашлявшись, – меня переклинило. Я дождалась, пока он срубит секвойю. А потом мы с ним сели на её же поваленный ствол. Мои леди и лорды подносили нам чаши со взбитым творожным сыром и янтарное вино из летних закатов, опускались вокруг нас, смирно слушали… Мы с Джеком – его звали так – говорили и хохотали как безумные. Мне становилось всё веселее, мои беды и вся моя жизнь начали казаться глупостью в сравнении с простым, крепким бытием Джека. На рассвете я уже орала, стоя на бревне и обращаясь к небу, что-то вроде: «Да гори оно всё синим пламенем! Я не хочу быть этой проклятой леди! Свободу альвам!» – и Джек горячо поддерживал меня, а потом обхватил меня за талию, чтобы снять с бревна, и тут… Я поняла, что как-то запуталась.

Фиона скорчила кислую физиономию.

– Когда большие горячие ладони Джека сжали мою талию и он потянулся ко мне за поцелуем, я вспомнила, как за сутки до этого целовалась с другим, и вдруг подумала, что это какая-то слишком интенсивная личная жизнь для леди моего статуса и возраста. Ну и в целом: меня всерьёз беспокоили его ладони. Они правда были горячими. Слишком. Я, конечно, существо из плоти и крови, но мало ли? Кто-то же, блин, назвал меня ледяной? Вдруг я чего-то не знаю о собственном теле? Короче, я испугалась, взвизгнула, как следует пнула Джека и убежала.

– О? – поразился Берти.

Не такого конца истории он ожидал.

– Ага, – передёрнула плечами Фиона. – И всё бы ничего, но в тот момент, когда я сиганула от него прочь, у меня с головы слетел венец. Как вы, вероятно, знаете, у каждого альва есть артефакт, имеющий ту или другую ценность. Мой венец содержит в себе определённого рода магическое пространство, в котором заключены мои слуги, и вся моя еда, и конь. Я осознала, что потеряла его, только когда уже выбежала

из леса. Понуро и пришибленно я пошла обратно, и… Венца не было. Джек забрал его.

– Точно ли Джек? – усомнилась Тинави.

– Точно. Он на секвойе вырезал фразу: «Венец у меня. Я живу в получасе ходьбы отсюда, в деревне у Рохховой плотины». И почерк у него оказался таким же великолепным и мужественным, как и он сам.

Фиона трагически прикрыла глаза.

– Как вы, вероятно, догадываетесь, у меня нет никакого желания идти в эту окаянную деревню. Что за позор! Но и слуг, которых я могу туда послать вместо себя, у меня тоже нет: они в грёбаном венце, который в руках грёбаного Джека. Собственно, вот я и стою здесь, – она жестом обвела мост. – Собираюсь с силами. То ли прыгнуть, то ли наступить на горло своей гордости – так пока и не решила.

– Прыгать точно не надо: мантия намокнет, а мокрая шерсть пахнет мерзко… – задумчиво пробормотал Голден-Халла, а потом обвёл взглядом своих спутников. – Ну что, сгоняем за венцом?

– Конечно, сгоняем, – хмыкнула Тинави. – Как не оценить такого мужчину.

Морган пожал плечами:

– Я не против.

Ледяная леди, кажется, удивилась тому, насколько легко они согласились.

– И впрямь спасатели, – прищурившись, улыбнулась она. – Отлично. Только пусть мой венец лучше несёт он.

И Фиона ткнула пальцем в сторону Гарвуса.

Они отправились к Рохховой плотине.

– Почему я должен нести венец, интересно, – какое-то время спустя задумчиво пробормотал Морган.

– Возможно, ты ей просто понравился, – хмыкнул Берти. – Резкий, дерзкий, а главное – холодный, как не знаю что.

– Можем сделать рекламную растяжку, – с лукавым блеском в глазах подключилась Тинави. – «Если вас кто-то разгорячил, у нас есть решение: получите-распишитесь, наша специальная коллекционная ледышка к вашим услугам…»

Гарвус только вздохнул, ускорился и поправил свой ободок.

32. Искушённые

Омном-ном. Омном-ном. Убивать значит есть. Есть – хорошо. Убивать – хорошо.

Мысли доброй половины приспешников Лешего

– Да быть не может, что вы не знаете этого фокуса!

Тинави серебристо рассмеялась. Ей шло такое безбашенно-лёгкое настроение: от Ловчей будто исходили тёплые волны света, не столько успокаивающие, сколько заряжающие энергией. Сразу хотелось улыбаться и что-то делать, что-то вдохновляющее, искреннее, покалывающее иголочками предвкушения, и думать – «я люблю этот мир»… Хотелось протянуть ей руку – и пригласить танцевать, какая бы музыка ни звучала.

Берти мысленно поблагодарил небеса за то, что Страждущая настолько быстро оклемалась после пещеры с личем. Точнее, как: оба этих дня Тинави периодически будто погружалась во тьму, стоило ей увидеть что-то, связанное с произошедшим, но в остальное время была такой же, как всегда – невероятно живой, лишь с миражным отблеском грусти в глазах.

– Вы!.. Работавшие на острове! – Стражди запрыгнула на бревно, перекинутое через овраг, и, балансируя руками, проскакала по нему на ту сторону.

– Вот именно, – проворчал идущий за ней Морган, держа руки в карманах. – Работавшие. А не занимающиеся не пойми чем в стиле некоторых.

– Ну, будем честны, я пытался провернуть этот трюк, и не раз, – хмыкнул Берти. – И если я применял магию, то всё получалось, поэтому в глазах студентов Бури мой авторитет остался непоколебим. А без магии что-то всегда шло не так. Я вообще не уверен, что физика одобряет подобные выкрутасы.

Они говорили о пускании плоских камешков по воде. Кидать их так, чтобы они проскакали несколько раз перед тем, как уйти на дно, –

вот он, вид спорта, успех в котором являлся чуть ли не обязательным для всех, кто когда-либо жил у воды.

Тинави поцокала языком:

– Я научу вас. Цыц. Нет. Никаких возражений, Гарвус! Научу, и всё.

– Я сомневаюсь, что ты в состоянии, – процедил доктор.

– О, не будь так самокритичен. Уверена, у тебя всё-таки получится. Ты небезнадёжен: это видно по твоему гордому взгляду. Кстати, ты в курсе, что сжечь им меня не получится, да?..

– Если бы я не беспокоился за наложенные мною же швы, то сейчас доказал бы тебе обратное, – посетовал Морган.

Берти вдруг услышал какое-то пение вдалеке. Сойдя с тропинки, он раздвинул густые ветви кустарника и удовлетворённо кивнул.

– Хей! Двигайте сюда. Мы почти на месте.

Внизу, под достаточно крутым, но не убийственным склоном, было видно искомую деревушку. Неокрашенные срубы домов стояли между берёзами, там же виднелись колодец, конюшни, склады для дров.

Мужественные норшвайнцы с бородами-лопатами ловко распиливали огромный ствол приволочённой секвойи… Вот и добыча Джека, прекрасно! Озорные свисты и песни лесорубной братии были слышны издалека. Норшвайнцы одобрительно хлопали друга по плечам и косились на приближавшихся чужестранцев с дружелюбным любопытством.

– А где у вас можно найти дровосека по имени Джек? – когда они спустились, начала Тинави. – Такого, знаете… С тонкой талией, мощным разворотом плеч, невероятными руками…

Берти перебил её:

– …Который добыл эту секвойю, пожалуйста?

– Джек дома сидит, устал после большого дела! – одобрительно доложили коллеги Слишком Горячего Мужчины. – Вон его сруб – видите? По улице прямо и налево. Только вам двоим в нашу деревню нельзя. Девушке – можно.

– Почему? – удивился Берти.

– А у вас бород нет, – добродушно объяснил самый мощный дровосек. – Голые подбородки у мужиков по нашей традиции считают предвестниками неудачи, так что будьте добры, сделайте пару шагов

назад. Удача для дровосеков – важная штука! Когда твоя работа заключается в том, чтобы заваливать такие громадины, – он похлопал по внушительному стволу секвойи, – будешь волей-неволей с почтением относиться даже к дурацким приметам.

– Мм. – Берти обернулся к Тинави: – Ты готова сама поговорить с Джеком? Или будем дружно шаманить и мазать мой подбородок репейным маслом, чтобы сделать с ним нечто ужасное по столичным меркам?..

– Я готова, – улыбнулась она.

* * *

Тинави потопала за венцом, а Морган и Берти решили немного прогуляться, чтобы почём зря не нервировать суеверных местных жителей. Голден-Халла шёл, любуясь пронзительно-синим небом без единого облачка. Просеянные берёзами лучи солнца играли в догонялки на лице сыщика.

– Морган, скажи мне на правах местного жителя, – протянул Берти, – сколько по времени почтовая белка будет добираться от дома Хеголы Тоффы до Соловьиной Песни? Или, скажем, сюда?

– Думаю, часов двадцать. – Гарвус шёл, задумчиво изучая крохотных и худых ярко-жёлтых лягушек, целой толпой скакавших вдоль тропинки. Необычные, в Асерине такие не водятся.

«Надеюсь, он не собирается пустить их на опыты», – мимоходом подумал Берти.

А вслух сказал:

– Вот-вот. Всего двадцать часов. А с момента беседы с Нив прошло уже трое суток.

– Да. Либо она не передала вашему мёртвому другу информацию, либо он решил приехать в Сонное Облако без подтверждения встречи.

– Ставлю на первое.

– Я тоже.

– Ну вот, спора не получилось.

– Ну ты уж как-нибудь попробуй это пережить… – Морган наклонился и схватил одну лягушку двумя пальцами.

Берти слегка забеспокоился о её судьбе, но Гарвус, с любопытством оглядев квакающую жертву со всех сторон, просто выпустил её обратно. Потом пожевал губами и с внезапно посерьёзневшим лицом повернулся к детективу.

– Берти. Буду честен.

– О нет, – только и успел вставить тот.

– Мне категорически не нравится то, что вы задумали. Я о том, что ты и это лесное недоразумение условились спасти всех в Долине Колокольчиков. Я знаю, у тебя этот комплекс давно – очередной минус твоего и без того невыносимого характера. У Тинави, по ходу, тоже всё очень запущенно. И вот я говорю тебе: отступитесь. Не надо.

Взгляд у Моргана был жёсткий. Не тот, с которым он скашивал студентов на экзаменах, но тот, с которым убивал чудовищ в подземельях Этерны. Берти мысленно выругался.

– Морган, какого праха! Ты же ещё пару дней назад вместе с нами пытался придумать, как спасти Авалати!

– Нет, не совсем. Я просто всесторонне и беспристрастно изучал этот вопрос, чтобы понять, во что мы ввязались. И пришёл к выводу, что вся ситуация с Долиной – напрочь гнилая. Все её участники нехило задолжали вселенной. Триста лет подряд тут творилось хрен знает что. Один гений сначала решил «поизображать из себя человека», забив на свою реальную сущность, затем применил силу не на то, на что должен был, и, наконец, исключил себя из игры на целых три века. Другой – проигнорировал саму госпожу смерть, а потом, решив, видимо, стать богом, выкосил и сожрал в округе половину нежити, у которой вообще-то могла быть своя миссия. Куча селян всё это время так вообще болтается на границе бытия и небытия, делая саму реальность вокруг себя зыбкой – и это притом, что в Седых горах у неё и так перманентные проблемы! А ведь мир – это огромная продуманная система, Берти, со своими правилами и обязательным следованием балансу «брать – давать». От этого не уйти, нравится это тебе или нет. Систему нельзя бесконечно перестраивать в угоду своему идеализму. Где-то прибудет, где-то убудет – и если ты жульничаешь или зарываешься, поверь, вселенная рано или поздно найдёт способ силой выдрать у тебя запрятанное.

– Да при чём здесь это…

– Молчать. «Это», – Морган пальцами изобразил кавычки, – здесь притом, что каждый долиновец все эти годы по чуть-чуть расшатывал реальность, занимая не своё место… Делать так – значит влезать в долги. Сначала действительность поддаётся, растягивается, как резинка, но постепенно неправильность накапливается – и вот нарушители уже получают по лбу. Это неизбежно. Кто-то должен расплатиться за всё содеянное, понимаешь? А вы с Тинави, по сути, хотите ещё разок прогнуть мироздание, занять у него ещё немного энергии. Остановитесь, пока не поздно. Не усугубляйте. Стоит всмотреться, и становится очевидно: из уравнения Долины Колокольчиков нельзя выйти без потерь. Каким бы оптимизмом вы вдвоём ни пылали, он здесь откровенно неуместен.

– Морган, я… – начал было Берти, но Гарвус резко перебил его:

– Если ты сейчас скажешь, что не понимаешь, к чему я веду, то я просто ударю тебя. Потому что даже последнему идиоту после моих слов ясно: если вы с Тинави сунетесь в ситуацию – вы тоже станете участниками системы! И может статься, что тогда расплачиваться придётся именно вам, волонтёрам хреновым. А я хочу, чтобы ты прожил на этой земле как можно дольше, Бертрам Чтоб Тебя Голден-Халла. Но с твоей позицией «я все переделаю и перекрою́, я всех спасу» ты либо уже в скором времени как следует огребёшь, либо просто будешь проигрывать раз за разом и однажды сломаешься. Я не дам тебе этого сделать, ясно? – Морган сжал кулаки. – Так что: выкинете с Тинави какой-нибудь фокус в Долине Колокольчиков – я остановлю вас, небом клянусь. И сам убью этого Силграса Авалати.

Долгая тишина повисла в притихшей роще. Двое друзей смотрели друга на друга не моргая. Наконец Берти отвернулся.

– Ты стал весьма… импульсивным в последнее время, не так ли, Морган? – вздохнул он.

– Просто осознал, что с тобой и тебе подобными иначе нельзя. Берти, ответь прямо: ты меня понял?

Сыщик снова поднял взгляд на друга. Зелень глаз Моргана была холодна, как река подо льдом.

– Да, – сказал Голден-Халла. – Я всё понял.

* * *

Тинави из Дома Страждущих

Найдя дом Джека, уютно примостившийся среди берёз, которые нескромно хвастались новыми серёжками, я постучалась. Некоторое время спустя дверь открылась, и…

Ох! Очень странно, что одновременно с этим не зазвучала романтическая музыка, вот что я вам скажу! И солнечные зайчики, скачущие по крыльцу, не превратились в сердечки…

– Вот это да, – прошептала я и даже схватилась за грудь, озарённая величественной красотой норшвайнца.

Да. Энтузиазм леди Фионы можно было понять.

– Приветики! – между тем добродушно сказал Джек, подбоченясь. – Чем могу помочь?

Голос у него был то ли хрипловатый, то ли бархатный – не помню, какой эпитет предписано использовать в таких случаях, но будьте уверены – голос Джека вам бы понравился.

Я проморгалась, совладала с соблазном прикрыть глаза ладонью (так нестерпимо сиял дровосек) и призналась:

– Я к вам от леди Фионы по поводу…

Но не успела я договорить, как Джек изменился в лице, выпрыгнул ко мне на крыльцо и резко захлопнул за собой дверь.

Как он пах, боги, как он пах!..

– Не упоминайте её! – страшным шёпотом потребовал он. – У меня брат дома, а я не хочу, чтобы кто-либо знал о нашей встрече!

– Почему? – поразилась я.

– Потому что у меня теперь травма на всю жизнь. Никогда мне не делали так больно. Я вообще не понимаю, как мне теперь к девушкам приближаться.

– Неужели она вас настолько сильно пнула?..

– Пнула? Что? – провалившийся было в отчаяние Джек встрепенулся. – А, да, пнула тоже, конечно, но это ерунда. А вот до этого…

Он зажмурился и застонал от отчаяния. Я мысленно перебрала в голове рассказ Фионы и была вынуждена признать, что не понимаю, в чём именно проблема.

– Она что, не говорила вам, как я гадок?

– Гадок?! Да нет вроде. Если только в норшвайнском у слова «красивый» нет второго смысла.

– Хм… Странно. Подождите, она назвала меня красивым? – Джек почесал свою изумительную репу. – Просто в тот момент, когда я потянулся к ней за поцелуем, она сказала кое-что другое… – он поморщился. – Глядя мне в глаза, она отчётливо произнесла: «Ужасно». И припечатала: «Омерзительно». И вот только потом уже пнула меня и убежала. Ну и как?! – будто от боли, зашипел он. – Как мне пережить тот факт, что прекрасная женщина, увидев моё лицо вблизи, оценила его столь низко?! Что со мной не так? У меня что-то с губами? Может, я выгляжу тупым? Или с такого ракурса видно, что у меня немного кривой нос?

В окошке избы появилось удивлённое лицо какого-то паренька.

– Э-э-э, Джек, – я осторожно постучала страдающего дровосека по плечу. – Во-первых, ваш брат заинтересовался вашими воплями.

Дровосек мгновенно заткнулся и, зыркнув в сторону окна, сурово пресёк подглядывания.

– А во-вторых… Вообще, Фиона сказала это не про вас. А про себя. Ну, точнее, в целом про свою ситуацию, жизненные решения и всё такое. О вас она говорила только такими эпитетами, которые иначе как восхваляющими не назовёшь. Клянусь вам, – я сложила ладони вместе, – о своей внешности вы можете не волноваться.

– Вы серьёзно? – удивился дровосек.

– Ну как бы да, – всё ещё изумлялась я.

…Джек расцвёл.

Меня ослепило.

Оказывается, до этого он был ещё далеко не в лучшей для себя форме.

– Этот день неожиданно стал приятным! – вновь радостно и уверенно, замшево-обаятельно сообщил дровосек. – Как мне отблагодарить вас за это, прекрасная незнакомка?

– Бесценный и уникальный старинный артефакт типа «венец» – вот подходящая плата за мой скромный совет, – деловито заявила я. А потом подмигнула: – Подходит?

– По рукам! – хохотнул Джек. – Слушайте, я положил его у себя в сарае, рядом с топором. Возьмёте сами? Пойду с братом переговорю, а то, судя по его ехидной роже, он всё-таки что-то услышал.

– Идите, – благословила его я.

Затем спустилась во двор, нашла сарай и, заглянув внутрь, неожиданно оказалась в настоящем Царстве Запасливости. Помимо топоров и прочих инструментов, тут хранились мешки с пшеницей в диких количествах. Их у Джека было столько, будто он готовился год жить в осаде. Может, я чего-то не знаю об этом злаке?.. Может, если активно употреблять только пшеницу, то станешь таким же великолепным, как Джек? Привезти, что ли, немного зёрен в подарок… Только я без понятия кому. Все мои близкие и так хороши, определённо не нуждаются в усовершенствованиях.

Под любопытным взглядом кота, шмыгнувшего за мной, я сняла со стены серебряный венец леди Фионы, украшенный драгоценными камнями. Он казался таким хрупким, что мне стало страшно класть его в сумку – вдруг погнётся? – и я прямо в руках понесла его через всю деревню.

Я старалась идти как можно более небрежно и даже слегка размахивала им, будто какой-то погнутой железякой, чтобы не привлекать к древнему артефакту внимания. Я не боялась, что кто-нибудь решит у меня его отобрать, но раз Джек предпочёл сохранить свою встречу с Фионой в тайне, я не буду его подставлять.

Чуть ли не вприпрыжку, так расслабившись, что в какой-то момент венец едва не вылетел из моей руки в придорожный овраг, я доскакала до выхода из деревни, где нашла Берти. Он сидел на пеньке и кормил орешками стаю воробьёв, взбудораженно скачущих по траве и смотрящих на детектива с откровенным обожанием.

– Ну что, как тебе дровосек? – улыбнулся он, оборачиваясь на меня.

– Не мой типаж, но тахикардию я всё же словила, и не слабую. А куда ты дел Моргана?

– Прикопал вон там, – Голден-Халла на полном серьёзе указал на взрытую кучу земли неподалёку, из тех, что остаются после визитов норшвайнских кротов-гигантов. – Он так надоел занудствовать, что я не выдержал, представляешь?

– Ух. Кошмар какой. – Я сложила руки на груди. – Давай тогда придумывать тебе алиби, господин Голден-Халла! С интересом попрактикуюсь в этом: прежде не было повода.

– Да не, лень… Пойдём лучше обратно, леди Фиона ждёт.

Берти рассмеялся и поднялся с пенька. Смех у него был слегка натужным, и я забеспокоилась: а это точно шутка про Моргана?..

Проходя мимо упомянутой горы земли, я на всякий случай эдак незаметно ткнула её ногой, проверяя содержимое, и Голден-Халла, заметив это, фыркнул:

– Морган просто пошёл по следам каких-то редких лягушек. Говорит, они живут только в источниках, на чьих берегах растут изумительные лечебные тюльпаны. Он вскоре догонит нас, не переживай.

Мы преодолели погодный разрыв и уже шли к мосту по зимней зоне. Тропа петляла вокруг горы: с одной стороны была отвесная стена с замёрзшими трёхметровыми сосульками, с другой – крутой заснеженный склон, почти обрыв. Один из воробьёв, прикормленный Голден-Халлой, упрямо следовал за нами, не желая расставаться с щедрым детективом.

Только когда солнечный луч, отразившись от металла, ударил мне в глаза, я осознала, что так и несу венец Фионы в руке. И рука, кстати, замёрзла.

– Ой, – сказала я. – Подержи его, Берти! Я пока перчатки достану.

– Мне не сложно, но, может, ты его просто на голову наденешь? – подмигнул Голден-Халла. – Кажется, тебе хочется его примерить.

Да, если честно, хотелось.

– Ну как? – поинтересовался Берти, когда я осторожно водрузила артефакт себе на макушку. – Приятные ощущения?

– Сел как влитой, – я погладила полированный бок украшения. – Мне идёт?

– Очень. Не удивлюсь, если сейчас выяснится, что на самом деле ты дочь лесного короля, живущая инкогнито, как у ваших принцесс и принцев и принято. Если так, предупреждаю: я буду тебя бессовестно шантажировать.

– Это чем же, интересно?

– Ещё не придумал. Может, ты мне что-нибудь и подскажешь?

– Я не дочь короля, Берти.

– Ну да, ведь ты в некоторой степени влюблена в его младшего сына, – прищурился Голден-Халла.

– Хей! – Я ахнула от неожиданности. – Я не говорила тебе этого!

– Слушай, ну я ведь не зря детектив, помешанный на физиогномике… А мы с тобой уже рассказали друг другу столько всего, что я не мог не сделать некоторые выводы. Много выводов на самом деле. Очень, очень много. Половина из них наверняка неверная, но другие – видишь – попадают в цель.

– Ты пугаешь меня, Голден-Халла.

– Не бойся. Я на твоей стороне.

– В чём именно?

– Во всём, – улыбнулся он.

Я смутилась. Прах, а ведь я, рассказывая о Лиссае, специально вкладывала в свои слова как можно меньше эмоций! Не потому даже, что у нас с Лисом слегка запутанные отношения, просто… Ну он же принц. А я – более или менее верная подданная. По моей логике, я не должна трепать его имя (даже любя) в разговорах с чужестранцами.

Как минимум из-за этого я молчала о Лиссае, а Берти всё равно догадался. Мне стало слегка неловко при мысли о том, что ещё этот рыжий сыщик мог понять о моих неупомянутых и местами двойственных чувствах к самым разным людям этого мира. Даже к нему самому!

Где-то впереди запела птица – так красиво, что мы замолчали и стали слушать. Воробушек Голден-Халлы, продолжавший лететь за нами, ревниво заорал в ответ, но умолк, когда сыщик на ходу достал для него ещё орешек.

А у меня в голове между тем зазвучали голоса…

Удивительный у тебя спутник, Тинави.

Он как будто твой самый старый друг, и ты сразу стала ему доверять, с первой минуты знакомства. Такая удача, что вы случайно встретились. Не каждому повезёт познакомиться с потерянным близнецом своей души.

Я покосилась на Берти. Он поймал мой взгляд, мгновенно оживился и пальцем указал на птицу на дереве, которое торчало из склона внизу под каким-то совершенно диким, неестественным углом.

– Красивая мелодия, да? Кажется, это арецца. Обожаю пение птиц: летом часто подолгу не могу уснуть, когда они поют за окном – мне просто жалко упускать такую красоту. Лежу. Слушаю. Потом ругаю себя последними словами, когда опять не высплюсь, а всё же…

Часть меня думает, что это было не зря. Для чего ещё жить, как не для красоты?

Я кивнула. Я тоже часто не хотела спать, когда в Мшистом квартале пели соловьи.

«Нет, вы как-то слишком похожи… – продолжили шелестяще-шепчущие голоса. – *Такого не бывает. Это наверняка подвох. Ты посмотри, как ловко он подбивает к тебе клинья. Возможно, всё ваше приключение тоже подстроил он? И старается подобраться поближе, чтобы… Чтобы что?»*

Мой взор затуманился. Задумавшись, я споткнулась, но удержала равновесие и продолжила упрямо и угрюмо идти, не сбиваясь с шага.

– Тинави, с тобой всё нормально? – напрягся Берти.

– Да, – ответила я на мотив «Отстань!».

«Может, ты и не нажила себе настоящих врагов (жуки-короеды, вытравленные с кухни, не в счёт), но ведь через тебя можно добраться до других, куда более важных персон… Наставник. Карланон. Принц. Если Берти охотится на кого-то из них, он вполне может взять тебя в заложники или убить – чтобы начать переговоры или принести им боль».

– У тебя от спотыканий венец на лоб съехал! – сказал Голден-Халла, но я не услышала его, погружённая в себя.

Тогда сыщик нахмурился и протянул руку, чтобы поправить на мне тиару. Голоса среагировали мгновенно.

«Он нападает! Убей его первой!» – взвизгнули они.

И я, кхм, начала действовать по протоколу «Самооборона». А так как лучшая защита – это нападение, Голден-Халле в тот день не повезло.

* * *

Я увернулась от протянутой ко мне руки долговязого сыщика и последовательно ударила его в кадык, солнечное сплетение и по коленям. Не ожидавший такого Берти сипло взвыл и задохнулся.

Я же продолжила. План мой – вернее, план голосов – был коварен: схватить дезориентированного Берти и сбросить вниз со склона, до которого на нашей узкой тропе было не больше шага.

Но мне помешал воробушек.

Птица, в первый момент поперхнувшаяся очередным орешком, вдруг бросилась мне в лицо, трепеща крыльями и визжа на манер самоубийцы. Я ахнула, закрыла глаза руками и, попятившись, сама чуть не улетела в пропасть.

Берти меж тем мальца оклемался и с удивлённым «Хей, блин!» бросился ко мне, пытаясь схватить за руки и, видимо, как-то повязать. Я же, подначиваемая голосами, отбивалась, рыча, и всё пыталась сделать ему побольнее. Воспитание не позволяло Голден-Халле деятельно сопротивляться даме (то есть уронить меня подсечкой и вырубить, что было бы самым быстрым), поэтому Берти лишь оборонялся, и в паузах между охами пытался что-то объяснить, но я не слышала.

В голове лишь набатом звучало: *«Убей. Нет!!! Лучше СЪЕШЬ».*

Клюв испуганного воробья, решившего во что бы то ни стало защитить своего благодетеля, безжалостно и больно ткнул меня в ухо. Я резко мотнула головой, пытаясь отогнать птаху.

От этого движения венец леди Фионы слетел… А воробей испуганно отпрянул.

Я же повиновалась приказу: бросилась на Берти осклабившись, будто волчица. Я метила своими озверелыми клыками в голую шею сыщика – шуфа его размоталась из-за драки и теперь пассивно помогала «голосам», душа Голден-Халлу. С низким рычанием я уже почти сомкнула зубы на коже обалдевшего саусберийца – за руки-то он меня в итоге поймал, а вот челюсть контролировать и не подумал, – как вдруг наваждение прошло…

Голоса как отрезало. Желание вгрызться в Берти – тоже.

Я замерла, ошалело пытаясь понять, что вообще происходит. Пару секунд наша живописная композиция пребывала в неподвижности. Потом я сглотнула и, глядя на бьющуюся жилку на шее сыщика, медленно вернулась в вертикальное положение.

– Кусай-кусай, не стесняйся, – хрипло выдохнул побледневший Голден-Халла. – Витамины, опять же… Железо… Ты же много крови потеряла, надо восстановиться…

– Прахов прах, Берти! Я понятия не имею, что сейчас со мной было! – покаянно взвыла я. – Прости, пожалуйста!

– То есть тебя можно отпускать? – придирчиво уточнил он. – Ты больше не будешь на меня охотиться, как какой-то нелицензированный вампир-голодранец?

– Мне очень жаль… – вновь повторила я.

Сыщик уже собирался разжать пальцы, стискивавшие мои запястья, а воробей что-то ободряюще клекотнул ему из ближайших кустов, когда весь наш кусок склона как-то устало вздохнул и вместе с нами поехал под обрыв…

К счастью, катились мы недалеко и недолго – до ближайшего дерева, того самого, кривенького, на котором теперь так удивлённо заткнулась птичка-арецца. В процессе скатывания я всё же добралась до шеи сыщика – уже без плотоядных намерений, чисто на рефлексе «Уткнись Носом Хоть Куда-Нибудь». Когда мы кубарем влетели в ствол сосны, а сверху нас присыпало снегом, я очень порадовалась мягкости и многослойности зимних нарядов.

– Полежим? – крякнув, полупридушенно спросил Берти откуда-то снизу.

– Полежим… – согласилась я и утомлённо закрыла глаза.

Вскоре птица-солистка вновь стала петь, а мы, кое-как распутавшись, приступили к неизбежному: начали искать венец. Поиски белого на белом, снежного на снежном – это, конечно, развлечение для искушённых.

– «Иску́шенных», ага. Искусанных то есть, – съязвил Берти в ответ на моё замечание и нарочито потёр шею, по которой, как он уверял, я всё-таки пару раз клацнула.

Пока мы искали чужую собственность, заодно и обсудили случившееся.

– Я вдруг вспомнила, как ледяная леди просила, чтобы не мы, а Морган нёс её венец, – вздохнула я. – Видимо, вещица как-то плохо влияет на некоторых людей… Но на каких?

– Ну давай подумаем, какая в тебе может быть проблема.

– Почему сразу проблема-то?!

– Тьфу. Прости: глупость сказал. Я просто всё ещё переживаю. Впервые в жизни меня попыталось съесть двуногое прямоходящее.

– Сам ты двуногое прямоходящее!

– Да, я тоже оно, бесспорно, – согласился Берти. Потом прикинул и поморщился: – Но звучит и впрямь не очень. Бр-р-р. Я ж говорю:

я всё ещё в шоке!

Мы задумчиво уставились на наконец-то найденный артефакт.

– Вероятно, мне тоже не следует брать его в руки, – цокнул языком Берти. – Боюсь, если я стану агрессивным, склон этого просто не переживёт.

Длинная острая тень упала на нас откуда-то сверху.

– Вы что там делаете, прошу прощения? – раздался строгий голос Моргана, в котором звучали тщательно скрываемые изумлённые нотки.

Гарвус был великолепен с охапкой тюльпанов в руках.

– Слава небу, ты пришёл! Ползи-ка к нам, душа моя, – облегчённо улыбнулся Берти. – Веришь – нет: очень надо.

* * *

Леди Фиона так и ждала нас на мосту.

– Боги, вы действительно помогли мне! – воскликнула она, когда Морган молча всунул ей в руки венец (но не цветы) – будто монетки на оплату в час пик в шолоховском магретто.

– Вы изумляетесь так, будто вам двадцать лет, а не несколько тысяч, – закатил глаза Гарвус.

Я поперхнулась, прикинув, с какой скоростью Фиона сейчас отвинтит его башку, однако она лишь рассмеялась.

– Вы мне нравитесь, – сказала она.

– Не могу ответить тем же… – начал Морган, но Берти со звонким шлепком запечатал ладонью рот друга и лучисто улыбнулся альве.

– Он очень рад это слышать, просто у него проблемы с коммуникацией, не обращайте внимания.

– А ещё он постоянно врёт, – подхватила я, тихонечко оттаскивая брыкающегося Моргана назад. – Говорит, например, что Голден-Халла – бестолочь и мир стал бы без него в сто раз лучше, но едва этот мир предпринимает попытку что-то сделать с Берти, как Морган передумывает. Или вот меня обвиняет в том, что я слишком милая, но стоит мне сделать что-то не по его правилам, как он надувается подобно сердитой птице соццу из дождевых долин.

– Чудной человек, – подытожил Берти.

– Воистину, – закивала я. – Один на миллион.

Мы уже стащили Моргана с моста, от греха подальше.

Ледяная леди рассмеялась ещё раз. Она и до этого показалась мне неожиданно милой для существа, которое то и дело убивает людей, а теперь вела себя совсем как «рубаха-девчонка».

Пока Берти популярно объяснял Моргану, почему не стоит ссориться с альвой, я вернулась к Фионе.

Она, надев венец на голову, как раз пробормотала:

– Давайте проверим, всё ли в порядке с венцом после этого маленького приключения.

– А может, не надо?.. – вздрогнула я, но было поздно.

По коже Фионы пробежали всполохи магии, снежная крошка вихрем взметнулась из-под ног, а на поручнях моста одновременно стали расти иней и распускаться цветы.

Далёкий смех, похожий на шёпот ветра, спустился с гор… Мне почудились тонкие призрачные силуэты в причудливых одеждах, подходящие к Фионе пара за парой. Её мёртвые слуги, не вызванные ею до конца и потому слишком нестабильные для того, чтобы выдерживать прямой взгляд – их можно было засечь лишь боковым зрением.

Но появилось и кое-что другое, то, что не увидеть было нельзя. А именно: над Фионой, в нескольких метрах над её головой, вдруг зажглась огромная аметистовая звезда. Она была давящей и величественной. В отличие от звезды Силграса, лёгкой и почти ажурной, символ ледяной леди напоминал таран для осады города.

Фиона, прищурившись, оценивающе посмотрела на звезду снизу вверх.

– Ни единой трещинки, да? – сказала она, вновь опуская взгляд.

– Ни единой, – подтвердила я.

– Вот-вот. Такая крепкая, такая неубиваемая – и такая бессмысленная, – хмыкнула альва, хлопнув в ладоши и заставив свою звезду скрыться, а чары – угаснуть. – Спасибо большое.

– Леди Фиона, а почему именно Морган должен был нести ваш венец? – не сдержала любопытства я.

Она подмигнула:

– Потому что на моём венце стоит защита от альвов. Если приспешники кого-либо из обладателей звезды попробуют украсть его, то венец вызовет у них жажду убийства всех вокруг… Небольшая

защита. Ну а от вас двоих, – кивок на меня и Берти, – пахнет моим дорогим Силлем. Это вы помогаете ему с колокольчиками, да?

…Честное слово, за этот день я уже устала удивляться.

– Мы, – подтвердил Берти. – Вы поэтому с самого начала так поразительно радушно настроены в отношении нас?

– Конечно. Друг моего друга – мой друг.

– А вы знаете, что задумал Силграс? – спросила я.

Фиона тяжело вздохнула. На её лицо нашла тень, и предыдущее лёгкое настроение, вдруг показавшееся мне нарочитым, натужным, сменилось давящим на душу тихим горем.

– Да, – сказала фон Сортерберг.

– И не собираетесь мешать ему?

– Он взрослый мальчик. Это его решение, – она пожала плечами. – Я не буду ни обсуждать его, ни осуждать. Одно скажу: постарайтесь успеть приехать в Долину до полнолуния. Именно тогда ему важно провести ритуал. Иначе всё может стать даже хуже.

– Куда уж хуже? – напрягся Берти.

– О, поверьте… – задумчиво протянула Фиона. – Не говорите Силграсу, что видели меня. Мы с ним уже попрощались.

И, отвернувшись, она пошла прочь, всё быстрее и быстрее, потом перешла на бег, щёлкнула пальцами – и вот будто из-под земли перед ней появился высокий чёрный конь. Ухватившись за луку седла, Фиона почти взлетела на спину скакуна и вместе с ним умчалась прочь, не оглядываясь, поднимая за собой вихри хрустальной снежной крошки…

Опустив взгляд, я увидела, как сквозь грубые доски моста прорастают фиалки, складывающиеся в призыв:

«НЕ ОПОЗДАЙТЕ».

33. Тем временем Силграс

Дорогая матушка, дорогой отец. Я хочу сделать предложение Эльзе, но боюсь, что её переезд в Избу-У-Колодца испортит наши отношения с Силграсом, и потому не решаюсь, хотя все думают, что я просто робею. Авалати определённо будет неприятно жить рядом с молодожёнами, но не могу же я оставаться бобылём из нежелания обидеть напарника? Как мне быть? Жаль, что вы не можете дать мне совет с того света. Если всё же можете – дайте.

Записка Хеголы Тоффа, спрятанная на деревенском кладбище

Камень окаянный!..

Силграс, конечно, не рассчитывал на хитрость с кровью в расщелине слишком сильно, но надеялся, что она даст ему хотя бы неделю форы.

Однако приспешники Лешего уже снова кружили вокруг Долины. Более того, на сей раз к нему подбирались не твари-лазутчики, а варги – здоровенные волки с двумя рядами острейших зубов. Заклинание трёхсотлетней давности, скрывающее деревню от чужих глаз, не действовало на этих чащобных монстров. С каждым днём петля стягивалась, и Силграс всё сильнее переживал о том, дождётся ли он своих помощников. И не нападут ли варги на них.

Авалати набрал горсть снега с конька крыши, на котором сидел, и слепив снежок, что есть силы расстроенно швырнул его вдаль. Тот влетел аккурат в деревянный щит, на котором они когда-то прикрепляли расписание и дотошно отмечали результаты соревнований.

Все те игры, боги-хранители…

Силграс никогда не относился к ним серьёзно. Стрельба из лука, бег, боевая магия и плавание – какая разница, кто победит? Точнее, не

так. Какая разница, кто займёт второе место? Ведь первое всегда было за ним.

Сейчас Авалати не понимал, как он мог быть настолько слеп, что не видел огорчения Хеголы. Снова и снова тот проигрывал ему – а Силграсу и в голову не приходило, что это может как-то задевать друга.

Интересно, что бы почувствовал он сам, проиграй Хеголе хоть единожды?

У альва не было ответа. И сейчас, в спокойном (ну, относительно) расположении духа, он не знал, как оценивать уязвлённую гордость Тоффа. Прав ли был Силграс, когда в день Той Самой Ссоры отчитывал Хеголу за неумение признать свою слабость? То есть, конечно, он подобрал максимально неподходящие слова и интонации, но в целом…

Это была правда? Хеголе действительно следовало воспринимать свои бесконечные проигрыши философски, сравнивать себя только с собой вчерашним, как пишут в модных норшвайнских книжках, или всё же это Силграсу стоило задуматься о душевном равновесии друга – обратить внимание на терзания Хеголы, выйти из игры, незаметно поддаться, в конце концов?..

Триста лет прошло, а у Авалати так и не было правильного ответа.

«Между справедливостью и добротой всегда выбирай второе».

Так ему однажды сказал Хегола. Они тогда поехали на большие летние игры в деревню под названием Сонное Облако, что находилась к западу от Асулена. Это был период командных соревнований, и будущими размолвками Силграса с Тоффом ещё и не пахло.

Утром и днём они, как и все вокруг, занимались обычной работой. Для приехавших в гости жителей Долины это был, так сказать, обмен знаниями с жителями Сонного Облака. Силграс общался с местным колдуном на тему лучших зелий, травок и заклинаний. Тофф обсуждал вопросы управления деревней со старостой. Плотники тусовались с плотниками, кузнецы с кузнецами и так далее. В общем – настоящий фестиваль мастерства и практики. Мечта о взаимовыгодном сотрудничестве во плоти. Идиллия.

Интересно, всё тогда действительно было так хорошо или это память облагораживает прошлое?..

Вечером провели полуторачасовую игру с мячом, где Долина Колокольчиков победила с таким сногсшибательным отрывом, что соннооблаковцы их чуть не побили. Но потом вспомнили о правилах гостеприимства, кое-как собрались с духом и закатили традиционную вечеринку.

Сонное Облако находилось в тёплой зоне и выглядело потрясающе: домики на деревьях, болотные огоньки, пружинистый мох под ногами, катание с холмов на низких тележках (Силграс презрительно называл их недосанками) – вот это всё.

Вечеринка подмяла под себя деревню целиком: ещё недавно ругавшие друг друга на чём свет стоит игроки и их болельщики теперь в обнимку шатались от одного трактира к другому, взрывали фейерверки, проверяли, кто дольше удержится на недовольных быках (ну да, опять элемент соревнований, что ж поделаешь) и танцевали на подсвеченных волшебными цветами полянках.

И вдруг Силграс, так и не снявший бирюзовую спортивную форму, сидящий на бревне в углу танцплощадки рядом с Тоффом и потягивающий вишнёвый сидр, заметил, что один мальчишка ворует. Паренёк лет тринадцати ловко лавировал в толпе танцующих и вытаскивал из их карманов то монетки, то часы – в гости в соседние деревни ездили как на праздник, хорошо одеваясь и беря дорогие вещицы.

Силграс сузил глаза, отставил бутылку и хрустнул пальцами.

– Ты чего делать собрался? – Хегола предупредительно ухватил его за майку.

– Этот малец ворует. Остановлю его и отчитаю.

– При всех?

– Естественно, – фыркнул Авалати, выдирая рукав из крепкой хватки. – Он творит хрень; он заслуживает получить по носу.

Тофф пристально смотрел на него своими зелёными глазами. Иногда они полыхали яростью, иногда тускнели от обиды, но большую часть времени оставались понимающими и терпеливыми. С другим складом характера старостой не станешь… Или, вернее, не выдержишь им быть.

– Не надо, – Тофф категорично покачал головой. – Его за такое со свету сживут. Розгами изобьют, начнут над ним издеваться, а то и вовсе из деревни выгонят.

Силграс закатил глаза. Иногда Хегола говорил таким «мудрым» голосом, будто ему было девяносто.

– И что? Воровство теперь допускать, что ли?

– Нет. Поговори с ним наедине.

– Ещё чего. Делать мне нечего: нотации недоразвитым детишкам читать. Ладно, без проблем: сделаю вид, что ничего не видел.

– Вот так мы и выяснили, что ты хотел не проблему решить, а покрасоваться, – ухмыльнулся Хегола и подло рассмеялся, когда Силграс покраснел и проворчал нечто невразумительное. А потом, сопя, плюхнулся обратно на бревно и решительно сжал тонкое стеклянное горлышко бутылки.

Хегола Тофф сам вышел к танцующим, ухватил вздрогнувшего мальчишку за плечо и утащил в неизвестном направлении, куда-то в лесную чащу. Тот, кажется, шёпотом взывал о помощи. Силграс зевнул и отвернулся.

К тому моменту, как Хегола и мальчик вернулись, Авалати успел позаигрывать с доброй третью девушек из тех, кому не уделил внимания днём. Тофф плюхнулся обратно на бревно, а мальчик, диковинное зрелище, вновь начал скользить по танцплощадке – только теперь он рассовывал всё обратно…

– Между справедливостью и добротой всегда выбирай второе, – сказал Хегола, хлопая Силграса по плечу. – Ни к чему ломать ему жизнь прилюдными обвинениями. Достаточно оказалось просто поговорить и попросить всё исправить.

– Ну-ну, – сказал Авалати. – Посмотрим на него через год.

– Ты пессимист.

– А ты моралист и зануда.

– Ещё сидра?

– Ага, можно. А потом давай… ну… – Силграс стыдливо замялся.

– На травяных санях покатаемся? – угадал Тофф.

Авалати насупился и кивнул.

*** * ***

Время перевалило за полдень, низкие тёмные тучи заполонили небо над Долиной Колокольчиков. В переулках завывал пронзительный

ветер, перемешанный со снегом, который угрюмо облеплял окна и двери домов. Невнятная тревога разбухала в воздухе, била Силграса по барабанным перепонкам. Он ощущал подспудное желание бежать и напряжение в стонущих от плохого предчувствия мышцах.

Плохо. Бояться – последнее дело.

Авалати встал на крыше, на которой сидел так долго, что ноги совсем затекли, и, балансируя руками, легко прошагал по коньку. Длинный прыжок – взметнувшиеся полы накидки – и вот он уже на следующем, более низком доме. Ещё два прыжка: на одноэтажную избу, на сарай – и можно, не сбив дыхания, спуститься на землю. А потом – плечом выбить дверь в этот самый сарай (не запертую, но обледеневшую), – и, еле сдерживаясь от желания чихнуть из-за острого запаха пыли и железа, снять со стены вилы.

Ветру, кажется, совсем не нравилось то, что задумал Силграс. Он агрессивно кидался на альва, прихватившего ещё пару вещей и теперь мрачно шедшего к западным воротам. Авалати пришлось поднять воротник мантии, ведь снег так и норовил уколоть его побольнее.

«Дурак! – будто бы говорила всё усиливающаяся буря. – *Пропадёшь без магии!»*

«Ну уж нет, – мысленно возражал ей Авалати. – *Я всё-таки и без колдовства немало стою».*

Взволнованный снуи летел следом за Силграсом, тихонько что-то пища. Альв резко остановился и обернулся:

– Я тебе что говорил? – нахмурился он. – Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

– Пип! Пип!

– Да, сначала я думал, что мы продержимся и так. Но теперь вижу, что это была наивная надежда. Только дурак станет цепляться за первоначальный план, если становится ясно, что тот не работает.

Снуи вновь заверещал. Авалати раздражённо выдохнул через ноздри и непочтительным щелчком пальцев отправил фею в полёт до ближайшего сугроба. Пока снуи выкарабкивался оттуда, альва уже и след простыл.

– Пип! – пискнул снежный дух на прощанье.

В этот раз это переводилось как «Ну и козёл же ты!». Ветер согласно захлопал открытыми ставнями на окнах.

* * *

Когда он покинул деревню, погода изменилась.

Тёплый белый туман залил снежную пустошь, как молоко – пиалу для завтрака. Снег сыпался очень медленно и был похож на воздушный рис. Солнце и небо, скалы и реки – всё это исчезло, скрытое уютной пеленой. Если бы кто-нибудь в небе опустил вниз ложку – нащупал бы хлопья. Но если не трогать, а только смотреть – молоко, молоко, молоко… Безмятежная тайная гладь.

Как бы старательно ни прислушивался Силграс, рык варга застал его врасплох. И чудовище отстало от него на какую-то пару секунд.

Всклокоченная шкура на фоне молочного ничто мелькнула так быстро, что, если бы Авалати моргал в этот момент – мог и вовсе его не увидеть.

Силграс успел уклониться от твари. Варг в огромном прыжке пролетел над ним, на мгновение скрылся в тумане и, глухо зарычав, развернулся. Чёрная шерсть на загривке встала дыбом. Размером хищник был с полуторагодовалого телёнка.

– Да тебе бы духу не хватило прийти сюда в одиночестве, – вскинул подборок Авалати, пока тварь, припав на передние лапы, истекала слюной.

Будто в ответ на его слова из тумана выступила ещё дюжина рычащих варгов.

– Вот это больше похоже на правду… – пробормотал Силграс.

Потом сдул с лица чёлку, облизнул губы и поудобнее перехватил вилы. Не успел он сказать ещё что-нибудь глубокомысленное, как первый волк бросился на него.

И завязался бой.

* * *

…Прах, кажется, он всё-таки переоценил свои силы!

Варги всё не отступали, с Силграса уже градом лился пот, а вилы пришлось откинуть, сменив на неубедительный кинжал – правая рука, раненная, висела плетью.

Да неужели придётся колдовать? Ну и зачем тогда всё это было?!

Гнев и отчаяние помогли Авалати сделать ещё несколько удачных выпадов, выведя из игры седьмого из тринадцати варгов, но вот остальные…

Видимо, всё кончено.

И вдруг удача улыбнулась ему, явившись в лице снуи.

Точнее, в лице нескольких десятков снуи… А то и сотен. Целое полчище духов снега вылетело из тумана, звеня и сверкая, поднимая снежную пыль. Напарник Силграса, не отличимый от собратьев ничем, кроме особенно воинственного писка, был лидером снежной армии.

Что-то яростно пискнув, снуи замер над Силграсом. Ряды его соплеменников растеклись на два фланга и бросились на варгов: как блохи, как маленькие иголки, как крайнее неудобство. Неловкое и беспощадное. Пожаловаться стыдно, терпеть – невмоготу!

Варги мигом потеряли к Силграсу всякий интерес: как дворовые псы, они тявкали и крутились, пытаясь понять, что это такое их щиплет под самой шерстью, что это кусает и жжёт – везде, даже в самых укромных местах. Очень быстро непобедимая стая обратилась скулящей, растерянной сворой, мечтающей поскорее свалить в туман.

Авалати так и сидел на снегу, сжимая разодранное плечо.

– Пип! Пи-и-и-ип! – доложил обстановку «его» снуи.

«До полнолуния мы будем патрулировать окрестности, чтобы они не приближались. Наших совместных сил хватит на то, чтобы вовремя отгонять их, мастер».

– Да я же говорил тебе не лезть… – начал было Силграс, но оборвал себя на середине фразы.

Если бы не снуи, он был бы уже мёртв. Если бы не снуи, он бы и сундук не нашёл, и помощниками не разжился, и ещё много-много «не».

Крохотная феечка висела перед ним, выпятив грудь колесом, но в то же время готовая в любой момент втянуть голову в плечи – едва Силграс начнёт привычно язвить и ворчать.

Авалати вздохнул и подставил указательный палец так, чтобы снуи, ударив по нему ладонью, тем самым дал ему «пять».

– Спасибо тебе большое. Я буду очень рад, если вы поможете мне оборонять деревню.

– Пи-и-и-ип! – ликующе заверещал снуи и тотчас стал раздавать соплеменникам указания.

Авалати не знал, в какой момент его крохотный помощник превратился из изгоя в лидера, но подозревал, что это могло быть как-то связано с их сотрудничеством.

Феи разлетелись кто куда, а Силграс пошёл обратно в Долину Колокольчиков. Этим вечером он впервые приготовил ужин на двоих – и порция снуи была так велика, что тот долго восторженно летал вокруг неё, а потом бросился Авалати на шею и что-то крайне невнятно щебетал, распластавшись вдоль сонной артерии – будь это не снуи, с которыми они уже прошли огонь и воду, Силграс бы напрягся.

Боги-хранители, он так радуется какой-то еде?..

Силграсу стало стыдно за своё прежнее равнодушие. Гневно раздув ноздри, он двумя пальцами деловито отодрал от себя феечку.

– Я не понимаю, – насупился он. – Ты там просто от избытка чувств пищишь или правда что-то сказать пытаешься? Вроде бы второе. Но ни сажи не разберёшь же. Говори нормально.

И тут снуи… покраснел. Его взгляд испуганно заметался по комнате, он дёрнулся, явно желая смотаться отсюда куда подальше, но Силграс держал его крепко.

– Пип… – проблеял снуи, опустив голову. – Пи-пири-пип…

«Мастер Силграс, я бы хотел, чтобы ты… дал мне имя».

У Силграса отвисла челюсть. Какое-то время он так и стоял с открытым ртом и хлопал глазами.

Просьба об имени – это величайшее доверие, которое снежная фея может оказать кому-либо. И величайшая честь, крайняя редкость. Это признание семьёй и авторитетом, тем, кого никогда не предашь и на кого всегда будешь равняться. Признание кем-то очень важным и… *хорошим*.

– Ладно, – Силграс всё же кое-как собрался с силами. – Это здорово. Да. Спасибо. Я… не ожидал.

Ох, ну что за косноязычие…

Снуи уже успокоился и теперь безропотно ждал, так и болтаясь в пальцах мастера. Силграс сосредоточенно думал.

Ответственная миссия. Слишком ответственная, пожалуй!

Но наконец он распахнул глаза и торжественно произнёс:

– Я нарекаю тебя Уайли! Тебе нравится это имя… Уайли?

Такой искренней улыбки на лице Авалати снуи ещё не видел. Чуть не лопнув от гордости – и за восхитительное новоприобретённое имя,

и за то, что нечаянно порадовал вечно мучающегося мастера, – Уайли со знанием дела подтвердил:

– Пип!

34. Сонное Облако

Если всё плохо и ты не знаешь, как с этим быть, начни делать хоть что-нибудь, что угодно, и тебе станет легче.

Выбито на стене в укромном уголке Башни магов – видимо, отчаявшимся студентом

Тинави из Дома Страждущих

Подступил закат, и на дороге наконец появился указатель на деревню Сонное Облако, где, по идее, мы должны были увидеться с Хеголой Тоффом. Впрочем, никто уже не сомневался, что он ни сном ни духом не ведает о назначенной ему встрече.

Мы с самого начала подозревали, что Нив заартачится и с первой попытки не станет играть в послушную вестницу. Но тогда мы не знали, что нам кровь из носу нужно успеть в Долину до полнолуния и легкомысленно полагали, что никуда не торопимся, а значит, можно позволить себе многоактовые переговоры с призраком.

Так всегда и бывает: ты думаешь, что у тебя полно времени, а потом – р-р-раз – и с недоумением смотришь на пустую верхнюю часть песочных часов. И вечность вежливо хлопает тебя по плечу: ну как, ты готов к отбытию?

С другой стороны, если бы мы, узнав о личности Голата, сами поехали искать его, чтобы поговорить лично, это заняло бы столько же дней, если не больше: мы же не умеем пользоваться телепортами. Так что, какое бы я сейчас ни чувствовала раздражение, положа руку на сердце, я не могла обвинить нас в неправильном выборе.

Тряхнув головой, чтобы отогнать тревожные мысли, я осмотрелась.

Мы как раз съехали с широкого горного тракта на петляющую дорожку, которая ныряла в лесную рощу, под своды пиний. Высоко над узловатыми стволами парили воздушные кроны, похожие на облака:

возможно, в честь них и назвали притаившуюся впереди деревушку. Всюду росла густая трава и крупная синяя ежевика, и были рассыпаны, будто рукой великана, седые камни. Вдоль дороги тянулись наклонные столбы с зажжёнными факелами. На тропинке танцевали отблески огня, из-за стволов выглядывали, подпрыгивая, любопытные травяные феечки.

Вскоре показалось само Сонное Облако: три дюжины домов в причудливом стиле, каждый из которых был выстроен вокруг дерева. Между ними тянулись верёвки, по которым можно было, не спускаясь на землю, отправлять соседям еду или книги к прочтению.

Моё дурное настроение тотчас сделало ручкой и скрылось до худших времён.

– Вау! – сказала я. – Это очень красиво!

– Потому что похоже на Шолох? – хмыкнул Морган.

Я энергично закивала, и Берти, рассмеявшись, покачал головой:

– Я не ожидал, что ты настолько консервативна, Тинави!

– Не-не, не подумай! Я люблю всё новое: новизна придаёт жизни ни с чем не сравнимую остроту, но в тяжёлые дни ничто не сравнится для меня с радостью узнавания. Понимаешь, прорехи в душе лучше всего прикрывать любимым одеялом, чтобы тебе не дуло, пока они не зарастут. Поэтому – сто баллов Сонному Облаку! Будь добр, дай мне карту: я хочу обвести это благословенное место сердечком и потом, пуская скупую слезу, рассказывать дорогим соотечественникам, что норшвайнцы тоже знают толк в градостроении.

– Держи. Но это не норшвайнцы, не обольщайся.

– О?.. А кто?

Берти, уже остановивший лошадь на главной площади деревушки, наставительно поднял указательный палец.

– Это так называемые соолы… Представители древнего ордена Лося Лохматого. Я правильно говорю, Морган?

– Да, – кивнул тот, спешиваясь.

– Хочешь продолжить лекцию? – вежливо уточнил Берти.

– Нет. Не буду мешать тебе выпендриваться знаниями, которые ты получил от меня же.

– Хей!!!

– В конце концов, я преподаватель. Мне ли не радоваться успехам нерадивого ученика? – делано зевнув, пожал плечами Гарвус и

направился к трактиру, из окон которого на нас уже с любопытством пялилась чуть ли половина местного населения.

– Морган! – возмущённо крикнул Берти ему вслед.

Я улыбнулась и тоже спрыгнула с лошади.

– Давай, – милостиво кивнула я Голден-Халле. – Жги, пока Морган ищет нам комнаты и спрашивает, не приходил ли всё-таки Хегола Тофф. Порази меня своей неординарной эрудицией. Заставь оцепенеть в восторге перед твоей интеллектуальной мощью. Благословляю!

– Ой, да ну вас, – отмахнулся Берти. – Не цените вы меня.

Он обиженно надулся, но надолго его не хватило: уже тридцать секунд спустя Голден-Халлу прорвало, и он буквально зачирикал, сам вдохновлённый тем, что рассказывает.

– В древние времена соолы были шаманами, поклоняющимися драконам. Но когда наши милые ящеры уснули, расстроенные уходом богов-хранителей, соолы тоже расстроились. Ещё бы! Молишься там кому-то, ваяешь статуи, сил не жалея – а он берёт и заваливается спать. И никакой больше обратной связи. Никаких тебе «спасибо, какой ты молодец, что сложил мне этот миленький алтарь!». И тогда соолы сменили адресата своих молитв: теперь они выказывали глубочайшее уважение лосям…

Я присвистнула, заводя лошадь в конюшню при постоялом дворе.

– Как-то глобально они понизили планку! От дракона к обычному…

– Тс-с-с! – Берти перебил меня, прижав палец к губам. – Не смей говорить такое вслух – ещё услышат и оскорбятся. Короче, выбрав лосей объектом своего нового поклонения, соолы решили стать максимально «лесными» ребятами. Вот и селятся исключительно в тёплых зонах да строят дома в обнимку с деревьями.

– Одобряю! – вставила я.

– И обязательно всюду приделывают рога. – Голден-Халла кивнул на стену конюшни, где действительно их было немало. – А ещё они регулярно и очень красиво возносят молитвы лосям. Говорят, те выходят из леса и слушают. И последний интересный факт – их традиционным народным развлечением является катание на так называемых травяных санях. Это что-то вроде низкой платформы на

подвижных колёсиках и с рогами впереди – если крепко держаться за них и лихо наклоняться в процессе поездки, то можно маневрировать.

– Класс! – восхитилась я. – А мы будем на них кататься?

– Ну а почему, как ты думаешь, я проложил наш маршрут именно через эту деревню? – риторически-лукаво спросил Голден-Халла.

Мы вышли из конюшни в прохладный вечер Сонного Облака, а уже несколько шагов спустя нырнули в пропитанную запахами брусничного пирога и белого чая таверну.

* * *

Да, никакие чужаки, кроме нас, сегодня не приходили в деревню, и никакие почтовые белки не спешили ко мне с запиской в стиле: «Мчу со всех ног. Опаздываю. Князь Нежити».

Бедных белок, признаться, я откровенно третировала: после ужина упрямо ходила вокруг Сонного Облака и хищно выглядывала всех рыжих обитателей деревьев, надеясь обнаружить на их лапах колбочки с недоставленными письмами.

У одной белки мне почудилась такая, и поэтому я внаглую попробовала её поймать. Она улепётывала, я догоняла. Наша гонка закончилась на крыльце древесного дома, находившегося в нескольких метрах над землёй: в колбе действительно было письмо, но адресованное не мне, а некой прекрасной соолке. Отправитель предлагал ей сбежать вдвоём и говорил, что уже даже подготовил весь план: деньги спрятаны в старом пне, смена одежды – в дупле, а за фальшивыми документами надо будет зайти к гному-кузнецу. Ничего себе квест. Я засунула письмо обратно и снова закрепила на лапке белки, сразу улепетнувшей.

– Что ж, всё-таки нам придётся снова связываться с Нив, – вздохнула я, задумчиво опираясь на верёвочные перила.

Интересно, что, по мнению леди Фионы, случится, если Силграс не сможет провести ритуал именно в ближайшее полнолуние?.. Возможно, альва надеется, что сейчас сил Авалати всё-таки хватит на то, чтобы расколдовать деревню без раскола звезды?.. Хотя тогда она бы не говорила с нами таким похоронным тоном.

Или мы что-то неправильно понимаем? Что, если план Силграса вообще не подразумевает взрыва, и он сам собирается… умереть в момент после прочтения заклинания? И Фионе больно именно из-за этого: её друг твёрдо решил расплатиться собственной жизнью за прошлые грехи. И именно с этим – а не с масштабным магическим бедствием – она готова смириться.

«Я не собираюсь ни обсуждать его, ни осуждать».

Боги, это звучит гораздо, гораздо логичнее в случае, если Силграс принял решение только насчёт своей судьбы!..

Меня прошиб холодный пот при понимании того, что мы зря наклеветали на Авалати. Что, по сути, обвинили его в преступном безразличии к будущему Седых гор, хотя он с самого начала собирался пожертвовать лишь собой.

С каких пор я первым делом начала подозревать в людях худшее, а не лучшее? Да и вообще: судить их на основе собственных пустых домыслов – не потрудившись разобраться хорошенько?

Меня душили стыд, грусть и желание немедленно всё исправить. Хотелось вскочить на лошадь и мчать в Долину, и извиняться перед Авалати за дурные мысли о нём – хотя какая ему разница, что подумали какие-то чужестранцы… Если кому-то и нужен будет такой разговор, то только мне.

Видимо, к следующему полнолунию силы Авалати совсем истощатся, и Фиона думает, что он просто не сможет расколдовать Долину. Прочитает заклинание – умрёт, – но не достигнет успеха.

– Прах, – пробормотала я, запуская руки в волосы. – Мы-то точно успеем приехать в Долину вовремя, у нас ещё четверо суток. А вот Хегола…

Между тем к колодцу на площади внизу вышел какой-то мальчишка лет двенадцати. Он шуганул вьющихся рядом феечек и начал набирать воду, а потом, будто почуяв что-то, оглянулся на темноту между древесными домами и вдруг возмущённо заорал:

– Эй! Вы чего?! Куда поволокли?! А ну стоять!

Я уже приготовилась броситься в погоню за неведомыми ворами, как мальчишке ответил… голос Берти.

– А-а-а, так это твоё? Ура! Скажи, можно мы это ненадолго возьмём? Я готов заплатить – конфетами, деньгами или магией – что тебе больше нравится?

Из темноты появился Голден-Халла, тянущий за собой нечто, похожее на диковинный торговый прилавок на колёсиках с огромными лосиными рогами вместо штурвала. Внутри, к моему изумлению, флегматично сидел Морган Гарвус.

– О боги! Это что, те самые травяные сани?! – воскликнула я, перевешиваясь через верёвочные перила.

– Вот ты где, Тинави! – живо обернулся ко мне Берти. – Да! Пойдём кататься? Мы как раз собирались тебя искать.

– Я хочу оплату деньгами! – меж тем решил мальчик.

– Отлично, – теперь Голден-Халла, как флюгер, обернулся к нему. – Норшвайнскими, асеринскими или лесными?

– Ух ты-ы-ы… – Глаза парнишки, уже забывшего о ведре с водой, наполнились восторгом. – А можно всеми?

– А у тебя губа не дура, – рассмеялся Берти и стал выворачивать карманы.

Вскоре счастливый мальчишка ушел, позвякивая монетками, а я рассказала ребятам о своих свежих догадках. Берти оценивающе посмотрел на тёмное небо.

– Чтобы связаться с Нив, нам потребуется зеркальная магия, – протянул он. – А для неё, в свою очередь, нужны яркие лунные лучи – пока ещё слишком рано, надо подождать пару часов. Поэтому я считаю, что сейчас нам всё равно имеет смысл покататься на этих изумительных санях. Если вы настаиваете, мы можем, конечно, просто просидеть всё это время на месте, виртуозно страдая и беспокоясь о будущем, но, на мой взгляд, такое поведение нерационально.

– Согласен. Мне сказали, что лучший холм для катания находится вон там. – Морган кивнул куда-то на запад и как ни в чём не бывало остался сидеть, позволяя Берти тянуть себя вместе с санями.

Я шла рядом с Голден-Халлой, погруженная в свои мысли.

– Хей, – наконец сказал он, коснувшись моего плеча. – Считаешь нас бездушными оттого, что мы собираемся веселиться, несмотря на происходящее?

– Ни в коем случае! – искренне ужаснулась я. – Мир такой большой, что где-то всегда происходит что-то плохое. И если думать только об этом, можно всю жизнь провести в унынии. Просто я не всегда сразу могу переключиться на другое настроение.

– Как и я, – улыбнулся Берти. – Но, знаешь, в таких случаях я обычно начинаю изображать, что мне весело. А потом настроение и правда улучшается, я ещё и других им заражаю. И даже когда я снова неизбежно потухну, запущенный мной импульс продолжит движение, и кто-то где-то будет радоваться – а значит, и моя первая фальшивая улыбка была не зря. Попробуешь тоже?

– Попробую, – кивнула я и тотчас приступила к практике.

Так мы с Голден-Халлой и шли, пялясь друг на друга и старательно улыбаясь.

– Вы стали идти медленнее. Не тормозите, – ворчливо потребовал сзади Морган.

И тогда мы рассмеялись по-настоящему.

* * *

– Морган, двигайся. Тинави, запрыгивай к нему.

– Думаешь, мы влезем? Может, лучше по очереди?

– По очереди неинтересно. Если Гарвус перестанет топорщиться своими конечностями во все стороны, там ещё трое таких, как ты, уместятся.

Мы стояли на вершине холма. Внизу поджидала огромная чаша горного луга. Высокая трава колыхалась на ветру, похожая на морские волны, и над ней копошились сонные светлячки.

Морган потеснился, и я кое-как уместилась рядом с ним. Обожаю кататься на обычных санях, но подозрительно поскрипывающая телега вкупе с очень крутым склоном вдруг начала внушать мне некоторые опасения.

– Слушайте, а эти рога никого не пробьют насквозь, если сани перевернутся или что-то такое? – подозрительно уточнила я, щупая наш «штурвал». – Какие-то они слишком острые.

– Если что – вываливайся на бок, а не вперёд, – сердечно посоветовал Берти и обошёл нас сзади.

– Так я не о себе беспокоюсь. Мы с тобой уже успели по очереди полежать на условной больничной койке, что ж теперь, Моргана принесём в жертву здравоохранению?..

– Типун тебе на… – начал было Гарвус, но не договорил, лишь клацнув зубами.

Потому что Берти, внезапно ухватившись руками за борт, уже побежал вниз с холма. Нескольких его шагов хватило на то, чтобы травяные сани разогнались. Когда они набрали скорость, Голден-Халла заорал «Хей-хе-хей!» и сам неожиданно запрыгнул внутрь, грубо говоря – прямо нам на спины.

– Думали, я пропущу такое?! – маньячески расхохотался он, услышав наши с Морганом нервные вскрики. – Вперё-ё-ё-ёд!!!

Мы с грохотом неслись вниз по склону, и яркие звёзды на небе с любопытством смотрели нам вслед. Миновала половина холма, когда я поняла, что мы не обсудили важнейший вопрос: а как тут, собственно, тормозить?

Одной рукой вцепившись в рога, другой я с визгом заслонила лицо, когда мы на полной скорости налетели на какой-то камень. Оба колеса со стороны Моргана отвалились. Гарвус охнул и зачем-то крепко обхватил меня, выбив весь воздух из лёгких. Сани, тихо хрустнув, подпрыгнули, а потом, накренившись, вспахивая землю, проехали ещё несколько метров, пока не вытряхнули нас, как надоевшие игрушки.

– Ох, небо голубое, – пробормотала я, щупая ссадину на ладони. – Я чуть язык себе не откусила! Но это было…

– …Изумительно! – закончил вместо меня Берти.

Взлохмаченный и ужасно довольный, он единственный каким-то образом усидел в санях, да ещё и держал невесть как пойманное колесо. Морган уже встал и, смахнув с локтя невидимые пылинки, окинул строгим взором наш потерпевший крушение транспорт.

– Починим и прокатимся ещё раз. Согласны?

Его голос звучал недовольно, но в глазах доктора Моргана Гарвуса Великолепного так и плясали искорки.

– Да! – хором ответили мы.

*** * ***

Когда мы наконец удовлетворились своим знакомством с культурой травяных саней, в своих луговых норках уснули даже самые

беспокойные обитатели тёплых холмов, а месяц поднялся уже высоко: его серебристых лучей, необходимых для магии зеркал, было в изобилии.

Мы вернулись в спавшую десятым сном деревню, оставили починенные (как новенькие!) сани у колодца, затем тихонько вытащили из моей комнаты настенное зеркало и как три бесшумные тени углубились с ним в лес.

Берти умостил нашу добычу в ветвях узловатой пинии. Я палкой вспахала землю по восходящей спирали, каждый полный круг выписывая по несколько букв-аббревиатур на стародольнем языке. Морган призвал призрачные огоньки и колдовством приковал их к нужным точкам на получившейся схеме.

Всё это требовалось для того, чтобы вызвать госпожу Нив.

Через зеркала можно связываться с привидениями, которые ты видел хотя бы один раз в жизни и с кем вас разделяет не больше сотни миль. Не обговоренный заранее вызов, конечно, невежлив со стороны колдуна – это схоже с ситуацией, когда кто-то врывается к тебе в комнату и стучит по столу, привлекая внимание, пока ты не ответишь… Но иногда нужны и такие неприличные меры.

Когда всё было готово, Морган сплёл Малый Призыв. Четыре красных маг-браслета на его запястьях засветились, пленённые огоньки испуганно заплясали в своих ловушках, а в зеркале на дереве заклубился туман.

Он рассеялся, и в глубине отражения появилась Нив: едва проступающие в темноте глаза, линия скулы и подбородка, резкие углы плеч, пальцы, комкающие платье…

– Зачем вы вызвали меня? – шелестяще спросила она. – Вы тратите мои силы.

– Снова привет, Нив! Прости, но, кажется, мы не поняли друг друга. – Берти качнулся с пяток на носки и обратно. – Сегодня пятница, мы в Сонном облаке, а Голата здесь нет!

Морган продолжал держать пальцы в знаке Призыва, а я подправляла линии на земле, которые так и норовил сдуть ветер.

– Дело в том, что Голат не придёт в Долину, – по голосу Нив было понятно, что она нервничает.

– Почему? – невинно уточнил Берти.

– Не сможет.

– Оттого, что ты не передала ему информацию, да?

Привидение попробовало шагнуть во тьму, чтобы прервать разговор, но это было невозможно. Тогда Нив обхватила себя руками:

– Может быть, и не передала. Не нужно ему знать об этом. Я не хочу, чтобы он уходил, понимаете?

– Нив… – мягко начал Голден-Халла, но Морган сухо перебил его:

– А на что вы надеетесь, госпожа Кройшпаль? Скоро все в Седых горах услышат о Долине Колокольчиков. Вам не скрыть от него правду. Он всё равно уйдёт.

– «Скоро» не равно «прямо сейчас». У меня есть ещё пара дней.

– Пара дней погоды не сделает, – приподнял бровь Гарвус.

– Не вам об этом судить. Мне нужно время, чтобы смириться.

Нив отвела глаза, и по тому, как они блеснули во тьме, я догадалась, что всё не так просто. Вверив молчащему Берти наблюдение за магическими линиями, я вместо него шагнула к зеркалу.

– Неправда, Нив. Отсрочка в несколько дней нужна тебе не для того, чтобы принять ситуацию или что-то такое, а для того, чтобы найти способ привязать Голата к себе так, чтобы он вообще не смог уйти в Долину, правильно?

Она вздрогнула и бросила на меня свирепый взгляд.

– Наверняка для этого существует какой-нибудь тёмный ритуал… – продолжила я. – Абы кто не смог бы провернуть его с Князем Нежити, но ведь тебе Голат доверяет. Ты сможешь ударить его в спину, если захочешь.

– Вы не понимаете! – Нив стукнула кулаками об изнанку зеркала. – Это не будет предательством! Наоборот: я так забочусь о нём, я люблю его! Прошло столько лет!.. Вы бы знали, как он страдал из-за этой проклятой деревни! Три столетия!.. Голат мучился так долго, прежде чем наконец-то стать тем, кем он является сейчас – нашим защитником. Он заслужил свой нынешний покой, а эта дурацкая Долина просто опять наведёт хаос!

Берти кашлянул у меня за спиной.

– Не лукавь, пожалуйста, – вкрадчиво сказал он. – Ты же в первую очередь думаешь не о Голате, а о *себе*. О том, что ты его любишь. И что это твою жизнь Долина так жестоко перевернёт. Он-то мечтает вернуться домой.

Нив зло, затравленно заплакала…

Я подошла к зеркалу и аккуратно приложила к нему ладонь.

– Нив. Мне очень жаль. Но беда в том, что, если ты насильно оставишь Голата с собой, он никогда тебя не простит. Он всё равно узнает.

– Но я же люблю его…

– Вот именно. А значит, и ты себя не простишь за обман.

– Да, но… Пусть останется ещё хотя бы на пару месяцев, не навсегда. Я потом сниму чары, обещаю! Не забирайте его сейчас!

– Если Голат узнает, что ты скрывала от него происходящее и не дала увидеться со своим заклятым другом перед тем, как тот умер, он тоже тебя не простит. Только честность. Это единственный вариант.

Кройшпаль отняла руки от лица и уставилась на меня воспалёнными глазами, висящими будто в пустоте.

– Вы разбиваете мне сердце, – обвинительно сказала она.

Силуэт Нив, скорбящей о том, что вновь обречена потерять самое дорогое, был почти не различим в темноте… Я грустно покачала головой.

– Есть перемены, которых мы не можем избежать. Они всё равно догоняют, всегда. И чем сильнее ты сопротивляешься, тем сложнее будет потом.

Нив неожиданно и агрессивно ударила руками по стеклу, а затем бросила взгляд, полный надежды, поверх моего плеча – к нам приблизился Берти.

Но он лишь развёл руками:

– Если бы я хотел тебя утешить, то сказал бы, что в Долине Колокольчиков тоже есть зеркала, и значит, ты сможешь жить с Голатом и там, но… На самом деле, конечно, никто из нас понятия не имеет, чем всё это закончится. А когда нет возможности жить, следуя плану, нужно следовать велению сердца. А твоё сердце, госпожа Кройшпаль, сейчас точно знает, что будет правильным, как бы тебе ни было сложно принять это.

Нив вновь опустила взгляд. Она почти полностью растаяла. Лишь пальцы на зеркале да белки глаз – вот и всё, что представало перед нами из тьмы.

– Хорошо, – шепнула она. – Я скажу ему. Он найдёт вас с помощью того сердолика, который вы дали.

– Поклянись, – потребовал Берти. – По-настоящему, на своей искре – что расскажешь ему обо всём *сейчас же* и попросишь его найти нас *как можно скорее*. В противном случае я сам явлюсь к вам уже завтра. И даже если ты попробуешь спрятать Голата, уведёшь его куда-то из хижины, я вас всё равно найду.

– Так ты угрожаешь мне, добрый детектив? – огрызнулась она.

– Да, – просто сказал Берти.

Нив выругалась и поклялась… Когда Морган отпустил формулу, зеркало, переутомлённое сеансом связи, вдруг треснуло.

– Ай-ай-ай! – схватившись за голову, тотчас посетовал Берти. – Как так-то?! Гостиничная собственность!

– Чур, теперь его вешаем не в моей, а в вашей комнате! – охнула я.

Говоря намеренно громко и весело, чтобы стереть тяжелый осадок от встречи с Нив, мы вернулись в деревню.

Перед сном я долго сидела на подоконнике в своей комнате и, глядя на ночное небо, расчёсывала волосы магическим гребнем хранителя Рэндома. Я так и не придумала план того, как можно спасти Силграса.

Моя любимая тактика: написать список из ста идей, какими бы они ни были идиотскими и как бы тяжело ни шли уже после десятой по счёту, – в этот раз не сработала. По номеру были живописно разбросаны исчерканные листы, но даже оптимист во мне понимал, что всё это чушь, а не реальные выходы из ситуации.

Более того, я ничего не могла поделать с тем фактом, что мои мысли то и дело возвращались к той пещере с Хэвором и личем.

Всё закончилось хорошо, да. Но я снова и снова вспоминала свой ужас и отчаяние в те минуты, когда Пушшентай умирал у меня на руках, и это впервые узнанное, прочувствованное собственное бессилие теперь жило где-то внутри меня и омрачало привычную веру в то, что всё получится.

По долгу службы я часто видела мёртвых. Куда чаще, чем обычные горожане, но никогда прежде никто не шептал: «Я не хочу умирать», плача у меня на коленях.

И это повлияло на меня гораздо сильнее, чем я могла подумать, пусть я по-прежнему искренне смеялась, любопытничала, наслаждалась едой и общением со своими изумительными спутниками…

– Ну уж нет, – объявила я, закручивая волосы в пучок и боевито втыкая в них гребень. – Истерзанных, надломленных, осторожничающих в мире полно. Я играю за другую команду.

Спрыгнув с подоконника, я хрустнула пальцами и снова взялась за перо.

Напишу ещё сто идей.

*** * ***

Берти Голден-Халла

Утро в Сонном Облаке выдалось просто прелестным. Берти с искренним удовольствием жмурился на ярком солнце и подставлял ему то одну, то другую щеку, надеясь согреться впрок.

Сыщик шёл к западному флигелю трактира: комната Тинави располагалась там, на первом этаже, тогда как они с Морганом переночевали в номере под крышей, в компании пауков, мышей и даже унылого привидения, которое до самого рассвета бормотало, жалуясь на судьбу из-под кровати Гарвуса.

– Да заткнись ты! – застонал в какой-то момент Морган, накрывая лицо подушкой, но призрак, не говоривший на дольнем языке, воспринял это как сочувствие и поощрение к более развернутым жалобам…

Повторить свою мысль на норшвайнском Моргану помешало воспитание. Берти не вмешивался. Он всегда любил наблюдать за живой природой и верил в способность других людей разбираться со своими проблемами самостоятельно.

Стоило ли говорить, что Гарвус поутру был не в самом благодушном настроении, что выражалось у него в особенно тяжёлом взгляде и мрачно поджатых бледных губах. Не размениваясь на комментарии, он свалил в неизвестном направлении, бросив лишь:

– Выезжаем в десять утра. Буду ждать вас у колодца.

– А может, это мы тебя будем ждать? – зевнул-подмигнул Голден-Халла, пока не нашедший в себе силы слезть с койки.

– Это было бы прекрасно. Но вероятность такого сюрприза, согласно опыту, ничтожно мала, – проворчал невыспавшийся Морган.

Стоило ему шагнуть за порог, как из-под кровати донеслось печально-прощальное: «Спасибо, что выслушал, чужеземный господин…»

Гарвус содрогнулся и поскорее захлопнул за собой дверь.

И вот теперь Берти притопал под окно Тинави. Оно было распахнуто, задёрнутые занавески колыхались на свежем летнем ветру.

Голден-Халла костяшками пальцев постучал по раме.

– Хей, доброе утро! Как ты там, моя грозная лесная госпожа? Я испытываю непреодолимое желание позавтракать в твоей компании. Что скажешь?

Из комнаты не донеслось ни звука.

– Тинави? – Берти легонько подёргал за штору. – Ты спишь, что ли?

Тишина.

Голден-Халла нахмурился. Потом ухватился за карниз и подпрыгнул, садясь на него.

– Я к тебе бессовестно врываюсь! – предупредил он, перекидывая ноги внутрь.

Отдёрнутая занавеска открыла страшную тайну: Тинави не было в комнате. Зато было много-много исписанных листов бумаги, взметнувшихся над кроватью из-за заглянувшего вместе с Берти ветерка.

– Ого! Ты что, книгу пишешь? – воскликнул Голден-Халла, когда замок входной двери щёлкнул, и в комнату вошла Тинави.

– Прах прахов! – Она подпрыгнула от неожиданности, чуть не расплескав чашку кофе. – Ты чего здесь делаешь?!

– Нарушаю твоё личное пространство. Пугаюсь. Восхищаюсь. Выбери, что больше нравится.

– Помнится, в шале Гарвуса ты тоже порывался залезть через окно… Ты всегда так поступаешь, признавайся? – Она зевнула и опустилась в кресло.

– Ну, у всех нас есть свои миленькие привычки. Боги, Тинави!.. Ты что, решила побороть Моргана в номинации Самые Тёмные Синяки Под Глазами?

– Что, всё так плохо? – Ловчая встревоженно покосилась в зеркало.

– Всё прекрасно: ты выглядишь загадочно и благородно, как всегда. Но вот я теперь чувствую себя выспавшимся лентяем, недостойным своих страдающих друзей, и поэтому буду тебя постоянно подначивать: чисто из мелочного желания быстро поднять упавшую самооценку. Приготовься.

– Ужас, – она зевнула ещё разок, совсем уж безнадёжно.

Но при этом Стражди казалась далеко не такой удручённой, как вчера. Вечером у Берти поминутно сжималось сердце при взгляде на неё – он ненавидел, когда солнечные люди гасли, это казалось несправедливостью вселенского масштаба – а сейчас его сердце если и сжималось, то только от приятного волнения.

В который раз за последнюю неделю Голден-Халла подумал о том, что хочет поцеловать Тинави. Хотя, с учетом всех обстоятельств, подобная мысль казалась крайне неуместной.

Он так и представлял себе этот диалог. Тинави, горько: «Я не знаю, как нам спасти Силграса». Берти, весело: «Ага, я тоже. Кстати, мне кажется, я вот-вот в тебя влюблюсь».

Вообразив это, он мысленно закрыл лицо ладонями. Потом встряхнулся и снова наметанным взглядом посмотрел на бумаги, лежащие на кровати.

– Ты писала сто идей по решению проблемы, – резюмировал он.

– Двести. Но сдалась на сто девяносто восьмой.

– Ого! Монстр!

– Очень низкоэффективный, к сожалению. – Тинави устало потёрла глаза. – Ничего из этого не является готовым к употреблению планом. Но я снова и снова возвращаюсь к двум идеям в разных вариациях. Первая: что, если мы склеим звезду намертво? Так, что она тупо не сможет рассыпаться. Вдруг тогда пик Осколрог не сообразит, что ему пора взрываться? Вторая: а нет ли на свете способа отсечь альва от его звезды? Вдруг какой-нибудь там невидимый легендарный тесак может разделить их, в нужный момент превратив Силграса в обычного человека? Нет, не спеши хвалить меня! Сейчас для оценки обеих идей нам не хватает данных, но я надеюсь, что Хегола Тофф их как-то прокомментирует.

– И всё же я тебя похвалю. Серьёзно. Ты умничка. Бери эти списки с собой, будем изучать по дороге.

– Я немного стесняюсь. Мне кажется, Морган меня обсмеёт за большую часть.

– Ничего, тогда я обсмею его, – бодро отозвался Берти.

А сам подумал, что с Морганом сейчас и впрямь наверняка будут проблемы. Но, конечно, связанные вовсе не с бурной фантазией Страждущей (например, краем глаза он зацепил пункт, гласящий: «Провести пересадку звёзд Силграса и Фионы, заодно на всякий случай сменив им обоим пол» – ничего себе), а с самим фактом того, что Берти и Тинави хотят исправить всё и сразу.

И действительно: когда они выехали из Сонного Облака и Тинави начала зачитывать свои идеи, Морган всё мрачнел и сильнее нахохливался.

«За всё надо платить, – вспоминался Голден-Халле его строгий голос. – Нельзя просто взять и спасти всех. После таких долгов Силграса вечности – нет. Нельзя».

И, конечно:

«Выкинете какой-нибудь фокус в Долине Колокольчиков – я остановлю вас, небом клянусь. И сам убью этого Силграса».

Какой бы мы ни выбрали план, мне надо будет учитывать, что часть сил я потрачу на противостояние Гарвусу. С него станется действительно попробовать прирезать Авалати.

– Что-то не так? – вдруг с подозрением спросила Тинави.

Берти и Морган молчали, не глядя друг на друга. Между ними явно сгущалась туча, напряжённое противостояние разлилось в летнем воздухе, отдавая свинцом.

«Если я очень сильно постараюсь, то смогу одержать победу над Морганом в магической дуэли – хитрость тут, хитрость там… Защищать всегда проще, чем нападать, поэтому я буду в выигрышной позиции, пусть он даже кратно сильнее меня», – прикидывал Берти.

А Морган думал: «С Тинави и Силграсом я как-нибудь слажу, а вот Берти нужно будет обезвредить заранее, ещё до начала всего действа. Может, яд? Главное, не забыть оставить рядом противоядие. Но не слишком близко. Чтобы он не сразу его нашёл».

– Всё хорошо, Тинави, – слаженным хором откликнулись друзья.

35. Тем временем Голат

Никто насильно не окружает никого теми или другими людьми. Все всегда выбирают всех сами.

Лесная мудрость

Он так долго ждал – и вот этот момент наконец-то наступил.

Тот, кого когда-то звали Хеголой Тоффом, а теперь – отшельником Голатом, обессиленно сидел на полу в своей ванной комнате. За дверью, в основном помещении хижины, на печи спряталась Нив, чьи глаза теперь были похожи на два колодца, утягивающих в пустоту.

Она рассказала ему всё.

Хегола с шумом втянул воздух и прижал руки к своей бледной груди. Внутри ничего не билось – как и все предыдущие триста лет.

Дышать тоже было необязательно – в отличие от живых существ, для Тоффа это было не рефлексом, а волевым усилием. Он дышал только затем, чтобы чувствовать себя более *своим*, более причастным, овеществлённым. Необходимость старательно сокращать все эти мышцы для каждого вдоха… Просто не верится, что у живых это происходит само собой. Такая колоссальная работа такого количество органов! Когда он был человеком, то не осознавал, сколь ювелирным, тонким, невероятным механизмом является человеческое тело.

Хегола прикрыл глаза и сжал пальцами тонкую ткань туники. Скользкий шёлк был прохладным, как вода в реке забвения, безнадёжно уносящая всё в прошлое. В реке, в которой нормальные люди тонут в отведённый им роком час – и в которой Тофф упрямо болтается до сих пор, закусив губу и вцепившись в торчащую против течения корягу.

Одиночество и горькое, высасывающее душу понимание того, что тебе здесь не место – вот что беспрестанно чувствуешь, когда ты – мертвец, обманом задержавшийся в подлунном мире.

Могильная глухота в грудной клетке – вместо вечного боя сердца…

Все эти годы у него была одна мечта. Одна цель, ради которой даже в самые тяжёлые и беспросветные дни, когда казалось, что всё

зря, Хегола поднимался после неудач и шёл дальше, запрещая себе думать о том, чтобы всё-таки сдаться и, спрыгнув с самой высокой скалы, наконец-то познать покой.

Эта мечта вот-вот осуществится…

Силграс Авалати вернулся и расколдует Долину Колокольчиков. Тот самый привередливый, ленивый, вечно витающий в облаках Силграс, который до сих пор постоянно снился Тоффу: преимущественно в кошмарах. Напарник то гневно отталкивал его в снежном лесу, то звонко смеялся над ним, вгоняя лезвие в грудь и проворачивая, то отчаянно тонул под толстым слоем льда на озере, испуганно распахнув глаза и прижавшись ладонями к белым узорам инея… В последних снах Хегола всегда начинал спасать Силграса – но, когда ему удавалось разбить лёд и вытащить альва наружу, на землю находила тень, и мгновение спустя Леший со своей ручной тьмой и пугающим пением вскидывал и Силграса, и Хеголу на рога, разрывая их внутренности.

Тофф до скрипа сжал зубы и обнял себя за плечи.

Силграс Авалати – и снова в мире живых. Силграс Авалати – не категоричный предатель, глухой к мольбам о помощи, а наивный кусок идиота, попавшийся в лапы Лешего и проспавший двести девяносто лет подряд…

Я всегда знал, что ты прахов бездельник. А ведь теперь я в некотором смысле старше тебя. И бесчеловечнее…

Хегола судорожно вздохнул, вспомнив, как он жил после заколдовывания деревни.

Поначалу он бодрился. Собрал на снегу колокольчики с заключёнными в них душами, упаковал их в надёжный сундук. Хладнокровно перечитал все книги по магии в своей половине Избы-У-Колодца, потом – все книги на стороне Авалати.

Тофф понимал, что если покинет окрестности Долины Колокольчиков, то больше не попадёт в деревню – таково было проклятие альва. Поэтому он оставался в ней достаточно долго. Только перепробовав все доступные варианты, он отправился вместе с сундуком в ближайший город.

Обошёл там каждого колдуна, каждую библиотеку, магическую лавку… Никакого толка.

Затем – ближайшие деревушки, по такому же принципу. Заглянул к святому монаху со Слепой горы. К шаманам-соолам.

– Когда у нас следующие междеревенские соревнования, Хегола? – спрашивали его ни о чём не подозревающие соннооблаковцы.

– Какое-то время их не будет, – вымученно улыбался Тофф. – У Долины Колокольчиков сейчас непростой период.

– Кстати, купец Миврек не смог найти дорогу в вашу деревню позавчера! Не знаешь, что такое?

– Ну… – Хегола сглотнул. – Никому не говорите, но мы попали под небольшое проклятие: сейчас Долину почти невозможно найти чужакам. Но скоро всё поправим, приедем к вам отмечать.

– Ого, Хегола, ого!.. Удачи вам с Силграсом с этим проклятием! Опять альвы окаянные бушуют?

– Да. Они.

– Вы обязательно справитесь!

Несколько недель спустя Хегола сдался.

– Силграс! – заорал он, стоя на высоком заснеженном утёсе. – Авалати, вернись!

И Тофф со всего маху разбил оставленный альвом колокольчик о камень. Но ничего не произошло.

Желваки заходили у Хеголы на скулах. Помолчав, он раздул ноздри и вновь заорал:

– Силграс Авалати!!! Ты прав: я не могу расколдовать наш дом! Вернись!

Лишь позёмка струилась по горной дороге, да пел вдалеке королёк на сухой рябине.

Тоффу, помнится, стало страшно.

Нет, безусловно, он заявил тогда Силграсу, что разочарован в нём, что тот двуличный и лицемерный, что ни в ком и никогда Хегола так не ошибался, но… В глубине души староста считал, что эта ссора – из разряда тех, которые пережить всё же возможно. Если постараться и понять друг друга.

– Силграс! – закричал он в третий раз, прижав руки рупором ко рту и опасно нагнувшись над обрывом, будто надеялся, что так его слова охватят всю долину, все Седые горы, весь мир… – Я готов выслушать тебя снова! Если ты говоришь, что виновата Эльза –

хорошо! Расскажи подробнее! Я дослушаю до конца! И да – *да,* – я точно не прав, когда обвиняю тебя в том, что ты не человек! Ты та ещё сволочь, пойми меня правильно – ты знаешь это и сам – но всё же…

Хегола резко замолчал, увидев, что разбитый колокольчик вдруг развеялся по ветру серебристой крошкой.

– Что за скальная погремушка… – пробормотал староста, кидаясь к артефакту, но было поздно: от него не осталось даже пыли.

Острые копья холода пронзили Хеголу Тоффа от головы до пят.

Получается, не сработало? Силграс решил не приходить? Посмеялся над ним? Да быть не может, что Силли – его Силли! – действительно такая скотина, какой Хегола называл его тогда, во время ссоры. Неужели за эти недели он – непостижимый, дурной, своевольный – успешно переосмыслил свою человеческую жизнь, осознал, сколь она глупа и быстротечна по сравнению с дарованной ему вечностью альва, и решил отказаться от неё? Неужели он просто не дождался того, что Тофф позовёт его? Просто взбесился, разочаровался и действительно,

по-настоящему,

окончательно ушёл?

Да быть не может!

Наверное, что-то случилось… А с другой стороны: что может произойти с альвом – да еще и с таким могущественным, одним из самых сильных среди подобных ему? Он шутя обратил деревню в призрачный слепок! По щелчку пальцев заставил исчезнуть две сотни людей!..

Подумав об этом, Хегола вновь почувствовал прилив гнева.

Нет, не стоит тешить себя ложными надеждами. Скорее всего, зараза Силграс хочет его проучить и, в силу своего извращенного понимания времени, решил, что прошедших недель мало для урока Тоффу.

Авалати – придурок, который далеко не так отходчив, как Хегола. И слишком высокомерен. Он редкий козёл, который может молчать и упрямо гнуть свою линию годами, забывая о том, как скоротечен человеческий век… Зараза! Так ему недостаточно того, что Тофф позвал его? Он хочет, чтобы Хегола дошел до самого дна отчаяния, и только после этого он явится, будто какой-то рыцарь в сияющих

доспехах, готовый всё вернуть на круги своя? Как щенка, ударит Тоффа по носу своим мнимым превосходством?

...Боги-хранители, как же я ненавижу его характер! Его поступок нельзя простить!

...Или всё-таки что-то случилось?

Или всё же Авалати решил уже никогда не приходить и все эти годы были ложью?

Голова гудела от мыслей. Хегола обреченно застонал. Никогда прежде он не чувствовал такой неуверенности, такой беспомощности, непонимания происходящего. Всю жизнь он был слишком вспыльчив и открыт, а Силграс – слишком капризен и скрытен, чтобы теперь Хегола мог понять, о чем на самом деле думал его колдун и где он, чтоб его обуглило, теперь находится…

Как быть. Как быть. Как быть.

Ночь опустилась на Седые горы. Всё утонуло во тьме. Поселения одно за другим погасили свои рыжие фонари, реки, похожие на расплавленное золото, обратились чернилами, разлитыми злой рукой… Зато, едва пробила полночь, проявилось и выступило на передний план другое лицо Седых гор: замерцали погодные разломы, похожие на земных близнецов северного сияния, и ярко разгорелся призрачный город вдалеке – Асулен.

Гибельный и потусторонний свет заливал его покинутые башни, угасшие в царстве вечной осени, притягивал нечисть и отпугивал живых.

Смерть, загадки, гниение, *магия*…

Хегола Тофф нахмурился и поднялся на ноги, вглядываясь в Город Ста Колоколен.

Если где-то есть колдовство, способное противостоять чарам альва, то там – в царстве исчезнувших великанов и одиноких теней.

Не сдаваться. Не бояться. Не сомневаться.

Вперёд!

*** * ***

Хегола пробыл там три месяца. Он поселился в крохотном лагере скальников под стенами Покинутого Асулена. Первым делом они

спросили его: кто ты и чем заслужишь право жить рядом с нами, узнавать от нас тайны города?

В ответ Хегола с первой стрелы завалил огромную птицу онурри, пролетавшую высоко над горами: её мяса хватило на ужин целому лагерю. Так он был принят в ряды скальников.

Почти каждый день они с разведывательной группой уходили на тропы Асулена, каждый вечер, едва загорался закат, спешно возвращались назад – в юрты из натянутых на кости волков шкур оленей. Иногда Хегола покидал лагерь и с замиранием сердца пытался найти путь в Долину. Он всякий раз надеялся, что деревня вот-вот покажется в предназначенном ей месте – селяне выбегут к нему, причитая и охая, рассказывая о своём бытии внутри колокольчиков, а последним выйдет ужасно хмурый пристыженный Силграс и кое-как выдавит непривычные ему слова: «Прости, пожалуйста, Хегола. Я вернулся». И всё будет хорошо.

Но горные дороги плутали, следы путались, голова кружилась – Долины нигде не было…

Постепенно Хегола перестал ездить в знакомые деревни: не было сил врать и выкручиваться, отвечая, где, прах побери, все остальные. Он заглядывал только в селения по другую сторону от Асулена, где никого не знал, и жадно расспрашивал местных: они, случайно, не слышали никаких свежих слухов о Силле, владыке горных дорог? Не видел ли его кто в последнее время? Может, в округе просто появлялись странные молодые люди с белыми волосами и дурным нравом? Ответ на всё был один: нет.

Постепенно Хегола стал ходить в Асулен один. Сундук с колокольчиками он всегда брал с собой: не доверял своим новым соседям, хотя они ничем не провинились перед ним. Просто теперь, после предательства Силграса, Хегола не доверял вообще никому.

Однажды он добрёл до Рассветной башни.

Поговаривали, что здесь прежде располагалась великолепная библиотека, полная тайных магических знаний. В ней хранилось так много книг, что они не умещались в залах: фолианты и свитки, металлические и глиняные таблички заполняли всё пространство башни, лежали даже на ступенях лестницы, вьющейся снизу доверху, на подоконниках, просто на полу…

И пусть большую часть этих книг уничтожил и развеял колдовским ветром Катаклизм, а остатки разворовали скальники, Хегола всё же надеялся – не мог не надеяться! – что найдёт хотя бы одну… Где-нибудь в тайнике, заткнутую между гигантских плит, ждущую именно его – деревенского колдуна, отчаянно ищущего что-то, что сможет пролить свет на тёмные чары, окутавшие Долину Колокольчиков.

Хегола приходил в башню снова и снова. Он обошел её дважды, трижды, обломал ногти, ковыряясь в древних камнях, каждый раз к концу дня чуть не падал от голода и усталости. Больше всего надежд ему давали подвалы башни. И вот как-то раз, в азарте поисков, он не заметил, что будильник выпал у него из кармана и разбился.

И когда наступил вечер и по всему городу зазвенели призрачные колокола, Хегола ужаснулся, осознав, что забыл о самом главном – о времени.

– Нет! – побледнел он, поднимая голову от ящика, который нашёлся в секретной комнатке в подземелье башни и крышку которого Тофф только что подцепил ножом.

При звуках колоколов ящик развеялся серым прахом – будто кто-то дунул, стирая карандашный рисунок с бумаги… Они все так рассыпались год от года. Пепел и пыль, дыхание смерти в осеннем городе.

Хегола подхватил свой сундук и побежал наверх, спотыкаясь на ступенях, а колокольный звон всё нарастал. Сердце бешено колотилось в груди Тоффа.

Он вылетел обратно в главный холл башни, бросился к распахнутым арочным дверям, за которыми алыми трепещущими языками догорал закат на бесконечно высоком небе – *я успею, наверняка успею*, – но… Стоило красной леске последнего солнечного луча лопнуть, погрузив город во тьму, как Асулен преобразился.

Всюду зажглись огни. Зелёные, колдовские – мёртвые. Они вспыхнули в пустых окнах и на сторожевых башнях, дозорных вышках и в глубине иссохших колодцев. Листва на деревьях развеялась по ветру. Призраки животных, обитатели Асулена, беззвучно ушли под землю. На ста белоснежных башнях, где неистовствовали колокола, появились грандиозные, давящие силуэты давно стёртых с лица земли великанов – отпечатки прошлого…

И в этом гибельном и гнилом мёртвом свете по плитам старого города к Хеголе рванули голодные тени. Острые. Хищные. Не оставляющие от своих жертв даже костей.

Вот теперь он действительно остался один.

Тофф опустил сундук и зажёг между ладонями огненный шар.

– Frekgo! – воскликнул он, делая его больше, поднимая одной рукой над головой, а другой – выщёлкивая пальцами мелкие искры. Их Хегола пускал в тени, которых становилось всё больше, которые стягивались вокруг него трепещущим чёрным маревом.

Но теням было плевать. Если искорки и прожигали их, то дыры затягивались мгновенно.

Их невозможно побороть. Надо бежать отсюда. Это – единственный шанс, – понял Тофф.

Но как же забрать сундук, если для колдовства нужны две свободные руки?

Я вернусь за ним завтра. Он закрыт, они его не съедят.

Хегола сделал несколько шагов к выходу из башни. Тени напирали, не пускали его, стягивались всё более плотной тьмой. Тоффу казалось, что он пытается отодвинуть невидимую стену. Давление росло, белки его глаз покраснели.

– Я не сдамся! – прорычал он, переступая порог башни.

Всё нормально! Вот – начало положено, он уже что-то смог! Впереди – да – длинные улицы, целые кварталы теней, впереди – вся ночь, до рассвета часы и часы, но…

– Не сдамся! – повторил Хегола, вырываясь ещё на несколько метров вперёд.

Тени были везде. Они потоками стекали по некогда белоснежным стенам, выползали из слепых дверных проёмов, скатывались с городских акведуков. Тени обхватывали каждый клён, каждый камень, со спины обнимали скульптуры с обломанными руками, змеями обвивались вокруг столбов. Тоффу казалось, что они ползут даже по небу, съедая блестящие звёзды…

Долгий путь – очень трудный, изматывающий, и с каждой секундой всё более жуткий, потому что одно дело – защищать тех, кто стоит у тебя за спиной; и совсем другое – *уходить* от самого драгоценного, бросая его. Двигаться неизвестно куда, во тьму, совсем одному…

Я вернусь за вами.

Магия Хеголы иссякала. Ему уже не хватало сил обуздывать и черпать энергию унни из внешнего мира – и он решил вкладывать в заклинания самого себя.

Огненный шар над головой старосты разгорелся ярче, когда колдовство начало пожирать его изнутри. Обуглились кончики пальцев. Хлынула кровь из носа, зрение подводило – Тофф был уверен, что не моргает, но вспышки темноты постепенно разрастались, подменяя реальный мир, и он шёл, не зная куда.

– Я… – пробормотал он, чувствуя металлический привкус крови во рту. – Не…

«Сдамся» он уже не смог сказать. Язык не слушался, ноги стали тяжёлыми и будто ненастоящими – как на них вообще стоять? В теле, казалось, безостановочно что-то лопается и рвётся – сосуды, связки, сочленения, – но Хегола продолжал безжалостно разрушать себя, горя, как свечка, вкачивая каждую частичку своего существа в колдовство. Потому что если он сумеет отогнать тени и выбраться из города, то потом обязательно, обязательно излечится. А вот если нет…

Он поднажал ещё. Зрение погасло, по горлу изнутри, кажется, хлынула кровь.

Ничего, ничего. И слепым я смогу жить. Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Я потом со всем разберусь, сейчас главное – выбраться…

Но и всех сил тренированного тела Хеголы не хватило на противостояние теням. Шар в его поднятых руках задрожал, уменьшаясь, и он почувствовал ледяное дыхание, сухой и трепещущий шёпот, прокравшийся в самые уши:

Наконец-то, чужак.

Наконец-то мы отведаем твоей плоти.

Шар мигнул и погас. Хегола упал на землю, и муравьиным водопадом на него хлынули тени. Боль разрывала каждую его клеточку – от неё невозможно было укрыться, тени распяли его и растягивали, каждой хотелось, чтобы ей досталось побольше…

Хегола Тофф умер.

Его полностью поглотила тьма, но сознание отчего-то не угасло. Оно будто переместилось из головы ниже, спряталось в золотую точку, горящую у каждого человека в груди, не тронутую тенями, и вместе с этой искрой, бьющейся, будто птица в клетке, выскользнуло наверх.

«Сейчас она угаснет, и я исчезну навсегда», – отстранённо и на удивление спокойно подумал Тофф, бросая последний взгляд на пустынные улицы Асулена, на раскачивающиеся в вышине колокола, на утопающий под тенями скелет.

В этой ночи – его последней ночи на свете – были, оказывается, и красота, и величие. Такие глубокие алые и чёрные цвета на снегу. Такое ясное, звонко-хрустальное, игрушечное небо над таким же игрушечным городом. Всё вдруг стало правильным и тихим, и искорка-Тофф поднимался всё выше, готовился раствориться в единой энергии унни и слиться с ней, как вдруг…

Его расслабленный взор скользнул по Рассветной башне, её распахнутым дверям и сундуку, стоящему на каменных плитах… И по жадной свирепой тени, пытающейся просочиться в щель под крышкой, трепещущей, как язык отвратительного существа.

Благость мгновенно слетела с души Хеголы.

«Она хочет убить их».

Искра Тоффа рванула вниз и вперёд, к башне, будто комета, с каждым мгновением разгораясь всё сильнее. Что-то *великое*, от чего он только что отвернулся, расстроилось из-за его выбора. Что-то *знающее* с нежностью и болью протягивало к нему любящие руки, но Хеголе было плевать.

Стремительно пронеслась его золотая искра по улице и яростно впилась в тень, обвивающую сундук. И, тогда как обычные искры не приносили теням вреда, от прикосновения *этой* искры чёрная тварь завизжала, изошла дымом и исчезла. Другие, уже подбиравшиеся к сундуку, заколебались в нерешительности.

– *Прочь!* – беззвучно закричала искра. – *Прочь отсюда!*

Тени будто переглянулись и… кинулись на неё всем скопом.

Золотой огонёк бросился на них в ответ. Он рвал и терзал, жёг и пронзал тёмные сущности, визжащие и распадающиеся на тающие лоскуты. Он двигался с такой скоростью, что постепенно перестал быть искрой, превратившись вместо этого в разящую огненную нить, затем – в вихрь пламени, наконец – в сияющую фигуру. Её свет казался парадоксальным, будто глянцево-чёрным, пылающим, всё сжигающим… И столь жалящим, что тени наконец-то сдались.

– УБИРАЙТЕСЬ! – заорала фигура, обретшая человеческие очертания, и её крик был столь ненавидящим и полным такой силы,

что колдовская волна разошлась от неё во все стороны, заставляя камни трескаться, деревья – засыхать, а землю – вздыматься буграми…

Содрогнулись колокола Асулена. Беззвучно исчезли призраки великанов на башнях. Тени, визжа, попрятались в самые глубокие щели – а тех, что не успели, разорвало в седую пыль. Сияющая чёрно-золотым фигура вышла из башни и подняла лицо к небу, в котором неистовствовал, бурля, смерч, созданный её яростью и страхом плотоядных теней. В смерче трепыхалась зелёная мёртвая искра из тех, что вынюхивают и выискивают себе тела недавно погибших, в которые они смогут войти, чтобы затем переделать их под себя, сделав нежитью. Видимо, её привлекла недавняя смерть Тоффа: но не успела искра сообразить, что здесь не останется трупа – тени съедают людей целиком, – как её всосал в себя этот поднявшийся вихрь разрушительной магической силы. Теперь мёртвая искра, испуганная происходящим, и хотела бы сбежать, но смерч не отпускал её.

Он хотел вобрать и чёрную фигуру внизу, уничтожить её – в ней так много кипящей, упоительной силы и отчаяния, – но она не далась. Вместо этого фигура сама распахнула руки и непостижимым образом втянула и смерч, и мёртвую искру в себя, а после упала навзничь.

Тёмный беззвучный взрыв разнёсся по Асулену, и покинутый город захлебнулся сотворённым в нём колдовством…

А когда первые солнечные лучи заскользили по притихшим улицам, лежащий на пороге Рассветной башни человек шевельнулся. Затем неверяще открыл глаза. Перевернулся и мгновенно нашёл взглядом нетронутый сундук. Оттолкнувшись от белых плит, он приподнялся на локтях…

И на какой-то миг ему показалось, что всё это был только страшный сон.

Но потом он увидел слабое красное сияние, исходящее от его новой кожи, сотворённой при помощи магии. А когда прижал пальцы к груди, то понял, что сердце его не бьётся. И не забьётся уже никогда.

*** * ***

Хегола Тофф помотал головой, отгоняя воспоминания, и беззвучным стремительным движением, невозможным для человека,

поднялся с пола.

Он посмотрел на себя в висящее над раковиной зеркало: бескровная кожа, красные глаза. С той ночи в нём жило две искры – его старая, человеческая, из упрямства оставшаяся гореть, и – мёртвая зелёная, насильно втянутая им вместе с колдовским смерчем. Вскоре после случившегося в Асулене Хегола понял, что он невероятно признателен этой искре, ведь это наверняка она, движимая рефлексом нежити, создала ему новое тело из чистой магии – такое же, как старое, пусть и неживое. Останься с ним на исходе той ночи лишь его золотой огонёк, возможно, он бы всё же угас, и Тофф исчез навсегда…

А так у него появилось огромное количество времени впереди, которого хватило на то, чтобы понять, как можно будет спасти Долину Колокольчиков. И хорошенько подготовиться к этому. И вот наконец теперь он сможет привести свой план в действие.

До полнолуния – три ночи…

Хегола отодвинул люк, ведущий в подземелье. Он собирался уже покинуть хижину через тайный ход, как вдруг понял, что не попрощался с Нив.

Ему было сложно сделать это.

Когда много лет назад спасённая им привиденческая девушка попросила его взять её в помощницы, Тофф сразу без утайки поведал ей о том, какова его цель и чем однажды всё закончится. «От меня лучше держаться подальше». Но Нив сказала, что ей это не важно. И сам он не смог противостоять соблазну обрести друга.

Она пообещала достойно встретить день прощания, однако всё же попала в ловушку слишком сильной привязанности. Нив в последние дни наделала много страшных глупостей, но он знал, что и почему ею двигало. Ему самому было горько расставаться с ней. Он не любил её в том смысле, в котором, как он догадывался, она любила его, однако все эти годы он видел в ней единственного и близкого друга, одинокую девушку, за которую он нёс ответственность и которой желал лишь добра.

Хегола вздохнул, вернулся в основное помещение хижины и подошёл к закутку у печи, где угадывались очертания госпожи Кройшпаль. Он сказал, что ему пора уходить, и раскрыл ту часть своего будущего, о которой не говорил ей никогда прежде. Нив сначала онемела от шока, а потом заплакала ещё горше.

– Ты веришь в перерождение? – перед уходом спросил он. – Я – да. Мне кажется, наши искры, угасая здесь, расцветают в других мирах. А бывает, что и вовсе заново зажигаются в нашем. Да, они никогда не помнят прошлого: вся информация о прежней жизни растворяется в бытии вместе с энергией унни, но искра всё же несёт в себе самое главное – результат нашего опыта, пусть и не может его расшифровать… И я уверен, Нив, что мы с тобой ещё однажды встретимся. Здесь или на другом краю вселенной. Мы не узнаем друг друга, но внутри каждого защекочется приятное чувство: «Мне знакома эта душа. Когда-то мы вместе делали что-то важное». И на мгновение наши искры полыхнут сильнее, и мы обязательно улыбнёмся.

Нив всхлипнула и кивнула. Какое-то время она молчала, а потом, собравшись с силами, выдавила:

– Верю. Прощай, Хегола.

– Прощай, Нив.

36. Цепь, уходящая в небо

На прошлой неделе все в Академии с невероятным удовольствием летали на двух грифонах, привезённых с материка госпожой Клыккер. Единственный, кто отказался это делать, причём в резкой форме, – это доктор Морган. Неужели он настолько высокомерен, что считает это ниже своего достоинства?

Из личного дневника Фреи Галли, преподавательницы Астрологии в Академии Буре

Тинави из Дома Страждущих

– Тинави, если ты сейчас же не перестанешь пялиться на свои часы и не посмотришь под ноги, то рискуешь загреметь в пропасть! А я тебя ловить не буду: у меня руки заняты, так-то.

Я резко затормозила. Подняла глаза от циферблата и…

– Боги-хранители! Ты пораньше предупредить не мог?

Мы с Берти стояли в паре метров от обрыва. Подорожник, одуванчики и клевер резко сменялись головокружительным склоном. Внизу лежали снега, белеющие в ночи: очередная туманная полоса погодного разлома проходила аккурат вдоль скалы и заканчивалась на её уровне. Как обычно, разлом обозначали вьющиеся стайками огоньки, похожие на коварных обитателей шолоховских болот, и вкрадчивый многоголосый шёпот, такой тихий, что распознать его можно было с трудом.

В траве возле разлома ещё были видны какие-то серебристые капли. Они смутно напомнили мне что-то, но, скользнув по ним взглядом, я сразу же отвлеклась на продолжение диалога с Берти.

Голден-Халла сбросил наполненные водой бурдюки на землю и с удовольствием потянулся.

– Просто я пагубно любопытная личность. Вот и хотел выяснить, куда ты нас, собственно, ведёшь с такой уверенностью. И в какой момент включится твой инстинкт самосохранения. А сейчас понял, что он может не сработать вообще… Скажи мне, драгоценная, как ты дожила до своих лет с такой экстремальной рассеянностью?

– Просто я фокусируюсь на чём-то одном за раз! – Я демонстративно сунула часы ему под нос. – Скажи мне, сколько времени?

– Шесть… шесть утра?! – Голден-Халла ахнул и непонимающе посмотрел на щербатую луну, висящую прямо перед нами. – Но ведь сейчас до пепла темно! Да и луна ещё низко… Хотя столь позднее время объяснило бы, почему я чувствую себя таким измотанным.

Я солидарно закивала.

Позади у нас был длинный день. Покинув Сонное Облако, мы отправились к следующей деревушке. Она располагалась в зоне, где сейчас на землю обрушивались невиданные ливни и грозы, схожие с теми, какие я повстречала во Вратах Солнца. Единственную дорогу развезло так, что лошади просто не могли проехать. Мы намертво увязли, до деревни было ещё далеко, и наконец нам навстречу из стоявшего на опушке леса охотничьего домика выскочил егерь. Оценив обстановку, он от души посоветовал нам развернуться, если мы не «окаянные самоубийцы».

– Если вы выберете восточную дорогу, то получится ненамного дольше, зато гораздо комфортнее! – перекрикивая грохот дождя, советовал он. – Потому что у нас такая погода ещё на неделю как минимум!

На предложенном пути не было ни поселений, ни гостиниц, но егерь убедил нас, что там – крайне приятная летняя зона, и мы спокойно переночуем под открытым небом.

В общем, мы его послушались.

Дорога и впрямь оказалась приятной, она то выводила нас на живописные утёсы, полные луговых цветов, то скрывалась в ивовых и дубовых рощах, загадочно шелестящих под звёздами. Когда наступила ночь – изумительно красивая, синевато-изумрудная, мы решили, что проедем «ещё чуть-чуть, пока не устанем».

И вот мы, три трудяги, всё ехали и ехали. Ехали и ехали. Ехали.

Ночь и не думала кончаться, луна застряла на нижней трети неба, и поэтому каждый из нас, чувствуя всё усиливающуюся усталость, винил в этом лишь собственную изнеженность – и героически о ней молчал. Наконец, обнаружив симпатичную полянку, мы кое-как признались друг другу, что хотим спать, и остановились. Берти и я отправились за водой для лошадей, а на Моргана возложили ответственную миссию по наведению уюта. Не то чтобы у него для этого было много инструментов, но ведь он могущественный колдун. Справится как-нибудь. Наверное.

И вот на обратном пути от реки, подозревая, что каждый последующий зевок рискует оставить меня с вывихом челюсти, я додумалась посмотреть на часы, что вообще-то следовало сделать с самого начала.

Итак, сейчас шесть утра. Шесть утра! А вовсе не два ночи, как мне думалось из-за пейзажа.

– Может, это какая-то особенная колдовская зона Седых гор? – прикинула я. – Некий Вневременной Колодец Истинного Безразличия, угодья ещё какого-нибудь альва или вообще – чем гурх не шутит! – другой мир?

– Обожаю твой жизненный опыт. – Берти рассмеялся. – Не знаю никого другого, кто бы так с ходу предлагал самые невероятные гипотезы. Мысль о том, что у тебя просто часы сломаны, тебе категорически не нравится, да, госпожа Ловчая?.. Ладно-ладно, не делай такое зверское лицо! Шучу. Я же тоже чувствую, что прошло очень много времени.

Он вытащил из кармана собственные часы, отщёлкнул крышечку и, внимательно изучив циферблат, задумчиво пожевал губами:

– Тоже шесть… Итак, путевая загадка номер уже не знаю какой. Пойдём скорее к Моргану. А то он убьёт нас, если мы без него начнём обсуждать эту новую, несомненно восхитительную тайну.

– Думаешь, его от них ещё не тошнит?

– Моргана – от тайн?! Да он почитает их, как вежливый сын – любимых отца и матушку!

– Судя по его вечно недовольному лицу – если он и сын, то приёмный.

*** * ***

Морган перевёл пристальный взгляд от часов на застрявшую невысоко над горизонтом луну.

– Четверть седьмого утра. Очень странно.

– Ой, да теперь не важно! – Голос Голден-Халлы полнился восхищением. – Ты правда способен на подобную красоту?! Как ты мог скрывать от меня такие умения столь долго?

– Морган, моё почтение, – я отвесила доктору полушутливый-полусерьёзный поклон. – Мне всегда казалось, что перещеголять меня саму в умении вить гнёзда невозможно, но… Какие ещё секреты ты скрываешь, господин Гарвус?

– Да заткнитесь уже. Задрали издеваться, – закатил глаза Морган и деловито стал обходить рощу по кругу, плетя те и иные заклинания, направленные на обнаружение иллюзий.

Мы с Берти вприпрыжку погнались за ним.

– Мы не издеваемся! Мы преклоняемся!

– О, Гарвус великий, научи меня делать такие очаровательные палатки из шуф! – взвыла я.

– О, Гарвус непревзойдённый, расскажи, как так изящно вешать на них огоньки?! – подхватил Берти.

Морган развернулся на пятках и агрессивно швырнул в нас сноп искр, которые, впрочем, потухли, не долетев до наших восторженных физиономий.

У него за спиной уютно мерцал объект нашего восхищения – очаровательная туристическая палатка, собранная из нашей зимней одежды, стоящая под одной из множества плакучих ив, растущих в этой роще и умиротворённо покачивающих длинными кистями ветвей.

Серьёзно, такую милую лоскутную палаточку ни я, ни Дахху, ни даже госпожа Пиония не смастерили бы. Вот живёт же в человеке, оказывается, чувство прекрасного. А ты об этом – ни сном ни духом, не догадываешься даже. Ненаблюдательный дурак.

* * *

Мы решили разделиться и немного побродить по округе, надеясь обнаружить что-нибудь, что намекнёт на причину некончающейся ночи. Моё внимание привлекли заросли терновых кустов, ветки

которых были обломаны – кто-то недавно продирался сквозь них, игнорируя колючки. Я повыше подняла фонарь с осомой, собираясь пройти по получавшейся тропинке, но в этот момент вдалеке раздался полный удивления вопль Голден-Халлы.

Он стоял над глубокой ямой.

– Посмотрите на дно! Только не рухните, я вас умоляю.

Внизу мерцал в темноте полупрозрачный золотистый сгусток энергии. Он был неоформленным и подвижным, и внутри у него, будто рыбки, мелькали разноцветные тени. В диаметре сгусток казался не меньше метра.

– Что это? – опешила я. Но у ребят не нашлось ответа.

Вдруг луна показалась вновь из-за набежавшего на неё кружевного облака, и я увидела, что от сгустка вверх тянется такая же полупрозрачная, как он, цепь. Почти невидимая, она при этом выглядела очень надёжно – толстые звенья плотно прилегали друг к другу, и больше всего это напоминало якорную цепь на корабле.

Зачарованные зрелищем, мы с Берти и Морганом подняли головы. Цепь уходила прямо в небо, но уже на высоте верхушек деревьев переставала быть видна, как это происходит с паутинками на свету.

Я прищурилась, слегка повернула голову, и…

– Прахов прах! Ребят, бросайте таращиться в открытую и посмотрите на неё боковым зрением! Вот не зря у нас в Шолохе говорят, что настоящие чудеса можно увидеть лишь так!

…Высоко-высоко над нами, в небе, горело скрытое от обычного взора северное сияние. Широкие синие, зелёные, лиловые мазки расцвечивали небосклон, колыхаясь, как кулисы. А в них прятался город.

Небесный город.

Чужой.

Все втроём мы напряжённо пялились на крону случайной ивы (певшая на ней птица теперь неловко молчала, боясь, что сделала что-то не то) и боковым зрением пытались выхватить удивительные переливающиеся дворцы и башни.

Морган выпал из оцепенения, моргнул и быстро сплёл какое-то заклятие. Тотчас и якорь, и цепь, и всё над нами как будто набрало красок и плотности.

– Что ты делаешь? – Берти с жадностью уставился на руки друга.

– На некоторое время закрепляю увиденное, чтобы мы не окосели окончательно, – проворчал Гарвус. – Смотрите нормально.

Теперь мы жадно наблюдали за небесным городом уже во все глаза. В груди я чувствовала глухие толчки – это натренированное тайнами сердце отбивало праздничный марш. Я смотрела на город, а город смотрел на меня, и мне казалось, что он шёлковым языком исследует мою душу.

Он был живой.

Я не могла шевельнуться перед его прекрасным ликом.

Берти взъерошил себе волосы.

– Спорю на что угодно: именно жители этого места виноваты в непрекращающейся ночи, – заявил он. Я указала пальцем на цепь:

– Они явно встали на якорь. Может, у них что-то случилось?

– Предлагаешь вскарабкаться и узнать? – Глаза Берти блеснули, когда он оценил длину цепи.

– М-м-м. Боюсь, я не настолько сильна, Голден-Халла. Да и тебя не хотелось бы увидеть в форме лепёшки, случись что. Безусловно, ты и в такой ситуации выглядел бы прекрасно, но…

– Но значительная часть моего обаяния состоит в умении болтать, шевелиться и требовать волшебства, понимаю, – фыркнул он. – Впрочем… У меня есть и другая идея того, как нам попасть в это чудное местечко.

И он кивком указал куда-то за наши с Морганом спины.

Там сквозь деревья проступила изящная лестница, ведущая наверх. Хвала всем богам, она была нормальная: не верёвочная, а винтовая. Правда, у лестницы напрочь отсутствовали такие важные детали, как перила и плотность. Зато освещение радовало взор: ступени были как огоньки авроры – зелёные, белые, местами розовые.

– Поднимемся? – Берти взглянул на меня.

– Естественно!

– А тебя не переклинит, как тогда перед ущельем в Асулене? – Он хитро прищурился.

– Нет. Там меня ужасал сам мостик – страшный сон всякого здравомыслящего человека, – а эта лестница скорее манит, чем пугает. Так что я не подведу.

– Ещё не факт, где быть нужнее – наверху или здесь.

– Этот город без меня не останется, – решительно замотала головой я. – Спорить бессмысленно, Голден-Халла: охрипнешь быстрее, чем я сдамся.

Тогда Берти расплылся в улыбке и ласково обернулся к Моргану.

– А ты тогда можешь подождать нас здесь? Если увидишь два падающих с неба тела – лови.

Ох, вот таким образом у нас стоял выбор, оказывается?! Я скорчила сочувственную физиономию, думая, что Гарвус сейчас впадёт в неистовство от предложения Берти, но он, непривычно пришибленный, лишь кивнул.

– Постарайтесь не задерживаться.

Когда мы шагнули на лестницу, ступени под нашими с Берти ногами отозвались кристальным звоном, будто по бокалу игристого вина стукнули вилочкой. Это было безумно красиво и волнующе: ступать по чистому свету, сквозь который виднеется пейзаж внизу.

– Берти, – окликнула я, когда мы поднялись от земли на значительное расстояние и остановились передохнуть. – А я правильно понимаю, что Морган жутко боится высоты?

– Ага. – Голден-Халла прижал палец к губам. – Только не вздумай даже легчайше намекнуть, что ты догадалась…

– Убьёт?

– Расстроится. А это гораздо хуже.

– Ну спасибо! – Я рассмеялась. – Поздравляю: твоя расстановка приоритетов – грусть Моргана хуже, чем моё убийство – только что разбила моё хрупкое сердце!

– Ой, тьфу ты! Я не то имел в виду, – Берти закрыл лицо рукой. – Забудь, пожалуйста. Мне стыдно. Я уже покраснел.

– Докажи! – потребовала я. – А то, видишь ли, спрятался.

Он убрал ладонь и сделал пару шагов наверх, сокращая разделявшее нас расстояние, тогда как я одновременно сделала шаг вниз, намереваясь провести шутливо-грозную инспекцию его румянца.

– А так мои прекрасные розовые щёчки тебе видны? – весело спросил Голден-Халла.

Я уже открыла было рот, чтобы вкинуть свою реплику в нашу перепалку, как вдруг, почувствовав тёплое дыхание Берти на своих губах, осознала, насколько близко друг к другу мы оказались. Порыв ветра подхватил его выпавшие из хвостика красные прядки так, что

они коснулись моего лица. Я поняла, что невесомые завязки на вороте моей рубашки гладят видные в вырезе рубашки ключицы Голден-Халлы, и всем телом ощутила исходящий от него жар.

Берти был красивым. Очень красивым – что я отметила ещё в день нашего знакомства и что, вкупе с восхитительным нравом сыщика, пару раз заставляло меня задумываться о том, каково было бы целоваться с Голден-Халлой…

Но до настоящего момента это были просто оторванные от реальности фантазии, настолько простодушные, что я могла бы легко и с удовольствием обсудить их с любой девчонкой. Почти по типу перемывания косточек книжным персонажам: «Этого бы я поцеловала, этого – убила, за этого вышла бы замуж».

Сейчас же фантазия неожиданно постучалась в гости к действительности – и я сильнее вцепилась в столб винтовой лестницы. В синих глазах Берти отразилось моё замешательство. Моргнув, он тотчас сделал шаг назад.

– Ох, – сказал он. – Вот теперь мне по-настоящему неловко!

– О да, вижу! – Я сглотнула. – Сейчас ты действительно покраснел.

– Кто бы говорил, – фыркнул он и мотнул головой.

– Мы оба так бурно среагировали. – Облизнув губы, я затараторила с дикой скоростью: – Знаешь, я всегда думала, что эта участь распространяется только на меня, Кадию и Дахху: каждый из нас троих бьёт все рекорды по смущению, забрезжи где-то намёк на случайную романтическую ситуацию… А тут, смотрите-ка, ты тоже в нашем клубе, кажется. Голден-Халла, я бы дала тебе членскую карточку, если бы она у меня была. Но я оставила их дома, не зная, что они могут пригодиться в Норшвайне… Так что, прости, придётся ограничиться устным признанием твоих заслуг.

– Ох-ох-ох, – только и повторил он. – Какой кошмар, Тинави. Ну и как я без членской карточки – теперь, когда я знаю о ней и существовании вашего клуба как такового?! Это несправедливо. Ты глубоко ранишь меня.

– Если дашь свой адрес в Саусборне – я пришлю тебе её, как только вернусь в Шолох! Обещаю. Это ведь поможет тебе утешиться и вернёт мою репутацию доброго человека?

– Да. Но до тех пор я буду смотреть на тебя с подозрением, боясь, что ты забудешь, но стесняясь напоминать тебе об этом по сто раз на дню, чтобы ты, не дай небо, не передумала.

– Берти, – Я торжественно остановилась и обернулась. Под высокими звёздами, в окружении потоков света, с искорками магии, вьющимися вокруг его длинных ног, Голден-Халла был чудо как хорош. Я залюбовалась им, искренне радуясь, что жизнь подарила мне такое замечательное знакомство. Сердце билось быстрее обычного, и мне было даже немножечко плохо оттого, насколько важным человеком за столь малое время стал для меня Голден-Халла. Спасибо. Просто – спасибо.

– Я уже говорила тебе, что я тебя обожаю?

На его лице расцвела улыбка.

– Нет. А скажешь ещё? Пожалуйста?

*** * ***

Чем выше мы поднимались, тем детальнее становился виден город, сотканный из света.

Перед нами вырисовывались узкие улицы с хорошенькими домами, башни с куполами-луковками, горбатые мостики и реки, похожие на облака. Края города просто обрывались, представляя собой потоки тумана, стекающие в никуда.

Жители города – неопределённые, пульсирующие фигуры, облачённые в разноцветные платья и высокие тюрбаны, – легко перебегали с крыши на крышу, беззвучным шагом скользили вдоль стен. Некоторые из них собирались кучками прямо посреди улиц, бурно обсуждая что-то.

Никто не обращал внимания на нас – двух чужаков, из последних сил карабкающихся по нескончаемой, казалось, винтовой лестнице. Наконец она завершилась широким длиннющим пролётом, наверху которого мерцали перламутровые врата.

Одна створка была приоткрыта, и мы с Берти, переглянувшись, внаглую пролезли внутрь. По ту сторону взволнованно ходили туда-сюда двое стражей. Увидев нас, они замерли и одновременно повернули головы в нашу сторону. В этой синхронности было нечто

жуткое, и, если бы их неясные, но изящные лица не казались почти по-детски добродушными, я бы, честное слово, уже выталкивала Голден-Халлу обратно с криками «На фиг, на фиг!».

– Kehlen boku tovaga boe? – спросил один из стражей, подойдя к нам. Цвет его тюрбана и платья переливался от жёлтого к лиловому.

Я покачала головой:

– Боюсь, мы не говорим на вашем наречии. Мы путники. В лесу мы нашли ваш якорь и подъём на эту лестницу, – каждую фразу я произносила на новом языке из тех, что знала, а также сопровождала свои слова бурной жестикуляцией. – У вас что-то случилось? Вам нужна помощь?

– Мы не желаем вам зла, – добавил Голден-Халла, в отличие от меня проиллюстрировав свои слова не размахиванием рук в стиле игры в шарады, а вполне себе языком глухонемых.

Впрочем, и это не помогло наладить коммуникацию. Сотканные из света стражи переглянулись.

– Aeuna! – попросил всё тот же жёлто-лиловый и, развернувшись, вдруг легко вспрыгнул на крышу ближайшего здания и побежал по его коньку прочь. Полы его платья колыхались, будто под водой.

Его коллега, одетый в малиновое, меж тем крикнул нам:

– Lae, lae! – после чего нетерпеливо схватил нас за руки и потащил за собой.

Его прикосновение было похоже на весенний ветер, танцующий на берегах реки Нейрис: прохладный и лёгкий, бестелесный и одновременно с тем упругий. Пальцы стража, казалось, могли провалиться сквозь моё запястье: касание было лишь немногим материальнее, чем объятия призрака.

Берти завороженно осматривался.

– Не знаю, что именно здесь происходит, – сказал он, – но они явно чем-то взволнованы.

Страж в малиновом вывел нас на квадратную площадь, по бокам которой высились причудливые дома с огромным количеством медленно кружащихся флюгеров, а в центре находился фонтан, в котором вместо воды разливались чистые потоки света.

Наш спутник так же непринуждённо, как его предшественник, взлетел с сияющей брусчатки на верхушку фонтана и, прижав руки ко рту, начал что-то быстро говорить горожанам, которые со всех сторон

стекались на площадь и выстраивались вдоль домов. А некоторые – на крышах и на карнизах. Гравитация всем этим ребятам была нипочём. Я сама тихонько попробовала подпрыгнуть, втайне надеясь, что получится выше обычного, но, увы, единственным итогом моего прыжка было то, что, приземлившись, я на несколько сантиметров провалилась сквозь мерцающую брусчатку. Берти мгновенно выдернул меня, но экспериментировать что-то перехотелось.

Со звуком здесь тоже происходило нечто странное: с одной стороны, город утопал в молочной тишине, сравнимой с плотным молчанием туманов междумирья, а с другой стороны, голоса местных звучали как колокольчики, и после каждого слова ещё долго слышалось мягкое, танцующее, как на кошачьих лапках, эхо.

Понимая, что все мы, видимо, ждём возвращения «лилово-жёлтого» стража, я тем не менее не хотела делать это молча.

– Хей! – окликнула я «малинового», который тотчас послушно слетел обратно на землю. Я прижала руку к груди. – Тинави.

Потом указала на Берти:

– Берти.

– Берти, – подтвердил сыщик и ткнул пальцем в меня. – Тинави!

Возможно, мы выглядели как идиоты, но идиоты доходчивые.

Страж кивнул и, коснувшись своей груди, низко поклонился – видимо, у них было принято так.

– Oelo, – сказал он. Потом обвёл рукой площадь. – Huuwa Overdil.

– Значит, я прав! – тотчас выдохнул Берти. – Эх, жаль вслух не предположил – ты теперь не поверишь, что я догадывался заранее! – И, поймав мой недоумённый взгляд, он взбудораженно затараторил: – Мы в Овердиле, Тинави. Он же – Город Бликов! Ты когда-нибудь слышала о нём?

Я помотала головой.

– Я бы и сам не знал об этой легенде, но, когда работал в Академии Буре, мои студенты делали спектакль о Городе Бликов. Песнь об Овердиле – это забытое сказание, которое повествует о небесном граде, иногда появляющемся посреди ночного неба. Оно давно перестало быть популярным, и о нём не помнят нигде, кроме… острова Этерны. Местным оно очень нравится: будучи жителями крохотной и древней земли, они с пиететом относятся к любым другим подобным территориям.

– Так-так-так! И о чём же говорится в этой песне?

– Оригинальный сюжет я не помню, так как мои очаровательные ученики переписали его под себя, впихнув туда кучу драмы, и у меня в голове застряла их надрывная версия, вобравшая в себя все возможные клише и «слезодавилки» – ох уж эта молодёжь, так яро требует крови, да?.. Вроде бы сам Овердил – это город, который существует одновременно наяву, на изнанке реальности и во сне, а потому – нигде по-настоящему. (Не спрашивай меня, что это значит, я понятия не имею.) Однако изредка, по ночам, Овердил появляется над горами целиком и отправляет на землю своих охотников, которые добывают для него некую таинственную пыльцу, необходимую для его хоть-сколько-нибудь-осязаемости.

Я внимательно слушала Берти, но ещё внимательнее его слушал Оэло.

«Малиновый» страж явно ни праха не понимал, но стоял, настолько любознательно наклонив голову и чуть ли не уши навострив под тюрбаном, что было видно – он очень-очень старается вникнуть в монолог Голден-Халлы! Так ведут себя некоторые щенята. Я невольно умилилась, и Оэло, поймав мой взгляд, мигом наклонил голову в другую сторону и прищурился, став ходячим воплощением слова «старательность».

Впрочем, уже мгновение спустя он вытянулся по струнке и так гордо вскинул подбородок, что несколько лент, украшавших его тюрбан, взвились в воздух.

К нам, в сопровождении лилово-жёлтого стража, шёл житель города, который явно занимал высокий пост. Его белоснежное одеяние было расшито чёрными кругами и спиралями, которые постоянно двигались, сжимаясь и расширяясь, а из-под сапог при каждом шаге взмывали облачка.

Если черты лица стражей были более или менее ясными, то его лицо было почти пустым и этим вызывало смутное беспокойство – будто ты смотришь в глаза тумана.

Житель достал из складок одеяния маленький мешочек, развязал его и высыпал себе на ладонь горку блестящей сиреневой пыльцы. Мы с Берти ахнули, когда чужак вдруг резко дунул, и пыльца, обратившись неожиданно большим облаком, окутала нас обоих. Я еле успела зажмуриться, а когда открыла глаза…

– Прахов прах! – взвизгнула я, отпрыгивая назад – и тотчас взвизгнула повторно, потому что в этот раз мой прыжок получился действительно высоким: я приземлилась на бортик фонтана метрах в двух от того места, где стояла.

– Я ожидал чего угодно, но только не этого! – хрипло выдохнул Берти и неверяще уставился сначала на свои руки, потом – на меня…

Я сглотнула так панически громко, что слышно было, кажется, по всему Овердилу. Ведь безмолвный чужак в чёрно-белом с помощью своей дурацкой пыльцы просто-напросто лишил нас с Берти тел, превратив в неясные, бесплотные и пронизанные светом существа. Мы стали такими же, как обитали Города Бликов.

Голден-Халла: в одеянии глубокого изумрудного цвета, состоящем из нескольких слоев, колышущихся по воле несуществующего ветра.

Я: в кобальтово-синем, с голубым тюрбаном и тончайшими лентами на шее, сотканными будто из предрассветного лунного луча, развевающимися у меня за спиной.

– Зато теперь мы говорим на одном языке, путники, – удовлетворённо сказал чёрно-белый, чьё лицо теперь проступило очень чётко. Да и всё вокруг стало потрясающе детализированным – как на земле. – Так что простите мне эту маленькую вольность с вашим преображением.

– Маленькую?! – хором взвыли мы с Голден-Халлой.

Старик – а он оказался именно стариком, в меру упитанным, с тяжёлой квадратной челюстью и крупным носом, – тотчас пошёл на попятную, подняв раскрытые ладони.

– Сей процесс обратим. Однако прежде чем вернуть вам ваши тела и тем самым снова потерять возможность общаться, я не премину спросить: не соблаговолите ли вы оказать нам некоторую помощь?

– Какую именно? – спросил Берти, то и дело неуютно трогавший свой наряд, всё пытаясь примять колышущиеся ткани.

О да. В отличие от Полыни, у Голден-Халлы явно нет большого опыта хождения без штанов!

– Один из наших охотников за пыльцой не вернулся в срок, – вздохнул старик, жестом приглашая нас на небольшую прогулку.

37. Город бликов

Под действием овердильской пыли у человека появляется ещё одна загадочная ипостась. Я полагаю, что она является тенью наоборот: твоим отражением, на которое не падает тьма.

Из дневника безымянного исследователя Города Бликов, VII век до нашей эры

Оказалось, что Берти всё правильно помнил об Овердиле.

Примерно раз в десять лет Город Бликов появлялся в небесах над северными горами. Вниз по хрустальной лестнице спускались охотники Овердила – их задачей было собрать волшебную пыльцу. Эта пыльца, по сути, являлась материей бромой (то есть стабильной формой вечно изменчивой энергии унни), за которую отвечают драконы, и поэтому жители Овердила называли наш мир Землёй Дракона.

Пока охотники выполняли свою миссию, маги Овердила удерживали темноту на той территории, где стоял на якоре город – иначе он бы просто растаял под яркими солнечными лучами. Обычно охотники справлялись за несколько часов, после чего Овердил уплывал в то миражное пространство, которое считалось его домом.

Но сегодня одна из охотниц не вернулась в срок. Все её коллеги уже были здесь, а госпожа Соома пропала.

– Для того чтобы иметь возможность добывать пыльцу на Земле Дракона, – объяснял старик, который попросил называть себя просто Магистром, – наши охотники становятся более материальными. То, что я сделал с вами, они делают с собой: только наоборот. Однако жителям Города нельзя использовать пыльцу на себе два раза подряд: это вредно. Пыльца помогает нам жить и развиваться, но излишнее облучение вызывает страшные болезни и разрушает наши сущности… Поэтому сегодня я не позволил своим ученикам отправиться обратно на поиски Соомы. Мы решили держать ночь над Землёй Дракона до двух пополудни по вашему времени, и если к этому моменту Соома не вернётся сама, то Овердил уйдёт без неё.

За разговором с Магистром мы обошли несколько улиц города и наконец снова оказались у жемчужных врат.

– Есть ли у вас идеи о том, что с ней могло случиться? – спросила я, не лишив себя удовольствия запрыгнуть на один из столбов.

Магистр вздохнул, заложив руки за спину.

– Нет, – подумав, сказал он и протянул стоящему рядом Берти мешочек с пыльцой. – Если вы сможете привести Соому обратно, мы щедро одарим вас. А если не найдёте её, то просто высыпьте на себя пыльцу, и ваш изначальный облик вернётся.

Мы с Берти уже вышли за врата и вновь направились вниз по бесконечной лестнице, когда нас вдруг догнал изящный «малиновый» страж Оэло. Судя по тому, как он торопливо перепрыгивал через семь ступеней и встревоженно оглядывался, юноше вообще-то нельзя было покидать Овердил.

– Соома – очень сильная охотница! – быстро и без предисловий затараторил он, едва приблизившись к нам. – Я не думаю, что с ней случилось что-то плохое. Скорее всего, то, что она не возвращается – это её выбор.

– Ты имеешь в виду, что она просто не хочет идти обратно? – прищурился Голден-Халла.

– Хочет! Она бы меня не бросила просто так. Я – её единственный племянник. – Оэло торопливо поклонился, будто ещё раз представляясь. – Но кто-то другой мог попасть в беду, и Соома не уйдёт, пока ему не поможет.

– Например?

Оэло задумался.

– Каждый охотник Овердила добывает пыльцу по-своему. Кто-то – из камней и кристаллов, другие – из цветов и трав. Охотники держат свои способы в секрете, поэтому Магистр не мог рассказать вам о них. Но я знаю, что Соома набирает пыльцу из шерсти и рогов каких-то животных. Возможно, это даст вам подсказку? Пожалуйста, верните мою тётушку!..

И едва он договорил, как одна крохотная и непонятная деталька, вот уже несколько часов болтавшаяся у меня на краю сознания, будто камешек в морском прибое, с приятным стуком встала на место.

Я ахнула:

– Молодец, Оэло! Думаю, я знаю, как найти Соому! Только… Можно я попрошу тебя кое о чём в ответ?

Оэло удивлённо моргнул, а потом старательно закивал своей хорошенькой головой.

Я вытащила из складок одеяния шар-имаграф – такой же лежал в кармане моей шуфы, и после преображения я с удивлением обнаружила, что теперь у меня появился его бесплотный аналог. Я рассказала стражу, как сделать кадр с помощью магического шара, и поклялась звёздами, луной и собственными сновидениями, что эта магия не принесёт Овердилу вреда.

– Мы просто подарим этот шар нашему другу внизу, который не смог подняться, – объяснила я. – Выбери какое-нибудь красивое место, хорошо, Оэло?

И, дождавшись тоненького «Этот ученик сделает, как вы велите, госпожа!», я схватила Берти за руку и под его крики помчалась вниз, перепрыгивая ступени ещё более лихо, чем прежде Оэло, то и дело чуть ли не слетая в переливающееся северным сиянием небо и всякий раз лишь в последний момент ухватываясь за лестничный столб.

Это было безумие, да. Но безумие того счастливого рода, которое никак нельзя упускать.

Где-то метрах в тридцати над землёй мы с Берти совсем рехнулись. Точнее, рехнулся Голден-Халла – а я отчего-то позволила ему это.

– Не будем беспокоить Моргана почём зря! – заявил он и вдруг, не отпуская моей руки, мощным прыжком оттолкнулся от зазвеневшей ступеньки и сиганул… Прямо в никуда.

С лестницы – вбок и вниз, в сторону кудрявых лесных крон, шелестящих под нами безграничной ночной песнью.

Я захлебнулась ветром, ужасом и восторгом одновременно. На фоне огромной луны, всё никак не желавшей покидать заколдованное небо, мы летели двумя силуэтами в развевающихся одеяниях.

Мой тюрбан размотался, взметнулся за спиной прозрачной тканью, которая теперь колыхалась среди ярких созвездий, будто медуза – в океане, усыпанном планктоном. Голден-Халла оглянулся на меня, сильнее сжал мою ладонь и улыбнулся так беззаботно, будто всё это было его любимым сном, куда он по особому разрешению небес вдруг смог пригласить подругу.

– Помнишь тот утёс, на котором мы заметили остановку времени? – крикнула я сыщику, когда деревья выстелились у нас под ногами. – Давай полетим туда, Берти!

– Хорошо! Прыгни как следует! – велел он и сам с силой оттолкнулся от ветви дуба, как по заказу нырнувшей нам навстречу.

И вновь мы беззвучно взмыли вверх над ночной рощей, вспугнув птиц перелеска и заставив деревья взволнованно зашептаться: кто здесь?..

– Как ты думаешь, мы сможем перелететь небольшую пропасть? – оглянулся Берти несколько прыжков-перелётов спустя. У него теперь тоже не было тюрбана, и красно-рыжие волосы танцевали за спиной, будто пламя.

– Н-не знаю! – призналась я. – Но давай считать, что сможем! Потому что я ни за что не соглашусь спускаться и идти пешком! Причём не только из-за экономии времени, просто это ощущение… Я не хочу терять его! Теперь я понимаю, почему мой наставник так свихнут на полётах!

Голден-Халла рассмеялся и неожиданно отпустил мою руку.

– Я точно смогу!.. – горделиво заявил он, и, не успела я подумать: «Он меня бросает, серьёзно?», как на следующем крупном дереве Берти сделал неожиданный прыжок вбок, гася этим инерцию не так сильно, как это произошло бы при остановке, а затем… А затем я почувствовала его руки: одна обхватила меня за талию, пальцы второй переплелись с моими – будто в танце.

– Так что ты будешь моей «плюс один», госпожа Страждущая, – шепнул Берти мне на ухо. – Три, два…

– Один! – подхватила я.

«А-а-а-а-а-а!!!» – восторженно закричали мы оба, когда наши сотканные из света тела перелетали глубокую, узкую, холодом тянущую на дно пропасть.

Это было незабываемо! Такой полёт!

У меня перехватило дыхание, а сердце, кажется, и вовсе остановилось. И сами невероятные ощущения, и радость оттого, что я могу разделить их с Берти, и ликование той вечной частицы меня, которая представляет всё со стороны, рисуя происходящее, как художник, и описывая, как поэт, – всё это вызывало чистую эйфорию…

И вот мы приземлились на уже знакомом утёсе.

Какое-то время мы с горящими глазами просто стояли, не решаясь шевельнуться, друг напротив друг друга.

– Я не хочу забывать это никогда-никогда, – наконец выдохнула я, глядя то на свои полупрозрачные руки, то на такого же эфемерного Голден-Халлу.

– Я тоже, Тинави, – он счастливо улыбнулся. – Я тоже.

*** * ***

Я присела на корточки и указала на серебристую капельку на траве. Потом – ещё на одну, поблёскивающую поодаль. Если смотреть издалека, становилось ясно, что они выстраиваются в цепочку, пусть и редкую.

– Я тогда обратила вниманиё на эти следы, но не поняла, что это, – объяснила я. – А когда Оэло сказал про магических животных, меня осенило. Как-то раз единорог, принадлежащий принцу Лиссаю, в отчаянном желании полакомиться ежевикой самоотверженно попёр к ней прямо сквозь колючие заросли и закономерно ободрался до крови. Так вот это – кровь единорога!

Берти, подхвативший одну каплю на палец и как раз с любопытством лизнувший её, поперхнулся.

– То есть ты предполагаешь, что госпожа Соома помогает раненому единорогу вместо того, чтобы возвращаться домой? – Голден-Халла догадливо кивнул и повернулся в сторону обрыва.

– Здесь кто угодно может навернуться, – вслух стала развивать мысль я. – А уж животное, которое, скажем, испугалось незнакомой леди, идущей к нему с кожаным мешочком наперевес, – тем более. В терновой роще неподалёку как раз виднелись следы того, что кто-то крупный проскакал сквозь неё сломя голову… Единорог наверняка уже был на взводе к моменту появления Соомы: магические животные остро чувствуют любые изменения унни, и такая штука, как прилетевший не пойми откуда Овердил, наверняка вызвала у него беспокойство. И вид деловой Соомы, пусть она и не желала единорогу зла, заставил его метнуться прочь, не разбирая дороги. Сквозь терновые заросли, где он поранился, потом сквозь долину, прямиком

по утёсу и – бамс. Вниз. Возможно, он увидел краешек туманной полосы и хотел спрятаться в ней, не зная, что дальше – обрыв.

– Похоже на правду, ведь дикие единороги в большинстве своём очень осторожны, – кивнул Берти. – Такова их генетическая память. Помню, когда я учился на правовом факультете, мы проходили историю борьбы с браконьерами… Так вот, около тысячи лет назад «единорожье» браконьерство шло первым по распространению и жестокости, и именно поэтому сейчас единорогов так мало. Их просто перебили. Немудрено, что потомки оставшихся такие пугливые: впитали осторожность с молоком матери.

Мы подошли к обрыву и, помахав руками, чтобы разогнать туман, стали прицельно всматриваться в подножие склона.

– Я вижу их! – вскоре воскликнул Голден-Халла. – Давай за мной!

И уже привычными невесомыми прыжками мы стали спускаться в снежную долину.

В своём временном бестелесном состоянии я совсем не чувствовала холода – в отличие от госпожи Соомы. Жительница Овердила, сейчас выглядящая как нормальная женщина из плоти и крови, одетая в удобную короткую мантию и штаны, обнимала лежащего на боку единорога, и её нехило колотило, а кончики пальцев и носа совсем покраснели, замёрзнув.

И одежда, и волосы Соомы были белыми – как и единорог, как и снег кругом. Неудивительно, что прежде мы их не заметили.

Увидев нас, жительница Города Бликов недоумённо вскинула голову и, сначала вскрикнув от удивления, потом быстро и сурово заговорила, указывая то на передние ноги грустного, но смирного единорога, укутанные дымкой волшебства, то на заднюю – окровавленную. Наши с Берти лица вытянулись: мы не понимали речь Соомы.

О, прах. Видимо, тогда как мы сейчас говорили на языке Овердила, она использовала норшвайнский. И разница наших состояний не позволяла нам толком понимать друг друга.

– Ничего, думаю, ситуация и так ясна! – отмахнулся Берти. – Использовать пыльцу рано: став плотными, мы с тобой не сможем забраться вверх по утёсу, а эфемерная Соома не сможет как следует удерживать единорога… А ей нужно будет это сделать. Потому что я,

конечно, не эксперт в лечебной магии, но попросту срастить пару костей этому парню могу.

Слово «попросту» в отношении исцеления переломов напрягло меня. Слишком хорошо я помнила из собственного опыта, как печально живётся, если знахарь сделал что-то не так.

– Погоди, Голден-Халла! Дай я тоже посмотрю.

В итоге мы втроём с Соомой ощупали ногу единорога. Он приподнял голову. Его ресницы трепетали, пока он пристально следил за нашими действиями, но терпел. Сердце от страха у него билось так, что было, кажется, слышно за милю. Вот трусишка! Я сгоняла на утёс за календулой и корнем окопника, которые знахари используют для усиления действия заживляющих кости заклинаний, Соома крепко прижала единорога к снегу, и Берти в конце концов успешно срастил его сломанную ногу.

Животное тотчас вскочило, явив недюжинную силу и буквально раскидав нас по сторонам, и, не успели мы моргнуть, как единорог уже умчался прочь по снежной долине.

– А вы успели собрать пыльцу? – обратилась я к Сооме, демонстрируя ей наш с Берти мешочек.

Жительница Города Бликов кивнула и вытащила из-за ближайшей скалы свой трофей – в несколько раз больше по размеру. Интересно, каким образом Соома её добывала из этого несчастного единорога? Впрочем, он явно оставался в полной комплектации, а Соома проявила себя как защитница животных, поэтому едва ли добыча пыльцы принесла волшебному животному какой-то вред.

Берти похлопал себя по одеянию, затем посмотрел на свои пустые запястья.

– Моему новому облику не досталось часов, – цокнул языком он. – И у тебя я их тоже не вижу. Однако что-то мне подсказывает, что нам стоит поторопиться, если мы хотим успеть вернуться в Город Бликов. Соома, позвольте, я сделаю кое-что – знаю, вы можете сами, но мне так хочется попробовать!..

И он высыпал немного сиреневой пыльцы себе на ладонь, а потом резко дунул в сторону охотницы. Пыль взвилась мерцающим облаком, а когда развеялась, перед нами стояла характерная, по-овердильски полупрозрачная фигура. Облачённая в малиновое платье, как у стража Оэло, Соома тем не менее разительно отличалась от племянника.

Резкая, жёсткая, явно повидавшая всякое на своём веку – не нежная орхидея, а вполне себе плотоядная мухоловка.

– Благодарю, что помогли. – Соома низко поклонилась, прижав руки ко лбу. – Когда единорог упал, мне удалось исцелить передние ноги, но на заднюю уже не хватало магического резерва: жителям Овердила нелегко даётся колдовство в Земле Дракона. Я не могла бросить животное, хотя и помочь не удавалось. Проклятое чувство долга!.. В иные моменты только портит жизнь и тебе, и окружающим. Дома я непременно накажу себя за эту ошибку. А сейчас – поспешим.

И, не особо-то ожидая от нас ответа, она в несколько прыжков взлетела по скале и бросилась в сторону небесной лестницы.

Какая энергичная дама, с ума сойти!

* * *

– Тётушка, вы вернулись! – Оэло суматошно выбежал нам навстречу и тотчас получил нехилую оплеуху.

– Ликом Луны окаянный неумеха, ты почему выходишь за врата города?! – рявкнула охотница так, что даже мы с Берти вздрогнули. – Тюрбан поправь. Спину прямее. Гостям поклонись, позорище! – Соома тыкала пальцем то в голову, то в лопатки насупившегося племянника, и мне подумалось: а чего он, спрашивается, так просил её вернуть-то?

Меж тем к нам подошёл сам седовласый Магистр. Неизвестно, услышал ли он гневные крики охотницы или на воротах стояла сигнализация, но явился овердилец как нельзя более вовремя.

Пользуясь тем, что тётушка отвлеклась на беседу с высоким начальством, Оэло подскочил ко мне, как зайчишка, и всунул в руку имаграф. «Не комментируйте это вслух, госпожа! – так и читалось в его взгляде. – Не то мне конец».

И я вдруг подумала, что они с Соомой напоминают мне Полынь и Тишь в какие-то давние, подёрнутые плёнкой забвения времена, насколько я могу их себе представить-нафантазировать.

И ещё я подумала, что в мире ужасно много людей, которые прячут заботу за жёсткостью и гневом. По моим ощущениям, их куда больше, чем тех, кто, наоборот, на словах корректен и добр, но в критических ситуациях исчезает в кустах. В целом это хорошо: такая

пропорция куда лучше, чем обратная! Но что же с нами со всеми не так, в каких условиях мы растём, что «изображаю, что ненавижу, но забочусь» становится такой распространённой тактикой? Более того, вызывает симпатию, как признак своеобразного благородства. Во всяком случае, у меня.

Из мыслей меня выдернул удивлённый голос Берти.

– А, так вот это предполагалось нашей наградой?..

Магистр протягивал Голден-Халле ещё один мешочек с пыльцой. Побольше, чем тот, что был выдан нам изначально, но во много раз меньше добытого госпожой Соомой.

– Да, – кратко ответствовал старик. – А сейчас – время прощаться, – покачал головой овердилец и, как и в первый раз, резко и без предупреждения окатил нас пыльцой.

Мгновение спустя я чихнула и застонала, с ужасом чувствуя, какое у меня овеществлённое, неповоротливое тело по сравнению с прежним эфемерным. Я только открыла глаза – а уже устала!.. И как мы так живём, спрашивается?

Прекрасный Город Бликов вновь потерял всю детальность, превратившись в миражно-размытое изображение в дождевых каплях на мокром окне. Лица Магистра, Соомы и Оэло стали неясными, пустыми и величественными.

– Luegrin aqo loolo. Loolo beuten, – сказал старик и в очередной раз предельно вежливо поклонился.

– Спасибо за подарок. Доброго пути, – со вздохом кивнул Берти, кланяясь в ответ.

– Да улыбнётся вам Луна на исходе ночи. Встретимся во снах, – сама не зная почему, уверенно добавила я.

И мы с Берти ступили на жемчужную лестницу. На прощанье я обернулась. Хрупкий малиновый силуэт помахал мне рукой и тотчас получил шлепок от малинового силуэта повыше. За всеми тремя переливался, таял, неуловимо менялся и нежился в сердце северного сияния причудливый небесный город …

Loolo beuten. Встретимся во снах.

* * *

Морган, конечно, был поражён.

Пока на небе луна и солнце с невероятной скоростью менялись местами, сводя этим с ума лесную живность, Гарвус слушал историю нашей вылазки. Он вертел в руках принесённый мной имаграф, и в его лице явственно читалось: «А я всё это время боялся, что вы сейчас замертво рухнете с неба. Наготове стоял. По струнке вытянувшись».

Я устыдилась. Берти – нет, лишь сказал, что такому подмороженному пареньку, как Гарвус, совсем не лишне иногда поволноваться, за что тотчас получил подзатыльник – совсем как недавно Оэло от своей тётки.

Вечер затрещин, так я назвала его у себя в голове.

А потом мы сделали то, что давно уже нужно было – легли спать. Ребята галантно уступили мне крохотную одноместную палатку, кажется, изначально и предназначенную для меня (в чём Морган, конечно же, не сознался). Берти умудрился свернуться клубком в ветвях дерева, как большой кот, а Гарвус задремал сидя, к этому дереву прижавшись затылком и туго переплетя руки на груди. Правда, вскоре раздался глухой удар и дикие крики. Это уснувший Берти предсказуемо упал прямо на Моргана, который, скажем прямо, не обрадовался. Но все были живы-здоровы, и постепенно роща снова погрузилась в тишину.

Проснувшись ближе к вечеру, я пошла набрать ягод на примеченную вчера полянку. А возвращаясь, вдруг ощутила характерный холодок между лопаток.

Чувство опасности, вызванное чужим пристальным взглядом.

– Кто здесь? – спросила я, оглядывая молчащие, тающие в золотистом закатном свете ивы.

Прошло несколько томительных секунд, наполненных лишь шёпотом ветра в старой коряге, и вот из-за дерева выступил высокий человек в тёмно-коричневом костюме охотника, с луком за спиной.

– Вы позвали, и я пришёл, – отрывисто сказал он, сбрасывая капюшон.

На меня смотрели красные глаза Князя Нежити Хеголы Тоффа.

38. Я сам ему врежу, не беспокойтесь

Мой дом – высокая изба,
Студёная вода в колодце, смолью
Пахнущие сосны под холмом,
И от крыльца дорога – невышитым крестом.
Ступлю на путь – не оглянусь,
А потому – не тороплюсь.

Старинная норшвайнская песня

Бывший староста Долины Колокольчиков оказался именно таким, каким я его себе представляла.

Это было по-своему удивительно, потому что обычно в ожидании встречи с кем-либо я умудряюсь насочинять прах знает что. Вообще, я верю, что лучшая стратегия, позволяющая вселенной выдать тебе максимальное количество чудес-сюрпризов, – это жизнь без ожиданий, но… Нет-нет да выстроятся в моей голове некие образы людей, которых мне ещё только предстоит узнать, – и, сталкиваясь затем с реальным положением дел, эти чудики перекочёвывают куда-то в область невоплощённого. Пока не воплощённого. Потому что, возможно, однажды я соберу их по всем уголкам своей памяти и превращу… в кого-нибудь. В каких-нибудь персонажей, пока неизвестно каких.

Но псевдо-Хеголы среди них не будет, потому что Хегола – вот он как влитой встал в подготовленное ему местечко.

Высокий. Спортивный. Типаж хорошего лидера и надёжного капитана: правильные черты лица, мужественный подбородок, встрёпанные тёмные волосы. Вот только кожа – мёртвого воскового цвета, радужные оболочки – багровые, и если расфокусировать взгляд, то видно, что от Тоффа исходит слабое красное сияние.

Берти и Морган догадались о приходе Хеголы ещё до того, как он вместе со мной выступил из-за деревьев: о его приближении свидетельствовало волнение лошадей. Они беспокойно всхрапывали,

били копытами о землю и всё пытались убежать, но крепкая привязь не позволяла им сделать этого.

Решив, что лучше вести серьёзный разговор там, где бедные лошади не будут страдать от приближения инфаркта, мы вчетвером удалились в лес и развели костёр поодаль от стоянки. Постепенно темнело, и дым от огня завивался тонкой струйкой, пытаясь дотянуться до вновь проявляющихся на небе летних созвездий.

Хегола принёс с собой тушку зайца, у меня была собранная ежевика, а в бурдюках ещё оставалась вода – всё вместе это могло сойти за скромный ужин. Пока Тофф разделывал добычу, Берти вёл что-то вроде светской беседы. А когда мясо оказалось над костром, он хлопнул в ладоши.

– Что ж, а теперь давайте к делу! До Долины отсюда часов восемь пути, а до полнолуния и её расколдования – трое суток, так что в теории можно поговорить и на месте… Но всё же я предпочитаю делать заранее всё, что можно делать заранее.

Тофф поднял взгляд от огня.

– Вам не нужно ждать полнолуния, – покачал головой он. – Мы с Силграсом разберёмся с ритуалом сами. Это наше дело.

– Какой ты решительный, Хегола. Но нет, погоди. Проблема в том, что звезда Авалати…

– Я знаю, что ты хочешь сказать, Берти. Так вот: ей не придётся взрываться. И, конечно, вам не придётся убивать Силграса, хотя я подозреваю, что по его плану это было кульминацией вашей миссии… О которой он в своей отвратительной манере умолчал, – Хегола вздохнул, – чтобы потом просто поставить вас перед фактом: «Убейте меня, не то я уничтожу Седые горы».

Морган нахмурился:

– А сам он себя убить не может, кстати? Обязательно нужны волонтёры?

Я аж поперхнулась от такого беспардонного вопроса, Берти возмущённо ткнул Моргана под ребро, а Хегола только хмыкнул.

– Это вы у него потом спросите. Когда всё закончится. Но, если без шуток: зазор между завершением заклинания и взрывом звезды слишком мал, и, я уверен, Силграс не стал бы рисковать, полагаясь на самого себя… В предложенном тобой варианте, доктор Морган, его рука могла бы дрогнуть. Так или иначе, теперь Силграсу вообще не

придётся умирать. У меня есть то, что предоставит ему необходимую силу для заклинания. Я не могу расколдовать Долину сам: никто, кроме альва, не может снять наложенные им чары. Но я дам Авалати один объект, уничтожение которого высвободит достаточное количество энергии для того, чтобы Долина вернулась, а жизнь и магия Авалати остались при нём.

– И что же это за объект? – протянул Морган так, будто пытался завалить нерадивого Хеголу на экзамене.

Тот поворошил угли, прежде чем ответить. Из глубины леса тянуло ароматами цветов, раскрывающихся после заката, от костра – жареным мясом. В ивах шумел ветер, распевались в кустах птицы…

– Моя душа, – наконец негромко произнёс Хегола.

И вся роща от этих слов будто бы судорожно вздохнула – и умолкла. Вместе с ней замерла я.

Вот прах…

– Вы уже в курсе, что все эти годы я убивал и поглощал нежить. – Хегола встал и начал ходить вокруг костра. – Многие считают, что причина этому – моё желание стать сильнее, чтобы лучше защищать Седые горы. Но в основе моих действий была другая цель… Я всегда хотел лишь одного: расколдовать Долину Колокольчиков. Я понимал, что, когда и если Силграс вернётся, ему не хватит сил всё исправить. Я изучал самые разные варианты и выяснил, что один раз за свою жизнь альвы могут использовать вместо звезды, из которой черпают силы, другой источник энергии. А именно – чужую искру. Вероятно, вы в курсе, что при угасании искры высвобождается некоторое количество унни, которую можно собрать и превратить в заклинание… Такую энергию и способен использовать альв вместо звезды. Правда, не исключено, что её просто не хватит для расколдовывания Долины. Чтобы всё получилось, жертвенная искра должна принадлежать невероятному, фантастическому и могущественному существу… Признаться, поначалу я думал о том, чтобы «расплатиться» за Долину искрой Лешего, – Хегола хмыкнул. – Но расчёты показали, что она не вполне подходит. Важно, чтобы искра была не только яркой, но и странной, не от мира сего, дикой… В этом случае шансов гораздо больше. И тогда я понял, что решение находится прямо у меня в руках. Точнее, в груди, – Тофф приложил пальцы к куртке. – После смерти во мне оказалось две искры сразу: золотая и зелёная. Уникальнее не

придумаешь. И вот все эти годы я занимался тем, что сращивал их в одну и становился сильнее, чтобы в нужный момент отдать свою душу Силграсу Авалати. Я вижу, что вы придумали многое, – он кивнул на листы бумаги с идеями, записанными мной в Сонном Облаке, которые я как раз вытащила, надеясь показать ему, и успела только разложить у костра. – И я тоже думал обо всём этом: времени было достаточно. Но, к сожалению, мой вариант с искрой – единственный, который может сработать.

Хегола замолчал, молчали и мы.

Где-то вдалеке протяжно завыл волк – интересно, о чём он так тоскует? – и Тофф неожиданно приложил руки ко рту и издал ответный скуляще-воющий звук. Несколько мгновений в лесу стояла плотная тишина, после чего зверь коротко, куда более бодро тявкнул и замолчал. Если бы волки умели теряться, я бы предположила, что Хегола только что указал заблудившемуся одиночке путь.

Мне же этого краткого диалога хватило, чтобы собраться с мыслями.

– Хегола, неужели ты готов умереть, не увидев Долину?

– Так я уже мёртв. – Его губы искривила улыбка. – Об этом легко забыть: в конце концов, в мире не так много бегающих и разговаривающих трупов, но это не отменяет того факта, что я погиб давным-давно.

Берти поморщился.

– Не хочу преуменьшать случившееся в Асулене, но, согласись, то, что происходит с тобой сейчас – это всё-таки жизнь, а не смерть… Да, у тебя не бьётся сердце. Но при этом ты вполне себе ешь – я видел твой гурманский погреб, и знаю, о чём говорю, – ты всё видишь, слышишь, чувствуешь, прах побери! Более того – ты поразительно ловко обращаешься с собственной судьбой, дай небо всем такую энергию. Да у тебя даже есть та, кто любит тебя без памяти… Как можно, – голос Берти стал напряжённее и жёстче, – как можно сравнивать всё это богатство со смертью? Со стылой, бесконечно тёмной, безнадёжной, *окончательной* пустотой?

Голден-Халла, мастер беззаботного отношения к чужим словам, сейчас стоял, плотно сжав губы; желваки ходили у него на скулах. В общем и целом, Берти выглядел так, будто Хегола оскорбил главную драгоценность – саму жизнь.

Тофф кивнул, не спеша возвращаться к костру – будто намеренно стоял там, в темноте, подчёркивая разницу между нами.

– Ты прав, сыщик. Сравнение здесь неуместно, я действительно в некоторой степени прибедняюсь, говоря, что уже мёртв. Думаю, когда-то, когда я только решил, как всё должно закончиться, я таким образом пытался себя успокоить. Мы, деревенские мальчишки, с самого детства учимся бороться с собственным страхом – всеми доступными способами, включая самообман. А сейчас это осталось в виде привычки… Но я действительно готов умереть, раз это нужно ради Долины. В конце концов, страх смерти – это всего лишь страх непрожитой жизни. А я пожил сполна.

– Но ведь впереди ещё столько хорошего, – покачал головой Голден-Халла.

– Впереди всегда будет хорошее. Не стоит быть жадным.

– Но и сдаваться не стоит, разве нет? – вклинилась я.

«Не сдаваться, не бояться, не сомневаться» – эти слова Тоффа, которые несколько раз упоминал Авалати и которые были написаны на плакате в трактире Гедвиги, крепко врезались в мою память и так поддержали меня тогда в пещере.

Хегола кивнул:

– Конечно. Но я не считаю, что тот выбор, который я делаю, равносилен капитуляции. Если из-за принятого решения тебе становится грустно – это не значит, что оно неверное. В конце концов, я так долго корил Силграса за то, что он не человек… По сути, во многом это и стало причиной случившегося. Теперь я – не человек. Время платить по счетам.

Мы снова замолчали.

В кустах зашуршала лесная живность, привлечённая ароматными запахами. Хегола шуганул её, вернулся к костру и съел пару ягод, не спеша говорить что-то ещё.

Зато Морган сложил руки на груди:

– Мы с самого начала знали, что в этой разбалансированной истории кто-то умрёт.

– А ты и рад, – огрызнулась я.

– Нет, не рад, – в тон ответил Гарвус. – По мне, так лучше, чтобы жизнью жертвовал этот стервец Авалати.

– Морган!..

Хегола вдруг рассмеялся – низкий, хрипловатый смех вырывался из его горла, как карканье.

– Я правильно понимаю, – хмыкнул он, – что характер Силграса так и остался дерьмом собачьим?

Берти фыркнул. Морган без интереса пожал плечами.

А я ясно представила упрямую, насупленную физиономию альва, осознавшего тогда, *что* он натворил, что потерял, и вдруг почувствовала, что меня затапливает ярость. Мне нравился Тофф, боги, он мне очень нравился. Но Силграс…

В отличие от Моргана, я всё ещё не считала, что жертвовать кем-то, пусть даже собой, – это приемлемо, нормально, праведно, прах побери. Я никогда не хотела и едва ли захочу жить во вселенной, для которой мифический баланс важнее человеческих жизней. Я не хочу верить, что трагедии могут происходить по чьему-то осознанному выбору. Да, в жизни случаются беды и природные катастрофы.

Но чтобы люди убивали людей… Чтобы соглашались умирать во имя собственных ошибок и считали это справедливым? Ждали наказания, кнута, грёбаной молнии от грёбаного Отца Небесного, который, кажется, так силён именно из-за того, что даже хранители верят в его абсолютное могущество, сами вручают ему право карать их за любую оплошность?

Мне не понять этого. *Почему все соглашаются?* Почему сами себя загоняют в ментальные клетки, где правила жестоки, а справедливость – это слово, отдающее холодом и принуждением?

Зачем настраивать себя на то, что мир таков? Зачем со стыдливо опущенной головой преподносить небесам кнут, чтобы тебя выпороли?

Я не верю, не хочу верить, я свою жизнь положу на то, чтобы доказать: можно иначе.

Не через боль. Не через смерть.

Всегда. Можно. Иначе.

Вселенная – не мясник с руками по локоть в крови, желающий, чтобы ему на доску кинули как можно больше трупов в расплату за их ошибки. Она другая, она может быть другой…

…Но сейчас я не знаю, как другую её увидеть.

Глазам стало горячо и мокро, и я поскорее отвернулась от костра.

– Вот поэтому Силграс и не должен умирать, – между тем серьёзно сказал Хегола. – Ему ещё нужно исправить всё, что он хотел, и наверстать упущенное. У меня-то были эти годы – целых триста лет к предыдущим двадцати пяти. В них было всё: и боль, и радость, и падения, и победы, отчаяние, усталость – всё, всё это моё богатство, которое останется в памяти вселенной, даже когда исчезну я. И да, Берти Голден-Халла, напоследок признаюсь: мне и сейчас страшно умирать. Если убрать все умные слова и доводы – конечно, я предпочёл бы жить. Тогда, в Асулене, это желание было столь сильным, что преодолело всё на свете. Но в нынешних условиях я хочу, чтобы жил Авалати. Моему своевольному другу столь многое стоит открыть для себя. – Он улыбнулся. – Я предвкушаю всё то, что ждёт его и Долину впереди. Пусть я этого не увижу – но это точно будет феноменально.

Облака затянули луну. Стало совсем темно, и лишь отсветы пламени плясали на наших лицах.

– Я благодарен вам за то, что вы согласились помочь Силграсу. Я не могу сам попасть в деревню. Поэтому предлагаю нам с вами встретиться завтра на закате вот здесь. – Хегола развернул карту и нарисовал точку возле очередного погодного разлома. – И вместе зайти в Долину Колокольчиков. А сейчас мне пора.

– Куда? – удивилась я. – Почему вы просто не поедете с нами?

– Во-первых, ваши лошади так и будут волноваться из-за моего присутствия: домашние животные не любят меня, не стоит пугать их. Во-вторых, я хочу успеть сделать кое-что до встречи с Силграсом.

– Что именно? – нахмурился Берти.

– Очистить подходы к деревне от приспешников Лешего. Это трусливое отродье ущелий никак не успокоится, и я догадываюсь, что Авалати не стал ставить от него защиту, чтобы сэкономить силы. Все предыдущие годы Леший прятался от меня, но сейчас жажда крови заставляет его самого и его подручных тварей кружить у Долины. Я перебью столько, сколько успею, чтобы вы смогли пройти беспрепятственно.

Убедившись, что мы запомнили место встречи, Хегола ушёл.

Я пошла собрать ещё ежевики. По дороге я перебирала в голове наш разговор, снова и снова возвращаясь к той части, где Тофф

перечислял необходимые характеристики искры, которая может успешно стать источником энергии для заклинания.

Принадлежащая могущественному существу. Странная. Дикая. *Не от мира сего…*

«Уникальность дороже силы».

Всё сходится. Прах побери, всё сходится!

– Так ты этого хотел, Рэндом?! – закричала я, подняв голову к небу, но ответом мне был лишь шорох крыльев испуганно взлетевших птиц.

Назад я бежала вприпрыжку. Ворвавшись на поляну, уперев руки в бока и чувствуя, как у меня колотится сердце, под недоумёнными взглядами друзей я выдохнула:

– Морган, помнишь, ты говорил, что в этой разбалансированной истории кто-то обязательно умрёт? Ты прав. Но это будет не человек, а монстр – которого убью я.

*** * ***

Некоторое время Берти и Моргану потребовалось на то, чтобы осознать, что я не шучу и действительно собираюсь сразиться с Минотавром. Искры чудища, пришедшего из иного измерения, сильного и странного настолько, что воздух от его голоса искажается и идёт рябью, точно хватит на расколдовывание Долины!

– К тому же это будет в некоторой степени назидательно, – с жаром говорила я, отвязывая лошадь от дерева. – Минотавр явился сюда, чтобы сожрать меня? Что ж, а я подтасую карты меню так, что это он станет главным блюдом на столе Силграса Авалати!

– Ты… кровожадная, – задумчиво покачал головой Берти. – Впрочем, в данных обстоятельствах я не могу тебя осуждать. Как ты собираешься вытащить его искру?

– Я знаю заговор, который позволяет взять душу в ловушку в тот момент, когда её обладатель умирает, – сказала я, и Голден-Халла содрогнулся. – В нормальной жизни он бы мне не пригодился, но в этой ситуации… Я убью Минотавра – захвачу его искру – проснусь – отдам её Силграсу. Конец.

Морган, дотоле молчавший, уже собиравшийся запрыгнуть на вторую кобылку, остановился и резко повернулся ко мне. Его взгляд метал гром и молнии.

– Мне не нравится эта идея, – отрывисто сказал он.

– Ну а мне нравится! – возразила я. – Правда, действовать придётся быстро. Захваченную душу нельзя удерживать долго… Соответственно, мне нужно будет уснуть прямо в Долине, на главной площади, непосредственно перед ритуалом – Берти, ты же сможешь усыпить меня заклинанием? Затем, как только я разберусь с Минотавром, ты разбудишь меня, а едва я очнусь, Силграс использует мой трофей. По мне, так замечательный план. Грешно лишний раз не поспать на свежем воздухе!

Под конец монолога я говорила с шутливой интонацией. Чем серьёзнее ситуация, тем активнее нужно искать в ней темы для шуток – вот одно из моих главных правил выживания. Без него кукушка давно бы улетела за горизонт, ищи потом свищи…

Но Морган отнюдь не разделял моего энтузиазма.

– Тебе нельзя так рисковать, – раздельно выговорил он. – Помнится, в последний раз, действуя в одиночку, ты чуть не погибла.

– Так я и не буду действовать в одиночку. Точнее, да, в сон я погружусь одна, но наяву Берти будет следить за моим состоянием, и, если что-то пойдёт не так, успеет разбудить меня, как он уже делал не далее как пару дней назад.

– Нет.

В голосе Гарвуса слышалась явственная угроза. Он отвечал на мои реплики, но смотрел почему-то не на меня, а на вытянувшегося, как струнка, подобравшегося Голден-Халлу, и выглядел так, будто готов был ударить друга.

Легкокрылый босой ветерок, промчавшийся по зелёной чаще, оставил на моих голых плечах тропинку из мурашек и выбил из причёски Берти ещё пару красноватых прядей.

– Нас двое, – сказал Голден-Халла, убрав руки в карманы и наклонив голову так, что волосы совсем закрыли глаза. Лишь острый подбородок выглядывал из кружева теней, пляшущих по его лицу.

– Да мне плевать! – рявкнул Морган, сжимая кулаки. – Я сильнее вас. Я легко остановлю вас обоих, если вы не одумаетесь. Это их игра: Силграса, Хеголы и остальных. Игра, в которую они играют слишком

давно, и уже нарушили слишком много правил – пора заканчивать. Влезете в их систему, попробуете прогнуть её ещё немного хитростями и уловками – получите такую отдачу, что мало не покажется. Я не позволю вам сделать этого, ясно?

О, боги.

Я поняла, о чём они говорят. Видимо, это был не первый разговор подобного толка – но первый, который они вели при мне.

Морган и Не Пытайся Встать На Чужое Место. Морган и Кто-то Должен Блюсти Баланс. Морган – Я Сам Ему Врежу, Не Беспокойтесь.

Морган Гарвус, которого так жёстко наказывали за любую вольность, что теперь он сам себе стал тюремщиком. И становится им же для близких – когда думает, что они в опасности.

Я согласна с тем, что мир представляет собой систему, сложенную из других систем, каждая из которых стремится к балансу и стабильности. Но Морган верит, что за *нарушением* правил обязательно следует *кара*. А я верю, что правила можно *изменить, оплатив* это смелостью, решимостью, вложенной энергией и трудом.

Надо же, насколько наши парадигмы одновременно похожи и отличны друг от друга…

– Предупреждаю, – твёрдо сказал Гарвус. – Попробуете вмешаться в ритуал – и я остановлю вас. Любой ценой: потому что лучше это сделаю я, чем вселенная.

– Морган… – начала было я расстроенно, но меня перебил Берти.

Прямой и звонкий, как клинок, он неожиданно шагнул вперёд. Одной рукой Берти оттеснил меня в сторону. Другой – плавным, актёрским жестом убрал упавшие волосы, зачёсывая их назад, открывая глаза. Лишь с капелькой грусти на дне – но по большей части шальные и цепкие, как у лисицы.

– Ты настолько уверен в своём решении? – Голден-Халла опасно улыбнулся уголком рта. – Никакие доводы тебя не переубедят?

– Да! – гаркнул Морган.

– Что ж. – Берти помедлил, а потом приобнял Гарвуса и отчётливо шепнул ему на ухо: – Значит, скоро мы с тобой побьёмся, дружище.

Морган только шумно втянул воздух ноздрями, развернулся и, запрыгнув на свою лошадь, скрылся в лесной чаще.

*** * ***

– Он действительно собирается устроить нам взбучку?.. – растерянно протянула я.

– Да, такими вещами он не шутит, – авторитетно подтвердил у меня за спиной Берти, прицепляя к седлу сумки.

Мы тоже собрались уезжать. Голден-Халла уже снова был самим собой: открытым и располагающим, без этой тревожной ауры опасности, которая изредка как по щелчку появлялась вокруг него – и так же быстро исчезала, стоило обстоятельствам измениться.

– В прошлом мы не раз дрались серьёзно, – продолжил Берти. – Гарвус регулярно укладывал меня на лазаретную койку парочкой переломов. Но и я нередко одерживал верх. Так что и сейчас силы примерно равны… были бы.

Неожиданное сослагательное наклонение удивило меня, и я непонимающе оглянулась.

– Мы с Морганом не будем сражаться в Долине Колокольчиков, – поймав мой взгляд, миролюбиво объяснил Берти. – Он не сможет попасть туда, потому что перед тем, как он умотал, я стащил у него ключ от деревни. Иначе зачем бы я полез к нему обниматься, одновременно с тем так старательно изображая плохого парня? Всё лишь для того, чтобы вас немного отвлечь и развлечь, конечно же!

И Голден-Халла раскрыл ладонь, на которой лежала оторванная пуговица. Я ахнула. Второй ключ – разбитые песочные часы, хранился у меня. Я на всякий случай проверила его: вдруг Морган провернул тот же фокус? Но часы были на месте.

Тогда я подняла глаза на Берти и осторожно уточнила:

– А Морган простит тебя за этот обман?

Голден-Халла разулыбался и энергично кивнул.

– Если мы с тобой выживем – да! – уверенно сказал он. – Ну а если умрём… Знаешь, наверное, я тогда стану призраком. И потрачу оставшуюся вечность на то, чтобы крутиться вокруг него, ныть и извиняться. Рано или поздно он сдастся: подкроватный житель в Сонном Облаке доказал, что нервы у него ни к праху.

Я невольно рассмеялась. Берти протянул мне руку, чтобы помочь сесть вместе с ним на лошадь, и взялся за поводья.

– На самом деле, думаю, после первой ночи в Долине я выйду и попробую поговорить с ним и переубедить, благо время до полнолуния есть. Если что, обратно уйду. А потом ещё раз выйду. Вот такая

весёлая игра в переговоры! Готов поспорить: Морган будет околачиваться где-то рядом до самого ритуала. Короче, из-за нашей ссоры не переживай. Давай лучше подумаем, как нам встретиться с Хеголой без того, чтобы из леса на нас с диким воплями и боевыми заклинаниями наперевес вылетел Гарвус, требующий взять его с собой…

* * *

Мы с Берти приехали к указанному Хеголой погодному разлому следующим утром, гораздо раньше назначенного времени. Зелёное поле, полное тюльпанов и ромашек, над которыми летали пухленькие шмели, упиралось в туманную стену, по другую сторону которой нас ждало игольчато-льдистое царство вечной зимы.

Кроме нас, вокруг не было ни души. Я снова применила заговор с монеткой… Искру Хеголы, слитую из зелёной и золотой, оказалось легко отыскать: Тофф находился в лесу неподалёку. Никаких больше человеческих искр я не разглядела: Морган ещё не приехал, что радовало.

Мы с Берти привязали лошадь к ближайшему дереву и направились к Хеголе.

– Не говори ему пока что о своей задумке с Минотавром, – неожиданно попросил меня Голден-Халла.

– Почему?

– Сейчас он слишком крепко держится за свой план. Он подготовил его давным-давно, это требовало от него огромной решимости, и теперь, накануне финала, услышав любую другую идею, он первым делом точно выступит *против* неё… Почти рефлекторно. Так вот, нам с тобой не нужно спорить с Хеголой. Вместо нас этим займётся Силграс. Ведь Авалати тоже давным-давно принял решение. *Другое.* И он вряд ли с готовностью протянет Тоффу руку: «Да, Хегола, давай свою душу, конечно; я с удовольствием её высосу; кстати, я очень рад тебя видеть, спасибо, что обо всём позаботился, ты настоящий друг». О нет. – Берти сорвал травинку и провёл ею по губам: – Наверняка разговор этих двоих будет отнюдь не милым. Они хорошенько потреплют друг другу нервы, а потом проведут непростую

ночь, полную ностальгии, сомнений и сожалений… И тогда завтра мы с тобой возьмём их готовенькими – и доходчиво объясним все прелести *нашей* идеи.

Мне оставалось только уважительно присвистнуть.

– Да ты хитрец, Голден-Халла!

Он польщённо зарделся.

Вскоре мы нашли Хеголу, умывавшегося над лесным ручьём.

– Как прошла охота на приспешников Лешего? – спросила я.

– Никак: их нет в округе, – задумчиво отозвался Тофф, ероша мокрые волосы. На фоне полуденного леса он выглядел как наклейка с угольным рисунком: настолько не вписывалась в окрестности его бледная кожа и красноватая аура. – Зато я встретил двух снежных фей. Оказывается, сейчас целое племя сноуи патрулирует окрестности и отгоняет варгов от Долины Колокольчиков. Поверить не могу, что Силграс нашёл с ними общий язык… А где ваш третий? – удивился Хегола, когда оглянулся и недосчитался в наших рядах одного блондинистого колдуна.

Берти развёл руками:

– Он вёл себя слишком высокомерно, и нам пришлось выкинуть его за борт совместного приключения. Так что пойдём в Долину без него, Хегола! Прямо сейчас – раз ты всё равно уже готов.

Судя по ужасу, на мгновение проскользнувшему в глазах Тоффа, готовым он как раз таки не был. Думаю, к некоторым вещам просто невозможно подготовиться, как ни старайся: и встреча с твоим проспавшим три века заклятым другом с целью отдать ему на съедение душу, чтобы вернуть из небытия ваш призрачный дом, определённо входит в их число.

Но Хегола был смелым и дисциплинированным старостой самой классной деревни Седых гор, а потому поднялся во весь рост и спокойно кивнул:

– Пойдём.

Перед уходом Берти оставил Моргану записку.

А точнее, пространное письмо с извинениями за обман, просьбой не соваться за погодный разлом (всё равно вскоре за ним начинается заколдованная территория, и Морган там просто будет ходить по кругу, что ему вряд ли понравится) и предложением завтра утром встретиться

прямо тут и поговорить – за кофе и завтраком, который Берти в качестве жеста доброй воли принесёт из деревни.

– Морган порвёт это письмо в клочки, – предсказала я, пока Голден-Халла магией приколачивал его к торчащему посреди поля столбу-указателю.

– И съест, – подтвердил сыщик. – Особенно если я просплю и опоздаю с завтраком.

Перед тем как пересечь погодный разлом, мы надели свои тёплые шуфы, Хегола застегнул куртку, хотя сделал это скорее для вида – вряд ли он чувствовал холод.

Обитавшая на той стороне зима накинулась на нас, больно щипая за щёки. Искрящийся снег, ослепительное холодное солнце над капканом древних гор, силуэты волков на скалах и суровые ели в белых мундирах – это снова была сказка, которая восхищала меня и в то же время отталкивала. *Чужая* сказка для моего слишком летнего сердца. Но какая же строгая и красивая!

Минут десять спустя мы поняли, что умудряемся плутать посреди, казалось бы, пустоши… Это означало, что Долина уже где-то здесь и чары Силграса Авалати вовсю защищают её от гостей.

Тогда мы разделили ключи для входа в заколдованную деревню: Хегола взял разбитые песочные часы, а мы – пуговицу. Я запрыгнула Берти на спину, потому что по идее один ключ был рассчитан на одного гостя.

– *Приюти нас, владыка горных дорог*, – поудобнее обхватив меня за ноги, сказал Голден-Халла на стародольнем языке.

– *Приюти нас, владыка горных дорог,* – повторил за ним Тофф.

Часы и пуговица вспыхнули серебряным светом, и вот впереди, под заснеженным холмом, нам неожиданно открылась деревня. Изящная и уютная, с высоким забором и острыми коньками крыш – Долина Колокольчиков, ровно такая же, какой мы увидели её в первый раз.

Рядом со мной раздался судорожный короткий вздох, почти всхлип. Но когда я повернулась к Хеголе, его лицо снова было бесстрастным.

– Скоро пойдёт снег, – он указал на громадную тёмную тучу, выступающую из-за горизонта. – Давайте поторопимся.

39. Тем временем Силграс

Плачьте, непрощенные,
Вставайте с колен, отчаявшиеся,
Час близок.

Цева Поэха, древнешэрхенмистский поэт

Долина Колокольчиков потерялась в снегопаде, как в безвременье.

Всё было каким-то миражным из-за этой закладывающей уши тишины, свинцово-серых комьев набухшего тучами неба, медленно опускающихся на пустые улицы снежинок. Силграсу, сидящему на подоконнике в своей спальне, начинало казаться, что это сон.

Что на самом деле он, как и было заведено природой, давным-давно ушёл в чертог Осколрога, свернулся калачиком в самом сердце горы и спит, а хрустальные колокольчики серебристо звенят у него над ухом, овеществляя собранные в них воспоминания…

Но в этот раз он прокололся и собрал лишь смерть.

«Как патетично», – хмыкнул бы Хегола.

Авалати приложил тыльную сторону ладони ко лбу. Кожа была раскалённой. Голова ныла, по организму расползалась тошнотворная слабость, его лихорадило – после вчерашнего боя с варгами Силграс умудрился банальнейше, позорнейше заболеть. Он думал, что за ночь пройдёт само, но не тут-то было. Организм требовал использования магии и просто так не собирался излечиваться.

Надо поскорее сварить зелье, сбивающее жар.

Он спрыгнул на пол, накинул чёрную мантию и, выйдя из избы, направился к трактиру Гедвиги – у неё в подвале имелся отведённый Силграсу закуток, где он сушил целебные травы.

Снуи не было в деревне. Он до пепла серьёзно воспринял свою миссию по патрулированию окрестностей, и Авалати поймал себя на том, что вместо благодарности умудряется испытывать сожаление: на самом деле ему бы хотелось, чтобы Уайли побыл с ним в этот последний перед полнолунием день.

Но о таком ведь не попросишь.

«Вообще-то попросишь», – возразил бы Хегола.

Бредя по пустынной улице, Силграс набросил на голову капюшон. Он определённо сошёл с ума, раз всерьёз ведёт разговоры с Тоффом не только во снах, но и наяву. Ещё немного, и Тофф начнёт ему мерещиться.

О. Смотрите-ка. Уже начал.

Авалати остановился в начале узкого переулка, который все называли Злопамятным (у селян было принято выцарапывать анонимные послания своим обидчикам на стенах местных домов – к вящему неудовольствию их хозяев), и прищурился, вглядываясь в тёмную фигуру, идущую к нему под снегопадом.

«Как всегда, с луком за спиной», – устало подумал Авалати и уже собирался свернуть в проход между домами, но в итоге остался на месте. Ему захотелось досмотреть, как будет вести себя галлюцинация.

Вдруг иллюзорный Хегола начнёт разговаривать и будет делать это так убедительно, что получится представить, будто всё по-настоящему? Чем не подарок от горячки?

Достав из складок мантии припасённую булочку в вощёной бумаге, Силграс начал разворачивать её, наблюдая за тем, как наваждение в виде Тоффа приближается к нему широким шагом, оставляя на скрипящем снегу глубокие следы.

Одуревшее от жара подсознание Силграса превратило Хеголу в какое-то нечеловеческое существо. Интереса ради переключившись на зрение альва, Авалати увидел фантастический пылающий силуэт, то ли чёрный, то ли золотой – такому было бы самое место в древних поэмах, написанных на мёртвом нитальском языке. Он моргнул, возвращаясь к обычному зрению, оценил то, каким бруснично-багряным цветом его воображение наполнило глаза Хеголы, и откусил булочку, задумчиво продолжая созерцать морок.

Меж тем тот подошёл к нему вплотную и остановился. «Сейчас развеется», – мысленно вздохнул Силграс. Но не тут-то было. Наваждение никуда не делось, лишь с крайне странным выражением лица посмотрело на Авалати.

А потом сказало:

– Меньше всего на свете я ожидал, что во время нашей первой после всех этих лет встречи ты будешь *есть*.

– Даже голос как настоящий, – оценил Силграс. – Скажи ещё что-нибудь.

Иллюзорный Тофф вскинул брови:

– Ты издеваешься?

– Очень похоже, – одобрительно пробормотал Авалати и снова прижал руку к полыхающему лбу, к щекам, к шее…

Наваждение схватило его за ворот мантии.

– Силграс, – с нажимом сказало оно. – Это я. Хегола Тофф. Староста этой деревни. Твой напарник – или соперник, или друг – пожалуй, всё вместе. Но я точно не видение, что бы там ни примерещилось твоей дурной башке.

– Ты же умер.

– Ну да, есть такой нюанс, – процедило наваждение, готовое, кажется, выйти из себя. – Боги. Я и забыл, *как ты бесишь*.

– Во снах ты ведёшь себя милее, – покритиковал галлюцинацию Авалати.

И вдруг он увидел, что в переулке, оказывается, находятся ещё двое людей. Его помощники – Тинави и Берти в своих ярких одеждах, заметных издалека. Голден-Халла сжимал в руках деревянный сундук.

– Привет, Силграс, – обеспокоенно помахала Тинави, столкнувшись с ним взглядом. – Мы вернулись. А ты, кажется, не очень хорошо себя чувствуешь, да?

Камень окаянный! Но ведь его фантазии незачем представлять Ловчую, а значит…

Булочка выпала из руки Авалати. Он неверяще поднял глаза на бескровное, серьёзное лицо Хеголы перед собой.

– Ну наконец-то дошло, – язвительно заметил Тофф.

*** * ***

Вечером Силграс сидел в комнате, обняв себя за колени и бессмысленно таращась в стену. Всё изменилось в одночасье. *Всё.*

После встречи в переулке они с Хеголой долго разговаривали в трактире.

– Завтра в полночь ты заберёшь мою душу.

– Размечтался. Я не буду делать этого. У меня другой план.

– Ты *должен* мне, Силграс. Ты задолжал мне до пепла много. И я хочу, чтобы ты расплатился именно так.

Естественно, Авалати не собирался идти на поводу у Тоффа. Хегола глупец, если думает, что Силграс использует его искру для ритуала. Но то, что Тофф всё ещё бродит по этому свету, что останется в Долине… Силграс даже в самых смелых мечтах не мог надеяться на такой исход.

Тогда, в трактире, он оставил последнюю реплику Хеголы без ответа.

– Добрый грог для плохой погоды, – сообщила вместо него призрачная Гедвига, принеся им кружки с пряным, пахнущим гвоздикой и вишней напитком.

И вот Хегола сказал, что хочет прогуляться, а Силграс остался наедине с Тинави и Берти, которые всё это время тоже были рядом, неловкие и тихие, как гости на похоронах малознакомого человека.

– Можно мне ещё раз посмотреть на сундук? – попросил Силграс, и Берти снова достал его, уменьшенный, из кармана, и, пробормотав заклинание, вернул ему нормальный размер.

Силграс осторожно провёл рукой по деревянной крышке, а потом поблагодарил своих помощников так обстоятельно, как мог, и под их внимательными взглядами пошёл к выходу из трактира.

– Вы можете переночевать в тех же комнатах, что и в тот раз, – спохватившись, оглянулся он.

– Так и сделаем, – кивнул Берти. – Тебе бы сейчас тоже поспать, Силграс. Утро вечера мудренее.

– Ага.

И вот теперь он сидел в своей комнате. Часовая стрелка не доползла и до десяти: естественно, он не собирался ложиться в кровать.

Авалати потёр шею. Берти исцелил его, но теперь Силграса мучил жар другого толка. Ему хотелось ещё поговорить с Тоффом. Но он не знал, как сделать так, чтобы этот разговор не превратился в спор, не разбил то хрупкое и радостное нечто, что сейчас собралось в душе Силграса будто в ещё один колокольчик – тот, который он унесёт с собой, который у него никто не отберёт, даже смерть.

Хегола здесь. Долина вернётся. Всё будет хорошо. Теперь я почти не боюсь.

Неожиданно раздался стук в дверь. Силграс вздрогнул и весь подобрался.

– Ну и что ты здесь расселся? – привалившись к дверному косяку, спросил зашедший в комнату Тофф. – Вставай. Жду тебя на крыше. Обсудим, как ты будешь приводить Долину в порядок и как объяснишь нашим, что снаружи прошло триста пепловых лет – по твоей, между прочим, вине.

Силграс подумал, что объяснять всё придётся Хеголе, равно как и встраивать деревню в современность, но не стал говорить этого и поднялся молча.

Пусть Хегола считает, как хочет. Так или иначе завтра всё пойдёт по плану Авалати: даже если у Тоффа потом уйдёт ещё три века на то, чтобы простить его за упрямство, он просто не может поступить иначе.

Они поднялись на крышу и сели бок о бок, как, бывало, сидели прежде. Это было очень странное чувство: Силграс дышал коротко, поверхностно, боясь, что спугнёт Тоффа, и от этого слегка бесился, потому что тот наверняка всё замечал.

Ему хотелось спросить: «Хегола, как ты провёл эти годы?» (в трактире Тофф обрисовал только общую картину, чего было мучительно мало).

А еще: «Как ты умер?» (ужасный вопрос, но Силграс должен был узнать).

И, конечно: «Прости» (вообще непонятно, как сложить губы и изогнуть язык, чтобы изо рта донеслись такие звуки, но это явно должно стать его главной задачей на вечер).

– Давно никто так не нервничал в моём присутствии, – в итоге сказал Тофф. – Освежает.

– Иди ты… – протянул Силграс и искоса глянул на своего мёртвого друга. – А ты когда-нибудь спишь или тебе это не нужно?

Тофф закатил глаза.

– Ну да, что ещё ты мог спросить, Авалати. Хорошо хоть не про еду.

– Про еду был бы следующий вопрос, но в этом нет ничего смешного, – нахохлился и стал куда строптивее Силграс. – Я пытаюсь понять, как работает твой организм.

– Ну и зачем тебе это? Моя искра готова к употреблению, это всё, что тебе надо знать.

– В отличие от тебя, я любознателен. Хотя, наверное, это потому, что я всё ещё молод, в отличие от кое-кого.

– Ну ты и зараза! – опешил Тофф. – Силграс, ты серьёзно думаешь, что это хорошая тема для шуток сейчас, когда…

– Прости меня.

Эти слова как хлыстом стегнули блёклую прежде ночь, углубили её, мгновенно вернув все тени, из-за чего она стала более тяжёлой, но в то же время куда более настоящей и нужной.

– Пожалуйста, прости меня, Хегола, – повторил он, с трудом заставив себя взглянуть в глаза Тоффа.

– Глупый альв, – после продолжительного молчания тихо сказал тот. – Я простил тебя давным-давно.

Над деревней медленно поднималась луна. По тёмным глубинам неба, полного звёзд, беззвучно плыли загадочные планеты.

40. Опасные психи

Не откладывайте на завтра то, что можно сделать сегодня: жалеть будете!

Одна из любимых поговорок мастера Улиуса, которая нагоняет уныние на всех в департаменте Ловчих, ибо до пепла жизненна

Весь вечер в Долине я занималась подготовкой к грядущему бою с Минотавром.

После того как мы попрощались с Силграсом в трактире, я отыскала Хеголу, бродящего по деревне, и спросила, не найдётся ли где-нибудь здесь меча: мол, я нервничаю после тяжёлого дня, и поэтому мне хочется потренироваться.

Меч на удивление нашёлся. Я упражнялась на улице. Снегопад так и не прекратился, и я кружилась посреди белого воинства снежинок, вспоминая выпады и стойки и прикидывая, какие из них лучше всего подойдут для борьбы с такой громадиной, как Быкоголовый.

Вымотавшись, я поплелась обратно в трактир с твёрдым намерением принять ванну. Неожиданной радостью для меня стало то, что я увидела Силграса и Хеголу, вместе выбирающихся на крышу Избы-У-Колодца. Предсказание Берти о том, что они страшно поссорятся, не сбылось: безусловно, ни один не вдохновился планом другого, но оба, кажется, решили поиграть в покладистость. Во всяком случае, сегодня.

А что будет завтра – одному небу известно.

Хорошо, что оно вообще есть – это завтра. Ещё один день, пока всё не закончится: огромное богатство, невероятная драгоценность, щедрый дар… Никто так хорошо не понимает цену времени, как тот, у кого оно стремительно иссякает.

Или как тот, кто, как Морган Гарвус, вынужден в гордом одиночестве неприкаянно болтаться посреди пустого поля, ожидая,

пока его легкомысленные друзья выйдут обратно. Представляю, насколько он зол!

Или нет. Не представляю.

Промокнув полотенцем мокрые после мытья волосы, я посмотрела в окно. Призрачная деревня спала, убаюканная колыбелью звёздного света, который перламутрово лился с наконец-то очистившегося неба. Луна была огромной, как шляпа монаха из какого-нибудь горного шэрхенмистского монастыря, и под ней я внимательным взглядом выхватывала на улицах безмолвные и умиротворённые отпечатки селян.

Завтра в Шолохе – ночь бокки-с-фонарями.

Здесь же – ночь Силграса Авалати.

…Прах, я вдруг поняла, что не хочу, чтобы наше приключение заканчивалось.

Не хочу, и всё. Парадоксальная, дикая, эгоистичная мысль, да ещё и опасная – ведь мои желания имеют свойство сбываться. Но эта тонущая под толщей магии Долина Колокольчиков сейчас была так пронзительно-печально хороша, что я просто не представляла её снова живой. Галдящей и хаотичной, как и полагается любой весёлой деревне с населением, питающим склонность к спорту и магии.

Как будто бы, на мой взгляд, Долине Колокольчиков нынешняя призрачно-звёздная тишина идёт куда больше яркой солнечной жизни.

– Ну ты даёшь, Тинави из Дома Страждущих, – обескураженно пробормотала я, глядя на своё неясное отражение в оконном стекле. – Предательница какая! Вот нет на тебя Моргана Гарвуса. Он бы мигом всё расставил по местам: тайны надо раскрывать. Ошибки – исправлять. Дела – заканчивать. Долой романтизацию неопределённых состояний, это не подарит тебе вечную радость, о которой ты так грезишь, разве что полную страданий подвешенность в пустоте. И деградацию в отсутствие перемен. Да. Деградация – это страшно.

Но каким бы шутливым тоном я ни говорила с собственным отражением, на душе всё же было грустно. Особенно при мысли о Берти и Моргане.

На днях я с удивлением осознала, что во мне уже очень давно жило убеждение, будто вся моя жизнь – это Шолох, и только он. И список моих близких уже, так сказать, заполнен, всё, мест нет, так жаль, но ничего не исправить. Конечно, это звучит глупо с учётом того,

что с большинством из тех, за кого я душу отдам, я познакомилась всего лишь два-три года назад. Но тем не менее я действительно думала именно так и больше не ждала от судьбы подарков в виде замечательных людей…

А тут появились эти двое. Потрясающее расширение дружеской ёмкости. Неожиданное и настолько гармоничное, что теперь мне больно оттого, что уже через пару дней мы с ребятами разъедемся в разные стороны.

Помню, магистр Орлин всегда говорил: не пытайтесь навсегда удержать то, что вам нравится. Не получится, только потратите время и нервы на бесплодную борьбу вместо того, чтобы наслаждаться, пока есть возможность.

Так что пусть всё будет, как будет. Расставаться с теми, кого недавно узнал, всегда мучительнее всего, но в Шолохе у меня совсем другая жизнь, которую я люблю. И, зная себя, я понимаю, что уже через неделю после возвращения гармонично встроюсь обратно в лесной витраж. А затем постепенно всё случившееся здесь, в Норшвайне, превратится для меня в подобие сказки, о которой я буду вспоминать, как о чём-то, не вполне имеющем ко мне отношение, пусть и очень ценном.

– Долина, завтра ты будешь расколдована! – твёрдо пообещала я, глядя в окно на серебристые снежные улицы и острые крыши деревни. – Что бы я сейчас ни думала на этот счёт, тебе, прах побери, однозначно пойдёт *жизнь*. И мы её тебе обязательно вернём. И закончится эта история, а потом начнётся другая. И мне просто нужно принять это вместо того, чтобы изо всех сил саботировать перемены.

Я встряхнулась и решительно отнесла влажное полотенце обратно в ванную. Потом плюхнулась на постель, заложив руки за голову и прикидывая, а не смогу ли я каким-то образом протащить в сон к Минотавру меч?.. Чем гурх не шутит! Ведь если мне не придётся бегать по джунглям за клинком, который держит скелет, то появится больше времени на плетение заговоров – а в условиях сновиденческого цейтнота это определённо важно.

Вдруг в дверь моей комнаты постучались, причём, судя по странному звуку, не кулаком, а чем-то вроде колена. Ручка провернулась, и вот на пороге появился Берти, двумя руками держащий поднос, уставленный всякой снедью. В стеклянном

чайничке, греющемся на подставке над свечой, был, к счастью, не грог, само название которого уже вызывало у меня нервный тик, а горячий душистый напиток из имбиря, мёда и апельсина.

– Привет, – сказал Голден-Халла. – Можно к тебе?

– Конечно. – Я приглашающе похлопала рядом с собой по кровати, потому что единственный в комнате стул ужасно скрипел и не заслуживал доверия. – Располагайся. Тем более ты с угощением. Кто в своём уме прогонит такого гостя?

Берти опустился рядом со мной и поставил поднос между нами. Как пронырливые шолоховские придворные, мы немного посплетничали о Силграсе и Тоффе, которые всё ещё маячили на крыше – их было видно, если выглянуть из моего окна, что мы и проделали. Дважды. В начале и в конце нашей о них беседы.

Потом Берти уважительно прокомментировал меч, положенный мной на туалетный столик.

– Я видел, как ты тренировалась во дворе. У тебя получается очень изящно.

– Спасибо! Надеюсь, будет ещё и эффективно. А ты где пропадал всё это время?

– Сидел у себя, как самый скучный человек на свете, и думал, – фыркнул Голден-Халла.

– О чём?

Он бросил в чашку два кубика сахара и старательно размешал их ложечкой.

– О том, что боюсь за тебя, Тинави.

Оттого, каким непривычно скованным голосом Берти произнёс это, я замерла.

– Ты собираешься вступить в бой с Минотавром, – подняв на меня взгляд, продолжил он. – Но при этом все предыдущие разы ты ничего не могла с ним поделать, и, если бы не везение, уже была бы мертва. Более того, ты лезешь на рожон ради людей – давай сейчас снимем наши маски неостановимых живчиков и честно посмотрим друг другу в лицо – так вот ради людей, которые объективно не имеют к тебе *никакого отношения*. Это стоит того?

– Надо же как интересно: Морган за воротами, а его интонации – с нами, – цокнула языком я.

Причём не первый раз за вечер. Морган Всюду-Пролезу Гарвус, не иначе.

– Не ёрничай, – вздохнул Берти.

И я тотчас вздохнула в ответ.

Мы с Голден-Халлой вообще регулярно зеркалили друг друга – всю дорогу – так, что иногда я даже сомневалась, похожи ли мы на самом деле или я бесконечно отражаю его, а он – меня, и настоящих нас, может, вообще не существует.

– Эта ситуация касается меня, Берти. Ещё как касается, – я покачала головой. – И я сейчас не о том, что мечтательная добрая девочка внутри меня просто не может допустить того, чтобы Силграс или Хегола умерли, потому что они мне нравятся, а те, кто мне нравится, никогда не должны умирать… Я о своих личных делах со вселенной. Подумай сам: какая-то иномирная хтонь хочет меня съесть. Как мне на это реагировать?

– Хранитель Рэндом сообщил тебе прямым текстом, что тебе рано вступать в бой с Минотавром, – напомнил Берти.

– Я сейчас крамольную мысль выскажу, но: не нужно брать в расчёт слова Рэндома. Во-первых, он парадоксальная и дикая сущность, которая некоторые вещи говорит только затем, чтобы спровоцировать собеседника. Во-вторых, он завёл со мной беседу о Минотавре и Силграсе в рамках одной и той же нашей встречи, и в случае с Силграсом потом обозначил конкретную просьбу: «Разберись». Вполне возможно, всё это была многоходовочка, которая неизбежно привела бы меня к нынешнему моменту. А может, это просто совпадение. Короче, бессмысленно анализировать ход мыслей и желания бога-трикстера. Их можно подогнать под любую теорию. Считай, что говорить с Рэндомом – это как говорить с самим собой. Свихнёшься быстрее, чем хотелось бы.

Берти прищурился, всматриваясь в меня внимательнее. Я скрестила ноги и подпёрла одной рукой подбородок, активно жестикулируя второй.

– Если оперировать фактами, – продолжала я, – то получается вот что: я стала экстравагантным блюдом в меню мироздания, которое хочет отведать немало плохих ребят. Первый из них уже пришёл и сидит за столиком, стуча вилкой и требуя скорейшей подачи. Если я продолжу прятаться от него, то скоро подтянутся остальные, и

выдворить их всех разом будет ой как непросто. А вот если я сейчас выйду из кухни и без лишних сомнений сотру из бытия первого, остальные ещё подумают, так ли им хочется этого блюда на самом деле. Я ненавижу… *ненавижу* конфликты – очень мягкое слово в нашем контексте, но, думаю, ты понимаешь, о чём я. Однако при всей этой нелюбви я осознаю, что некоторые акты агрессии всё же требуют ответа, и этот – именно из таких. С человеком можно договориться. С чудовищем – нельзя. В конце концов мне всё равно придётся ответить на вызов.

– Я согласен с этим. Но ты уверена, что справишься *уже завтра?* – с нажимом проговорил Берти, отставляя поднос на пол: время чаепития однозначно прошло. – Меня смущает то, что Минотавр может убить тебя в одно мгновение – и я здесь, наяву, просто не успею понять, что что-то не так. Не вытащу тебя вовремя. Представь, что ты умрёшь там – по-настоящему и навсегда. Не стоит ли отложить бой и подготовиться как следует?

– Нет. У меня гораздо больше шансов справиться с Быкоголовым в Долине Колокольчиков, потому что здесь это будет борьба не только за себя, но и ради других. И мне кажется, что в данном случае я становлюсь не уязвимее, как считает Морган – мол, я вмешиваюсь в чужую систему, поэтому наверняка получу по башке, – а как раз таки сильнее… Я объединю свою проблему с проблемой Долины, чтобы в итоге оказались решены обе.

– «Объединю» можно было бы сказать, если бы ты каким-то чудом затащила Силграса в свой сон вместе с собой и вы вместе разобрались бы с Минотавром, – парировал Берти. – А так ты собираешься оплатить всё из своего кармана. Щедрые люди – это прекрасно, но нельзя спасти целый мир на сдачу от другого подвига.

Я открыла рот, чтобы возразить, а потом резко захлопнула его.

– Это гениально, – выдохнула я.

И Берти, уже собиравшийся вкинуть следующую реплику, будто споткнулся о мои слова и вскинул брови. Я вскочила на ноги.

– Надо попробовать! Наверняка есть способ сделать так, чтобы Авалати вместе со мной попал в моё сновидение! Я надеялась протащить туда меч, уснув с ним в обнимку, но в теории я могу уснуть и с Силграсом…

– Э, – сказал Берти. – Тинави, так ты можешь договориться до того, чтобы целую армию туда пропихнуть. Я не уверен, что это так работает. Ты же не переносишься с кроватью.

– Зато переношусь в пижаме.

– Ну, я тебя с этим поздравляю, конечно… – Выражение лица Берти изящно колебалось где-то между шутливым и обалдевшим. – Прах, на самом деле… На самом деле это могло бы сработать, – задумался он. – Надо обсудить завтра с Силграсом. Вдруг он знает способ? Ну и в целом: если мы предположим, что перенестись в сон вместе с тобой в принципе возможно, надо понять, кому лучше это сделать.

– Как мы только что выяснили, это должен быть Силграс, потому что решать там мы будем его проблему – во имя честного сотрудничества, вселенского баланса и всего такого. Ну или Тофф. Но зачем брать Тоффа, если можно взять Силграса?

– И действительно, – рассмеялся Берти, вероятно, из-за моей непосредственности. Потом покосился на сновидческий гребень, лежащий возле подушки. – Вообще, мы могли бы сейчас потестировать гипотезу об объятиях. Но нас некому будет разбудить, если что-то пойдёт не так, а если мы с тобой завалим Минотавра раньше срока, то весь план с Долиной пойдёт коту под хвост.

– Думаю, завтра мы спокойно успеем опробовать наши идеи! – взбодрилась я. – Проснёмся и со свежими силами будем всё тестировать. Но даже если окажется, что ни одна из гипотез не работает, лично я унывать не собираюсь. Изначальный план никуда не девается. Я готова разобраться с Минотавром в одиночку. Правда. Всё будет хорошо.

– Да я верю, что готова. – Губы Берти тронула улыбка, однако затем он вздохнул. – Но, повторюсь, меня всё-таки за самое сердце дёргает мысль о том, что ты можешь там *умереть,* госпожа Страждущая. Это настолько не сочетается с моим представлением о чём-либо хорошем, что дрожь берёт. И, кстати, я правильно понимаю, что если ты погибнешь, то вся та потрясающая ватага людей, о которых ты мне с таким упоением рассказывала, явится сюда и просто-напросто разберёт Седые горы по камешку, а из меня, как из ответственного лица, хладнокровно вытрясет душу?

– Они не узнают, что ты был ответственным лицом. Даже я этого не знала. Ты какой-то самопровозглашённый.

– Да я сам являюсь к ним, посыпая голову пеплом. Я удручающе честный парень, неужели ты ещё не заметила?

Я рассмеялась:

– Берти. В одиночку или с кем-то, завтра или когда-либо, во сне или наяву – я справлюсь. Поверь мне. Иногда так важно, чтобы кто-то в тебя поверил. Иногда достаточно только этого.

Наши взгляды встретились. В глубине глаз Берти плясали отблески лунного света, и мне сразу вспомнились глубокие синие воды Шепчущего моря. В самую короткую ночь в году они полны переливающихся жемчужин, которые держат над головой ундины, поющие Песнь Неба под крестами южных созвездий. Волшебную песнь, очаровывающую, призванную оберегать море от тьмы и дарить любовь.

Голден-Халла положил руку мне на плечо и испытующе посмотрел в глаза. Как будто сосредоточенно искал в моём лице ответ: не лгу ли? Правда ли уверена в себе? Или просто слишком хороша в обманах?

– Берти… – мягко, с лёгким укором шепнула я, согретая этим предполагавшимся как суровый взглядом.

Шёпот получился куда более нежным и женственным, чем я планировала. В тишине замершей комнаты он прозвучал как шорох крыльев вспорхнувшего с ветки соловья.

И тогда зрачки Голден-Халла расширились. Не успела я что-то ещё сказать, как он наклонился и поцеловал меня.

Ох…

Мне показалось, что я глотнула молодого лесного вина – искрящегося, невесомого, как танец нимф на выпавшей до рассвета росе. Приоткрытые губы, сбившееся дыхание и горячий язык, длинные пальцы, огладившие мою скулу, подбородок, шею – поцелуй был как лето: удивительный и скоротечный. Как цветы и кофе, как хло́пок и лён, как далёкая мелодия виолончели, плывущая над полуночными холмами.

Я почувствовала, как у меня пылает лицо. Голден-Халла проскользил губами вдоль моей щеки.

– Если позволишь, я поцелую тебя ещё раз. – Его горячее дыхание опалило мне ухо. – Мы никому не скажем.

Мурашки побежали по моему телу и что-то сладко потянуло в животе оттого, каким проникновенным и тихим был его голос. Я судорожно вздохнула.

– Я думаю, – потянувшись к нему в ответ, позволив красно-рыжим прядкам волос щекотать мне кожу, шепнула я так заговорщицки, будто кто-то мог нас подслушать, – я бы действительно хотела ещё один поцелуй, Берти. Или два. И да, мы никому не скажем. В том числе друг другу: уже начиная с завтрашнего утра это будет секретом, и…

– Хватит болтать, – хрипло оборвал он и, обхватив меня за талию, уложил на кровать. Он навис сверху и стал целовать меня в уголки глаз, и в губы, и в шею, и снова в губы.

Мне казалось, кто-то сорвал с меня все предохранители чувств. Лёгкость, переменчивость, текучесть, свобода – когда я закрывала глаза, мир плясал вокруг нас с Голден-Халлой, полный синих, изумрудных и жёлтых красок, напоминающих о лесных фонариках в темноте потаённой рощи, и мне хотелось глотать воздух полной грудью, но в то же время я задыхалась в сладкой жаркой тесноте между нами. В поцелуях Берти оказался таким же непредсказуемым, как в жизни, и открытость перемешивалась в нём с запрятанной опасной силой, и мне это безумно нравилось.

Мурашки. Вздохи. То требовательные, то нежные касания сильных пальцев.

А ещё мне нравилось, что, вопреки всему, не возникало ощущения, будто происходит что-то фундаментальное, что нужно будет потом нести с собой и в угоду чему перестраивать наши отношения. Нет, близость с Берти напоминала просто ещё один наш с ним будоражащий, эмоциональный, глубокий и, конечно, игривый разговор, который давно хотелось завести, потому что *эта* тема с *этим* собеседником вызывала дикий интерес. И вот теперь так приятно и легко, потому «разговор» получается потрясающим, и твои ожидания полностью удовлетворены, и ты хочешь добавить ещё пару «фраз» – ключицы, шея, царапинки на его лопатках… – а потом покрыть это вуалью тайны и иногда очень глупо улыбаться, вспоминая.

Голден-Халла был до пепла горяч.

Наконец мы остановились, прислушиваясь к себе и друг другу, наслаждаясь невидимыми искорками, пляшущими вокруг: у мерцающего аквариума с осомой, на корешке книги, на покрывале, запястьях, ладонях, груди… Везде. Казалось, в комнате неуловимо пахнет свежескошенной травой и тёплыми солнечными лучами в начале июня.

В сердце смешались радость и боль. «Ничего фундаментального, – повторила я собственную мысль, убеждая себя. – Ничего. Ничего».

Мои щеки и кончики ушей пылали.

Помнится, знахарка Кайла предсказывала, что встреча с Берти сильно повлияет на меня. Да и предчувствие в хижине Голата говорило о том же. Сейчас я не могла объяснить, что именно изменилось во мне за это путешествие, но чувствовала, как в душе открылась какая-то запертая прежде дверца, и знала, что это – очень ценный дар, за который была бесконечно благодарна. В первую очередь ему – Голден-Халле. Но не только. Также Моргану, Силграсу, Хеголе, всей истории Долины Колокольчиков, сотканной из призраков прошлого, звучащих под луной признаний и тихих молитв о храбрости, нужной, чтобы совершать чудеса…

Моё сердце вновь сжалось.

Какое-то время мы с Берти молчали, кажется, думая примерно об одном и том же.

Затем Голден-Халла кашлянул, будто возвращаясь в реальность. Он нежно провёл пальцем по моим губам, потом своим пафосным жестом убрал со лба назад волосы и сразу же задорно улыбнулся, переходя на привычную нам дружескую манеру общения:

– Ну вот, так гораздо лучше! Теперь, когда ты вернёшься домой, у тебя останутся и такие воспоминания тоже. Не только дурдом с погодой, катание на санях и битвы с чудовищами, но и что-то более… – он вскинул брови, – волнующее.

– Битвы с чудовищами меня тоже ой-ой-ой как волнуют, – призналась я, тоже встрепенувшись и теперь сладко потягиваясь. – До дрожи.

– Вот ты поганка, – укорил Берти. – Не такого ответа я ждал!..

И у него было столь восхитительно осуждающее лицо в этот момент, что я рассмеялась. А он рассмеялся в ответ.

И вот мы, прижавшись друг к другу, уже хохотали в голос, долго и громко, как два очень опасных психа.

– Тинави, ты прекрасна, – утирая выступившие от смеха слёзы, сказал Берти.

– А ты волшебен и невероятен. Мы договорились, что произошедшее – секрет, но, прости, я всё же расскажу об этом Кадии. Иначе меня разорвёт.

– Кадии – ладно, Кадии – можно… – одобрил Берти. – А вот я Моргану, наверное, не скажу. Ну разве что в какой-нибудь особенно скучный день и не забыв перед этим оформить страховку. Он назовёт нас с тобой развратниками. И отлучит нас от своего дома.

– О да. И не поленится приехать на аудиенцию к Ноа де Винтервиллю, чтобы пожаловаться, и тот авторитетно подтвердит: «Да, это грешно».

– «Грешно, грешно, грешно!»

И мы опять начали непотребно ржать. Боги, да мы просто на голову поехавшие два сапога пара.

И когда я уже хотела сказать Берти: знаешь, а хорошо, что наше приключение прошло в относительно безлюдных и ёмких энергически горах, ведь столицу вроде Шолоха или Саусборна мы своей совместной кипучей энергией просто развалили бы, вдруг случилось две вещи подряд.

Сначала мимо приоткрытого окна в сторону Избы-У-Колодца с дикой скоростью пролетел наш старый добрый снуи. Я не успела разглядеть его лицо, но он пищал так громко и взволнованно, что ничего хорошего это значить не могло.

А вслед за этим по всей Долине Колокольчиков раздалась череда взрывов. Мы с Берти ошарашенно переглянулись.

Прах.

41. Тем временем другие двое

Привязанности – это величайшая в мире радость и в то же время обещание горя. Что страшнее: испытать горе или не познать радости?

Ливайка Борони, шолоховский нищий-философ, информатор Иноземного ведомства

Фиона фон Сортерберг

Близилась ночь. Фиона возвращалась к далёкому пику Совермор. Её конь мчался сквозь сумрачный мёртвый лес: в зоне, которую сейчас пересекала альва, царила поздняя осень. Ни души, ни движения – лишь измученный хруст опавших листьев под копытами вороного скакуна. Холодало. Облачка пара вырывались изо рта Фионы.

Госпожа фон Сортерберг была глубоко погружена в свои мысли, когда вдруг нечто странное заставило её встрепенуться и, непонимающе нахмурившись, натянуть поводья.

– *Умрёт, умрёт, Силграс скоро умрёт; его сладкие белые косточки мы разберём на амулеты, из волос свяжем браслеты…* – многоголосое жадное бормотание исходило, казалось, от самих деревьев.

Что за ерунда?

Фиона ещё сильнее свела соболиные брови и заозиралась.

– *Чучело Силля поставим на главной площади для всего народа, его глазами украсим входные ворота…* – исступлённо продолжали твердить голоса.

Ледяная леди наконец увидела тварей, издающих эти звуки.

Существа, похожие на уродливых младенцев с когтями и рогами, ползали по стволу и ветвям сухого граба. Их глаза, затянутые бельмами, щурились от удовольствия, пока они придумывали всё новые и новые развлечения с мёртвым Силграсом.

Приспешники Лешего. Не самые опасные, но, безусловно, одни из самых отвратительных.

Содрогнувшись от омерзения, Фиона хотела поехать дальше – ненависть Лешего к Силлю ни для кого не была секретом, но… Жуткие младенцы пребывали в каком-то слишком уж возбуждённом состоянии. Они ликовали. Их гнилые зубы обнажались в улыбках, некоторые из них с восторгом выковыривали из древесной коры жучков и тянули в рот, другие облизывались и обсасывали сухие ветки.

– Умрёт, умрёт, Силграс скоро умрёт: до следующего утра ни за что не доживёт; чащобная смерть и повелитель рек от него очистят землю навек…

Фиона поколебалась ещё мгновение.

Затем подвела коня к дереву с тварями. Они, увлечённые своими фантазиями, не обращали на неё внимания до тех пор, пока она властно не спросила:

– То, о чём вы поёте – правда? Леший придёт за Силлем сегодня?

Младенцы расхихикались, заметив её, один потянул грязные ручки к фон Сортерберг, и она отшатнулась.

– Придёт, придёт, хозяин придёт; едва полночь пробьёт – он голову Силграсу оторвёт… – доложил один из них. А второй подхватил:

– Не дождётся Силграс полной луны, не снимет с деревни чары свои…

– Из кожи его мы сошьём сапоги, искупаемся в альва крови…

Фиона слушала их алчный шёпот, и сердце её отчаянно билось.

Так они нападут сегодня.

Она давно подозревала, что Леший и Найох захотят отомстить Авалати. На прошлой неделе возле Долины Колокольчиков она видела шпиона – кособокую зверюгу, трусящую по снежному полю. Но альвы тем и отличались от людей, что у них всё было очень медленно. Они медленно принимали решения, медленно действовали – вечность расхолаживает.

Единственным из них, кто вёл счёт годам, был как раз таки Силль. Фиона переняла у него эту привычку, но всё же, бывало, не ощущала, как проходило пять, семь, пятнадцать лет… Годы летели один за другим, кружащиеся, словно её придворные в стремительном танце:

каждая пара похожа на предыдущую, и, если не всматриваться, не увидишь различий между ними.

Поэтому, пусть ледяная леди и догадывалась о планах Найоха и Лешего в отношении Силграса, она не ожидала, что хозяева яшмовой и селенитовой звёзд начнут воплощать их так быстро.

Камень окаянный. Она не думала, что придётся брать альвов в расчёт раньше следующего месяца.

Поэтому, когда случай столкнул Фиону с помощниками Силграса, она просто попросила их поторопиться и успеть до полнолуния. И, ей-небо, если Сортерберг хоть немного разбирается в людях, они вняли этой просьбе-предостережению. У них были добрые глаза: у всех троих, даже у беленького. Возвращаясь на пик Совермор, Фиона убеждала себя, что всё в порядке – насколько это вообще возможно, когда твой друг собирается умереть…

Надо сказать, что в последние месяцы она буквально била себя по рукам, чтобы удержаться от соблазна вмешаться: это его выбор. Его право. Каждый из нас сам создаёт свою судьбу. И даже проблемы с Лешим и Найохом – последствия *его* решений, пусть он и не хочет о них вспоминать.

Но одно дело позволить Силлю пожертвовать жизнью ради обретённого некогда дома (всякий альв втайне мечтает о доме), и другое – остаться в стороне, узнав, что его собираются убить.

Однако… придворные Фионы не умеют воевать. Их стихия – летящие шелка и роскошные балы, вино из ежевики и последних лучей заката, струнная музыка и сердца, добровольно врученные вечности. Сама Сортерберг в жизни не держала в руках оружие. Ледяная леди должна в первую очередь заботиться о своём дворе: укрыть его, чтобы, если ритуал Силля пойдёт не по плану, новый Катаклизм не развеял её слуг по ветру…

Но Силль был её единственным настоящим другом. Каждый из череды Силлей, даже последний, пусть он этого и не понимал, пусть проведённые ими вместе минуты можно было сосчитать по пальцам, а душевности в нём было примерно как у головешки.

– Скальная ж ты погремушка… – простонала Фиона, понимая, что делает выбор, о котором потом может пожалеть. Она не ссорилась с другими альвами. Она никогда не рисковала своим двором, за который

несла ответственность и которому другие могут причинить вред, если она встанет им поперёк дороги.

И всё же…

– *Силграс умрёт, умрёт!* – захлебывались восторгом младенцы.

– Не сегодня. – Фон Сортерберг резко развернула коня и направила его в сторону Долины Колокольчиков.

* * *

Морган Гарвус

Несмотря на совет этого прохиндея Берти, Морган всё-таки пересёк погодный разлом и теперь мрачно бродил по снежной пустоши, оставляя за собой длинную цепочку следов.

За последние несколько часов он успел на собственном опыте убедиться, что скрывающие деревню чары работают превосходно. Бесясь от собственного бессилия, Морган скрипел зубами настолько яростно, что в какой-то момент задумался: а не сотрёт ли он их такими темпами? До ближайшего дантиста от его дома ехать дней десять: стоит всё-таки поберечься.

Призвав всю свою силу воли, Гарвус расслабил челюсти.

Морган твёрдо пообещал себе, что, едва Берти явится для разговора, он уложит его на лопатки и, отобрав у рыжей бестолочи ключ, ворвётся в Долину. Разыщет там Страждущую – и увезёт её прочь, что бы она сама ни думала на этот счёт.

Не то чтобы Морган мечтал стать каким-то чокнутым похитителем, но другого варианта обеспечить этим двоим безопасность он не видел. В прошлом он слишком часто обжигался о неумолимое правило жизни, гласящее: «За всё надо платить». И догадывался, что если за проклятие Долины не ответят заварившие эту кашу, то, вероятно, ответит кто-то из их горе-спасителей.

Возможно, стоило бы просто принять ситуацию, отойти и позволить этим двоим обжечься – они взрослые люди, а он им не мамка, чтобы хватать за руку и прикрывать от опасности. Одним из многочисленных идеалов Моргана всегда была свобода – своя и чужая,

всеобщее право перейти поле жизни так, чтобы в конце сказать: я сам это выбрал.

Но сегодня Гарвус мысленно вырвал страницу со словом «свобода» из своего воображаемого дневника, и вместо этого смотрел на другой идеал.

Забота.

Он, прах побери, заботится о тех, кто ему дорог.

Да, как умеет. Да, несовершенно, наивно и глупо – но изо всех своих пепловых сил.

Я не позволю, чтобы с ними что-то случилось. Такие люди должны жить, и быть счастливыми, и менять этот мир – в их руках он действительно может стать лучше. Такие люди – как маяки в штормовом море искалеченных, но еще не сломленных судеб, и если они сами этого не понимают, то я со своего дальнего острова вижу ясно.

Поэтому сегодня – к праху свободу! Морган не допустит, чтобы его друзья отдали собственные жизни в обмен на чужое искупление.

«Ну а кто тебе сказал, что платить надо именно смертями и болью? – Моргану вдруг ясно представилась физиономия Голден-Халлы. – То, что твой личный опыт до сих пор включал только такие варианты, не означает, что это универсальное правило».

Ох уж этот Берти. Солнечное чудовище, способное довести до белого каления кого угодно.

Гарвус вдруг вспомнил, как однажды, ранним туманным утром, они с Голден-Халлой неспешно шли по песчаной отмели вдоль холодного моря. Берти выгуливал своего пса, Морган со скуки сопровождал его. Дело было еще когда оба работали на острове Этерны.

«Не существует никакой помешанной на власти вселенной, которая не даёт никому и шага сделать вне её суровых, не пойми кем выведенных правил, – разглагольствовал Берти без особой причины, просто потому что на него снизошло настроение пофилософствовать. – Есть поступки и их последствия. Всё. Никакой судьбы, никаких наказаний. Решения только за нами. И если уж вселенная за что-то и выступает, то за добро. А почему большинство считает иначе – ну так это, на мой взгляд, чисто вопрос воспитания. Нас учат всего опасаться

и быть благоразумными. Ведь такими людьми гораздо удобнее управлять, не так ли? Скажи, у тебя были строгие родители, Морган?»

Морган тогда послал его в пень.

А сейчас, плотнее кутаясь в шуфу под искрящимся снегопадом, он детально проигрывал в памяти ту беседу. А потом ещё одну, подобного толка. И ещё. И всевозможные подобные монологи за авторством Страждущей. «Мы сами создаём свою судьбу, – улыбалась она. – И диктуем, какой у нашего мира будет характер».

Боги, подумать только: он всё-таки по-настоящему, пожалуй, даже чересчур сильно привязался к этой смешливой и слишком живой Ловчей, жительнице его любимо… кхм… знакомого ему королевства.

Ну ты же хотел, чтобы у тебя стало трое близких людей вместо двух, как сейчас? Получи и распишись, доктор Морган.

Чем больше Гарвус, продолжавший вглядываться в горизонт, думал о Тинави и Берти, тем сильнее в нём звучал робкий неуверенный голос: *вдруг они всё-таки правы? Вдруг получится?*

Поймав себя на том, что уже всерьёз раздумывает над шансами на всеобщую победу и даже прикидывает, как всё это отразится на дальнейшей судьбе Седых гор, Морган резко остановился и с подозрением сузил глаза.

Пепел! А что, если Берти оставил его здесь именно затем, чтобы он в одиночестве дошёл до таких мыслей?

Кому как не Голден-Халле знать, сколь склонен Морган к сомнениям, как он, слишком долго размышляя о чём-то, в итоге умудряется перейти от одной гипотезы к совершенно противоположной. Если бы Тайны Магического Мира не были доказательной наукой, Морган бы уже давно съехал с катушек из-за обилия разных вероятностей.

Да. Наука понятна и однозначна. А в остальном его только и спасает, что твёрдое следование своим идеалам.

Вот только… Всегда ли это идеалы – или иногда ими прикидываются страхи?

Гарвус закрыл глаза и устало подставил лицо ночному небу, позволяя крупным хлопьям снега оседать и таять на на его щеках.

Прахов сыщик. Умеет же добиться своего…

* * *

Фиона фон Сортерберг

Было уже совсем темно, когда Фиона добралась до последнего перед Долиной погодного разлома.

Быстрее, быстрее!..

Однако, миновав полосу мерцающего тумана, она вскрикнула и резко натянула поводья, чтобы не задавить не пойми откуда взявшегося в этих пустынных краях человека.

Он раздражённо рявкнул на неё, и тотчас Фиона узнала того самого «беленького» – Моргана Гарвуса, что так дерзко разговаривал с ней на мосту.

Неподалёку от колдуна скучало аж две уставшие лошади.

– Что вы здесь делаете?! – опешила Фиона.

– Негодую и жду рассвета, чтобы закопать одного хитрого идиота в землю, – проворчал он.

– Этот рыжий и девушка – в Долине? – Ледяная леди бросила взгляд вперёд, где виднелись очертания деревни.

И тотчас вздрогнула: над островерхими домиками мелькали разноцветные вспышки. Только сейчас Фиона поняла, что этот низкий тревожный звук – это не шум крови в ушах оттого, что она еле удержала вороного скакуна, а гул от применения заклинаний.

Сердце госпожи Сортерберг будто споткнулось.

– Да, они там, – мрачно ответил Морган, который из-за чар Авалати не видел и не слышал, что творится.

– Боги-хранители… – между тем побледнела Фиона, и Гарвус мгновенно подобрался, почуяв, что происходит что-то не то. – Началось.

– Что началось? – Колдун упрямо и идиотски-бесстрашно встал прямо перед конём, которого уже собиралась ударить по бокам Фиона. – Я с вами.

Лицо Фионы исказила гримаса отчаяния. Да тут каждая секунда на счету, а он – не пускает!

– Я не смогу протащить вас, если у вас нет ключа! – воскликнула она, пытаясь отвести коня, но перед ним вновь и вновь упрямо выскакивал Гарвус. – Отойдите наконец, если хотите, чтобы я хотя бы попробовала помочь вашим друзьям – а то закапывать будет некого! На

них напало двое альвов и толпа приспешников, сейчас у них нет шансов пережить эту ночь!

Кровь отлила от лица Моргана, в глазах мелькнул чистый ужас.

– Ваш магический венец, – мгновенно придя в себя, жёстко отчеканил он, неожиданно выхватывая у неё поводья. – Я помню, что в нём располагается пространственный карман. Спрячьте меня туда и пересеките со мной границу.

– Но я не могу убрать туда никого живого!

– Ничего, – Морган, скрипнув зубами, уже залезал на её коня. – Я на минуту остановлю своё сердце, мне известно подходящее заклинание. Только не забудьте вытащить меня.

Фиону поразило такое опасное предложение. Безрассудное и наглое, оно звучало так, будто могло сработать, но в то же время прежде никто живой не пробовал попасть внутрь её венца. Что, если этот колдун просто умрёт?

– Риски я осознаю, ответственность на мне, – отрезал Морган, увидев её растерянность. – А вы ждите, – строго добавил он, обращаясь к остающимся в поле двум лошадям. – Я вернусь за вами, когда всё закончится.

Через несколько мгновений произнёсший заклинание Гарвус обмяк так, что чуть не упал обратно на землю. Фиона погладила колдуна по голове и, заставив фиалки расцвести на плечах его одеяния, шепнула: «Вступи в пределы моего двора, усталый путник».

Морган исчез.

Конь рванул вперёд. Услышав лёгкий звон колокольчиков, который символизировал пересечение невидимой границы (если бы у Гарвуса был ключ, деревня открылась бы ему в этот самый момент), Фиона выпустила своего спутника обратно.

– А вы смелы, – выдохнула она, когда он очнулся.

– О, небо. Быстрее, Фиона! – лишь сипло выдохнул Гарвус в ответ – теперь он тоже *видел*. – *Быстрее.*

И они мчались сквозь снежное поле, и блестящая крошка вылетала из-под копыт коня, и всё ближе была Долина.

42. Звёзды одна за другой

Главный навык в жизни – адаптивность, малёк. Всё может измениться в любую секунду. Если каждый раз переживать по этому поводу – долго не протянешь.

Полынь из Дома Внемлющих

Тинави из Дома Страждущих

Деревня утопала в свежем снегу. Его белый покров скрадывал углы и скрывал неровности, таинственно приглушал звуки. Колокольчики на гирляндах, протянутых между домами, тихо звенели, навевая сон. В зашторенных окнах трепетало пламя свечей, и силуэты призрачных селян – кто-то вышивал, кто-то читал, кто-то перешёптывался – выглядели ещё более сказочными, чем обычно.

Это была бы чарующая мирная ночь, которая наверняка вдохновила бы не одного поэта, если бы не тот факт, что на Долину только что напали – и теперь на её улицах стремительно разворачивался хаос.

Мы с Берти, на ходу обматываясь шуфами, со всех ног мчались к центру деревни. Уже издалека было видно грандиозную фигуру, возвышающуюся над крышами: ветвистые рога – один обломан, – украшенные человеческими пальцами; аура тьмы, заметная даже глубокой ночью; пульсирующая звезда карминного цвета.

Боги-хранители. Я и не думала, что Леший – *такого* размера…

Взрывы, которые мы услышали, произошли в колодцах. Раздробленные камни взлетели на воздух с невиданной силой, а из оставшихся в земле провалов теперь выбирались бледные существа с тёмными стеклянными ножами в руках. Они напоминали утопленников: чёрные ногти, запавшие глаза, вместо одежды – водоросли, между пальцами – перепонки. Одно из них бросилось на нас, но Берти тотчас уложил его метко брошенным заклинанием.

Ворота деревни, мелькнувшие в переулке, осаждали варги: точно так же, как это делали волкодлаки триста лет назад. Свирепые чёрные морды приспешников Лешего то и дело мелькали в щелях между досками, створки ходили ходуном, и целое воинство дрожащих снуи собралось перед ними, надеясь сдержать врага, если он прорвётся.

– Поможем им? – Я нерешительно остановилась.

– Нет! Начинать стоит с корня проблемы! – Голден-Халла за руку потащил меня дальше.

За мгновение до того, как мы выбежали на главную площадь, над ней зажглась ещё одна звезда: прозрачно-белая, селенитовая.

Она висела над мужчиной, что стоял возле Лешего и казался крохотным на фоне чащобной смерти, хотя сам по себе его рост никто не назвал бы маленьким. Облачённый в наряд из синей чешуи, с тёмными волосами, доходящими почти до бёдер, он был как ядовитая змея, готовая к броску.

Прах. Именно так, согласно сказкам, выглядит Найох, коварный повелитель подводных течений.

Так их двое. Вот почему следившие за окрестностями снуи не смогли вовремя предупредить о нападении: просто Найох со своими приспешниками-утопленниками напал из-под земли – и привёл Лешего за собой.

Посреди площади зияла дыра: от знаменитого колодца не осталось ни следа. Чащобная смерть и повелитель подводных течений находились возле неё, спинами к нам. Оба смотрели на Силграса и Хеголу, замерших на пороге своего дома.

– Ну, привет, Силль! – крикнул Найох, на чьём лице, судя по интонации, должна была расцвести язвительная усмешка. – Ты, верно, догадываешься, почему мы здесь.

– Потому что я – единственная радость в вашей жизни? – Силграс любознательно наклонил голову, затем сбросил мантию, оставшись в рубахе и тёмных штанах. Из ножен на бедре он вытащил короткий кинжал. – Грустно, наверное, когда у тебя нет никаких целей, кроме мести тому, кто о тебе даже не думает.

– Какой же ты самоуверенный идиот, – прошипел Найох. – Именно за это тебя и стоит наказать в первую очередь. Ты хочешь красиво уйти, пожертвов собой ради деревни? Даже не рассчитывай. Мы убьём тебя прежде: собаке – собачья смерть.

Авалати оскалился и собирался было шагнуть вперёд, но тут ему на плечо легла рука Тоффа в обрезанной перчатке.

– Силграс, спрячься, – напряжённо сказал он. Затем стремительным привычным движением снял со спины охотничий лук и, выдернув из колчана стрелу, положил её на тетиву.

– О, у тебя появился слуга-мертвец? – тотчас заинтересовался Найох. – Ну да, живые едва ли готовы с тобой общаться. Леший, убьёшь его?

– *Всех. Я убью всех,* – низко пророкотал Леший, и крысы на его ожерелье подхватили эту фразу, переиначивая и пропевая её на все лады.

Я ахнула и дёрнулась вперёд, когда с пальцев чащобной смерти сорвался шар, состоящий, казалось, сплошь из холодного сумрака, что таится в оврагах у кладбищ в самые тёмные ночи. В мгновение ока он преодолел половину расстояния до Силграса и Хеголы, но его всё же успела пронзить стрела, пущенная Тоффом. Она явно была заколдованной: проклятие Лешего взорвалось на полпути, расплескивая тьму, что, как кислота, начала разъедать всё, до чего дотягивалась – снег, стены ближайших домов, усеивающие площадь обломки колодца…

– Кому сказал: прячься! – рявкнул Тофф на Авалати, не оглядываясь и пуская в Лешего ещё стрелу – увы, просто утонувшую в составляющей тело альва черноте и обломках костей. – Я разберусь, твоя задача – дожить до завтра!

Силграс ничего не ответил, лишь резко крутанулся на пятках и швырнул кинжал в утопленника, который неожиданно спрыгнул с крыши Избы-У-Колодца, целясь ножом в спину Тоффа. Силы удара оказалось достаточно, чтобы сбить существо с траектории и заставить упасть поодаль. Силграс подпрыгнул к нему, выдернул стеклянный нож из соединённых перепонками пальцев и вогнал его в шею твари, а затем едва успел обернуться, чтобы парировать удар ещё одной. Приспешники стекались к площади из обеих ведущих на неё улиц, многие из них забирались на дома и прыгали оттуда на Авалати. Теперь их не интересовали ни мы, ни Хегола: только Силль.

К нему же неспешно пошёл Найох. Хегола, уже отбросивший лук, выставивший щит против нового заклинания Лешего, обернулся на

хозяина селенитовой звезды с бешеным взглядом, прикидывая, как суметь сдержать и его тоже.

Пепел. Но это невозможно: даже Князю Нежити не справиться с двумя альвами сразу.

– Хегола! – заорала я, срываясь с места. – Не беспокойся о Найохе!

Альв изумлённо обернулся.

– Всего лишь девчонка? – сузив змеиные глаза, с презрением произнёс он и швырнул в меня пульсирующий сгусток белого цвета.

Я собиралась просто уклониться, но…

– Не рассчитывай, она не одна, – фыркнул внезапно выскочивший вперёд Берти и легко отразил заклинание.

Тогда Найох ощерился и без паузы послал в нашу сторону бурю из мелких камней. Мы метнулись в разные стороны, а затем укрылись за углами домов.

– Сразу спрятались?.. – рассмеялся Найох. – Так, и кого же из вас убить первым?

Внимание Тоффа между тем полностью сосредоточилось на битве с Лешим, который был невероятно, чудовищно силён. От осколка очередного заклинания Лешего, которое Хегола едва успел отбросить в сторону, загорелся какой-то амбар – к счастью, стоящий на некотором отдалении от домов. Хегола выругался и накрыл себя вместе с Лешим огромным куполом. Так заклятья больше не вырывались наружу, но это во много раз повышало опасность для самого Тоффа. Купол поглотил звуки их битвы: теперь это были лишь бешеные вспышки обсидиановых, рубиновых, янтарных цветов – посреди холода пронзительно-синей ночи, подсвеченной звёздами альвов и пламенем, пляшущим на крыше сарая.

Найох, насвистывая, направился к Берти. Отбросив меч, который я прихватила из трактира, я сосредоточено плела один из самых быстрых заговоров на искру: тот, что заставляет её неожиданно разгореться сильнее. В первый раз это дезориентирует противника, действуя на него как болезненная пощёчина по сердцу. Высунувшись из-за угла, я швырнула заговор в хозяина селенитовой звезды. Он вздрогнул и задохнулся, и тотчас Берти выпрыгнул из своего укрытия, кидая в альва Упрёк Леваххо – проклятие, выглядящее как кружево геометрических форм. Найох парировал… А в следующее мгновение

обернулся и скучающе направил в мою сторону шар энергии, отшвырнувший меня обратно в проход между домами с такой силой, что я пропахала спиной несколько метров, подняв искрящуюся тучу снега. Вот прах!

Я вскочила и бросилась обратно. За это время Найох успел оплести Голден-Халлу чем-то похожим на водоросли и теперь с гадкой улыбкой подтягивал обездвиженного сыщика к себе.

– Я отрежу тебе голову, – пообещал он, и в свете мелькающих позади заклинаний его лицо казалось диким, как у зверя. Но в этот момент на площадь на полной скорости вылетел вороной конь с двумя всадниками – и сбил Найоха с ног, развеяв его проклятие.

С коня спрыгнул… Морган.

С ума сойти! Ледышка моя дорогая!

– Нас ждёт серьёзный разговор! – гаркнула «ледышка», оборачиваясь к Голден-Халле, который уже стряхивал с себя остатки пут.

– Берегись! – заорал тот в ответ.

Морган развернулся и прозрачным росчерком сырой энергии снёс брошенное в него заклинание: нечто из переливающихся, как рыбья чешуя, острых лезвий. Четыре алых маг-браслета вспыхнули на запястьях Гарвуса, когда он, сосредоточенный и хмурый, стал разворачивать сложную сеть плетений, направленную против Найоха. Берти встал на одно колено позади друга и, запустив пальцы глубоко в снег, пропел охранное заклинание. Перед Морганом тотчас вырос упругий щит, не пропускавший проклятия. Щит трясся и прогибался под всё более яростными атаками. Он непросто давался Голден-Халле: из носа сыщика текла кровь, кадык ходил туда-сюда, но было видно: что бы с ним ни происходило, Берти не опустит защиту, пока убийственная формула Моргана не будет готова.

Я же чуть поодаль готовила Промедление Люффа с помощью прихваченного из трактира пёрышка. *Тебя ждёт неприятный сюрприз, Найох.*

Тем временем Фиона на коне (второй всадницей, к моему удивлению, оказалась она) рванула к главной ведущей на площадь улице и там замедляла появление приспешников Найоха, сбивая их с ног и топча. Конь был её единственным оружием: она не могла

устроить Искристый Перепляс, ведь её цветочно-снежная буря не подействовала бы на врагов, зато чудесненько укокошила бы нас.

Площадь буквально ходила ходуном из-за бурлящей на ней магии. Надрывались хрустальные колокольчики, трещал огонь, низкий гул исходил от купола с Лешим и Хеголой, шипя, искрились звёзды альвов и звучали властные голоса колдующих: сочетающиеся, сливающиеся, перекрывающие друг друга, режущие слух диссонансом… И только звёздное небо высоко над нами да корона древних гор беспристрастно, безмолвно наблюдали за битвой.

Смертные. Всё суетятся…

Наконец Морган закончил своё плетение.

– Опускай щит! – крикнул он Берти, и одновременно с тем я замедлила искру Найоха.

Сокрушительное заклинание Моргана метнулось к повелителю подводных течений. Тот было снисходительно улыбнулся и собрался парировать, как вдруг осознал, что тело не слушается его.

Получи мой подарок.

За мгновение до того, как формула Моргана накрыла Найоха, я увидела панику в глазах альва. Возникшие из воздуха белые ленты с дикой скоростью закружились вокруг него, собираясь в кокон, который затем резко сжался, и…

Ба-бах!

Найох всё-таки выжил. Но теперь он весь был покрыт сетью глубоких порезов и тёмными пятнами ран, чешуйчатый наряд облез и обуглился, волосы тлели. Оклемавшись от моего заговора, повелитель подводных течений зашипел, как гадюка, и перешёл в оборону. Он воздвиг между собой и нами широкую, вполплощади, защитную сферу и, кашляя, обернулся к куполу, под которым продолжалась битва Тоффа и Лешего.

Заклинанием Найох пробил купол – и тот осыпался со стеклянным звоном. Хегола и чащобная смерть даже не заметили этого. Оба были слишком погружены в бой. Тофф сильно хромал. Чудище уже лишилось второго рога.

– Леший! – закричал Найох, пока мы втроём дружно оббегали сферу, собираясь снова достать его. – Я оставляю обещанное и сваливаю!

– *Трус,* – пророкотала чащобная смерть.

– Жить хочу, знаешь ли, – огрызнулся Найох. – И люблю делегирование. До свидания.

Он шагнул к дыре, оставшейся после взрыва колодца, и, присев на корточки, опустил вниз руку, прикасаясь к земляной стене. Пробормотал что-то… Затем, оглянувшись на Силграса, Хеголу и своих утопленников, выкрикнул резкий короткий приказ. И, наконец, оттолкнувшись от края дыры, спрыгнул вниз. Тотчас щит, который так мешал нам с Берти и Морганом, исчез. Звезда Найоха мигнула и погасла.

– Ушёл! – раздосадованно рявкнул Гарвус и перенаправил своё уже собранное смертоносное заклинание в сторону переулка, по которому на нас мчалась стая варгов. Приспешники Лешего всё-таки смогли пробить ворота.

– Снуи, брысь оттуда! – в два голоса заорали мы с Берти.

Снежные феечки, пытавшиеся остановить тварей, заверещали и спиральками взмыли в небо буквально за секунду до того, как сложное плетение Моргана влетело в переулок. Оно посбивало варгов, как игрушки: они все попадали и больше не поднимались. Я аж поперхнулась, Берти присвистнул. Вот это силища!

…Получается, у нас минус альв и минус все приспешники чащобной смерти?

Моё сердце ликующе стукнуло о рёбра.

Боги-хранители! Да ведь мы сейчас победим!

Что там осталось-то: две кучки утопленников возле Силграса и Фионы, и Леший, которого Хегола даже в одиночку удерживает, а значит, вместе мы его быстро завалим.

– Морган, ты к Хеголе, я к Фионе, Тинави к Силграсу! – быстро распределил роли Берти. – Закончим всё сейчас!

В его голосе прорывалось то же приятно щекочущее предчувствие близкой победы, что уже расцветало и внутри меня. Я с готовностью обернулась туда, где Авалати отбивался от немногочисленных слуг Найоха. Мысленно закатав рукава, я намеревалась подхватить свой меч, брошенный поодаль, но…

Тут всё пошло не по плану.

Во-первых, из-под снега вдруг вырвались путы-водоросли, подобные тем, которыми повелитель подводных течений сковал Голден-Халлу. Не успел кто-либо из нас среагировать, как они плотно

связали нас с Берти и Морганом по рукам и ногам, заставив со вскриками повалиться на землю. Такие же путы сдёрнули взвизгнувшую Фиону с коня.

А во-вторых, утопленники Найоха в мгновение ока потеряли условно-человеческую форму, превратились в сгустки серебристой энергии, по воздуху рванули другу к другу и… объединившись, обратились единым существом. Оно напоминало прежних тварей, но в то же время было куда более крупным, хищным и стремительным, а в руке сжимало не нож, а что-то вроде гарпуна, по поверхности которого бежали чёрные всполохи магии. Я вздрогнула, узнав этот тип магического оружия. Оно не только зачарованно, но и, как боевые посохи наших Ходящих, раскрывается на три лезвия, едва попадёт в цель. «Фейерверк смерти» – так его иногда называют.

Пепел!

Я сильнее задёргалась в путах.

Мы слишком рано обрадовались. Вот что имел в виду Найох под словом «обещанное»: не своих слуг как таковых, а два отложенных сюрприза – ловушку для нас и опасную тварь для Силграса.

– Берегись, Авалати! – что есть сил заорала я, когда чудище, скалясь, с невероятной скоростью бросилось в нападение.

По сравнению с его гибельным, смертоносным гарпуном кинжал Силграса был просто детской игрушкой. Понимая это, Авалати выругался сквозь зубы. Его руки были запачканы кровью приспешников, рубаха промокла от пота, растрепавшиеся волосы частично скрывали лицо. Он весь подобрался, готовый хоть как-нибудь увернуться, парировать, отразить удар, и… Поражённо распахнул глаза, когда тварь Найоха, не добежав до него, издала гортанный смешок и, развернувшись, метнула гарпун в не прикрытую никем спину Тоффа.

Мы с Берти и Морганом закричали одновременно.

Хегола не слышал. Он держал щит, и очередное заклинание Лешего расплёскивалось по нему, шипя и разъедая поверхность. Пусть и обороняясь, Тофф сейчас постепенно выталкивал чащобную смерть с площади, явно планируя следующую, решающую атаку, и его лицо было сосредоточенным и напряжённым.

Вот он, прямо перед ним – Леший. Враг, прямо и косвенно принёсший Долине Колокольчиков столько бед и столько боли. Так

долго скрывавшийся в лесах от охотящегося за ним Князя Нежити. Но Хегола может достать его сегодня – и не собирается упускать свой шанс.

Тофф ничего не видел в азарте схватки, а колдовское оружие летело прямо в него… Гарпун был почти у цели, когда между ним и Хеголой неожиданно выпрыгнул Силграс.

Удар. Резкий хрип, вырвавшийся из горла Авалати. Чёрное лезвие, полностью вошедшее в грудь альва и со страшным хлопком раскрывшееся внутри. Клокочущий смех твари – *дело сделано,* – сиганувшей в дыру в земле. Мгновенно потемневшая от крови рубаха, алые капли, все быстрее срывающиеся на снег.

Боги-хранители… Нет.

Силграс пошатнулся, двумя руками ухватился за древко, неверяще опустил взгляд.

– Не вздумай вытаскивать его! – взревел рядом со мной Морган, так же отчаянно пытающийся освободиться, как и мы с Берти. – Ты сделаешь хуже!

«Да у него половина груди в клочья разорвана. Куда хуже», – со стучащими от ужаса зубами подумала я.

И как раз в этот момент обернулся Тофф, после исчезновения своего щита сумевший откинуть Лешего так, что тот снёс здание деревенской школы на другом конце площади.

– С… Силграс? – Лицо Хеголы исказил ужас.

Он протянул руку вперёд, будто надеясь, что это просто морок, который можно развеять прикосновением, а настоящий Авалати где-то там, в избе, спрятался, как ему было велено, чтобы спокойно дождаться завтрашнего дня и расколдовать деревню.

Но Силграс лишь замотал головой и сделал несколько отчаянных, заплетающихся шагов в сторону, уворачиваясь от пальцев Хеголы, после чего упал в снег.

– Не подходи, – прохрипел он, заставляя себя сесть. Из уголка рта у него текла кровь. – Разберись с Лешим. Быстро. И не забудь вовремя добить меня, чтобы пик Осколрог не взорвался. Я сниму чары с Долины сейчас.

«Ты с ума сошёл», – говорил отчаянный взгляд Хеголы.

«Остановись», – умолял он.

«Не надо!»

Но над площадью уже зажглась сапфировая звезда Авалати. Вся испещрённая трещинами, невыносимо хрупкая по сравнению с багряного цвета громадиной чащобной смерти, она дрожала, как и её хозяин, из последних сил цеплялась за эту странную, поразительную, бесценную жизнь…

Силграс щёлкнул пальцами и возвёл вокруг себя мерцающую голубым светом защитную стену. Отошедший от шока, бросившийся вперёд Хегола только и смог что ударить в неё ладонями.

– Возьми мою душу, Авалати! – закричал он. – Её хватит, чтобы ты исцелился! Силграс! Не смей вот так умирать!..

Тот лишь устало прикрыл глаза и пробормотал магическую формулу – почти сразу же мимо нас с Берти и Морганом пролетел сундук с колокольчиками. Защитная стена беспрепятственно пропустила его, сундук упал в снег рядом с Силграсом. Авалати коснулся его рукой и начал шептать заклинание.

Между тем Леший выбрался из развалин школы, и Хегола, сцепив зубы и чуть не плача, был вынужден снова броситься в бой, отвернувшись от друга.

Мы с Берти и Морганом всё пытались освободиться от пут, которые, как живые, лишь оплетали нас сильнее, сковывали руки, не позволяя колдовать. К нам подлетел наш снуи и несколько других духов, они пытались помочь, но получалось ужасно медленно и бестолково.

Кровь стучала у меня в ушах. «Не может быть, – думала я, с ужасом глядя на Силграса. – Да просто не может быть, что всё закончится так! Мы не для этого прошли весь этот путь! Сколько бы планов ни рушилось, сколько бы ударов ни сыпалось один за другим – я не сдамся! Я не хочу сдаваться!»

Там, внутри защитной стены, каждое произнесённое Авалати слово превращалось в буквы, сотканные из тумана. Я вспомнила, как вчера Тофф рассказывал, что заклинание будет длинным, до пепла длинным: целый ритуал, во время которого Силграсу придётся аккуратно расплести формулу каждого колокольчика, возвращая селян к жизни.

И воспоминание об этом вкупе с рычащим от ярости Морганом рядом вдруг подействовало на меня как отрезвляющая пощёчина.

Вот оно. Всё предельно понятно. Я знаю, что делать!

– Морган! – Я обернулась к Гарвусу. – Усыпи меня! Быстро! Когда мы были в плену у троллей, ты прекрасно использовал это заклинание без рук! Сделай это сейчас!

Он аж отшатнулся, насколько это было возможно при нашем плачевном, сугубо горизонтальном, положении. Какой-то снуи, возящийся с его путами, негодующе запищал: Морган едва не задавил его.

– Ты с ума сошла?! – рявкнул Гарвус.

– Время во снах идёт гораздо быстрее, я ещё успею убить Минотавра! Морган, пожалуйста, это единственная надежда!

– Да сколько раз я говорил вам, что я против вашего вмешательства! – взвыл он, но, к моему удивлению, я видела в его глазах готовность согласиться, неизвестно когда успевшую поселиться там. – Почему что ты, что Берти так и лезете на рожон?! Вам жизнь не мила?!

По-моему, он собирался подкатиться ко мне обратно и стукнуть головой, чтобы неповадно было – выбить все сумасшедшие мысли, ага, – но тут серьёзный, твёрдый голос Берти заставил его замереть.

– Морган. Пожалуйста. Сделай это.

Гарвус вздрогнул и перевёл взгляд на сыщика, лежавшего по другую сторону от меня.

– Ты хочешь, чтобы она *тоже* умерла? – процедил Морган и тотчас побледнел, поняв, что хватил лишнего: его «тоже», произнесённое с определённой выразительной интонацией, явно относилось к старой истории с Элайяной.

– Даже в шутку не говори такое! – с болью воскликнул Берти. – Боги, Морган!.. Да если она умрёт, я первый начну последовательное уничтожение этого мира!

Ох! Вот так обещание!

– Но я *верю* Тинави, понимаешь? – с нажимом продолжал Голден-Халла. – Да, я боюсь до дрожи, но я ей *верю*. И верю, что мы сможем разбудить её в нужный момент. И что всё это точно стоит усилий и риска! Морган, я же тебя знаю: ты тоже играешь на стороне света, не меньше моего желаешь миру добра. Но нельзя всегда действовать в одиночку. Поэтому я впервые в жизни прошу тебя прямым текстом, открыто: поверь. Не кому-нибудь, а *мне*, Морган. – Глаза Берти блестели. – Всего один раз – *доверься*.

– Да почему ты говоришь это с такой интонацией, будто это всё ради меня! – взвыл Гарвус.

Лицо Голден-Халлы наполнилось грустью, когда он, покачав головой, тихо произнёс:

– Да потому что боюсь, если ты не поверишь мне, то уже никогда никому не поверишь.

Морган вздрогнул.

– Хорошо, – наконец с непонятным чувством процедил он.

Потом резко повернулся ко мне, приблизил свой нос к моему и, гневно полыхая взглядом, рявкнул:

– Туда и обратно, Страждущая, быстро! Даже не вздумай умереть!

– После вашей милой беседы у меня просто нет морального права откинуться… – протянула я. – Я выживу. Обещаю.

Морган тихонько ругнулся и наконец прошептал две строки заклинания. Я почувствовала, как веки тяжелеют.

– Снуи, милые, постарайтесь распутать нас поскорее, пожалуйста, – напряжённо попросил Берти. – Свободные руки не помешают.

А над ухом у меня раздался отчаянный стон Моргана:

– Да как я вообще на это согласился…

И всё растворилось в темноте.

43. Право на свет

Не стоит недооценивать силу принятого решения.

Хранитель Карланон

Джунгли сегодня были такими же, как и прежде: удушающая влажная жара, сочные краски и приторные ароматы.

А вот я изменилась.

Всепоглощающий ужас опять пытался утянуть меня в свою тёмную бездну, волны животного страха захлёстывали с головой, но вместо того, чтобы поддаться им или начать по ниточке разбираться со своими чувствами, я закрыла глаза и резко сказала: «Нет. Не сейчас». И, мысленно отгородившись стеклом от шквала эмоций, бросилась к болотцу, возле которого сидел скелет с мечом.

Время думать прошло, сейчас – время действовать.

У меня просто нет права на такую роскошь, как страх и сомнения. Перед внутренним взором развёрнут список горящих пламенем дел – и сейчас именно ими мне нужно заняться.

Во-первых, придумать, как завалить Минотавра. Во-вторых, осуществить этот план. В-третьих, вернуться в Долину с его искрой. В-четвёртых, вручить её Силграсу, пусть даже насильно. А главное – сделать всё это быстро-быстро, пока данное время не истекло… В такой ситуации нельзя отдаваться переживаниям.

Я подумала, что, если бы меня сейчас увидел Полынь, он бы одобрительно кивнул: «Молодец, малёк». Мысль о Внемлющем придала мне ещё сил: меч из кисти скелета я вырвала чуть ли не торжественно.

Затем я прислонила клинок к дереву и стала яростно хлопать себя по карманам. В этот раз я перенеслась в кошмар в своей уличной одежде, и меня не оставляла надежда найти что-нибудь полезное. Так, пёрышко для Промедления Люффа всё ещё здесь, идеально. Ещё есть монетка: она вряд ли пригодится. А в кармане шуфы у нас…

Что это?

Мои пальцы сжимали что-то мягкое. Земля начала потихоньку содрогаться оттого, что Быкоголовый, пока не видимый за поворотом, приближался. Вынув руку из кармана, я удивлённо уставилась на шёлковый мешочек с аккуратными завязками. Он казался нездешним и нереальным, будто шептал мне что-то на таинственном языке.

Пыльца Овердила! Странный подарок из Города Бликов.

– А ты мне сейчас пригодишься! – ахнула от озарения я.

Кажется, у меня появился план.

Сбросив шуфу, схватив меч и не высовываясь на тропинку, на которой меня подстерегали хищные лианы, я отбежала подальше от того места, откуда появлялся Быкоголовый. Чтобы начать плести Промедление Люффа, направленное против Минотавра, мне нужно сначала увидеть его.

Так что… Ждём.

«Ты сегодня не умрёшь, – на всякий случай повторила я самой себе со всей возможной убедительностью. – Не после обещания, данного Моргану. Ты хороший человек. Ты держишь своё слово и заботишься о психическом здоровье других хороших людей. Так что ты вернёшься в Долину Колокольчиков живая, целая и невредимая, Тинави из Дома Страждущих».

Наконец Быкоголовый появился из-за поворота и сразу же взревел:

– Neverarra!

В джунглях будто стало темнее. Минотавр тяжело ступал по влажной земле.

Его ликующая интонация и нетерпеливые шаги свидетельствовали о том, как он устал ждать. Как его бесило, что я давно не появлялась. И как он рад теперь: наконец-то со мной можно разобраться! Голод и алчность чудовища возросли в разы.

Будем надеяться, они толкнут его на ошибки.

Я закончила выплетать Промедление Люффа, когда Быкоголовому оставалось до меня всего лишь несколько метров. Нет, конечно, он не остановился совсем. Более того, его мощь действительно была колоссальной, поэтому эффект заговора оказался не таким сильным, как я рассчитывала. Однако заторможенности Минотавра мне хватило на то, чтобы подскочить к нему и ударить мечом в область сердца – а потом уклониться от замаха его лапищи.

Мой удар не принёс ему ощутимого вреда.

Но я уже знала, что буду бить снова и снова. Каждый раз – в одно и то же место. Как маленькая упёртая птичка, охотящаяся за жучком в древесной коре.

Главное – делать всё быстро. Нужно обязательно разобраться с этой тварью до того, как там, наяву, Силграс закончит своё заклинание.

Я успела пять раз ударить Минотавра и пробить его толстую шкуру до первой крови к тому моменту, как эффект заговора стал заканчиваться. Едва увернувшись от замаха чудовища, я отскочила назад и разжала ладонь правой руки, на которую заранее высыпала немного пыльцы Овердила.

«Интересно, а у него будет тюрбан?» – подумала я, сдувая пыльцу на Быкоголового. Он взревел от неожиданности: впервые в джунглях я была столь активным противником, и он явно не ожидал этого. А когда мерцающее облако осело, Минотавр действительно оказался похож на жителей Города Бликов – теперь он был невесомым и сотканным из разноцветных лучей света, но это, правда, ни разу его не красило. Тюрбан отсутствовал.

Чудовище бросилось вперёд и напало быстрее, чем я сумела полноценно уклониться или парировать.

Больно!..

Взвыв и отшатнувшись, я тем не менее почувствовала облегчение: мой расчёт оказался верен. Удар от полоснувших по мне полупрозрачных когтей не шел ни в какое сравнение с тем, что случилось бы с плечом, оставайся Минотавр физически осязаемым. В обычном состоянии эти когти, вероятно, разорвали бы мне руку. А так – кожа была цела. Кости заныли, но не более.

Идеально.

Вот только мои атаки, и без того слабые, вообще не причиняли Быкоголовому вреда, пока он был «эфемерным».

Что ж, не бывает безупречных стратегий.

Я резко развернулась и бросилась прочь, на ходу вновь начав бормотать заговор замедления и параллельно пытаясь высыпать на ладонь ещё пыльцы. Вскоре выяснилось, что территория сновидческих джунглей ограничена: в какой-то момент заросли передо мной просто закончились, оборвавшись бесконечной чернотой со звёздами вдалеке. Я завертела головой. Судя по всему, темнота окружала выделенный

для кошмара клочок тропического леса: мы словно парили на зелёном острове посреди открытого космоса.

В этот момент Быкоголовый догнал меня и, согнувшись чуть ли не пополам, ударил рогами. Он явно пытался найти тип удара, который всё-таки причинил бы мне вред, несмотря на действие пыльцы. Я почувствовала острую боль в рёбрах и отлетела назад, в пустоту. На мгновение меня пронзил страх – *куда я лечу?* – но тотчас будто невидимая резинка притянула меня обратно в джунгли.

Всё это время я упрямо продолжала плести Промедление Люффа. И вот когда темнота отпружинила меня к Минотавру, я произнесла последний слог.

– Prohibe!

Движения Быкоголового снова увязли в смоле времени. Я поднырнула ему под руку, и, разжав кулак, выдула на него новую порцию пыльцы.

К Минотавру вернулась материальность. Скорость – пока нет.

Он начал оборачиваться. Я ударила его мечом, увернулась, ударила снова… Оставшееся время действия заговора я потратила на то, чтобы высыпать на ладонь ещё пыльцы – и снова окатить его ею.

Дематериализовавшийся Минотавр взревел с дикой яростью: больше никаких воркующих «Neverarra». Его глаза полыхали. Мышцы бугрились под кожей. Джунгли содрогнулись, и бабочки лиловым вихрем взлетели со сладко пахнущих цветов. Я отбежала от пустоты и приготовилась повторить ту же последовательность действий.

«Всё гениальное – просто», – постоянно говорит мастер Улиус, и сегодня я проверю это на практике.

Замедление. Меч. Пыльца. По кругу. Так я его и одолею. Главное – быстрее, быстрее!..

Но каким бы оптимизмом я ни пылала, у моего тела заканчивался запас прочности. Да, монстр ревел, а рана на его груди стала гораздо глубже. Но и я обливалась по́том, двигалась всё медленнее и чуть не плакала от боли – даже призрачные удары в совокупности доканывали мой организм.

Кажется, рёбра были сломаны. Каждый шаг отдавался невыносимой болью в левой ноге, а голова трещала так, что всё плыло перед глазами. Если бы не адреналин и понимание того, что сейчас вся ответственность на мне, это *я* – тот игрок, что закончит историю

Долины, от *моих* действий зависит, какой окажется эта сказка, я бы уже свернулась скулящим калачиком под ближайшим кустом и боялась бы лишний раз пошевелиться. А так: не сдаваться, не бояться, не сомневаться!

До победы оставалось совсем чуть-чуть.

Грудь Минотавра была разворочена: ни один человек и ни один зверь не протянули бы и пары минут с такими ранами. Глаза Быкоголового налились кровью. Он пошатывался, хрипел, мотал рогатой башкой, и я чувствовала – на следующем «круге» я всё закончу…

Но тут случилось две вещи сразу. Пыльца иссякла. А меч – и без того уже сломавшийся – Минотавр выбил из моей руки так, что он отлетел куда-то в заросли, где, судя по шорохам, его тотчас обвили и уволокли лианы.

Прахов прах!

Мы с Минотавром, тяжело дыша, стояли друг напротив друга. Как спортсменов, бывает, сбивает с толку нарушение ритма игры, так и Быкоголовый оказался дезориентирован моей остановкой. Но преимущество было на моей стороне, ведь он не знал, что у меня иссяк магический порошок. Чудовище наверняка полагало, что я застыла, потому что придумала ещё какую-нибудь хитрость, и напряженно, не мигая, следило за мной.

Думай, Тинави. Думай. Голыми руками ты его сердце точно не вырвешь.

И вдруг краем глаза я заметила какое-то шевеление… С изумлением я увидела выглядывающего из-за цветущего дерева Рэндома. Поймав мой взгляд, хранитель приспустил на носу тёмные очки и театрально расчесал пальцами свою длинную белую чёлку. После чего исчез.

Гребень.

Ещё минуту назад я была готова поклясться, что он остался на подушке в трактире, но теперь почувствовала, как что-то торчит из заднего кармана моих штанов, куда я в жизни ничего не кладу.

Шулер Рэндом. Даже не стесняется своего мошенничества. И хвала небесам!

– Рэнди, сто тысяч свечей в твою честь, – выдохнула я. – Ты самый добрый бог.

– Просто ответственный, – раздался польщённый смешок у меня над ухом. – Дальше сама, конфетка.

Я выхватила подарок хранителя: его зубцы были острыми, до пепла острыми, а теперь по ним ещё и бегали магические всполохи ядрёного лилового цвета. Глубоко вздохнув – я обязательно справлюсь – я бросилась на Минотавра одновременно с тем, как он, ревя, кинулся на меня.

Когда мы столкнулись, мне показалось, что я со всей силы влетела в гранитную скалу. Воткнув гребень так глубоко в рану, как это было возможно, чувствуя, как когти Минотавра впиваются в моё несчастное тело, отчаянно тараторя заклинание по захвату искры, я провернула артефакт в самом сердце чудовища.

Он сломался. Но и Быкоголовый – пал.

Минотавр содрогнулся, его пальцы сжались сильнее, заставив меня мысленно взвыть от невыносимой боли, а затем ослабли – и он, как древняя башня, тяжело и медленно рухнул.

Упав вместе с монстром, я в полный голос выкрикнула последнюю строку заговора: *«Распахнуты врата пустого дома для безутешных!»* – и обжигающая, как раскалённый уголь, ярко-алая искра чудовища скользнула мне в ладонь.

Земля затряслась, по джунглям пронёсся порыв стонущего ветра. Цветы, бабочки, лианы, деревянный указатель – всё вдруг начало рассыпаться, обращаться седым пеплом, обнажая космическую темноту вокруг.

Сон умирал вслед за своим создателем.

Боги. Мне действительно удалось.

Я сжала кулак. Тревожное сияние искры просвечивало между пальцами – оно пронизывало мою кожу, оно пронизывало тающие джунгли, и, кажется, было видно даже наяву…

Потому что в следующий момент я услышала далёкий шёпот: «Умничка», почувствовала прикосновение тёплой ладони к затылку – и проснулась.

* * *

– Я успела?! – просипела я, едва открыв глаза в Долине Колокольчиков.

Надо мной склонились Берти и Морган – уже освобождённые от пут маленькими снуи. Столкнувшись со мной взглядом, Гарвус выдохнул с явственным облегчением, но ничего не сказал о моём возвращении.

– Я потушу прахов сарай! – вместо этого объявил он, вскакивая на ноги и бросаясь прочь. Похоже, ему было сильно не по себе.

А вот Берти, бледный как полотно, кивнул.

– Боги-хранители. Да, ты успела. Ты вообще подняться можешь?

– Ага, – соврала я.

На самом деле в том состоянии, в котором сейчас пребывало моё тело, я могла, кажется, только отправиться в лазарет вне очереди. Но сейчас было важнее другое, и мы с Берти оба осознавали это, а потому переглянулись и сделали вид, что всё отлично.

Искра Минотавра в моём кулаке металась, как бешеное насекомое. Я боялась передавать её Голден-Халле. Надёжнее – сразу Силграсу.

Берти помог мне встать, мы вместе пошли к Авалати. Когда я увидела его, моё сердце сжалось от боли, прежняя решимость сменилась глубокой горечью… Повесив голову, Силграс сидел внутри своего защитного столба света. Одной рукой он держался за это прахов гарпун в своей груди, другую положил на сундук с колокольчиками. Из-за растрепавшихся волос я не видела его лица. Альв дышал тяжело, рывками, его пальцы тряслись, лопатки болезненно топорщились, а крови на снегу вокруг было слишком много… Он уже не произносил слова магической формулы, однако заклинание продолжало выплетаться: туманные буквы появлялись, кружились и исчезали вокруг него. Лазоревая звезда Силля в небе тряслась, по ней пробегало всё больше трещин, иногда вниз летели крохотные осколки.

«Держись, – думала я, шагая к нему со всей доступной мне скоростью, – пожалуйста, держись».

За те минуты, что я провела в ночном кошмаре, Хеголе удалось одолеть Лешего: огромная туша чащобной смерти возвышалась посреди площади.

Сам Тофф сидел на корточках у прозрачно-голубой стены, окружавшей Авалати. Он прижал одну ладонь к щиту, а другой закрыл

лицо.

– Силграс, – воззвал он так устало и обречённо, что ясно: не в первый, не в пятый и даже не в десятый раз. Над плечом у него вился наш снуи. – Ты ещё можешь остановиться. Прерви заклинание, мы излечим тебя, и завтра ты проведёшь ритуал с моей искрой.

Умирающий альв в своей добровольной клетке промолчал, только сгорбился ещё сильнее.

– Хегола, пусти её, пожалуйста, – напряжённой скороговоркой попросил Берти, когда мы приблизились. Наш путь был непростым: я буквально висела на сыщике, а он, как бы ни хотел, не мог толком поддержать меня или просто взять на руки, боясь, что нанесёт дополнительный вред.

И вот уже я, чуть ли не распластавшись по щиту и показывая кулак с зажатой в нём искрой, увещевала Авалати.

– Силграс, возьми это! Используй в качестве источника энергии!

Авалати, изначально явно собиравшийся игнорировать и меня тоже, всё-таки поднял голову, привлечённый энергией, исходящей от искры. Мне стало страшно, когда я увидела его глаза: запавшие, покрасневшие, с тёмными синяками под ними. Разглядев, как светится алым цветом мой кулак, Силграс вздрогнул и тревожно покосился в ту сторону, где находился Тофф. Вероятно, на мгновение он решил, что я самовольно убила Хеголу – и теперь предлагаю ему душу бывшего старосты.

– Она одной мерзкой твари, и её тебе должно хватить! – объяснила я, напряженно следя за туманными строками заклинания.

Возле меня на землю упало ещё несколько сапфировых крошек звезды.

Силграс посмотрел на мой кулак, моргнул и просипел:

– Уходи. Всё кончено.

– Никуда я не уйду! – рявкнула я. – Возьми эту искру, используй! Вдруг это поможет тебе выжить!

– Да мне не надо выживать, Тинави, – он сглотнул, и я впервые увидела, насколько у него грустные глаза. – Я с самого начала знал, что умру, искупая свою вину. Это… правильно.

И тогда я задохнулась от гнева.

Значит, умереть будет правильно. Горе – это правильно. Горе – это красиво, благородно и очищающе, а мучения – это путь света и

искупления… Да что это за бред?! Кто его придумал и зачем?

Почувствовав прилив сил, я в ярости ударила кулаком по стене, воздвигнутой Силграсом, и заорала так, что он вздрогнул.

– Ничего подобного! Умереть – для кого это правильно? Для тебя самого? Может быть, для Хеголы? Для Долины? Для снуи? Кто тебе сказал это, Силграс? Молчишь?! Так вот я скажу тебе другое. Правильным будет использовать шанс, который у тебя есть!

Искра билась в моём кулаке, на глаза наворачивались слёзы. Площадь вокруг нас стонала от творящейся на ней магии, всё было окрашено в темно-красные, пронзительно-синие и чёрные тона – кровь, колдовство и смерть. Не верилось, что ещё пару часов назад это же самое место покачивалось на полных покоя серебристых волнах безвременья и тишины, а этот умирающий юноша – тихо смеялся, сидя на крыше своего дома.

Я вновь отчаянно ударила о магическую стену Силграса.

– Правильным будет до конца бороться за возможность остаться с теми, кого ты любишь, подняться после падения и, прах побери, уже научиться принимать помощь и подарки! Ты имеешь на всё это право, Авалати, неужели не ясно?! Никто не должен хоронить себя за одну ошибку! – исступлённо кричала я. – Перестань наказывать себя! Ты вправе жить, *хотеть* жить, более того, и остальные хотят, чтобы ты жил! Тебя любят, небо голубое, Авалати, как ты не понимаешь этого? Как бы ты ни был виноват – тебя всё равно любят! Не смей отказываться от этого дара и выбирать вместо него смерть!

Силграс моргнул. В его потухших было глазах мелькнула слабая надежда пополам с недоверием.

Я хотела закончить свой монолог длинной паузой, дать воздуха прозвучавшим в нём мыслям – мне казалось, Силграсу, как никому, ещё давно-давно важно было услышать их и прочувствовать, – но… Паузы не получилось. Я сипло раскашлялась, сплёвывая кровь и чувствуя, как всё моё тело горит от боли.

– И, знаешь, что ещё я скажу?.. – в итоге прохрипела я, кое-как совладав со своим организмом. И совсем не философски продолжила: – Я только что чуть не померла, пытаясь добыть для тебя эту искру! У меня переломаны рёбра, я еле дышу! И я прошла через всё это не для того, чтобы ты тут собой жертвовал, ясно?! Так что быстро опустил свой долбаный щит, Авалати!

Он поперхнулся от такой неожиданной смены тона. Затем внимательнее посмотрел на меня. На алое свечение, исходящее от моего кулака. На Хеголу, на снуи, освобождённую феечками Фиону, Берти и Моргана… Потом с трудом поднял голову и, прищурившись, оценил по буквам, сколько времени осталось до завершения заклинания…

Считаные секунды.

Авалати вздрогнул и прикусил губу. Его лицо на мгновение исказила мука, он явно хотел и боялся попробовать.

Права ли я? Имеет ли он право воспользоваться помощью? Имеет ли право на счастливый финал? Имеет ли право *хотеть* счастливый финал?

И глядя на него, я вдруг отчётливо поняла, что наши с Морганом и Берти размышления о балансе вселенной и о том, можем ли мы помогать Долине Колокольчиков или нет – полная чушь. Как бы мы ни вмешивались, всё равно не нарушили бы баланс. Весь местный бардак, все триста лет магического беспредела не просили платы кровью и им было ровным счётом плевать на то, откуда возьмётся энергия на расколдовывание деревни – хоть я её добуду, хоть принесёт попутным ветром.

Всё здесь оплачивалось лишь одним решением того, кто и начал эту историю – Силграса Авалати.

И решение это было ужасно простым: выбор между можно и нельзя.

Можно ли исправить такую ошибку, искупить такую вину. Можно ли после подобного мечтать о счастье и становиться счастливым. Можно ли вернуть потерянного друга и потерянный дом. Можно ли верить, что после тьмы существует свет.

И чтобы сказать «можно», требуется столько смелости, внутренней свободы и готовности во что бы то ни стало идти по тому пути, на который ты ступишь, произнеся это слово, что одно это решение и оплатит всё – и восстановит баланс.

Имеешь ли ты право на свет? Готов ли ты его созидать? Это решать только тебе.

Я видела в глазах Силграса, с какой дикой скоростью мысли проворачиваются у него в голове. Как он хочет и боится поверить, что всё достижимо, что мы на его стороне, что ему *можно*…

И вот он решился. Произнёс короткую формулу, и преграда исчезла. Силграс протянул ко мне ладонь, я вложила в неё искру Минотавра. Он, сглотнув, сжал её изо всех сил – а другой рукой одновременно выдернул гарпун из груди.

Я ахнула и подалась назад, испугавшись, что сейчас увижу слишком страшную рану. Однако Силграса полностью скрыла вспышка чистейшего белого цвета. Более того: от него разошлась силовая волна, отбросившая нас всех назад.

Когда свет угас, Силграс уже стоял во весь рост.

Он преобразился. Его белоснежные волосы взметнулись, на плечах появилась обновлённая чёрно-серебряная мантия. Он открыл глаза, горящие пронзительно-голубым цветом. Подняв левую руку и прижав её к лицу, Авалати произнёс короткое заклинание, после чего сундук, стоявший у его ног, распахнулся: и хрустальные колокольчики, один за другим, с мелодичным звоном стали взлетать в небо.

Они распределялись по деревне, увеличиваясь в размерах, зависая над домами и улицами, и я догадалась, что они парят над теми местами, где сейчас находятся призрачные отпечатки селян. Так, один колокольчик замер над крышей соседнего от Избы-У-Колодца дома, на которой я только сейчас заметила девушку, мечтательно сидевшую на коньке. Туманные буквы заклинания, парящие вокруг Силграса, сложились в последнее слово – и вдруг всё написанное осыпалось ярким росчерком, будто с дикой скоростью сгорел фитиль.

И колокола на ночном небе запели, вызванивая таинственную песнь. Мы все смотрели на девушку на доме – единственную, кого было видно с площади, – и наконец она вздрогнула, непонимающе заозиралась и покрепче ухватилась за конёк. Внешне всё осталось по-прежнему, но на самом деле перед нами теперь был *человек*. Колокольчик рассыпался мерцающей пылью, которую тотчас унёс ночной ветер…

Мы зачарованно наблюдали за тем, как по очереди исчезают колокольчики, уступая место селянам. Вместе с людьми откуда ни возьмись появлялись животные, птицы. Тихую прежде деревню наполняли удивлённые возгласы.

И вот заклинание завершилось. Сияние вокруг Силграса угасло, и он покачнулся, схватился за грудь, потом мешком осел на запачканный кровью снег. Хегола бросился к нему.

– Силграс! – рявкнул он, падая рядом на колени. Тут же подлетел наш снуи и стал, пища, крутиться вокруг Авалати. – Не смей отключаться! Надо исцелить твою рану!

Силграс поморщился, не открывая глаз.

– Да она, кажется, сама заросла… – пробормотал он. – Этого непонятного источника энергии хватило на то, чтобы тело полностью излечилось.

– И не только тело, – раздался рядом со мной удивлённый голос Голден-Халлы, вновь поднявшего голову.

Вслед за ним мы посмотрели на небо.

Сапфировая звезда, ещё недавно рассыпавшаяся, трескающаяся, готовая взорваться, сейчас казалась совершенно новой. Кристально чистого цвета, изящная и острая, она горела, как синий факел, притягивая взоры и разгоняя ночную тьму.

Глаза Силграса изумлённо распахнулись. Он поднялся на ноги, подозрительно глядя на неё. Затем коснулся ушей: и я вдруг увидела, что в них появились серьги в виде крошечных хрустальных колокольчиков. Силграс залез рукой в карман мантии – и вытащил ещё горстку таких же.

– Камень окаянный! – Авалати повернулся ко мне: – Откуда ты взяла ту искру?! Она… Она заставила меня регенерировать так, будто я только что проснулся в Осколроге!

Я была удивлена не меньше его.

– Ну… Так это ведь хорошо? – не спеша отвечать, спросила я и приготовилась в случае чего укрыться за спиной Моргана или Берти. – Тебе теперь можно не возвращаться в свою гору, гулять где угодно и не спать ещё долго-долго, да?

На площадь между тем начали потихоньку стекаться селяне. Они охали, возбуждённо переговаривались и перешёптывались, изучая нашу странную компанию. А потом вперёд выступил старичок с длинной седой бородой.

– Силграс, милый, а откуда это штука у тебя над головой?.. – с интересом спросил он. И добавил: – Хегола, ты, наверное, не выспался? У тебя такие красные глаза, надо же!

И после этого мы все как-то очень дружно содрогнулись: даже Фиона, стоящая вместе с нами.

Потому что мы поняли одну очень страшную вещь.

Мы думали, всё закончилось, можно выдохнуть.

Но впереди было самое сложное: ответы на десятки, сотни, тысячи вопросов бодреньких и любопытных селян…

Эпилог

Через несколько дней мы с Берти и Морганом покинули Долину Колокольчиков.

Сразу после расколдовывания деревня буквально стояла на ушах. Я и представить себе не могла, что долиновцы *настолько* шумные и энергичные. Хотя, возможно, это триста лет условного отдыха подарили им такое дикое количество жизненных сил.

Ночью, сразу после ритуала, Хегола и чуть ли не за шкирку притащенный им Силграс провели всеобщее собрание, где как-то кратко и, думаю, крайне дипломатично обрисовали сложившуюся ситуацию. Я не знаю деталей, потому что мы с Берти, Морганом и Фионой исподтишка смылись с площади. Я, конечно, знатно ковыляла и на все лады охала.

В трактире впервые никто не предложил нам грог и лавку. Даже как-то неуютно стало.

Фиона хотела сразу уехать из Долины: у меня сложилось впечатление, что ей было неловко оттого, что она вообще сюда явилась. Пока Морган исцелял меня, мы с Берти уговорили её остаться хотя бы до утра – почему-то казалось, что так будет правильно. Она заняла соседнюю со мной комнату.

Той ночью я замечательно спала. Никаких джунглей. Никаких чудовищ. Мирные картинки песчаных пляжей и портовых городов… И – промелькнувший в толпе рыбаков Рэндом. Я успела нагнать его и непочтительно схватить за локоть, после чего потянула на пристань. Мы долго разговаривали, сидя на пирсе, и в щелях между досками под нами светился планктон и проплывали огромные рыбы. Рэндом кормил их свеженаколдованным хлебом. Поутру я ни праха не помнила из нашей наверняка полезной беседы, кроме одного пункта. Он гласил: какое-то время меня вряд ли будут трогать твари, подобные Быкоголовому, но лучше мне не рассчитывать на тихую спокойную жизнь.

Будто бы я когда-то на неё рассчитывала. Скорее уж, я её боялась…

А наутро меня разбудили звуки беседы из-за стены.

– Спасибо, что приехала, – произнёс голос Силграса. – Я не ожидал, что ты вмешаешься.

– Да я тоже не ожидала, – вздохнула ледяная леди. – Не стоит благодарности, Авалати.

– Я должен предупредить тебя кое о чём, – продолжил он, и я прямо почувствовала, как напряжённо замерла Фиона. Силграс помолчал пару мгновений, а потом с вызовом сообщил: – Я снова собираюсь стать твоим другом. И, пожалуй, я готов немного узнать о собственном прошлом.

Возникла пауза. А затем фон Сортерберг расхохоталась, и я сочла это очень хорошим знаком.

Ещё одной замечательной новостью, как по мне, было следующее: никого из селян не смутил тот факт, что их староста теперь представляет собой могущественную нежить, а деревенский колдун оказался одним из альвов. Насколько я поняла, что Тофф, что Авалати предприняли какие-то вялые попытки покинуть должности, апеллируя к тому, что им тут не место и они плохие. Но им быстренько объяснили, в чём они не правы и почему в нынешней ситуации Долина Колокольчиков бесспорно и однозначно по умолчанию становится самой крутой деревней Седых гор. Никуда они не уйдут – их просто не отпустят. Не отпустят – и всё тут.

Было только одно важное нововведение: у деревенского колдуна теперь появился официальный помощник – маленький, летающий, по имени Уайли.

Когда мы уезжали, Хегола и Силграс проводили нас до того места в лесу, где прежде начиналась заколдованная зона. Сосновый бор, укутанный свежим снегом, казалось, искрился от радости, видя нашу дружную компанию. На все лады пели птицы, восхваляя яркое синее небо, почтовые белки, присланные любопытными со всех Седых гор, скакали по ветвям, высоко держа пушистые хвосты.

– Я всё ещё в растерянности, – признался Тофф в ответ на мой вопрос, как ему вообще всё случившееся. – Я триста лет готовился к тому, чтобы покинуть этот мир окончательно. Тяжело так сразу переключиться на что-то другое. Но учитывая, сколько сейчас дел в деревне… – Он хмыкнул. – Мне особо некогда раздумывать об экзистенциальных вопросах. Более того, я рад, что могу не тратить время на, скажем, обед.

– Значит, тебе всё-таки неважна еда, – прокомментировал Авалати, уже сорвавший с ближайшего куста какую-то зимнюю ягодку. – Так я и думал.

В его голосе звучало явственное неодобрение. Он прищурился, глядя на Тоффа:

– У меня будет к тебе ещё пара вопросов по поводу твоего странного организма.

– Да зачем тебе это? – вздохнул тот.

– Ну ты же меня доставал в своё время, желая знать, как устроены альвы. Вот – теперь терпи… Князёк.

У Хеголы просто отвисла челюсть от такой наглости.

– Я шучу, – насупился Авалати. – Уменьшительная форма не была оскорблением.

– Какой же ты дурак. – Тофф покачал головой. – Боги. Ну за что мне это. Только не надо теперь изображать из себя паиньку и извиняться за всё подряд. Вряд ли ты долго продержишься, а я же привыкну. Тяжело отучиться будет…

Я несколько раз оборачивалась и махала им вслед, пока мы ехали прочь сквозь мирную зимнюю чащу. Было грустно расставаться, хотя меня, конечно, пообещали ждать здесь в любое время и особенно просили при следующем визите поиграть с ними в тринап – норшвайнцы очень хотели набить руку в этой нашей знаменитой и загадочной лесной игре.

Постепенно Хегола и Силграс скрылись за деревьями. Но я всё же нет-нет да пыталась разглядеть их фигуры. Высокий Тофф в тёмно-коричневом одеянии охотника, засунувший руки в карманы, прячущий мертвенно-бледное лицо под глубоким капюшоном. Хрупкий Авалати в короткой чёрной мантии, отчаянно зевающий и прикрывающий рот узкой ладонью.

Мы всё-таки смогли. Мы дали этой истории хороший конец. Я ехала, улыбаясь.

*** * ***

А на следующий день во Вратах Солнца, где, ради разнообразия, не хлестали дожди, а было вполне себе солнечно, пришло время

прощаться с Морганом.

Тут уж моё сердце и вовсе попробовало разбиться. Мы втроем находились во дворе гостиницы «Кардамон и перец», в которой и началось всё это приключение. Тёплый ветер скользил по старинным улочкам города и приносил запах кофе и выпечки, шумела листва цветущих акаций, а церковный колокол где-то вдалеке отбивал десять утра. В распахнутых окнах трактира были видны завтракающие путешественники.

– Ты запомнил мой адрес, блистательный господин Гарвус? – строго спросила я, поудобнее устраивая на плече ремешок дорожной сумки.

Голден-Халла, опустив свой саквояж на землю, стоял рядом, по привычке перекатываясь с пяток на носки и обратно.

– Да, – буркнул Морган и послушно повторил: – Мшистый квартал, дом двенадцать.

Я удовлетворённо закивала.

– Если узнаю, что ты приехал в Шолох и не пришёл ко мне первым делом – я тебя найду и… и… – Я задумалась. – Сделаю что-нибудь плохое!

– Вечно вы оба угрожаете. – Морган закатил глаза. – В ближайшее время я не собираюсь в Лесное королевство. Мне надо дописать…

– Диссертацию! – хором перебили-угадали мы с Берти.

Морган поморщился, но не прокомментировал это и продолжил:

– А ещё я подумываю создать у себя в шале блуждающий портал, как те, что были в Академии Буре. Это тоже серьёзная работа.

Берти восторженно присвистнул и тотчас повернулся ко мне, чтобы объяснить:

– Некоторые окна в академии по своему желанию иногда открывались на море вместо сада.

– Вот и я хочу сделать такое, – чинно кивнул Морган и поправил ободок в волосах. – После этого я готов, в теории, позвать пару каких-нибудь человек в гости и показать им это. Исключительно в научных целях, конечно же: провести эксперименты.

– Интересно, что же это могут быть за люди… – лукаво прищурился Голден-Халла.

– Могу сказать, что это будут за эксперименты. В рамках первого я планирую вышвырнуть кое-кого в окно и посмотреть, в какой части

света он выплывет и как витиевато выскажет своё мнение на этот счёт, – милейше-язвительно улыбнулся ему в ответ Морган.

– Ты умеешь хоть как-то улыбаться! – сразу же ахнула я.

Гарвус, вновь строгий, обернулся ко мне. Какое-то время он смотрел на меня с нечитаемым выражением лица, а затем, подумав, вздохнул.

– Ненавижу оказываться неправым. – Он скрестил руки на груди. – Но в ситуации с Долиной я всё же очень рад, что каким-то чудом победили вы, праховы оптимисты.

Я засияла:

– Спасибо, что погрузил меня тогда в сон, Морган! До сих пор не верится, что ты согласился.

Берти фыркнул:

– Не обольщайся, он сразу же передумал. Снуи быстро освободили нас, и после этого все то время, пока ты боролась с Минотавром, я шлепал его по рукам, чтобы он не выдернул тебя раньше времени. Это тоже была в некоторым смысле битва века.

– Но он всё-таки мне доверился, – подмигнула я. – Это дорогого стоит.

– Вообще-то он доверился мне, – возмущённо поправил Голден-Халла, а Морган фыркнул и назвал нас бестолочами.

На прощанье Гарвус неловко обнял меня, и у Берти от этого зрелища упала челюсть. Оно стало главной темой для обсуждения по пути к дилижансу, ведущему на юг.

– Мне кажется, ты первый человек в жизни Моргана, с которым он добровольно обнялся, – качал головой Берти. – Я считаю, это успех. И, прах побери, страшно завидую! Я приучал его к себе больше двух лет! И что? И где? А ты за пару недель охмурила.

Я только смеялась.

*** * ***

Ну и, конечно, финальный разрыв сердца случился вечером того же дня.

Мы с Берти прибыли в Авириас – последний горный норшвайнский город. За ним начинаются холмы княжества Вухх, и из

него же расходятся торговые тракты по всем сторонам света.

На улочках Авириаса, пахнущих выпечкой, свежей древесиной и вербеной, шатались гости со всего мира. Мы встретили там пару шолоховцев, выходцев из Дома Дерзающих, которые радостно поделились со мной картой города и всякими мудрыми наставлениями: здесь вкусно, здесь красиво, здесь стоит поторговаться.

В том числе соотечественники поведали о кафе под названием «На веранде вселенной». Это была открытая площадка – деревянный настил, висящий, как балкон, на одной из гор, у подножия которых раскинулся город. Мы с Берти встретили там закат. Голубоватые и розовые, сиреневые и персиковые, тающие в нежной дымке горы постепенно окрашивались в глубокие рубиновые тона и настраивали на философский лад.

Когда солнце кокетливо прикрылось пиком Осколрогом, на город упала длинная, упоительно синяя тень – уже не спешившая уходить.

И в считаные минуты всё преобразилось. Гостям раздали тёплые пледы, на столах расставили свечи. Авириас осветился тысячью мерцающих огоньков, выглядящих как поле рукотворных звёзд. Я смотрела вокруг, и меня затапливал восторг пополам с щемящей грустью оттого, насколько прекрасно каждое мгновение, оттого, как здорово жить… И я знала, что я не одна в своей тихой радости. Что как минимум ещё один человек на «Веранде вселенной» так же замер, не дыша, и не может налюбоваться этим чудесным, бесконечным, упоительным миром.

Мы с Берти болтали, болтали и никак не могли наговориться.

Но всё рано или поздно заканчивается – в полночь у городских ворот меня ждал кэб. Мой отпуск, ещё недавно казавшийся пугающе длинным, стремительно подходил к концу: нужно было мчаться домой во весь опор.

– Я так не хочу расставаться с тобой, Берти! – воскликнула я, когда он проводил меня и прижал к себе на прощанье. Над нами шелестели кроны трёх лип, растущих у выезда из Авириаса, светила луна. Кобылка извозчика неподалеку весело хрустела ароматным яблоком, он сам проверял упряжь, и какой-то уличный музыкант играл на флейте, сидя под древними стенами города.

Голден-Халла рассмеялся:

– Хей, я надеюсь, ты там не плачешь? Не вздумай даже! А то я тоже начну, а я рыдаю, как девчонка, и это будет просто ужасное зрелище!

Взъерошив мне волосы, Берти отстранился. В глубине его глаз веселье смешивалось с лёгкой грустью, и, готова поспорить, в моих можно было увидеть то же самое.

– Я хочу, чтобы ты рассказала обо мне всем, просто всем в Шолохе, – торжественно объявил он. – Готовь их к моему фантастическому появлению. Особенно этого твоего напарника, Полынь! Мне кажется, его как следует взбодрит сам факт моего существования.

– Боги, он и так слишком бодр по жизни, поверь!

– Станет ещё бодрее, – азартно пообещал Голден-Халла. – Правда, я пока понятия не имею, когда смогу приехать… Но ровно через год мы с тобой встречаемся в одном замечательном шале неподалёку от деревни Соловьиная Песня. Не забудь, пожалуйста.

– О? Разве мы договаривались?

– Договариваемся прямо сейчас! – возмутился он.

Возница кэба крикнул, что пора отправляться. Впереди меня ждала долгая дорога домой, в Шолох.

Мы с Голден-Халлой кивнули друг другу, как сообщники.

– До встречи, Берти, – улыбнулась я.

– До встречи, моя грозная лесная госпожа, – подмигнул он.

---

notes

Примечания

1

Ошши – волшебные деревья, произрастающие в Шолохе. Знамениты огромными ягодами, светящимися в темноте.

2

Маги из Асерина носят на запястьях специальные браслеты, которые помогают им накапливать энергию, которую затем они тратят на колдовство. Обычно носят один браслет, но если ты силен, то можешь справиться с двумя, в очень редких случаях – с четырьмя.

3

Коренные жители Шолоха живут примерно по сто восемьдесят – двести лет, тогда как остальные человеческие народы Лайонассы – по сто – сто десять.

4

Унни – всепронизывающая энергия бытия, из которой состоит Вселенная. Классическое колдовство зиждется на захвате и преобразовании унни. Но откуда берутся и из чего состоят искры живых существ – то есть души, – никто не знает. Они приходят откуда-то извне и, угасая, уходят неизвестно куда.

5

Аквариумы с волшебной травой осомой – популярный в Шолохе тип светильников. Бывают самых разных размеров и форм, как стационарные, так и переносные.

6

Всего существует шестеро богов-хранителей: Карланон, Авена, Теннет, Селеста, Дану и Рэндом. По сути, они – невероятно могущественные, никогда не стареющие колдуны и путешественники между мирами, заботящиеся о свободном токе энергии унни.

7

Крусты – вредные древесные человечки, обитающие в Шолохе.

8

Тринап – трижды-на-пригорке – национальная шолоховская игра с кожаным мячом, лассо и битами двух типов. Играется двумя командами по восемь человек.